P. o. rel.
3424ao

Schukowskij

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. ЖУКОВСКАГО

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12)
1869

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ

ТОМЪ IV

Bayerische
Staatsbibliothek
München

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12)
1869

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

I.

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

II.

ПОСЛѢДНІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

СОБРАННЫЯ ПО СМЕРТИ АВТОРА ИЗЪ РАЗНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ И СБОРНИКОВЪ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ IV ТОМУ.

ОПЫТЫ ЮНОШЕСКИХЪ ЛѢТЪ И РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ НЕПРЕДНАЗНАЧАВШІЯСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

такъ названныя Авторомъ въ изданіи 1849 г. въ Карлсруэ, и посвященныя имъ: Князю П. А. Вяземскому и П. А. Плетневу.

стр.

Рустемъ и Зорабъ (*Вольное подражаніе Рюккерту*)

Книга I.	Рустемъ на охотѣ	1
Книга II.	Зорабъ	13
Книга III.	Хеджиръ и Гурдаферидъ	26
Книга IV.	Рустемъ и Кейкавусъ	48
Книга V.	Пиръ въ Бѣломъ замкѣ	72
Книга VI.	Зорабъ и Хеджиръ	88
Книга VII.	Рустемъ и Зорабъ. Первый бой	103
Книга VIII.	Рустемъ и Зорабъ. Второй бой	118
Книга IX.	Рустемъ и Зорабъ. Третій бой	129
Книга X.	Рустемъ	144

Сказки и повѣсти.

Сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ волкѣ	159
Тюльпанное дерево	197
Котъ въ сапогахъ	209
Маттео Фальконе. Корсиканская повѣсть (*Изъ Мериме*)	216
Двѣ повѣсти (*Изъ Шамиссо и Рюккерта*)	224
Капитанъ Боппъ	238
Выборъ креста (*Изъ Шамиссо*)	248

II.

ПОСЛѢДНІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

написанныя Авторомъ послѣ 1849 года.

стр.

Видѣніе Іоанна Богослова (*Подражаніе Апокалипсису*) 254
Агасверъ. Вѣчный жидъ 257
Розы 313
Царскосельскій лебедь 314

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

собранныя по смерти Автора изъ разныхъ журналовъ и сборниковъ и невошедшія въ послѣднее его изданіе 1849 г. въ Карлсруэ.

1805. Къ Поэзіи 319
1807. Отрывокъ изъ Делилева диѳирамба на безсмертіе души.... 321
Пѣсня (переводъ съ Французскаго) 322
Новый стихотворецъ и древность (переводъ съ Французск.). 323
Эпиграммы —
Эльмина къ портрету своей матери 326
Старикъ къ молодой и прекрасной дѣвушкѣ —
Эпитафія лирическому поэту 327
Сафина ода —
Къ Эдвину (М. П. Ю.) 328
Ссора плѣшивыхъ —
Прощанье старика 329
Старой котъ и молодой мышепокъ —
Соколъ и филомела 330
Голубка и сорока 331
Котъ и мышь 332
Мартышки и левъ 334
Цапля 336
Мартышка, показывающая китайскія тѣни 337
Каплунъ и соколъ 339
Котъ и зеркало 340

		стр.
	Похороны львицы	342
	Сурки и кротъ	344
	Орелъ и жукъ	345
	Истина и басня	347
	Орелъ и голубка	349
	Руше къ своей женѣ и дѣтямъ изъ тюрьмы, посылая къ нимъ свой портретъ (перев. съ Французскаго)	—
1808.	Стихи, сочиненные для альбома М. В. П.	350
	Къ Нинѣ (съ Англійскаго)	352
	Разстройство семейнаго согласія	353
	Плачь Людмилы	354
1810.	Баснь	355
	Надпись къ солнечнымъ часамъ въ саду И. И. Дмитріева	—
1812.	Прости	—
	Отрывокъ письма къ Ив. Ив. Дмитріеву	356
1814.	Народный гимнъ (1814 г.)	360
	Письмо къ ***	361
	Къ самому себѣ	363
	«Богатство, слава. честь безумцамъ драгоцѣнны!»	364
1815.	Совѣсть	365
	Смерть	—
	Безполезная скромность	—
	Отвѣты на вопросы въ игрѣ, называемой *Секретаръ*	366
	Мотылекъ	—
	Эпитафіи:	
	1. Хромому	367
	2. Пьяницѣ	—
	3. Завоевателямъ	—
	Желаніе и наслажденіе	368
	Къ Генералъ-Маіору Б. В. Полуектову, на выступленіе въ походъ 1815 г. 17 Февраля	369
	Къ неизвѣстной дамѣ, въ отвѣтъ на лестную отъ нея похвалу	—
	Стансы	—
	Къ Князю П. А. Вяземскому. Отвѣтъ на его посланіе къ друзьямъ	371
1816.	Стихи пѣтые на празднествѣ Англійскаго Посла Лорда Кат-	

стр.
карта, въ присутствіи Государя Императора Александра Павловича ... 375
Вольное подражаніе романсу Шатобріана: Combien j'ai douce souvenance ... 377
Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Ѳ. С...ой ... 378
1817. Въ альбомъ Княжны Щербатовой ... —
Къ портрету Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Ѳеодоровны ... 379
1818. Рыбакъ. Баллада (*Подражаніе Гёте*) ... —
Воспоминаніе ... 380
Мина (*Подражаніе Гёте*) ... 381
Пѣсня ... 382
Жалоба пастуха ... 383
«Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ!» ... 384
Новая любовь — новая жизнь ... 385
Въ альбомъ Е. Н. Карамзиной 24 Ноября 1818 г. ... 386
1821. Къ портрету Гете ... —
Князю П. А. Вяземскому ... —
1822. Къ Княгинѣ А. Ю. О..ой ... 388
1823. Ангелъ и Пѣвецъ ... 395
Отвѣтъ Князю Вяземскому на его стихи: *Воспоминаніе* ... 398
1824. Прощальная пѣснь воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ при выпускѣ 1824 года ... 399
1826. Хоръ пѣтый дѣвицами воспитанными въ Екатерининскомъ Институтѣ, на послѣднемъ экзаменѣ, при выпускѣ 1826 г. 20 Февраля ... 401
1827. Прощальная пѣснь, пѣтая воспитанницами Общества благородныхъ дѣвицъ, при выпускѣ 1827 года ... 403
Посланіе къ *** ... 405
Отрывокъ изъ письма въ Москву ... 409
Явленіе боговъ ... 410
Стихи при посылкѣ комедій, которые К*** хотѣли играть .. 411
Къ ней ... 412
На смерть чижика ... 413
Къ Графинѣ Ш...ой (послѣ ея дебюта въ роли мертвеца) . 414
Амуръ и мудрость ... 415
Письмо къ А. Л. Нарышкину ... 416

стр.
Письмо къ NN .. 418
Къ N. N. при посылкѣ портрета 419
1828. На миръ съ Персіею 420
«Едва на мигъ одинъ судьба насъ породнила» 421
Къ Эммѣ .. —
1831. Островъ .. 422
Двѣ загадки .. 423
1833. Князю Дм. Вл. Голицыну 424
1835. Д. В. Давыдову, при посылкѣ изданія: *Для немногихъ* 425
1836. Стихи въ родѣ эпилога: «Я Музу юную, бывало» 426
1838. Stabat mater .. 427
1840. Поэту Ленепсу, въ отвѣтъ на его посланіе на случай посѣщенія Сардама Е. И. В. Вел. Кн. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ .. 429
1846. Стихи вырѣзанные на гробѣ А. Д. Полторацкой 431
Въ альбомъ Екатеринѣ Александровнѣ Алябьевой, урожденной Римской-Корсаковой .. —
1847. Египетская тма (Опытъ подражанія Библейской поэзіи) 432
1848. Къ Русскому великану 435
1849. Четыре сына Франціи 436
Стихотворенія для дѣтей, посвящены Павлу и Александрѣ Жуковскимъ .. 440
1. Птичка.
2. Котикъ и козликъ.
3. Жаворонокъ.
4. Мальчикъ съ пальчикъ (Сказочка).

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ IV ТОМУ.

ОПЫТЫ ЮНОШЕСКИХЪ ЛѢТЪ АВТОРА И РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ, НЕПРЕДНАЗНАЧАВШІЯСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

стр.
1797. Майское утро .. 447
1798. Добродѣтель ... 449

		стр.
1799.	Михайлѣ Матвѣевичу Хераскову	452
1800.	Стихи на новый 1800 годъ	453
	Могущество, слава и благоденствіе Россіи	454
	Къ Тибуллу на прошедшій вѣкъ	461
1801.	Платону неподражаемому, достойно славящему Господа	463
1803.	Человѣкъ	—
	Стихи, сочиненные въ день моего рожденія къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ	467
	Миръ	469
	Добродѣтель	472
	Долбинскія стихотворенія	476
1814.	Записочка въ Москву къ тремъ сестрицамъ	—
	Росписка Маши	478
	Эпитафія Моту	—
	Грамотѣю	479
	Въ альбомъ баронессѣ Еленѣ Ивановнѣ Черкасовой	—
	Записка къ ней же	480
	Къ ней же	481
	Древніе и новые Греки	483
	Плачь о Пиндарѣ. Быль. съ Французскаго	—
1815.	1 Генваря 1815	486
	Прощаніе	488
	Въ день отъѣзда изъ Долбина	489
	Ареопагу	491
	Что такое законъ?	496
	Къ Кавелину	—
	Максимъ (Подражаніе Французской пѣснѣ)	497
1815.	Къ Боку	500
	Шуточная записка къ Н. И. Гнѣдичу	503
	Посланіе къ В. И. Ушаковой и къ Графинѣ Пр. А. Гендриковой	—

I.

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

(1841 — 1847)

такъ названныя Авторомъ въ изданіи 1849 г. въ Карлсруэ
и посвященныя имъ

КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ

ВЯЗЕМСКОМУ

И

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ПЛЕТНЕВУ.

BIBLIOTHECA REGIA MONACENSIS

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ПЕРСИДСКАЯ ПОВѢСТЬ,

заимствованная

ИЗЪ ЦАРСТВЕННОЙ КНИГИ ИРАНА

(ШАХЪ-НАМЕ́).

КНИГА ПЕРВАЯ.

РУСТЕМЪ НА ОХОТѢ.

Изъ книги царственной Ирана
Я повѣсть выпишу для васъ
О подвигахъ Рустема и Зораба.

Заря едва на небѣ занялася,
Когда Рустемъ, Ирана богатырь,
Проснулся. Вставъ съ постели, онъ сказалъ:
Мы на царя Афразіаба
Опять идемъ войною;
Мои Сабульскія дружины
Готовы; завтра поведу
Ихъ въ Истахаръ, гдѣ силы всѣ Ирана
Шахъ Кейкавусъ для грознаго набѣга
Соединилъ. Но чѣмъ же я сегодня
Себя займу? Моя рука, мой мечъ,
Могучій конь мой Громъ

Безъ дѣла; мнѣ жъ бездѣлье нестерпимо.
И на охоту собрался́
Рустемъ; себя стянулъ широкимъ кушакомъ,
Колчанъ съ стрѣлами калеными
Закинулъ за́ спину, взялъ лукъ огромный,
Кинжалъ засунулъ за кушакъ,
И Грома, сильнаго коня,
Изъ стойла вывелъ. Конь, наскучивъ
Покоемъ, бѣшено отъ радости заржалъ;
Рустемъ сѣлъ на коня и не простившись дома
Ни съ кѣмъ, ни съ матерью, ни съ братомъ,
Поѣхалъ въ путь, оборотивъ
Глаза, какъ левъ, почуявшій добычу,
Въ ту сторону, гдѣ за горами
Лежалъ Туранъ;
И, за́ горы перескакавъ, увидѣлъ
Онъ множество гуляющихъ онагрей;
Отъ радости его зардѣлись щеки;
И началъ онъ
Стрѣлами, дротикомъ, арканомъ
Съ звѣрями дикими войну;
И поваливъ ихъ болѣ десяти,
Сложилъ изъ хвороста костеръ,
Зажегъ его, потомъ, когда
Онъ въ жаркій уголь превратился,
Переломилъ большую ель,
И насадилъ
Огромнѣйшаго изъ онагрей
На этотъ вертелъ,
Который былъ въ его рукѣ,
Какъ легкая лоза, и надъ огнемъ
Сталъ поворачивать его тихонько,

Чтобъ мясо жирное со всѣхъ сторонъ
Равно обжарилось. Когда же былъ
Онагрь изжаренъ, на траву
У свѣтлаго потока сѣлъ Рустемъ,
И началъ голодъ утолять,
Свою роскошную ѣду
Водой потока запивая.
Насытившись, онъ легъ и скоро,
При говорѣ струистыхъ водъ,
Подъ вѣтвями густаго,
Широкотѣннаго чинара,
Глубокимъ сномъ заснулъ;
А конь его, могучій Громъ,
Тѣмъ временемъ, гуляя
По бархатному полю,
Травой медвяною питался.

Но вотъ, покуда спалъ
Глубокимъ сномъ Рустемъ,
А Громъ по бархатному полю
Гулялъ, травой медвяною питаясь, —
Увидя, что такой могучій конь
На пажити заповѣдной Турана
Безъ сѣдока по волѣ бродитъ,
Толпой сбѣжались Турки,
Замысля овладѣть конемъ;
Съ арканами къ нему они
Подкрались осторожно...
Но конь, арканъ почуя,
Какъ левъ, озлился,
И не заржалъ, а заревѣлъ;
И первому, кто руку на него

Осмѣлился поднять съ арканомъ,
Зубами голову отъ шеи оторвалъ,
А двухъ другихъ однимъ ударомъ
Копыта — мертвыхъ повалилъ,
Но наконецъ его
Отвсюду обступили;
И метко былъ арканъ ему на шею
Издалека́ накинутъ, и его
Опутали, и былъ онъ пересиленъ.
Но хищники, страшась, что въ ихъ рукахъ
Онъ не останется, немедленно вогнали
Его въ табунъ Туранскихъ кобылицъ,
И разомъ былъ припущенъ Громъ
Къ двѣнадцати отборнымъ кобылицамъ;
Но лишь одна изъ нихъ
Плодъ отъ него желанный принесла.

Рустемъ, проснувшись, тотчасъ о своемъ
Конѣ подумалъ; смотритъ, но коня
Нигдѣ не видитъ. Никогда
Онъ отъ него не убѣгалъ
Въ такую даль. Онъ свиснулъ, но на свистъ
Могучій не примчался конь
И не заржалъ издалека́.
Рустемъ, какъ бѣшеный, вскочилъ;
Весь лугъ широкій, вдоль и поперегъ,
Весь темный лѣсъ, кругомъ и на пролетъ,
Онъ обѣжалъ — напрасно; нѣтъ коня!
И въ горѣ возопилъ Рустемъ:
Мой вѣрный конь, мой славный Громъ,
Что безъ тебя начну я дѣлать?
Скакать, летать привыкши на тебѣ,

Пойду ль пѣшкомъ, тащась подъ грузомъ латъ
Какъ черепаха? Что же скажутъ Турки,
Не на сѣдлѣ, а подъ сѣдломъ меня увидя?
Не можетъ быть, чтобъ ты, мой Громъ, меня
Покинулъ волею; тебя украли.
Конечно хищники здѣсь цѣлымъ войскомъ
Напали на тебя; никто одинъ
Съ тобой не совладѣлъ бы. Но не время охать,
Рустемъ; иди пѣшкомъ, когда умѣлъ проспать
Коня. И, конскую съ досадой сбрую
Съ доспѣхами своими на плеча
Взваливши, онъ пошелъ, и скоро
Напалъ на свѣжій слѣдъ, и этотъ слѣдъ
Его привелъ передъ закатомъ солнца
Ко граду Семенгаму,
Который вдругъ явился вдалекѣ
Среди равнины пышной,
Сіяющій въ лучахъ зари вечерней.

Рустемъ подумалъ: въ этомъ Семенгамѣ
Владычествуетъ царь, попеременно другъ
Иль врагъ Ирана иль Турана;
Конечно онъ бы и вдали
Рустема на конѣ узналъ;
Но гдѣ мой конь? Я пѣшій
Теперь иду къ его столицѣ. Такъ и быть;
Они коня мнѣ волей иль неволей
Отыщутъ и меня почтутъ
Роскошнымъ угощеньемъ.
Такъ разсуждалъ съ собой онъ, подходя
Къ стѣнамъ высокимъ Семенгама;
А между тѣмъ изъ глазъ не выпускалъ

Слѣдовъ замѣченныхъ; но скоро
Они къ рѣкѣ приблизившись, пропали
Въ густомъ прибрежномъ камышѣ.
Тѣмъ временемъ молва достигла до царя,
Что въ Семенгамъ великій богатырь
Рустемъ идетъ, что онъ въ лѣсу царевомъ
Охотничалъ, и что утративъ
На ихъ землѣ коня, идетъ онъ пѣшій.
Услыша то, царь повелѣлъ,
Чтобъ гость великій съ почестью великой
Былъ принятъ. Всѣ его вельможи,
И всѣ вожди, и всякій, у кого
На головѣ былъ шлемъ, а съ боку мечъ,
Толпой изъ Семенгама вышли
Встрѣчать Рустема,
И витязь, витязей свѣтило,
Былъ ими окруженъ,
Какъ солнце пламеннымъ вѣнцемъ
Вечернихъ, имъ блестящихъ облаковъ;
Съ такою свитой въ городъ онъ вступилъ,
И къ царскимъ подошелъ палатамъ.
И царь сошелъ съ крыльца принять Рустема.
Онъ поклонился и сказалъ:
Откуда ты, могучій богатырь,
Безъ провожатыхъ пѣшій,
Пришелъ къ намъ? Забавлялся ль ловлей
Въ моихъ заповѣдныхъ лѣсахъ?
Ночлега ли покойнаго теперь
Здѣсь ищешь? Рады мы такому гостю;
Весь Семенгамъ теперь къ твоимъ услугамъ;
Весь мой народъ и всѣ мои богатства
Теперь твои; что повелишь,

То мы и сдѣлаемъ. Рустему
Смиренная понравилася рѣчь;
Они, подумалъ онъ,
Передо мной робѣютъ;
И онъ сказалъ: украденъ конь мой Громъ
Тогда, какъ на твоемъ лугу
Я спалъ, охотой утомленный;
Но слѣдъ его привелъ меня сюда;
Онъ здѣсь; когда его
Отыщете мнѣ къ ночи вы,
Я отплачу сторицей за услугу;
Когда жъ мой конь пропалъ,
Бѣда и вамъ и Семенгаму!
Мой мечъ прорубитъ мнѣ
Къ нему широкую дорогу.
Царь испугавшись, отвѣчалъ:
Не можетъ быть, чтобъ на коня
Рустемова кто здѣсь арканъ
Разбойничій дерзнулъ накинуть.
Будь терпѣливъ, могучій витязь,
Твой Громъ найдется; конь Рустемовъ
Укрыться отъ молвы не можетъ.
А ты пока будь нашимъ мирнымъ гостемъ;
Войди въ мой домъ, и ночь за чашей
Благоуханнаго вина
Въ весельи съ нами проведи.
Твой конь здѣсь будетъ прежде,
Чѣмъ свѣтъ зари проникнетъ въ пировую
Палату; а теперь пускай она
Однимъ виномъ освѣтится блестящимъ.

Левъ мужества, Рустемъ доволенъ былъ

Царя привѣтственною рѣчью,
И гнѣвъ заснулъ въ его груди.
Онъ во дворецъ вступилъ съ лицемъ веселымъ;
И, посадивъ его на царскомъ мѣстѣ,
Хозяинъ-царь не сѣлъ съ нимъ рядомъ;
Онъ, стоя, подчивалъ его.
Соединясь въ блестящій полукругъ,
Сановники, вожди, придворные вельможи,
Въ почтительномъ молчаньи, за царемъ
Стояли, очи устремивъ
На свѣтлое лице Рустема;
Роскошно-лакомой ѣдою
Въ серебряныхъ богатыхъ блюдахъ
Былъ столъ уставленъ;
Въ сосудахъ золотыхъ
Вино сверкало золотое,
И были хинскіе кувшины
Питьемъ благоуханнымъ полны.
При звукахъ струнъ, при сладкомъ пѣньи,
Младыя дѣвы
Съ очами нѣжными газель
Напитки гостю подносили;
И онъ въ винѣ душистомъ
Души веселье пилъ,
И было свѣтлаго лица его сіянье
Сіяньемъ радости для всѣхъ, предъ нимъ стоявшихъ.
За кубкомъ кубокъ онъ проворно осушалъ;
Когда жъ ѣдою и питьемъ
Онъ вдоволь насладился,
Его въ покой, благоухавшій мускомъ
И розовой водой опрысканный, ввели;
И на подушкахъ пуховыхъ

Подъ тонкой шелковою тканью
Въ глубокій сонъ тамъ погрузился
Рустемъ, враговъ гроза и трепетъ.

Но въ тихій полуночный часъ,
При легкомъ шорохѣ шаговъ,
Послышался рѣчей пріятный шопотъ;
По имени Рустема кто-то назвалъ;
Безъ шума отворилась дверь,
И факеловъ душистыхъ
Сіяньемъ спальня озарилась;
Рустемъ открылъ глаза:
Темина, дочь царя, владыки Семенгама,
Блистая золотомъ и жемчугами,
Стояла передъ нимъ,
Прекрасная, какъ дѣва рая;
За ней, держа въ рукахъ
Свѣтильники, стояли
Ея рабыни молодыя;
Краса живая легкой Пери
Съ краснѣющей стыдливостію дѣвы
Сливались на ея лицѣ,
Гдѣ лилій бѣлизну
Животворилъ прекрасный пурпуръ розы.
Но было на ея
Застѣнчиво потупленныя очи
Опущено рѣсницъ густое покрывало,
И за рубиновымъ замкомъ
Ея цвѣтущихъ, свѣжихъ устъ
Скрывалась дѣвственная тайна.
Рустемъ вскочилъ, нежданымъ изумленный
Видѣньемъ. Кто ты? онъ спросилъ;

За чѣмъ ко мнѣ пришла ночной порою? —
Я дочь царя, меня зовутъ Темина,
Пришелица ночная отвѣчала.
Легка я на бѣгу; ни лань, ни антилопа,
Ни быстрый вѣтеръ горный
Меня догнать не могутъ;
Но догнала меня тоска, мучитель сердца:
Она меня во тмѣ глубокой ночи
Передъ тебя, мой витязь, привела.
Какъ чудное преданье старины,
Всегда, вездѣ, отъ всѣхъ я слышу повѣсть
О храбрости твоей великой;
О томъ, какъ не страшишься ты
Ни льва, ни тигра, ни слона,
Ни крокодила, какъ всего
Ирана ты надежная твердыня,
Какъ весь Туранъ дрожитъ передъ тобою,
Какъ на Туранскую ты землю
Ночной порою выѣзжаешь,
На боевомъ своемъ конѣ,
И, обскакавъ ее и вдоль и поперегъ,
Безъ страха спишь одинъ, и какъ никто
Не смѣетъ сонъ глубокій твой нарушить,
Такую повѣсть о тебѣ
Всечасно слыша, я давно
Томилася тоской тебя увидѣть;
Теперь увидѣла, и быть твоей женой
Готова, если самъ, мой храбрый витязь,
Того потребуешь. Доселѣ
Ни тайный мѣсяца, ни яркій солнца лучъ
До моего не прикасались тѣла;
Здѣсь въ цѣломудріи, въ дѣвичьей простотѣ

Я расцвѣла; и только въ этотъ мигъ
Сказала первую любви глубокой тайну.
Возьми, возьми меня, Рустемъ;
Въ приданое твердынный этотъ замокъ
Тебѣ я принесу; а утреннимъ подаркомъ
Моимъ твой конь, твой Громъ могучій будетъ.
Такъ свѣтлоликая царевна говорила.
И витязь слушалъ со вниманьемъ,
И не сводилъ съ нея очей;
Онъ разумомъ ея высокимъ,
И голосомъ, какъ флейта сладкимъ,
И красотой полувоздушной
Во глубинѣ души плѣнялся, —
Когда жъ царевна замолчала,
Онъ повелѣлъ, чтобы немедля
Одинъ изъ многомудрыхъ
Мобедовъ царскихъ
Пошелъ къ царю и отъ Рустема
Потребовалъ согласія на бракъ
Его съ царевною Теминой.
Былъ изумленъ владыка Семенгама
Такимъ нежданымъ предложеньемъ,
И голову отъ радости высокой
Высокимъ кедромъ поднялъ;
Онъ не замедлилъ согласиться;
И тутъ же бракомъ сочетался
Рустемъ съ царевною Теминой;
Но бракъ ихъ совершенъ былъ тайно:
Страшился царь, чтобы воюя
Съ Ираномъ, въ злобѣ на Рустема,
Афразіабъ не сокрушилъ
Его столицы Семенгама.

Ночь краткая блаженства миновалась;
Настало утро. Изъ объятій
Младой супруги вырвался Рустемъ.
Онъ снялъ съ руки повязку золотую,
И, давъ ее Теминѣ,
Сказалъ: теперь намъ должно разлучиться;
Меня въ Сабулѣ ждутъ
Готовыя въ походъ мои дружины;
А ты храни мой даръ завѣтный;
И если въ этотъ годъ тебѣ родится дочь,
Укрась ее моей повязкой;
И будетъ вѣдать цѣлый міръ,
Что ей — отецъ Рустемъ.
Но если небо дастъ намъ сына,
Пусть носитъ онъ, какъ я носилъ,
Мою повязку на рукѣ;
Когда жъ онъ возмужаетъ,
Пришли его ко мнѣ въ Сабулистанъ,
Но вѣдай напередъ, что онъ
Не иначе явиться можетъ
Мнѣ на глаза, какъ ужь прославясь,
Великимъ дѣломъ богатырства;
Его неславнаго ни знать,
Ни видѣть не хочу я, —
Пускай въ толпѣ исчезнетъ,
Покрытый тьмой забвенья,
И непримѣченный отцемъ.
Не по его породѣ знаменитой,
Не по моей повязкѣ золотой
Онъ будетъ мной за сына признанъ, —
Насъ породнитъ одна лишь только слава;
Съ ея свидѣтельствомъ онъ долженъ

Мнѣ отъ тебя принесть мой даръ завѣтный;
Лишь ею онъ получитъ право
Сказать въ глаза мнѣ: я твой сынъ.
Но близко день; прости. — И онъ, къ горячей груди
Прижавъ супругу молодую,
Ее съ любовью лобызалъ
Въ ланиты, очи и уста,
И долго отъ нея не въ силахъ
Былъ оторваться. Обливаясь
Слезами, отъ него она
Пошла, и для нея, въ часъ брака овдовѣвшей,
Блаженство краткое печалью долгой стало.
Тутъ царь пришелъ спросить у зятя:
Пріятно ль онъ провелъ ту ночь?
И объявилъ, что Громъ отысканъ.
Обрадованъ той вѣстью былъ Рустемъ;
Онъ подошелъ къ коню, его погладилъ
И осѣдлалъ: потомъ изъ Семенгама
Поѣхалъ, свѣтлый, бодрый духомъ,
Сперва въ Систанъ, потомъ въ Сабулистанъ;
И много о своемъ онъ думалъ приключеньи,
Но дома никому о немъ не говорилъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ЗОРАБЪ.

Пора пришла — и у Темины
Родился сынъ, прекрасный
Какъ мѣсяцъ. Радостно и горестно его
Прижала къ сердцу мать, и со слезами
Имъ любовалась: онъ былъ вылитый Рустемъ.

Она его Зорабомъ назвала,
Его сама кормила грудью,
О немъ и день и ночь пеклася.
И дивное созданье былъ Зорабъ:
Онъ родился съ улыбкой на устахъ;
Ни отъ чего и никогда не плакалъ; росъ такъ чудно,
Что въ первый мѣсяцъ ужь казался годовымъ;
Трехъ лѣтъ скакалъ отважно на конѣ;
Шести лѣтъ былъ могучъ, какъ левъ;
Когда жъ ему двѣнадцать лѣтъ свершилось,
Никто не могъ съ нимъ сладить; ростомъ былъ
Онъ великанъ, и все блистало
Въ немъ мужествомъ и красотою:
Глубокотемные глаза,
Румянецъ пламенный на свѣжихъ
Щекахъ, широкія плеча, крутая грудь,
Желѣзножилистыя руки,
И ноги, крѣпкія какъ кедры.
Бороться ль кто съ нимъ покушался —
Его онъ вмигъ сгибалъ въ дугу;
На львиную ль охоту выходилъ —
Со львомъ онъ ладилъ, какъ съ лисицей;
Шаталъ ли дубъ иль кедръ —
Въ его рукахъ они, какъ хлыстья, гнулись;
Гнался ли за конемъ — его
Догнавъ, хваталъ за гриву,
И падалъ на колѣна конь.
Таковъ былъ въ отроческихъ лѣтахъ
Зорабъ, достойный сынъ Рустема.

Однажды къ матери приходитъ отрокъ,
И такъ ей дерзко говоритъ:

На сверстниковъ своихъ гляжу я свысока;
Никто изъ нихъ передо мною
Поднять не смѣетъ головы;
Но никому изъ нихъ досель не могъ я
Отвѣтствовать, когда онъ знать хотѣлъ,
Кто мой отецъ. Скажи же: кто отецъ мой?
Когда не скажешь, на себя
Я руку наложу,
Да и тебѣ добра не будетъ. —
Темина съ гордостью и страхомъ отвѣчала:
Мой сынъ, твое рожденье
Донынѣ было тайной;
Теперь узнай: ты сынъ Рустема;
Ты дѣдовъ знаменитый внукъ;
И нѣтъ земныхъ величій,
Которыхъ бы отецъ твой не затмилъ
Сіяньемъ дѣлъ своихъ великихъ.
Возьми теперь повязку эту;
Носи ее и береги,
Какъ свѣтъ своихъ очей: ее мнѣ далъ
Отецъ твой на прощаньи.
Когда къ нему дойдетъ молва,
Что ты достоинъ быть имъ призванъ,
Онъ позоветъ тебя въ Иранъ,
И по своей повязкѣ тамъ узнаетъ.
Но вѣдай напередъ, Зорабъ,
Что на глаза ему явиться
Не иначе ты можешь, какъ прославясь
Великимъ дѣломъ богатырства;
Тебя неславнаго ни знать,
Ни видѣть твой отецъ не хочетъ;
Не по своей породѣ знаменитой,

Не по его повязкѣ золотой
Ты будешь имъ за сына признанъ:
Васъ породнитъ одна лишь только слава;
Съ ея свидѣтельствомъ ты долженъ отъ меня
Принесть отцу его залогъ завѣтный,
Лишь ею ты получишь право
Сказать въ лице Рустему: я твой сынъ.
Гордися жъ, другъ, своей породой славной,
Но до поры храни о ней молчанье.

На то Зорабъ ей далъ такой отвѣтъ:
Кто скроетъ въ небесахъ
Сіяющее солнце?
Кто скроетъ на землѣ
Своей породы славу?
Зачѣмъ о ней такъ поздно свѣдалъ я?
До сихъ поръ ежечасно
И встрѣчный мнѣ и поперечный,
И старики и молодые
Твердили о Рустемѣ —
Кто исполина одолѣлъ?
Кто замокъ раззорилъ волшебный?
Кто войско разогналъ одинъ?
На каждый мнѣ такой вопросъ
Все тотъ же былъ отвѣтъ: Рустемъ.
Во мнѣ отъ изумленья
И ревности кипѣло сердце;
А онъ былъ мой отецъ, и я о томъ не вѣдалъ.
Но знай теперь: изъ Семенгама
И изъ Туранскихъ областей
Храбрѣйшихъ вызвать я намѣренъ:
И мы пойдемъ войною на Иранъ;

И битва будетъ тамъ такая,
Что пылью мѣсяцъ въ высотѣ
Задернется, какъ темной тучей;
Съ Иранскаго престола
Сгоню я шаха Кейкавуса,
И подарю Иранъ Рустему;
Потомъ пойду войною на Туранъ,
И будешь ты царицею Турана.
Такъ онъ сказалъ, и гордо удалился.
И никому онъ своего
Рожденья не открылъ:
Невѣдомая сила
Ему уста сжимала всякой разъ,
Когда была готова
Слетѣть съ нихъ тайна роковая;
Какъ будто самъ отецъ ему шепталъ:
«Лишь славой ты получишь право
«Сказать въ лице мнѣ: я твой сынъ.»

И скоро, къ матери опять пришедши,
Сказалъ Зорабъ: я самъ готовъ,
Но у меня коня нѣтъ боеваго;
Мнѣ нуженъ конь, со мною равный силой,
Такой, чтобъ камни могъ однимъ ударомъ
Копыта — въ крошки разбивать,
Чтобъ былъ могучь, какъ слонъ, легокъ, какъ птица,
Чтобы въ водѣ проворной рыбой плавалъ
И серной прыгалъ по горамъ,
Чтобъ и коня и сѣдока
Могъ опрокидывать напоромъ крѣпкой груди,
И чтобъ, сидя на немъ,
Я не лицемъ къ лицу,

А свысока смотрѣлъ въ глаза врагу.
При этомъ словѣ радостная гордость
Зажглася въ материнскомъ сердцѣ;
Она немедленно велѣла
Пригнать изъ табуновъ Турана
Коней отборнѣйшихъ, чтобъ могъ Зорабъ
Найти желаннаго межъ ними....
И было пригнано ихъ много;
И всѣхъ ихъ нá полѣ широкомъ
Передъ стѣнами Семенгама
Свели въ одинъ безчисленный табунъ;
Всѣ были дикіе, какъ вихри,
И началъ ихъ Зорабъ перебирать:
Онъ каждаго, который межъ другими
Казался легче и сильнѣй,
Къ себѣ притягивалъ арканомъ,
И на спину ему клалъ руку — и однимъ
Руки желѣзныя давленьемъ
Былъ каждый вмигъ къ землѣ притиснутъ;
И въ цѣломъ табунѣ Зорабъ
Ни одного не выбралъ по желанью.

Тутъ подошелъ къ Зорабу старый витязь
И такъ сказалъ: я дамъ тебѣ коня,
Какого не бывало
До сей поры нигдѣ.
Онъ родился отъ Грома,
Коня Рустемова; какъ буря, силенъ;
Какъ молнія — летучъ;
Нѣтъ на него ни зноя, ни мороза;
Широкій долъ, высокій холмъ
Онъ тѣнью облака перебѣгаетъ;

Безкрылой птицею по воздуху летитъ;
Въ стыдѣ павлинъ сжимаетъ пышный хвостъ,
Когда густую онъ разбрасываетъ гриву;
Онъ прыткій левъ — когда на круть бѣжитъ;
Онъ сильный китъ — когда въ водѣ плыветъ;
Ѣздокъ, пустивъ стрѣлу, своей стрѣлы скорѣе
На немъ домчится до врага;
Его жъ бѣгущаго быстрѣйшей
Стрѣлою не догонитъ врагъ;
Онъ чудо-конь; но есть въ немъ и великій
Порокъ: онъ въ руки не дается.
Кому жъ его удастся укротить,
Тотъ выѣзжай на немъ хоть на Рустема.
Такой находкою нежданой
Обрадованъ Зорабъ былъ несказанно.
Скорѣй, скорѣй, — онъ закричалъ — ведите
Ко мнѣ коня. И конь былъ приведенъ.
Ему Зорабъ давнулъ рукою спину,
И грянулъ въ голову его
Своимъ тяжелымъ кулакомъ —
Могучій конь не пошатнулся,
Лишь шею вытянувъ, сверкнулъ
Глазами, прянулъ на дыбы,
И такъ заржалъ,
Что съ нимъ окрестность вся заржала.
Зорабъ сталъ гладить и трепать
Его какъ шелкъ блистающую спину, —
И конь недвижимо стоялъ,
Лишь окомъ огненнымъ на витязя косился.
И на него вскочилъ Зорабъ.
И конь, легчайшему узды его движенью
Покорный, вихремъ полетѣлъ;

Зорабъ же на его спинѣ сидѣлъ такъ крѣпко,
Какъ на конѣ сидитъ желѣзномъ
Съ нимъ вмѣстѣ вылитый желѣзный истуканъ.
Конь наконецъ подъ сильнымъ сѣдокомъ
Усталъ; его дымились ноздри,
Съ него катился пѣнный потъ.
Тогда Зорабъ сказалъ ему, разгладивъ
Его разбросанную гриву:
Мой добрый конь, теперь намъ міръ открытъ:
Теперь не будетъ стыдно
И на глаза Рустему намъ явиться.

И сталъ Зорабъ къ войнѣ съ Ираномъ снаряжаться.
Когда жъ о томъ провѣдали въ Туранѣ,
Безчисленно къ нему сходиться стали
Охотники; для нихъ его желанье было,
Какъ солнечный восходъ для темной ночи:
Давно Туранъ не враждовалъ съ Ираномъ,
Давно для всѣхъ мученьемъ былъ покой
И всѣ кипѣли жаркой жаждой
Войны, побѣды и добычи;
Изъ пепла вдругъ великій вспыхнулъ пламень.
Зорабъ приходитъ къ дѣду своему,
И говоритъ: есть люди у меня —
Но нѣтъ у нихъ оружій;
Коня я добраго нашелъ —
Мои же люди всѣ безконны;
Идти въ походъ готовы мы —
Но вьючныхъ нѣтъ у насъ верблюдовъ,
Чтобъ тяжкій грузъ нести за нами;
Хотимъ мы сытно ѣсть и пить
Въ досужное отъ боя время, —

Но нѣтъ у насъ запаса пищи;
Благоволи твои намъ отпереть
Конюшни, хлѣбные амбары,
И оружейную палату, гдѣ напрасно
Съѣдаетъ ржа мечи и брони;
И дѣду старому по сердцу
Была такая рѣчь отъ внука;
Охолодѣвшая въ немъ кровь разгорячилась,
И онъ сказалъ съ усмѣшкой про себя:
Необычайный выбралъ способъ
Отца отыскивать мой внукъ:
Его онъ взять намѣренъ съ боя!
И всѣмъ снабдить Зораба царь спѣшитъ:
Амбары хлѣбные отворены;
Для ратниковъ верблюдовъ и коней
Запасъ пшена, ячменя и овса
Огромный собранъ; дѣдъ не поскупился также
Своей серебряной и золотой казною
Со внукомъ подѣлиться;
И оружейную палату отперъ онъ,
И далъ на волю брать оттуда
Мечи, кольчуги, шлемы,
Стрѣлами полные колчаны,
Тугіе луки, топоры,
Въ серебряной оправѣ ятаганы,
Кривыя сабли съ золотой насѣчкой,
И палицы съ желѣзными шипами,
И копья длинныя съ булатнымъ остріемъ.
Сподвижникамъ раздавъ доспѣхи и казну,
Зорабъ сказалъ: вотъ все, что я теперь имѣю;
Чего же не достанетъ,
То мы дополнимъ скоро

Добычей боевою;
Когда возмемъ Иранъ,
Я всѣхъ васъ съ ногъ до головы
Иранскимъ золотомъ и серебромъ осыплю.

Турана царь Афразіабъ
Услышалъ, что съ гнѣзда слетѣлъ орленокъ смѣлый,
Что отроку-богатырю наскучилъ
Покой безпечный дѣтскихъ лѣтъ,
Что первый пухъ едва пробился
На подбородкѣ у него —
А ужь ему въ пространномъ мірѣ тѣсно;
Что молоко обсохнуть не успѣло
На молодыхъ его губахъ —
А ужь на нихъ звучитъ, какъ въ небѣ громъ,
Тревожный крикъ, зовущій на войну;
Что онъ замыслилъ Кейкавусовъ
Тронъ опрокинуть и Иранъ
Своимъ толпамъ предать на разграбленье;
Что стоило ему ногой лишь въ землю топнуть,
И изъ земли вдругъ выскочило войско;
Что наконецъ молва есть, будто онъ
Рустемовъ сынъ, и будто отъ коня
Рустемова и конь его родился.
Афразіабъ, Турана царь, бровей
Отъ этихъ слуховъ не нахмурилъ;
Онъ долго самъ съ собою размышлялъ,
И, размышляя, улыбался:
И напослѣдокъ повелѣлъ,
Чтобъ Баруманъ, его верховный вождь,
Къ нему явился. Баруману
Онъ такъ сказалъ: возми двѣнадцать тысячъ

Отборныхъ ратниковъ моихъ,
И отведи ихъ въ Семенгамъ къ Зорабу.
Но слушай: (что жъ услышишь,
То пусть въ твоей душѣ, какъ мертвый трупъ
Во гробѣ, тайное лежитъ)
Отдавъ ему мое письмо,
Его увѣрь, что съ нимъ Афразіабъ
На жизнь и смерть въ союзъ вступаетъ;
Раздуй въ немъ пламень боя,
Чтобъ бѣшено, какъ левъ голодный,
Онъ устремился на Иранъ:
Но берегись — отнюдь не допускай
Его увидѣться съ Рустемомъ;
Чтобы никто и имени Рустема
При немъ не смѣлъ произнести.
Не знаю я, отецъ ли
Ему Рустемъ иль нѣтъ, но оба
Они мнѣ злѣйшіе враги;
И ихъ стравить намъ должно, какъ звѣрей.
Легко случиться можетъ,
Что грозный, устарѣлый левъ
Подъ сильной лапой молодаго,
Растерзанный, издохнетъ, —
Тогда Иранъ смирится передъ нами,
И Кейкавусъ не усидитъ на тронѣ;
Тогда найдемъ мы средство и Зорабу
Зажать гзаза, чтобъ пересталъ
Онъ съ жадностью звѣриной
Смотрѣть на царскіе престолы.
Извѣстно мнѣ: ему Ирана мало;
И на Туранъ свои остритъ онъ когти. . . .
И если подлинно онъ сынъ Рустема,

То пусть волченокъ молодой
Заѣденъ будетъ старымъ волкомъ;
Тогда и старый пропадетъ,
Какъ пропадаетъ, изсыхая
И тяжкимъ иломъ застилаясь,
Вода въ степномъ, оставленномъ колодцѣ.
Такъ говорилъ Афразіабъ;
Потомъ онъ Баруману
Вручилъ письмо къ Зорабу,
Предательской исполненное лестью.
Но то письмо не съ легкимъ сердцемъ,
А съ тяжкимъ горемъ принялъ Баруманъ:
Не славы, а безславья ждалъ
Онъ отъ войны, въ которой принужденъ
Былъ сына храбраго на храбраго отца
Обманомъ хитрымъ наводить,
Чтобъ разомъ погубить обоихъ.

Когда узналъ Зорабъ, что Баруманъ,
Къ нему, съ письмомъ, съ дарами, съ войскомъ,
Афразіабомъ посланный, идетъ,
Номедленно, вооружась,
Къ нему онъ выѣхалъ на встрѣчу.
Какъ удивился витязь молодой,
Когда такое множество народа,
Оружіемъ блестящаго, увидѣлъ!
Какъ удивился Баруманъ,
Когда предсталъ глазамъ его такой
Красавецъ съ ростомъ великана,
Съ весенней свѣжестью младенца,
Съ горячимъ юноши кипѣньемъ,
Съ желѣзной твердостію мужа!

Онъ на него внимательно смотрѣлъ,
Онъ изумленъ былъ несказанно,
Онъ чувствовалъ невольный трепетъ;
Въ немъ громко вопіяла жалость
При видѣ красоты, столь бодрой и цвѣтущей....
И про себя подумалъ старый витязь:
О ты, прекрасная звѣзда,
Тебѣ сіять бы въ чистомъ небѣ,
Не заходя, не померкая;
Достоинъ ты, мой свѣтлый воинъ,
Чтобъ былъ орлиный твой полетъ
Совѣтомъ мудрости направленъ,
А не предательствомъ змѣинымъ.
И, подошедъ къ Зорабу, онъ вручилъ
Ему письмо Афразіаба.
Прочтя письмо, Зорабъ поспѣшно сóбралъ
Свои Туранскія дружины,
И, Баруману повелѣвъ
Для отдыха остаться
Дня на два въ Семенгамѣ,
Простился съ матерью и съ дѣдомъ,
И поскакалъ, воскликнувъ громозвучно:
Туранъ, за мной! При этомъ кликѣ
Всё разомъ всколебалось,
Знамена развернулись,
Задребезжали трубы,
Тимпаны загремѣли,
Заржали грозно кóни,
Пошли впередъ дружины:
И быстро полилась война
Съ убійствомъ, грабежемъ, пожаромъ,
На мирныя поля Ирана.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ХЕДЖИРЪ И ГУРДАФЕРИДЪ.

На самомъ рубежѣ Ирана
Стояла крѣпость *Бѣлый Замокъ*;
Она Иранъ хранила отъ набѣговъ
Сосѣдняго врага,
И ею два повелѣвали
Вождя; одинъ изъ тѣхъ вождей
Былъ старый Гездехéмъ,
Правитель опытно-разумный,
Другой Хеджиръ, наѣздникъ молодой,
Рачитель дѣла боеваго.
И съ Гездехемомъ находилась въ замкѣ
Его младая дочь,
По имени Гурдаферидъ,
Что значитъ: *витязь безъ порока*;
И на такое имя
Она имѣла право:
Прекрасная, какъ дѣвственная Пери,
Она была сильна, какъ богатырь;
Хеджиръ напрасно
Ей рыцарствомъ понравиться хотѣлъ —
Она ему ристаньемъ на конѣ,
И мѣткою стрѣльбой изъ лука,
И ловкостью владѣть мечемъ
Была ровна; а мужественнымъ дѣломъ
Противъ врага предъ нею отличиться
Не могъ онъ — не было врага.
Но вдругъ съ высокой башни замка
Увидѣли на краѣ небосклона
Идущее въ густой пыли, какъ въ дымѣ

Великаго пожара,
Туранское безчисленное войско.
Затрепеталъ отъ радости Хеджиръ.
Двойная будетъ мнѣ побѣда,
Подумалъ онъ: одна — тамъ въ полѣ надъ врагомъ,
Другая — здѣсь, надъ дѣвою надменной.
И онъ, надѣвъ свои доспѣхи,
Несется быстро на конѣ,
Любовію и мужествомъ стремимый,
На подходящія Туранскія дружины;
И вслѣдъ за нимъ съ ограды замка
Завистливымъ стремится окомъ
Звѣзда красы Гурдаферидъ.

И быстро подскакавъ къ Туранскимъ
Дружинамъ, грозно закричалъ
Хеджиръ имъ: кто вы? Кто изъ васъ
Храбрѣйшій? Пусть отвѣдаетъ со мною
Меча, копья иль булавы;
Онъ будетъ нынче же съ высокой
Ограды замка моего
Своей отрубленною головою
На всѣхъ васъ ужасъ наводить.
На этотъ вызовъ ни одинъ изъ Турковъ
Не отвѣчалъ: никто изъ нихъ не смѣлъ
На рубежѣ Ирана первый
Въ сраженье выступить. Увидя,
Что всѣ его сподвижники робѣютъ,
Зорабъ разгнѣванный схватилъ
Свой мечъ и поскакалъ
Одинъ за всѣхъ на смертный поединокъ.
Какъ тигръ изъ камышей прибрежныхъ,

Такъ изъ густой толпы своихъ онъ прянулъ,
И закричалъ Хеджиру: выходи!
Твои слова хвастливыя нестрашны;
Не на лисицъ ты выѣхалъ, на львовъ;
Знать хочешь: кто мы, и зачѣмъ
Пришли въ Иранъ? Узнай же: я Зорабъ,
Сынъ царской дочери Темины
И многославнаго Рустема;
Пришелъ въ Иранъ знакомиться съ отцемъ;
По славѣ дѣлъ Рустемъ узнаетъ сына.
Теперь скажи мнѣ, кто ты самъ?
Но вѣдать напередъ ты долженъ,
Что въ замокъ свой ужь ты не возвратишься:
Тебя оплачетъ скоро мать,
Или жена, или невѣста.

Не хвастай, подождемъ конца, —
Хеджиръ отвѣтствовалъ Зорабу, —
Мое ты спрашиваешь имя? Я
Хеджиръ; повелѣваю Бѣлымъ Замкомъ,
И мнѣ товарищъ мудрый Гездехе́мъ.
А ты смотри, тамъ въ высотѣ
Два черныхъ ворона кружатся;
Они почуяли добычу,
И будетъ имъ добыча!
Тобой насытивъ жадный голодъ,
На сѣверъ полетитъ одинъ,
На полдень полетитъ другой,
На сѣверъ къ твоему отцу,
На полдень къ матери твоей,
И имъ они за угощенье
Свое прокаркаютъ спасибо;

Не догадается отецъ,
А мать начнетъ рыдать и плакать;
А обо мнѣ моя невѣста
Не будетъ ни рыдать, ни плакать;
На насъ теперь съ ограды замка
Она глядитъ; моя побѣда
Ей славой и утѣхой будетъ.
Такъ говоря, на Бѣлый Замокъ
Хеджиръ Зорабу указалъ:
Звѣздою утренней прекрасной
Сіяла тамъ Гурдаферидъ;
Хеджиръ, обманутый любовью,
Подумалъ, что ему она
Издалека привѣтно улыбалась,
И онъ на мигъ забылъ о поединкѣ;
Зорабъ, красавицу, какой никто подобной
Не видывалъ, увидя, обомлѣлъ,
И вся душа въ немъ закипѣла;
И онъ подумалъ: если въ Бѣломъ Замкѣ
Сокровище такое бережется,
То взять его во что бы то ни стало;
А ты, женихъ, простись съ своей невѣстой,
Ее теперь ты съ жизнью мнѣ уступишь.

Опомнясь, другъ на друга очи
Соперники оборотили,
Схватились бѣшено за копья,
И, разскакавшись, съ быстротою
Двухъ страшныхъ молній — полетѣли
Одинъ противъ другаго. Острый
Конецъ копья Хеджиръ направилъ
На грудь Зораба, чтобъ ее

Насквозь имъ проколоть;
Но остріе переломилось,
Ударясь въ твердую кольчугу;
Зорабъ не пошатнулся.
Тогда, свое копье
Тупымъ концемъ оборотивъ,
Его онъ, какъ рычагъ,
Между конемъ и всадникомъ просунулъ,
Имъ сильно двинулъ — и Хеджиръ,
Вдругъ сорванный съ сѣдла, былъ взброшенъ
На воздухъ, грянулся на землю,
Какъ камень, и паденьемъ былъ
Такъ сильно оглушенъ,
Что на землѣ, какъ мертвый,
Лежалъ недвижимо, утративъ
Изъ памяти и бой и замокъ и Зораба
И самое Гурдаферидъ.
Зорабъ скочилъ съ коня и обнажилъ
Свою кривую саблю,
Чтобъ голову отсѣчь врагу;
Но тотъ, опомнясь, приподнялся,
И, на́ руку опершись слабо,
Къ сопернику другую протянулъ,
И такъ сказалъ:
Будь жалостливъ, не убивай;
Ужь я убитъ довольно
Стыдомъ, которымъ ты меня
Сразилъ передъ стѣнами замка,
Какъ будетъ надъ моимъ паденьемъ
Надменная торжествовать!
Вотъ смерть моя; тебѣ не нужно
Своею саблей отсѣкать

Мнѣ голову — ты жизнь мою пресѣкъ;
Гурдаферидъ ужь болѣ не моя;
Отнынѣ ты мой повелитель.

Умолкнувъ, ждалъ онъ жизни или смерти.
Но билось кроткое въ груди Зораба сердце:
Молящаго о милости врага
Онъ былъ не въ силахъ умертвить;
И онъ подумалъ: этотъ плѣнникъ
Мнѣ плѣнниковъ другихъ добыть поможетъ;
Онъ въ замокъ мнѣ отворитъ входъ;
Укажетъ въ полѣ мнѣ Рустема.
И онъ, связавъ Хеджира,
Его съ собой повелъ въ Туранскій станъ,
Куда въ тотъ самый часъ вводилъ
Свои дружины Баруманъ,
Поспѣшно вышедшій изъ Семенгама,
Чтобъ волю Шаха исполняя,
Не выпускать изъ глазъ Зораба.
И первой встрѣчей Баруману
Былъ схваченный Хеджиръ; при видѣ
Огромности и крѣпости врага,
Обрадованъ и изумленъ
Былъ несказанно старый воинъ;
Но онъ глаза потупилъ въ землю,
Почувствовавъ и стыдъ и угрызенье
При мысли, что назначенъ былъ
Прекрасной доблести такой
Предательствомъ готовить гибель.
А между тѣмъ, при громкихъ кликахъ
Всего собравшагося войска,
Которое, увидя, какъ могучъ

Былъ витязь побѣжденный,
Съ рукоплесканіемъ встрѣчало
Побѣдоносца молодаго,
Зорабъ задумчиво-безмолвный
На боевомъ своемъ конѣ,
Не слыша плесковъ, ѣхалъ шагомъ:
Онъ думалъ объ отцѣ Рустемѣ,
Онъ думалъ о чудесной дѣвѣ,
Онъ думалъ сладостно о многомъ, многомъ,
Чего ему не назначало небо.

Турецкій станъ былъ полонъ ликованья,
А въ Бѣломъ Замкѣ вопли раздавались:
Одна Гурдаферидъ безмолвно
Стояла на стѣнѣ высокой;
Она съ прискорбіемъ смотрѣла
На мѣсто, гдѣ Иранскій витязь
Былъ осрамленъ копьемъ Турана.
О стыдъ! воскликнула она,
Хеджиръ, ты мнилъ быть твердымъ мужемъ —
И первый встрѣчный сбилъ тебя съ сѣдла;
Конечно своего копья
Не отточилъ ты, своему
Коню подпругъ не подтянулъ.
Могла довольно бы теперь
Я надъ тобою посмѣяться;
Но вытерпѣть я не могу,
Чтобъ врагъ смѣялся надъ тобою.
Не допущу хвалиться Турку,
Что былъ имъ съ одного удара
Нашъ первый витязь опрокинутъ.
За женщинъ онъ сочтетъ мужей Ирана —

Пускай же въ женщинѣ теперь узнаетъ мужа!
Я видѣла отсюда,
Какъ улетѣлъ онъ съ мѣста боеваго,
Побѣдой свѣтелъ, красотою
Свѣтлѣе утренней звѣзды;
На замокъ онъ плѣнительнымъ лицомъ
Оборотился; на меня
Орлиными глазами посмотрѣлъ . . .
Хочу я знать, таковъ ли онъ вблизи,
Какимъ вдали мнѣ показался.
И со стѣны Гурдаферидъ
Сошла поспѣшнымъ шагомъ,
И выбрала въ отцовой оружейной
Доспѣхи; локоны густые
Покрыла крѣпкимъ шлемомъ,
Индѣйское забрало на лицо
Надвинула, свой стройный станъ
Перетянула кушакомъ,
И, съ головы до ногъ
Вооруженная, вскочила
На легкаго коня,
И, не простясь съ отцомъ,
Изъ замка въ поле поскакала.

Съ копьемъ въ рукѣ наѣздница младая,
Передъ Туранскій станъ примчавшись,
Воскликнула: пришельцы, кто вы?
Кто вождь вашъ? Я хочу отмстить
За обезславленнаго друга;
Я въ бой зову того, кто въ плѣнъ увелъ Хеджира;
А если онъ робѣетъ, пусть выходятъ
Другіе за него. Туранъ, не думай,

Что, одолѣвъ случайно одного,
Ужь всѣхъ онъ одолѣлъ въ Иранѣ.
Сюда, обидчикъ нашей чести!
Своею кровью обагрянить
Ты долженъ блѣдный стыдъ Хеджира;
Я жду тебя. — Услышанъ былъ
Въ Туранскомъ станѣ вызовъ гордый,
И кинулись охотники толпою
Къ конямъ; но ихъ Зорабъ предупредилъ;
Онъ, выскававъ впередъ, воскликнулъ:
Не трогайся никто; я началъ, я и кончу.
И быстро онъ впередъ помчался
При кликахъ громозвучныхъ стана.
На выстрѣлъ изъ лука приблизясь
Къ противнику, Зорабъ остановился,
И взоръ на крѣпость устремилъ:
Онъ уповалъ, что дѣву замка
Опять увидитъ на оградѣ;
Но онъ ошибся, на оградѣ
Ея ужь не было — она
Стояла передъ нимъ,
И онъ того не вѣдалъ.
Гурдаферидъ, его вблизи увидя,
Подумала: мой врагъ опасенъ;
Онъ сильнаго Хеджира одолѣлъ.
И на своемъ конѣ летучемъ
Она кружить проворно начала,
Соперника маня и раздражая,
Она предъ нимъ, какъ ласточка, летала,
Была и тамъ и тутъ и всюду и нигдѣ;
А той порою съ тетивы
Ея тугаго лука

Стрѣла слетала за стрѣлою,
И ими былъ весь твердый панцырь
Зорабовъ изцарапанъ,
И много ихъ въ щитѣ его торчало.
Съ усмѣшкой онъ ихъ стряхивалъ на землю;
Но, мнилось, былъ неистощимъ
Колчанъ наѣздницы; какъ частый дождикъ,
Ея лилися стрѣлы;
И наконецъ Зорабъ, терпѣнье потерявъ
Воскликнулъ: скоро ль дѣтскую игрушку
Оставишь ты? Пора приняться намъ
За мужеское дѣло.
Я вижу, что своимъ досугомъ
Умѣли вы воспользоваться, Персы;
Остро́ свои вы стрѣлы наточили —
Но объ Туранскій крѣпкій панцырь
Ломается ихъ остріе.
Оставь же, другъ, напрасную заботу —
Изъ своего улья довольно
Ты пчелокъ выслалъ на меня,
Но меду здѣсь онѣ не соберутъ;
Убить своей стрѣлой ты можешь
Лѣсную пташку, много — цаплю;
Но грифа сильнаго тебѣ не застрѣлить,
И такъ уймись, и если ты
Не женщина, то подъѣзжай,
И бейся мужески со мною.

При этомъ вызовѣ черезъ плечо
Закинула свой лукъ Гурдаферидъ,
И поскакала на Зораба
Съ направленнымъ на грудь его копьемъ;

Не дѣвичій ударъ почувствовалъ бы витязь,
Когда бъ съ конемъ не отшатнулся —
Копье пронзило воздухъ.
Тогда, свое копье оборотивъ,
Зорабъ его тупой конецъ
(Къ которому привинченъ
Былъ крѣпкій крюкъ желѣзный)
За поясъ всадницы проворно запустилъ,
И вмигъ, какъ легкій пухъ,
Она слетѣла бы съ сѣдла,
Когда бы выхватить свой мечъ
И имъ перерубить копье
Однимъ ударомъ не успѣла;
И снова на сѣдло упала
Она такъ плотно, что съ него
Взвилась густая пыль: тутъ поняла
Гурдаферидъ, что не по силѣ ей
Соперникъ; стиснула колѣнами коня,
И поскакала къ замку.
Зорабъ за ней; ужь былъ онъ близко;
Ужь слышала Гурдафаридъ
Вблизи коня желѣзный топотъ,
Ужь обдавало ей плеча
Его горячее дыханье;
Тутъ вдругъ она оборотилась,
И сбросила съ прекрасной головы
Желѣзный шлемъ,
Въ недеждѣ побѣдить вѣрнѣе
Не силой мужеской меча,
А дѣвственнымъ волшебствомъ красоты.
И на лице ея волнами
Густыя полилися кудри;

Зорабъ остолбенѣлъ, узнавъ въ ней дѣву замка:
И онъ воскликнулъ: трудно жъ будетъ намъ
Одолѣвать мужей Ирана,
Когда Иранскія такъ мужественны дѣвы.
Зачѣмъ, красавица, ты выѣхала въ поле?
Со мною ль биться, за Хеджира ль
Мнѣ отомстить хотѣла?
И что тебя, любовь иль жажда славы,
Изъ замка выйти побудило?
Прекрасною звѣздой небесъ
Издалека ты мнѣ явилась —
Теперь тебя увидѣлъ я вблизи,
И знаю, что краса
Небесныхъ звѣздъ ничто передъ твоею,
Но я тебя не выпущу изъ рукъ;
Ни одному ловцу еще такая
Добыча въ сѣти не давалась;
Ты отъ меня не убѣжишь;
При этомъ словѣ бросилъ онъ
Арканъ, и вмигъ была Гурдаферидъ
Опутана могучей петлей.
Увидя, что къ спасенью
Ей средства нѣтъ, красавица прибѣгла
Къ коварству женскому; чтобъ самого
Плѣнителя плѣнить, она
Приподняла свои густые кудри,
И мѣсяцъ свѣтлаго лица
Отъ черной ихъ освободила тучи.
Оборотясь съ улыбкой на Зораба,
Она сказала голосомъ волшебнымъ
Ты, витязь смѣлый, столь же сильный
Между людьми, какъ левъ между звѣрями.

Не жажда славы,
И не любовь къ Хеджиру (что Хеджиръ
Передъ тобой!) меня изъ замка
Къ тебѣ на встрѣчу привели.
Издалека тебя увидя
Столь мужески прекраснымъ.
Хотѣла я узнать, таковъ ли
Ты и вблизи — меня не обманули
Мои глаза; но въ мысли не входило
Мнѣ никогда, чтобъ могъ въ Туранѣ
Такой какъ ты родиться витязь;
Иди же смѣло на Иранъ!
Ты тамъ плѣнишь
Не дѣвъ однихъ, но и мужей могучихъ;
А если самъ, какъ я, того желаешь,
Чтобъ былъ между тобой и мною
Союзъ любви, то напередъ
Мнѣ возврати мою свободу.
Такъ сладостнымъ напиткомъ льстивой рѣчи
Коварная хотѣла упоить
Зораба. Онъ, почти ужь охмѣленный,
Спросилъ: но что же будетъ,
Красавица, порукой за тебя,
Когда тебѣ отдамъ твою свободу? —
Мое святое слово
И имя чистое мое:
Меня зовутъ Гурдаферидъ;
А мой родитель Гездехемъ
Повелѣваетъ Бѣлымъ Замкомъ;
Я обѣщаюсь, если самъ
Того желаешь ты, и если
Согласенъ будетъ Гездехемъ,

А онъ согласенъ будетъ вѣрно),
Тебѣ отдать и замокъ и себя.
Ступай же нá гору за мною;
Ключь отъ воротъ я вынесть не замедлю;
Но прежде требую свободы.
И съ этимъ словомъ на Зораба
Она такъ нѣжно, сладко поглядѣла,
Что въ этомъ взглядѣ мигомъ на него
Съ нея перелетѣла петля.
Довѣрчиво онъ снялъ съ нея арканъ;
Она ударила коня
И поскакала къ замку;
За нею поскакалъ Зорабъ.
Тѣмъ временемъ, встревоженный, печальный,
Стоялъ вь воротахъ Гездехéмъ;
Онъ въ поле съ ужасомъ смотрѣлъ,
И ждалъ, какой возметъ конецъ
Безумно-бѣшеное дѣло
Безстрашной дочери его.
Онъ, раздраженный, осыпалъ
Ее упреками, но въ сердцѣ
Ея отважностью гордился.
Вдругъ шумъ послышался — онъ смотритъ,
И видитъ: скачетъ къ воротамъ
Гурдаферидъ, и вслѣдъ за нею,
Отставъ немного, скачетъ витязь,
Хеджира въ полѣ одолѣвшій.
Вмигъ полворотъ онъ отворилъ;
Она въ нихъ молніей вскользнула;
Растворы схлопнулись, — одинъ
Зорабъ остался передъ замкомъ
Въ сіяньи вечера багрянομъ.

И ждалъ Зорабъ, что дѣва замка
Свое святое сдержитъ слово —
Напрасно! Вдругъ она явилась на оградѣ,
И, наклонясь къ нему, сказала такъ:
Чего ты ждешь, мой храбрый побѣдитель?
Ужь поздно; возвратись въ Туранскій станъ:
Сегодня твой набѣгъ на Бѣлый Замокъ
Не удался, — будь терпѣливъ,
Удастся завтра. Доброй ночи;
Прости. — Зорабъ, прискорбно посмотрѣвъ
На дѣву, такъ ей отвѣчалъ:
О ты, красавица Ирана,
Какъ жаль мнѣ, что своимъ коварствомъ
Свою ты прелесть превзошла;
Я не о томъ тужу, что Бѣлый Замокъ
И съ нимъ прекрасную невѣсту,
Въ обманъ поддавшись, выпустилъ изъ рукъ;
Тужу о томъ, что былъ *тобой* обманутъ.
А замокъ твой не выше неба;
Но будь и выше неба онъ —
Войду въ него; на это
Ключъ отъ воротъ не нуженъ — завтра
И замокъ и тебя возьму я съ бою.
Не горячись, мой свѣтлый, храбрый витязь,
Гурдаферидъ сказала, усмѣхаясь;
Тебѣ ключа я выдать не могла:
Его отецъ изъ рукъ не выпускаетъ;
Когда же о твоемъ за тайну сватовствѣ
Ему я объявила,
Онъ отвѣчалъ: невѣсты нѣтъ въ Иранѣ
Для Турка. Другъ, исполни мой совѣтъ,
Не медли здѣсь и возвратись въ Туранъ;

Прекраснѣйшей изъ всѣхъ невѣстъ прекрасныхъ
Достоинъ ты но возвратись;
Царь Кейкавусъ, услышавъ о твоемъ
Набѣгѣ, вышлетъ на тебя
Своихъ вождей — ты ихъ не одолѣешь;
А если вышлетъ онъ Рустема,
Тогда . . . тогда, мой витязь, честь Турана,
Твоя погибель неизбѣжна.
О, возвратися, возвратися
Въ твоей младой, несокрушенной силѣ!
Ты здѣсь стоишь на рубежѣ судьбы;
Какъ будетъ жаль, когда твой цвѣтъ она
Безжалостно сорветъ своею бурей!
Я буду горько, горько плакать;
Я ничего, подобнаго тебѣ,
И болѣе — по сердцу моему,
На свѣтѣ не видала,
И ничего, подобнаго тебѣ
На свѣтѣ не увижу.
Гурдаферидъ, умолкнувъ, поглядѣла
Печальнымъ окомъ на Зораба;
Потомъ сошла съ ограды: а Зорабъ,
Оставшися одинъ передъ оградой,
Задумчиво глазами
За нею слѣдовалъ; когда жъ она
Изъ глазъ его пропала,
Коня оборотилъ, и въ станъ
Поѣхалъ медленно, съ нахмуреннымъ лицемъ,
Надвинувъ брови
На гнѣвно-огненныя очи.

Близъ замка находились пашни,

Сады и огороды, хлѣбомъ,
Плодами, зеленью и овощами
Богатыя: они питали замокъ.
На нихъ Зорабъ свой гнѣвъ оборотилъ;
Подъѣхавъ къ стану, онъ воскликнулъ:
Сюда, мои Туранцы; разорите
Здѣсь все; огню предайте нивы;
Сожгите всѣ деревья;
Съ землей сравняйте огороды;
Весь истребите виноградъ;
Чтобъ прахомъ все и дымомъ разлетѣлось;
Чтобъ всѣ затрепетали въ замкѣ;
Съ его ограды любитъ
Дочь Гездехемова смотрѣть — пускай же
Она порадуется, видя,
Какъ мы въ ея работаемъ саду;
Разройте гряды всѣ, гдѣ розы
Ея цвѣтутъ, и всѣ засыпьте
Ключи, которые питаютъ
Ея луговъ густую зелень.
Когда жъ наступитъ день,
И замокъ мы — вверхъ дномъ поставимъ!
Такъ повелѣлъ онъ, и упало,
Какъ съ неба градъ,
На всю окрестность
Его неистовое войско —
И стала вмигъ пустынею окрестность.
Когда же все исчезло, онъ
Поѣхалъ въ станъ обратно;
За нимъ туда все войско возвратилось.

Тѣмъ временемъ, какъ въ станѣ вражьемъ

Гроза сбиралась, Гездехе́мъ,
Бѣду почуя, написалъ
Письмо такое къ Кейкавусу:
«Безчисленной толпою
«Нахлынули на насъ
«Сосѣдственные Турки.
«Ихъ войско намъ не страшно;
«Но страшенъ молодой
«Ихъ войска предводитель.
«Онъ ростомъ великанъ;
«Когда на боевомъ онъ
«Конѣ, вооруженный
«Желѣзной булавою,
«Сидитъ въ желѣзной силѣ,
«Онъ всѣ земныя силы
«Считаетъ за ничто.
«Противника ему
«Не сыщется въ Иранѣ;
«Одинъ по силѣ будетъ
«Ему Рустемъ; зовутъ
«Его Зорабомъ; онъ
«Родился въ Семенгамѣ.
«Хеджиръ, его увидя,
«Изъ замка, съ нимъ сразиться,
«Пустился на конѣ;
«Но въ замокъ конь обратно
«Хеджира не принесъ.
«Когда бы не успѣлъ я
«Моихъ воротъ проворно
«Захлопнуть передъ нимъ,
«Какъ вихорь бы влетѣлъ онъ
«Одинъ въ мой крѣпкій замокъ.

«Ужь нашу всю окрестность
«Огонь опустошилъ;
«Хеджиръ въ плѣну, и замку
«Не устоять; и нынѣ,
«Какъ скоро ночь наступитъ,
«Со всей моей дружиной
«Спасаюсь бѣгствомъ я.
«Тебя же, царь, молю:
«Сбери скорѣе войско,
«Чтобъ царство защитить
«Могучею плотиной
«Отъ злаго наводненья.
«Всего жъ необходимѣй,
«Чтобъ въ войскѣ былъ Рустемъ.
«Лишь сильному Рустему
«Возможно пересилить
«Такого великана.»
Письмо съ нарочнымъ Гездехе́мъ
Отправилъ въ ту же ночь къ царю;
Потомъ созвалъ свою дружину,
Свою казну, свои богатства собралъ,
И тайнымъ подземельнымъ ходомъ,
Который велъ далеко въ поле,
Изъ замка вышелъ.
Гурдаферидъ пошла за нимъ;
Но шла она, казалось, по неволѣ;
Была задумчива, какъ будто ей
Какой-то голосъ тайно
Шепталъ: не уходи;
Какъ будто съ кѣмъ, ей милымъ,
Навѣкъ она прощалась.
И всѣ ушли и замокъ опустѣлъ.

Въ туманѣ занялося утро;
Зорабъ повелъ свои дружины къ замку
И на гору онѣ взбѣжали съ крикомъ;
И кинулся, какъ бѣшеный, Зорабъ
Къ тяжелымъ воротамъ.
Онъ ждалъ отпора, но отпора
Не дождался — все было въ замкѣ,
Какъ въ гробѣ, тихо; на стѣнахъ
Никто не шевелился. Въ нетерпѣньи
Зорабъ схватилъ огромный камень
И имъ ударилъ въ ворота́ —
Онѣ свободно растворились:
Ушедшіе нарочно ихъ
Оставили незапертыми.
Какъ молнія, Зорабъ ихъ пролетѣлъ —
Ихъ своды громко повторили
Его коня гремучій топотъ —
И все умолкло.
Сквозь сумракъ устренній Зорабъ
Очами ищетъ
Людей — но все предъ нимъ
И пусто и безмолвно;
Въ его груди предчувствіемъ тяжелымъ
Стѣснилось сердце;
И стѣны онъ нѣмыя вопрошалъ:
Куда ушла моя невѣста? Буря ль
Ее отсюда унесла?
Сама ль на крыльяхъ улетѣла?
Иль призракомь пропала, не оставивъ
Слѣда? О гдѣ же ты?
На мигъ одинъ была
Ты мнѣ видѣньемъ чуднымъ

И нѣтъ тебя;
И гдѣ найти тебя, не знаю.
И началъ онъ прилежно замокъ
Обыскивать: какъ изступленный,
Онъ бѣгалъ по стѣнамъ,
На башни лазилъ, проникалъ
Въ глубокіе подвалы,
И безпрестанно возвращался
На мѣсто, гдѣ она ему
Явилась наканунѣ,
Въ надеждѣ, что опять
Тамъ съ нею встрѣтится; и съ высоты
На безпредѣльную окрестность онъ смотрѣлъ,
И звалъ свою невѣсту
Со всѣхъ концевъ пустаго небосклона;
И посылалъ за нею вѣтеръ горный,
И птицъ воздушныхъ,
И облака́ лазореваго неба.
А между тѣмъ окрестъ него
Все падало, все разрушалось;
Какъ коршуны расклевываютъ трупъ,
Такъ ратники Зораба
Крушили замокъ;
Не находя нигдѣ
Ожиданныхъ сокровищъ,
Они за то наказывали стѣны.
Что дѣлалось, Зорабъ не замѣчалъ:
Его душа была далёко.

И къ витязю, невольнику любви,
Съ упрекомъ строгимъ обратился
Суровый пѣстунъ Баруманъ:

Для яркихъ глазъ и для густыхъ кудрей
Ты цѣлый свѣтъ и долгъ свой забываешь.
Не таковы бываютъ тѣ, которымъ
При нихъ и долго послѣ нихъ
Въ награду дѣлъ великихъ
Отечество и всѣ народы
Дань славы и любви приносятъ.
Самихъ себя они не отдаютъ
Мгновенію ничтожному на жертву;
Не отдаютъ безумно и безпечно
Во власть любви они ума и сердца,
И имъ случается поймать
Своею сѣтью легкую газелу,
Но съ нею въ сѣть самихъ себя
Не путаютъ ребячески они;
Орелъ, влюбленный въ солнце,
Какъ соловей, по розѣ не вздыхаетъ,
Теперь твоя добыча тронъ Ирана;
Возьми его — тогда вѣнецъ любви
Наградою получишь отъ побѣды.
Не обнаживъ меча, такую крѣпость
Ты захватилъ — но цѣль твоя еще далёко;
На насъ свои всѣ силы вышлетъ
Царь Кейкавусъ, тогда
Но выслушай, Зорабъ, совѣтъ,
Внушенный опытностью трезвой:
Дождися здѣсь враговъ; съ твердынной
Вершиной этой всѣмъ Ираномъ
Ты будешь властвовать; съ нея
Губящіе набѣги можешь
Повсюду посылать, и здѣсь
Могучее ихъ войско встрѣтишь,

Могучій самъ — не разоряй же
Безумно замка; нѣтъ; его напротивъ въ честь
Красавицы, въ немъ жившей, укрѣпи;
Но въ честь ея и духомъ укрѣпися.
Когда тебѣ звѣздами
Назначено Иранъ завоевать —
Съ нимъ и она твоею будетъ.
Пускай передъ тобой Ирана первый витязь
Слетитъ съ коня — тогда ты смѣло можешь
Потребовать, чтобъ выкупомъ свободы
Его была Гурдаферидъ.
Отъ этихъ словъ Зорабъ очнулся;
Онѣ, какъ солнца лучъ, пронзили
Туманъ его души;
И онъ воскликнулъ: такъ!
Передо мной Ирана первый витязь
Слетитъ съ коня, и за его свободу
Заплатитъ мнѣ Гурдаферидъ.
Тутъ на грабителей онъ крикнулъ,
И во мгновенье грознымъ крикомъ
Былъ усмиренъ неистовый грабежъ;
И сталъ, какъ гробъ, спокоенъ Бѣлый Замокъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

РУСТЕМЪ И КЕЙКАВУСЪ. ССОРА, ПРИМИРЕНІЕ, ПОХОДЪ.

Когда письмо отъ Гездехéма
Гонецъ поснѣшный Кейкавусу
Въ его столицѣ Истахарѣ
Вручилъ, и сдѣлалось извѣстно
Царю, какая собиралась

Гроза на области Ирана —
Онъ ужаснулся, и немедля
Созвалъ верховный свой совѣтъ.
И собралися къ Кейкавусу
Его вельможи: Фераборъ
(Сынъ царскій и наслѣдникъ трона),
Гудерсъ, Кешвадъ, Шехéдемъ, Тусъ, Рохамъ,
Гургинъ, Милатъ, Фергасъ, Бехремъ и Гефъ:
И, Гездехемово письмо прочтя имъ, царь
Сказалъ: Зорабъ мнѣ этотъ страшенъ;
Онъ овладѣлъ безъ боя Бѣлымъ Замкомъ,
Твердѣйшею защитой нашихъ граней;
Тамъ двухъ вождей надежныхъ мы имѣли —
Но старый убѣжалъ,
А молодой врагу отдался въ руки:
Гудерсъ, не можешь похвалиться ты
Своимъ Хеджиромъ; у тебя
Такъ много сыновей — зачѣмъ же
Изъ нихъ мы выбрали такого,
Который былъ не въ силахъ одолѣть
Туранскаго молокососа?
Но правда, пишетъ Гездехéмъ,
Что этого молокососа
Одинъ Рустемъ лишь одолѣетъ;
Скажите жъ, вѣрные вельможи,
Что дѣлать намъ? Послать ли за Рустемомъ?
И въ голосъ всѣ воскликнули: послать.
И было рѣшено, чтобъ царь
Письмо къ Рустему написалъ,
И чтобъ съ письмомъ безъ замедленья
Былъ Гефъ, Рустемовъ зять, отправленъ.

И Кейкавусъ письмо такое
Къ Рустему написалъ:
«Ирана щитъ, Сабула обладатель,
«Великій царскій Пехлеванъ!
«На насъ гроза съ Турана поднялася;
«Врагами схваченъ Бѣлый Замокъ;
«Ихъ вождь, по имени Зорабъ,
«Лѣтами юноша, а силой
«Пожаръ, землятрясенье, громъ,
«Отъ Семенгамскихъ происходитъ,
«Въ народѣ говорятъ, царей.
«И пишетъ вождь нашъ Гездехéмъ,
«Что этого богатыря
«Не одолѣть намъ, что одинъ
«Лишь ты съ нимъ силою сравнишься.
«Я свой совѣтъ верховный собралъ,
«И всѣ совѣтники мои
«Со мной согасны, что тебя
«Намъ должно вызвать изъ Сабула,
«Что лишь твоя рука отъ царства
«Такую гибель отразитъ.
«И такъ зову тебя, Рустемъ,
«Вѣнецъ, убранство, щитъ царя,
«Спасительная пристань царства,
«Твердыня трона, войска слава,
«Ирана жизнь, Турана смерть;
«Спѣши, спѣши; когда получишь
«Мое письмо, сидишь ли — встань,
«Стоишь ли — не садись;
«Идешь ли въ замокъ — не входи;
«Но въ тотъ же мигъ вели подать
«Доспѣхи, бросься на коня,

«И пусть съ тобою конь твой славный,
«Твой Громъ летитъ небеснымъ громомъ,
«И ты, Ирана громъ защитный,
«Будь громомъ бѣдствія Турану.»

Царь Кейкавусъ, окончивъ
И запечатавъ пестрымъ воскомъ
Свое письмо, послалъ съ нимъ Гефа;
И Гефъ, какъ изъ лука стрѣла,
Помчался; день и ночь скакалъ онъ;
Забывъ о пищѣ и ночлегѣ,
Не думая о томъ, куда вела
Дорога, подъ гору иль въ гору,
И было ль ведро иль ненастье;
И бодрый конь его не уставалъ,
Какъ будто чуялъ онъ,
Куда, къ кому и съ чѣмъ
Спѣшитъ сѣдокъ неутомимый;
Гонца увидя вдалекѣ,
Рустемъ послалъ къ нему на встрѣчу
Зевара, брата своего,
И былъ обрадованъ, когда
Зеваръ къ нему явился съ Гефомъ.
Зачѣмъ ты, зять мой дорогой,
Спросилъ Рустемъ, пожаловалъ въ Сабулъ?
Что мнѣ привезъ? Письмо отъ Кейкавуса?
Подай. И, прочитавъ письмо,
Рустемъ задумался; онъ долго, долго
Сидѣлъ въ молчаньи грустномъ,
Потупивъ голову и неподвижно
Глаза уперши въ землю.
И такъ съ собой онъ говорилъ:

Я думаю о дняхъ прошедшихъ;
Все, бывшее давно, воспоминаю;
Какъ настоящее, опять
Оно передо мною нынѣ
Свершается невѣроятно,
Чтобъ этотъ чудный воинъ былъ
Мой сынъ; и если подлинно имѣю
Я въ Семенгамѣ сына, онъ
Еще теперь дитя, еще его
Игрушки забавляютъ.
Конечно, быть орломъ орленку суждено:
Но мой орленокъ испытать
Еще не могъ своихъ орлиныхъ крыльевъ,
Еще теперь сидитъ онъ на гнѣздѣ,
И ждетъ своей поры;
Когда жъ его пора наступитъ,
Взлетитъ онъ высокó,
Втораго въ немъ Рустема
Увидитъ свѣтъ. Такъ, если вправду
Родился сынъ Теминѣ отъ Рустема,
То скоро громкая о немъ
По всей землѣ молва раздастся,
И онъ придетъ по праву славы
Сказать мнѣ: я твой сынъ. И не врагомъ
Онъ встрѣтится со мною въ полѣ,
А жданымъ гостемъ постучится въ двери
Отцовскаго жилища; и ему
Отворятся онѣ гостепріимно;
И будетъ праздновать отецъ,
Созвавши сродниковъ, друзей и ближнихъ,
Свое свиданье съ милымъ сыномъ;
И въ немъ моя помолодѣетъ старость.

Такъ разсуждалъ съ собою грозный воинъ,
И мысли черныя тѣснили
Его взволнованную душу;
Но что ея волненья было
Причиной — онъ того не вѣдалъ.
Вдругъ онъ очнулся, и гонцу,
Который, вовсе имъ забытый,
Въ молчаньи ждалъ его отвѣта,
Сказалъ: спѣшить намъ нужды нѣтъ;
Ты нынче гость мой; прежде
Съ тобой мы здѣсь, какъ должно, попируемъ;
Потомъ и въ путь. Еще большой бѣды я
Въ случившемся для нихъ не вижу;
Что страшно имъ, то мнѣ смѣшно;
И отъ того, что старый сумасбродъ,
Испуганный Турецкимъ смѣльчакомъ,
Безъ боя сдалъ нашъ замокъ порубежный,
Имъ чудится, что врагъ
Уже стоитъ передъ столицей,
И долженъ я встревоженный ихъ бредомъ,
Скакать къ нимъ, голову сломя.
Пусть подождетъ премудрый Кейкавусъ;
Мнѣ нынче нѣтъ охоты воевать:
Нежданый гость пожаловалъ ко мнѣ;
Хочу его я на просторѣ
Повеселить и самъ повеселиться
Съ нимъ заодно. Забудемъ, милый зять,
За пѣнной чашею на время
Военныя тревоги; разскажи
Поболѣ мнѣ теперь
О дочери и внучатахъ моихъ,
И жизни дерево зеленое со мной

Полей виномъ животворящимъ.
А ты, Зеваръ, пойди и учреди
Скорѣе пиръ богатый;
Земное все уходитъ легкой тѣнью —
Хочу съ тобой и съ нашимъ Гефомъ,
Упиться сладостнымъ виномъ
До полнаго забвенья
О скоротечности земнаго счастья.

Такъ старый воинъ говорилъ;
На языкѣ его былъ пиръ веселый,
А на душѣ лежалъ тяжелый камень
Предчувствія, похожаго на робость.
Зеваръ пошелъ готовить пиръ;
А Гефъ пошелъ за тестемъ
Въ его великолѣпный замокъ;
И заикнуться не посмѣлъ онъ
О строгомъ повелѣньи шаха:
Онъ зналъ, какъ было плохо
Ломать копье съ упрямымъ старикомъ,
И думалъ: самъ, какъ знаешь, послѣ
Ты разочтешься съ Кейкавусомъ;
Съ тобою пировать я радъ;
Твоимъ виномъ мой запыленный
Языкъ я промочу, а завтра
Конямъ мы прыти придадимъ,
И быстрота намъ возвратитъ
Часы, потерянные лѣнью.
Весь день роскошный длился пиръ
Въ богато-убранныхъ палатахъ;
Какъ розы, пламенно сіяя
На темной зелени кустовъ,

Благоуханьемъ угощаютъ
Звонко-поющихъ соловьевъ,
Такъ и хозяина и гостя
Младыя дѣвы сладкопѣньемъ
И сладкой пищей угощали;
Враги, война и Кейкавусъ
Забыты были въ шумѣ пира;
Однѣ лишь пламенныя щеки,
Однѣ лишь свѣжія уста
Являлись ихъ очамъ, и не потоки
Ліющейся въ сраженьи крови,
А пурпуръ благовонный
Вина сверкалъ предъ ними въ драгоцѣнныхъ,
Лилейною рукой младыхъ
Невольницъ подносимыхъ чашахъ.
Въ весельи шумномъ день и вечеръ
Виномъ запитые, исчезли;
Заискрилась звѣздами ночи
Глубокая пучина неба,
Заискрились кипучей пѣной
Вина послѣдняго фіалы;
И наконецъ могучій хмѣль
На мягкомъ ложѣ сладкой силѣ
Сна миротворнаго ихъ предалъ.

И рано на другое утро
Явился Гефъ, готовый въ путь,
Но въ путь еще Рустемъ не собирался.
На что спѣшить, сказалъ онъ, добрый гость,
И этотъ день съ тобою мы,
Откинувъ всякую заботу,
Въ весельи проведемъ.

Кто знаетъ, близко ль, далеко́ ли
Бѣда и гдѣ ее мы встрѣтимъ?
Пока подъ кровлей мы домашней —
Не станемъ помышлять
О бурѣ, воющей кругомъ.
Быть можетъ, что ужь въ этомъ домѣ болѣ
Мы никогда такъ веселы не будемъ;
Сдается мнѣ, что здѣсь въ послѣдній разъ
Моихъ родныхъ и милыхъ ближнихъ
Я угощаю. Подойдите жъ,
Мой братъ Зеваръ и зять мой Гефъ, ко мнѣ;
Ты, Гефъ, садися съ правой,
А ты, Зеваръ, садися съ лѣвой
Моей руки; и помогите пить мнѣ
Душеусладное вино.
Мнѣ въ эту ночь все снилось
О сынѣ, снилось, будто сынъ
Нашелся у меня; и это мнѣ
Напомнило, что о Зорабѣ я
Тебя еще не распросилъ подробно;
Садися жъ, Гефъ, и разскажи
За чашею вина
Мнѣ сказку о Зорабѣ.
Онъ сѣлъ; по правую съ нимъ руку
Сѣлъ Гефъ, по лѣвую Зеваръ;
Вино запѣнилося въ кубкахъ,
И пиръ съ музыкой, пѣньемъ, пляской,
Какъ наканунѣ, закипѣлъ.
Подъ шумъ его задумчиво Рустемъ
Разсказы слушалъ о Зорабѣ,
И думы черныя свои
Виномъ огнистымъ запивалъ.

Такъ день прошелъ, и вечеръ миновался,
И наступила ночь, и хмѣль могучій
Опять ихъ предалъ тихой власти
Миротворительнаго сна.

На утро такъ же рано,
Готовый въ путь, пришелъ
Къ Рустему Гефъ; но видя, что Рустемъ
По прежнему не торопился въ путь,
Ему сказалъ онъ: выслушай безъ гнѣва
Меня, отецъ; не раздражай царя;
Ты вѣдаешь, какъ бѣшено онъ вспыльчивъ;
Ты вѣдаешь, въ какомъ онъ страхѣ
Съ тѣхъ поръ, какъ врагъ ворвался въ наши грани:
Не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ, не видитъ и не слышитъ
Нашъ Кейкавусъ; ему вездѣ
Мерещится Зорабъ. Поѣдемъ,
Рустемъ; позволь мнѣ Грома осѣдлать;
Твоимъ упорнымъ замедленьемъ
Жестоко будетъ шахъ прогнѣванъ.
Не бойся, Гефъ, отвѣтствовалъ Рустемъ,
Никто мнѣ съ свѣтѣ не указчикъ;
И твердо знаетъ Кейкавусъ,
Что царствуетъ въ Иранѣ онъ
По милости Рустема;
Онъ знаетъ, что моя рука
Всегда его вытаскиватъ умѣла
Изъ ямъ, въ которыя своей виною
Онъ безразсудно попадалъ.
Но я согласенъ; намъ пора
Отправиться въ дорогу;
Вели мнѣ Грома осѣдлать,

И ѣдемъ. Такъ сказавъ, Рустемъ
Виномъ наполнилъ кубокъ,
Окинулъ мрачными глазами
Палату пировую
И всѣхъ своихъ домашнихъ,
Вино все разомъ выпилъ,
И, кубокъ въ дребезги разбивъ,
Велѣлъ трубить походъ.
На громкій зовъ Рустемовой трубы
Вмигъ собрались Рустемовы дружины.
Окинувъ ихъ желѣзный строй глазами,
Рустемъ подумалъ: съ ними
На цѣлый свѣтъ могу войною выйти.
И за себя Зевару поручивъ
Начальство надъ Сабульской ратью,
Онъ сѣлъ на Грома,
И поскакалъ впередъ
Самъ другъ съ отважнымъ Гефомъ.
И трубы загремѣли,
Знамена развернулись,
Заржали грозно кóни,
Пошли впередъ дружины.

Когда молва достигла въ Истахаръ
О приближеніи Рустема,
Всѣ первые вельможи: Фераборъ,
Гудерсъ, Кешвадъ, Шехéдемъ, Тусъ, Рохамъ,
Геразъ, Гургинъ, Милатъ, Ферхабъ, Бехремъ,
На день пути къ нему на встрѣчу вышли.
Сынъ шаховъ Фераборъ и вождь верховный Тусъ
Сошли съ коней, его увидя;
Сошелъ съ коня, увидя ихъ, Рустемъ,

И сдѣлали привѣтствіе другъ другу.
Блестящей ихъ толпою окруженный,
Рустемъ въ столицу въѣхалъ,
И съ торжествомъ его ввели они
Въ палату, гдѣ великій царь
Ихъ ждалъ, сидя на тронѣ.
Но было сумрачно и гнѣвно
Его лице; не отвѣчавъ ни слова
На поздравительные клики
Своихъ вельможъ, онъ грозно закричалъ,
Оборотясь на Гефа и Рустема:
Кто ты, Рустемъ,
Чтобъ съ дерзостью такою
Топтать ногами
Святыя царскія слова?
Когда бъ въ моей рукѣ былъ мечъ,
Къ моимъ ногамъ бы во мгновенье
Твоя упала голова.
Ты, вождь мой Тусъ, закуй ихъ въ цѣпи,
И чтобъ теперь же тесть и зять
На висѣлицѣ оба
Передъ народомъ заплясали.
Такъ въ изступленьи гнѣва
Кричалъ на тронѣ Кейкавусъ;
И всѣ кругомъ его вельможи
Въ оцѣпенѣніи стояли.
Когда жъ увидѣлъ шахъ,
Что повелѣнье медлилъ
Его исполнить Тусъ,
Онъ крикнулъ съ трона, какъ орелъ
Кричитъ съ высокаго утеса:
Предатель самъ, кто руку наложитъ

На дерзкаго предателя не смѣетъ!
Бери ихъ, Тусъ, я повторяю;
И съ ними съ глазъ моихъ долой;
Чтобъ мигомъ не было ихъ духу!
И чтобъ никто не смѣлъ мнѣ прекословить!

Такъ онъ вопилъ; и было горько Тусу
Его исполнить повелѣнье;
Онъ за руку Рустема взялъ,
Чтобъ изъ очей озлобленнаго шаха
Его увесть и дать свободу
Утихнуть бѣшенству царя, —
При этомъ видѣ всѣ вельможи
Затрепетали. Но Рустемъ,
Не замѣчая ничего,
Смотрѣлъ горящими глазами,
Какъ левъ увидѣвшій змѣю,
На шаха; онъ, казалось, вдругъ
Сталъ цѣлой головою выше,
Сталъ вдвое шире грудью и плечами;
И онъ сказалъ: а ты кто, чтобъ меня
Такъ дерзостно позорить?
Ты шахъ, но шахъ по милости моей.
Грози же петлею не мнѣ,
А своему Зорабу. Развѣ я
Твой подданный? Я царства Пехлеванъ;
Я князь Сабулистана вольный;
Иль ты не знаешь, что когда
Я топаю ногою — подо мной
Дрожитъ земля; когда мой скачетъ конь —
Отъ топота его шумитъ все небо,
И, быстротѣ его чудяся,

Потокъ бѣжать перестаетъ?
Иль ты забылъ, что я Рустемъ,
Что мой престолъ сѣдло, что шлемъ — моя корона?
И кто же ты, чтобъ петлей мнѣ грозить?
И кто твой Тусъ, чтобъ руку на Рустема
Поднять въ повиновенье
Безумной ярости твоей?
При этомъ словѣ онъ такъ сильно
Ударилъ Туса по рукѣ,
Что тотъ упалъ на землю, оглушенный.
Черезъ лежачаго Рустемъ
Перешагнулъ, толпу раздвинулъ,
И вышелъ съ Гефомъ изъ палаты.
И всѣ вельможи, Кейкавуса
Оставивъ одного на тронѣ,
Пошли поспѣшно за Рустемомъ.
Они его нашли передъ крыльцомъ
Сидящаго на Громѣ. Онъ съ сѣдла
Имъ закричалъ: простите всѣ; прости,
Иранъ. Въ Сабулъ я возвращаюсь;
Въ Сабулѣ я такой же царь,
Какъ здѣсь въ Иранѣ Кейкавусъ.
Теперь, какъ знаете, съ Тураномъ сами
Ведите свой разсчетъ; Сабулъ
Я отстою. А если здѣсь съ царемъ Ирана
Случится то же, что съ Хеджиромъ,
И если царскій Истахаръ,
Какъ Бѣлый Замокъ, будетъ схваченъ
Врагами, въ томъ не обвиняйте
Рустема. Горе, горе царству,
Когда царемъ владѣетъ нетерпѣнье
И необузданная ярость!

Сказавъ, онъ крикнулъ, — Громъ помчался;
Рустемъ исчезъ, какъ привидѣнье.
Недалеко отъѣхавъ по дорогѣ
Въ Сабулъ, остановился онъ
Въ гостинницѣ, чтобъ на покоѣ тамъ
Дождаться брата,
Съ дружинами Сабулистана.

Изъ глазъ Рустема потерявъ,
Вельможи — безъ него, какъ стадо
Безъ пастуха оставшись — обратились
Къ Гудерсу и ему сказали:
Теперь лишь ты одинъ, Гудерсъ,
Помочь въ бѣдѣ великой можешь;
Твои совѣты любитъ шахъ;
Пойди къ нему и въ волны
Его погибельнаго гнѣва
Пролей твоихъ совѣтовъ
Мирительное масло.
А ты скачи за тестемъ, Гефъ;
И догони его, пока Сабула
Онъ не достигъ. И Гефъ пустился въ путь.
Гудерсъ пошелъ къ царю.
Его увидѣлъ онъ, уединенно
Сидящаго на тронѣ;
Онъ былъ угрюмъ, но тихъ; онъ былъ
Подобенъ тучѣ громовой,
Готовой, отблиставъ и отгремѣвъ,
Дождемъ свѣжительнымъ пролиться.
И такъ ему дерзнулъ сказать Гудерсъ:
Могучій повелитель,
Царь — голова, а царство — тѣло;

Но въ головѣ для тѣла долженъ быть
Совѣтникомъ разсудокъ; у кого же
Совѣтникъ свой молчитъ,
Тотъ слушайся чужаго,
И не стыдись исправить зло,
Поспѣшно сдѣланное въ гнѣвѣ;
Изъ устъ неосторожно бросилъ
Ты оскорбительное слово —
Пошли за нимъ мирительное вслѣдъ;
Обиду ты нанесъ строптивой рѣчью
Тому, кого щадить велитъ разсудокъ —
И ею былъ не онъ одинъ обиженъ:
Ты пристыдилъ насъ всѣхъ его стыдомъ;
Рустема въ петлю! А Рустемъ
Тебя на тронъ отцовскій посадилъ,
И онъ же трона
Твердѣйшая опора;
Что жъ будетъ намъ, когда Рустема въ петлю?
И что же съ царствомъ будетъ безъ Рустема?
Теперь изломанъ мечъ Ирана,
Изсохла мужества рука,
Плотины нѣтъ на вражье наводненье.
Всѣ наши витязи извѣстны Гездехему —
А что намъ пишетъ Гездехемъ?
«Что ни одинъ изъ насъ противъ Зораба
«Не устоитъ, что на него
«Одна гроза — Рустемъ.» Но гдѣ же
Теперь Рустемъ? За промедленье
Двухъ дней тобой онъ изгнанъ навсегда.
Меня къ тебѣ твои вельможи
И съ ними сынъ твой Фераборъ
Прислали умолять, чтобъ ты

Благоволилъ съ Рустемомъ примириться.
Никто, ни Фераборъ твой сынъ —
Сколь онъ ни силенъ, ни отваженъ —
Ни бодрый твой военачальникъ Тусъ,
Ни я съ осьмидесятью сыновьями
Тебя не защитимъ. Одинъ Рустемъ
Твоя надежная защита.
Сказавши такъ, Гудерсъ умолкнулъ.

И къ сердцу принялъ Кейкавусъ
Отъ сердца сказанное слово;
Онъ отвѣчалъ: пословица святую
Намъ правду говоритъ, что стариковъ
Совѣта полныя уста
Вѣрнѣйшіе хранители царей.
Я самъ теперь раскаиваюсь горько,
Что оскорбительное слово
Въ кипѣньи гнѣва произнесъ.
Ступайте жъ всѣ къ Рустему, и зовите
Его обратно въ Истахаръ
На миръ и доброе согласье
Съ своимъ царемъ. — Хвала царю! воскликнулъ
Гудерсъ. И возвратиться
Онъ поспѣшилъ къ вельможамъ, ожидавшимъ
Его съ великимъ нетерпѣньемъ.
Царево сердце ненадежно
(Такъ разсуждали межъ собою
Они въ невѣдѣньи, смирится ль шахъ иль нѣтъ);
Одно и тоже слово можетъ
Въ немъ гнѣвъ и милость возбудить.
Подобно маслу наше слово;
Царево жъ сердце — то огонь,

То море бурное, — огню
Даетъ двойную силу масло,
А море бурное оно покоитъ.
Такъ царскіе вельможи говорили;
Но мрачныя печалью лица ихъ
Вдругъ стали радостію свѣтлы,
Когда принесъ имъ вѣсть благую
Гудерсъ. Теперь Иранъ спасенъ!
Они воскликнули. Поѣдемъ
Скорѣй всѣ вмѣстѣ за Рустемомъ;
Его догнать намъ должно прежде,
Чѣмъ онъ достигнетъ до Сабула.

И всѣ они отправилися въ путь,
И ѣхали весь день, всю ночь;
И той гостинницы достигли,
Гдѣ выбралъ свой ночлегъ Рустемъ,
Гдѣ Гефъ его нагналъ, и гдѣ
Онъ на покоѣ ждалъ Зевара
Съ дружинами Сабулистана,
Рѣшась упорно, вопреки
Всѣмъ убѣжденьямъ Гефа,
Не возвращаться въ Истахаръ.
Но вмѣсто брата, онъ увидѣлъ
Передъ собой вельможъ Ирана.
Они къ нему смиренно подошли;
Почтительно онъ всталъ, чтобъ ихъ принять.
И выступя впередъ, сказалъ ему Гудерсъ:
Рустемъ, мы присланы отъ Шаха,
Тебя просить, Ирана Пехлеванъ,
Чтобъ ты съ нимъ примирился.
О томъ же просимъ мы

И именемъ всего Ирана, просимъ
За нашихъ юношей, въ бою
Себя еще не испытавшихъ;
За нашихъ опытныхъ мужей,
Съ тобой ходившихъ на врага
За славою, побѣдой и добычей;
За нашихъ хилыхъ стариковъ,
За нашихъ женъ, дѣтей и внучатъ,
За весь народъ, за весь Иранъ;
Ты ихъ твердыня, ихъ надежда;
Не отдавай же царства въ жертву
Свирѣпому Турану за одно
Тебя обидѣвшее слово.
Ты вѣдаешь, какъ опрометчивъ,
Какъ безразсудно гнѣвенъ шахъ:
На слово онъ ругательное скоръ,
Но такъ же скоръ и на признанье
Своей вины; съ раскаяніемъ онъ
Свою тебѣ протягиваетъ руку;
Не отвергай ея, Рустемъ.
Тебя ужалившее слово
Не ядомъ напоенный мечъ,
А легкій звукъ; — забудь, Рустемъ,
О легкой, несмертельной ранѣ,
И возвратися въ Истахаръ,
Гдѣ ждетъ тебя нетерпѣливо
Съ удвоеннымъ благоволеньемъ Шахъ.

Рустемъ отвѣтствовалъ угрюмо:
Скажите шаху Кейкавусу,
Что мнѣ ни висѣлицъ его,
Ни царскихъ милостей — не нужно.

Въ Сабулъ я ѣду; тамъ я царь,
Такой же царь, какъ онъ въ Иранѣ.
Мнѣ надоѣло воевать;
Довольно я игралъ
Своею жизнью и чужою
На службѣ шаха — онъ меня
И наградилъ по милости своей.
Спасибо. Мы съ нимъ кончили разсчетъ.
Къ тому же въ этотъ разъ мнѣ было
Невесело съ Сабуломъ разставаться;
Мой Громъ на самомъ рубежѣ
Ирана спотыкнулся; я впервые
Почувствовалъ, что шлемъ и панцырь
Мнѣ тяжелы — когда жъ обратно
Поѣхалъ я, мой конь запрыгалъ
И радостно заржалъ. Простите жъ, добрый
Вамъ путь, но я вамъ непопутчикъ.
Рустемъ, сказалъ Гудерсъ, не можетъ быть,
Чтобъ это былъ послѣдній твой отвѣтъ.
Тебя твой царь обидѣлъ, правда;
Но руку онъ на примиренье самъ,
Признавъ себя виновнымъ, подаетъ, —
Чего жъ еще желаешь болѣ?
И что подумаетъ Иранъ,
Такой отвѣтъ услышавъ?
Не скажутъ ли: Рустемъ,
Состарѣвшійся левъ, бѣжитъ
Отъ львенка молодаго;
Рустемъ Зораба испугался;
Орелъ нашъ крылья опустилъ;
Не смѣетъ онъ летѣть на высоту:
Тамъ носится другой орелъ,

Его моложе и отважнѣй;
Вотъ отъ чего ему такъ было
Невесело съ Сабуломъ разставаться;
Вотъ отъ чего и Громъ на рубежѣ
Ирана спотыкнулся, и впервые
Рустему шлемъ и панцырь стали
Такъ тяжелы. Потерпишь ли, Рустемъ,
Чтобъ про тебя молва такая
Вдругъ по всему Ирану разнеслася,
И чтобъ она постыднымъ о тебѣ
Преданьемъ перешла къ потомкамъ? —
Рустемъ, сверкнувъ глазами тигра,
Воскликнулъ: Гефъ, подай мнѣ Грома!
И, слова не сказавъ Гудерсу,
Онъ на кипучаго коня
Вскочилъ, и поскакалъ путемъ обратнымъ;
И всѣ за нимъ во слѣдъ
Толпою шумною помчались.

Съ Рустемомъ примирившись,
На пиръ веселый Кейкавусъ
Созвалъ своихъ вельможъ. И длился
Ихъ пиръ до самой поздней ночи.
А той порой, когда въ царевыхъ
Палатахъ праздновали гости,
Веселая Молва
По городу гуляла,
Во всѣ входила домы,
Неспящимъ улыбалась,
Заснувшихъ пробуждала,
Разглаживала всѣмъ
Пріятной вѣстью лица.

Вдругъ ей попался кто-то
На встрѣчу, столь же грустный
И мрачный, сколь она
Была въ своемъ полетѣ
Свѣтла и весела.
И, громко засмѣявшись,
Летунья у него
Спросила: кто ты, плакса?
Меня, онъ отвѣчалъ ей,
Зовутъ Печальнымъ Слухомъ;
Я по всему разнесъ Ирану,
Что Шахъ поссорился съ Рустемомъ,
И что Рустемъ оставилъ Истахаръ;
И всѣхъ мои тревожатъ вѣсти.
Зажми же ротъ, сказала
Веселая Молва;
Съ Рустемомъ примирился
Твой гнѣвный Кейкавусъ;
Они теперь пируютъ
И ссору запиваютъ
Виномъ благоуханнымъ.
Печальный Слухъ съ сомнѣньемъ покачалъ
Своей косматой головою;
За это разсердилась
Веселая Молва,
И началася драка.
Печальный Слухъ былъ неуклюжъ,
Веселая Молва
Была легка, проворна;
И мигомъ былъ Печальный Слухъ,
Прибитый, изъ города выгнанъ;
И снова начала она

По улицамъ летать,
И гдѣ ни пролетала,
Воздушную летунью
Старикъ и молодой,
Здоровый и недужный,
И бѣдный и богатый,
Ласкали, миловали;
Кому жъ на сонъ грядущій
Услышать удавалось
Ея живое слово,
Тотъ сладко засыпалъ,
Обвѣянный толпою
Веселыхъ сновидѣній.

Когда на слѣдующій день
Явилось солнце, и раздернувъ
Востока занавѣсъ пурпурный,
Среди лазореваго неба
Свое воздвигло золотое
Всеосѣняющее знамя,
Когда на пажитяхъ земли
Подъ пѣсню жаворонковъ звонкихъ
Стада пространно зашумѣли, —
Труба военная столицу огласила,
И весь народъ на площадь Истахара
Шумящею толпою побѣжалъ:
Тамъ, раздѣляся на дружины,
Шло войско мимо Кейкавуса:
И передъ каждою дружиной
Былъ вождь ея; а позади
Всей рати, отдѣлясь отъ прочихъ,
Великій царства Пехлеванъ,

На грозномъ Громѣ ѣхалъ
Рустемъ одинъ. Не велъ дружины онъ;
Но въ немъ одномъ была душа
Всего безчисленнаго войска.
Его Сабульскою дружиной
Военачальствовалъ Зеваръ;
А главнымъ воеводой рати
Былъ Тусъ, испытанный боями.
Когда же царь все войско осмотрѣлъ —
Знамена заиграли,
Тимпаны загремѣли,
Задребезжали трубы,
Заржали грозно кóни,
Пошли впередъ дружины.
И, разлıясь широкимъ наводненьемъ,
Шло войско къ рубежамъ Ирана;
Подъ нимъ земля стóнала и тряслася;
Отъ топа конскаго дрожали горы;
Отъ кликовъ тучи расшибались;
Стотысячно ликъ солнца отражался
На панцыряхъ, на конскихъ збруяхъ;
Какъ на пригоркахъ въ бурю
Волнуются вершины сосенъ,
Такъ волновались перья и султаны
На шишакахъ и на турбанахъ;
И тамъ земля, какъ пестрый лугъ, сıяла,
Гдѣ войско шло; но гдѣ оно прошло,
Тамъ все являлось голой степью,
Тамъ были всѣ ключи изсушены
И въ пыль растоптаны всѣ нивы.
И скоро войско на границѣ
Ирана станъ свой утвердило

Въ виду горы, на высотѣ которой,
Окрестности владыка, Бѣлый Замокъ
Стоялъ, какъ туча громовая,
И въ глубинѣ той тучи громовой
Таилась молнія, — Зорабъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ПИРЪ ВЪ БѢЛОМЪ ЗАМКѢ.

Зорабъ обрадованъ былъ вѣстью
О приближеньи къ замку Персовъ;
Ему наскучило давно
Сидѣть безъ дѣла за стѣнами
И ждать прибытія гостей . . .
Вотъ наконецъ пожаловали гости
И было все готово къ ихъ пріему:
И замокъ, снова укрѣпленный,
И рать, и мужество Зораба.
И вмѣстѣ съ Баруманомъ
Зорабъ, взошедъ на башню,
Окинулъ, какъ орелъ,
Очами всю окрестность, —
Очамъ его открылось
Идущее вдали,
Дружина за дружиной,
Безчисленное войско.
Какъ смѣлый радуется ястребъ,
Увидя стадо голубей,
Въ которомъ онъ любаго
Изъ множества въ добычу выбрать можетъ,
Такъ храбраго Зораба

Обрадовала сила
Идущаго противъ него врага.
Но Баруманъ отъ страха поблѣднѣлъ;
И, страхъ его замѣтя,
Зорабъ сказалъ съ улыбкой:
Не бойся, наведи
На щоки прежній ихъ румянецъ.
Смотри, какой огромный рядъ дружинъ!
Какъ онъ оружіемъ сверкаетъ!
Какъ много ихъ сюда пришло,
Чтобъ здѣсь мнѣ дать побѣды славу!
И слава та навѣкъ моею будетъ!
Но если бъ я и гибель встрѣтилъ
Въ борьбѣ съ такой великой силой —
Все будетъ мнѣ хвалою отъ людей,
Что я дерзнулъ надѣяться побѣды.
Противъ утеса одного
Ихъ — море цѣлое стеклося;
При имени моемъ затрепеталъ
Въ своей столицѣ Кейкавусъ;
Всѣ витязи Ирана,
Которыхъ мужество и силу
Повсюду славятъ въ громкихъ пѣсняхъ,
Сошлися здѣсь противъ Зораба.
Скажи, о Баруманъ,
Не видишь ли въ толпѣ
Тамъ витязя такого,
Съ которымъ было бъ славно
И радостно сразиться,
Который лишь на сильныхъ
И славныхъ подымаетъ
Прославленный свой мечъ?

Которому въ бою не уступить
Великой честью озарило бъ
Мои младые годы?
Скажи, о Баруманъ,
Не видишь ли въ толпѣ
Тамъ витязя такого?
Такъ спрашивалъ Зорабъ;
Но онъ не смѣлъ
По имени того назвать,
Отъ чьей руки такъ скоро
Ему судьба назначила погибнуть.

И Баруманъ отвѣтствовалъ Зорабу:
Тамъ много витязей, съ которыми сразиться
Тебѣ великой было бъ славой;
Но знать хочу, о комъ ты мыслишь самъ?
О! благородно пламенѣетъ,
Какъ факелъ, ночи озаритель,
Твоей души отважность молодая!
Но берегись, чтобъ не упалъ
Твой факелъ въ воду, — въ хладной влагѣ
Онъ заклокочетъ, зашипитъ,
И, задымяся, вдругъ погаснетъ;
Не вѣдай страха, но врага
Не презирай: непостоянно счастье;
За нимъ твой конь летитъ, какъ на крылахъ,
Но мигъ одинъ — во рву и конь и всадникъ.
Былъ миръ, война спала —
Ее теперь ты разбудилъ;
Но знаешь ли какую схватитъ
Она добычу жадными когтями?
Не удивляйся жъ, примѣчая,

Что я дрожу, — не за себя дрожу я,
Дрожу за всѣхъ, чей будетъ вынутъ жребій,
И за тебя, — судьбина прихотлива,
Она всегда бросается на лучшихъ.
Иди же въ бой, Зорабъ,
Не опрометчивымъ ребенкомъ,
А твердо-осторожнымъ мужемъ.
Благодари Афразіаба,
Что сильною тебя снабдилъ онъ ратью;
Стой съ нею здѣсь, прикрытый крѣпкимъ замкомъ,
Упершися въ него ея крыломъ —
И врагъ тебя не одолѣетъ; если жъ
Захочешь славы, — пусть тобой
На поединокъ вызванъ будетъ
Тотъ витязь, кѣмъ стоитъ Иранъ,
И кто сраженный увлечетъ
Въ свое паденіе всю силу
И все величіе Ирана.
Такъ говорилъ Зорабу,
Мѣшая медъ совѣта
Съ отравою измѣны,
Коварный Баруманъ;
Но не посмѣлъ и онъ назвать
По имени Рустема; онъ блѣднѣлъ
При этомъ имени, — измѣна,
Какъ тайная змѣя,
Его сосала сердце.
Безъ подозрѣнья, безъ тревоги,
Полюбовавшись на блестящій
Равнину всю покрывшій станъ,
Зорабъ пошелъ съ подзорной башни,
И пиръ велѣлъ роскошный приготовить,

Чтобъ весело, при звукѣ флейтъ и арфъ,
При звонѣ кубковъ, при шипѣньи
Злато-пурпурнаго вина,
Отпраздновать съ друзьями
Враговъ желанное явленье.

Тѣмъ временемъ въ широкій станъ
Иранское сдвигалось войско;
Сперва казалось, что конямъ,
Слонамъ, верблюдамъ, будетъ тѣсно
Все безпредѣльное пространство;
Но наконецъ, — когда разросся
Огромный лѣсъ шатровъ и протянулись
Рядами улицы и на широкихъ
Межъ ними площадяхъ
Живая разлилась торговля, —
Въ спокойное пришелъ устройство
Кипѣвшій бурно безпорядокъ.
Когда жъ на западное небо
Склонилось солнце и зашло
За край земли — утихло все,
И каждый ратникъ подъ своимъ
Заснулъ шатромъ и въ высотѣ
Одинъ раскинулся надъ всѣми
Шатеръ небесъ, звѣздами ночи
Усыпанный необозримо.
И въ этотъ часъ, пришедши къ Шаху,
Ему сказалъ Рустемъ:
Я не могу безъ дѣла оставаться;
Хочу идти къ Зорабу въ гости;
Хочу увидѣть, кто навелъ
На васъ такой незапный ужасъ?

Хочу взглянуть въ лице богатыря,
Передъ которымъ весь Иранъ
Такъ задрожалъ; хочу своими
Глазами видѣть, стоило ль труда
Сѣдлать мнѣ Грома, надѣвать
Свой старый шлемъ, и будетъ ли какая
Мнѣ честь — его убить моей рукою.
Туранъ я часто посѣщалъ;
Я знаю ихъ языкъ и ихъ обычай:
Турецкое надѣвши платье,
Прокрасться я намѣренъ въ Бѣлый Замокъ,
И все тамъ осмотрѣть. Я у тебя,
Державный Шахъ, пришелъ просить
На то соизволенья. Кейкавусъ
Съ улыбкой отвѣчалъ: Рустемъ,
Ты и въ Турецкомъ платьѣ будешь
Красой и славою Ирана.
Рука всей рати въ день сраженья,
Ты хочешь быть и зоркимъ окомъ
Ея во тмѣ ночной. Иди,
И будь тебѣ проводникомъ Всевышній.

Одѣвшись Туркомъ, осторожно
Отправился въ свой путь Рустемъ.
Хотя въ шатрѣ онъ всѣ свои доспѣхи,
Свой панцырь, шлемъ и даже мечъ покинулъ —
Но безоруженъ не остался:
Его рука была, какъ булава
Желѣзная, крѣпка. Во мракѣ ночи
Онъ къ Бѣлому подходитъ Замку, —
Тамъ были слышны крики пированья;
И близъ воротъ незатворенныхъ

На стражѣ не стоялъ никто. Какъ левъ голодный,
Въ тотъ часъ, когда, забывъ
Заграду затворить, безпечно пастухи
Шумятъ на праздникѣ ночномъ,
Врывается въ средину стада,
И изъ него сильнѣйшаго быка
Уноситъ, — ревъ услыша, пастухи
Бѣгутъ за хищникомъ; но онъ
Съ добычею, погони не страшася,
Медлительно идетъ въ свой страшный логъ,
А пастухи назадъ приходятъ въ горѣ,
И вовсе ихъ ночной разстроенъ праздникъ, —
Такъ въ замокъ грозный левъ Рустемъ
Прокрался пиръ разстроить Турковъ.
Тамъ дворъ широкій весь былъ озаренъ
Огнями; онъ шумѣлъ
Отъ говора пирующихъ, отъ звона
Виномъ кипящихъ чашъ,
Отъ пѣнья, отъ бряцанья струнъ,
Отъ бѣшено-веселой пляски:
Враговъ явленье праздновалъ Зорабъ
И все съ нимъ праздновало войско.
И, притаяся въ темномъ
Углу, на все смотрѣлъ
И видѣлъ все изъ темноты
Никѣмъ невидимый Рустемъ.

На пиршествѣ безпечно
При факелахъ зажженныхъ
Зорабъ сидѣлъ съ гостями;
На немъ не шлемъ желѣзный,
А праздничный изъ свѣжихъ

Цвѣтовъ сіялъ вѣнокъ,
И онъ, самъ яркій блескъ,
Былъ яркимъ окруженъ
Блистаньемъ, былъ прекрасенъ,
Какъ цвѣтъ благоуханный
Надежды, и въ его
Груди кипѣла младость;
И голову младую
Онъ бодро подымалъ,
И, обѣгая окомъ
Воспламененнымъ праздникъ,
Съ весельемъ горделивымъ
Считалъ съ нимъ пировавшихъ
Сподвижниковъ. И, видя
Его передъ собою
Прекраснаго такъ чудно,
Они позабывали
Вино, и клики ихъ
До неба возносили
Его хвалу и славу.
А той порой изъ неба
Съ благоволеньемъ звѣзды
Смотрѣли на него,
И на небѣ о немъ,
Земной звѣздѣ прекрасной,
Незначенной такъ скоро
Въ своей красѣ угаснуть,
Печалилися звѣзды.
Тогда одна изъ нихъ
Своимъ сестрамъ небеснымъ
Печальная сказала:
Какъ жаль, что этотъ цвѣтъ

Такъ скоро, скоро долженъ
Увянуть! На землѣ
Прекраснаго являлось
Намъ много но очей мы
Отвесть не успѣвали,
Какъ ужь съ земли оно
Скрывалось — но доселѣ
Еще намъ не случилось
Тамъ видѣть ничего
Прекраснѣй и мгновеннѣй
Той прелести, какая
Такъ сладко въ этотъ мигъ
Собой насъ утѣшаетъ,
И такъ своею быстрой
Кончиною печалитъ.
О какъ онъ милъ! Какъ веселъ!
Пошлемъ въ сіяньи нашихъ
Очей, имъ веселимыхъ,
Видѣніе туда,
Гдѣ мать о немъ тоскуетъ,
Куда уже къ ней онъ
Не возвратится вѣчно;
Пускай его она
Хоть разъ еще увидитъ
Живымъ, цвѣтущимъ, полнымъ
Отваги и надежды
Его, быть можетъ, завтра
Придетъ схватить судьбина.

Такъ говорили звѣзды неба
О милой праздника звѣздѣ.
И вотъ онѣ паровъ и блеска —

Въ пространствѣ воздуха разлитыхъ
Межъ небомъ и землею — взяли,
И свили сонъ...
И этотъ сонъ подобенъ
Былъ разноцвѣтному ковру,
Блестящему шелками,
Какой женихъ издалека́
Невѣстѣ милой посылаетъ;
На немъ она въ землѣ своей
Все видитъ, что въ землѣ далекой
Ея возлюбленнаго очи
Встрѣчаютъ; горы снѣговыя,
И многоводные потоки,
И чудныхъ птицъ на неизвѣстныхъ
Деревьяхъ. И когда
На тотъ коверъ невѣста
Глядитъ — ей мнится, что сама
Она съ нимъ странствуетъ, что близъ нея
Онъ, возвратяся, отдыхаетъ.
Такую ткань видѣній
Изъ блеска и паровъ
Соткали звѣзды въ высотѣ;
И дали воздуху онѣ
Ее нести, и съ нею тихо
Летѣть въ Туранъ,
Чтобъ спящей матери лицо
Она неслышимо покрыла;
И воздухъ полетѣлъ;
И матери привидѣлся прекрасный,
Какъ утро свѣтлый — сонъ;
И въ этомъ снѣ увидѣла она
Сидящаго на пиршествѣ ночномъ

За полнымъ кубкомъ сына;
Его горѣли щеки,
Его уста цвѣли,
Его сверкали очи,
Онъ полонъ былъ отваги;
И таяло отъ радости въ ней сердце.
Казалось ей, что онъ,
Въ немногіе разлуки дни,
Изъ отрока созрѣлъ
Могущественнымъ мужемъ;
И вкругъ него, казалось, много
Знакомыхъ ей, и незнакомыхъ.
Сидѣло витязей. Но въ сторонѣ,
Она увидѣла, стоялъ Рустемъ
Одинъ; и, притаясь, изъ темноты
Смотрѣлъ на праздникъ онъ сурово;
Ей стало чудно и прискорбно,
Что къ сыну выйти не хотѣлъ
Отецъ на свѣтъ; но горе скоро
Провѣяло, какъ легкій воздухъ;
Ей стало весело, что къ сыну
Отецъ такъ близко, и что онъ
Свою узнавъ повязку,
Изъ мрака выйдетъ и ему
Съ любовію протянетъ руку,

Тѣмъ временемъ, какъ матери душа
Была такимъ прекраснымъ сновидѣньемъ
Лелѣема, Зорабъ
Съ гостями праздновалъ безпечно;
И пили всѣ кипучее вино;
И два изъ нихъ сидѣли рядомъ,

Одинъ по правую, другой
По лѣвую съ нимъ руку;
Былъ слѣва Баруманъ,
Къ нему не изъ любви, не для храненья
Приставленный Афразіабомъ;
А съ права Синдъ; его
Послала въ слѣдъ за сыномъ мать,
Чтобъ съ глазъ Зораба не спуская,
Онъ былъ ему въ чужой землѣ
Хранителемъ и вѣрнымъ другомъ.
Онъ былъ изъ рода Семенгамскихъ
Царей, былъ крѣпокъ силой, ростомъ
Высокъ; былъ чутокъ слухомъ,
И такъ очами зорокъ,
Что ночью видѣлъ онъ — какъ днемъ;
И это побудило мать
Ему надзоръ за сыномъ ввѣрить,
Дабы, когда имъ встрѣтится Рустемъ,
Онъ могъ немедля
Его Зорабу указать;
(Остались въ памяти у Синда
Черты Рустема съ той поры,
Когда царемъ онъ въ Семенгамѣ
Былъ такъ роскошно угощенъ,
И бракомъ сочетался
Съ царевною Теминой).
И Синдъ на праздникѣ Зораба
Сидѣлъ, вино изъ кубка пилъ,
И молча думалъ: завтра
Ему я укажу Рустема.

Но рысьими глазами Синдъ

Увидѣлъ вдругъ, что кто-то въ темнотѣ
Стоялъ и прятался. Онъ всталъ,
И къ мѣсту темному пошелъ
Поспѣшнымъ шагомъ, чтобъ своими
Его глазами осмотрѣть.
Онъ тамъ увидѣлъ великана,
Огромнаго, какъ слонъ;
Не помнилось ему, чтобъ кто подобный
Его глазамъ когда встрѣчался;
Такимъ онъ видѣлъ одного Рустема;
Но этотъ былъ въ Турецкомъ платьѣ,
Хотя и замѣчалъ
Въ немъ Синдъ какъ будто что чужое.
Кто ты? воскликнулъ Синдъ; зачѣмъ
Здѣсь спрятался и выступить на свѣтъ
Не хочешь? Покажи свое лицо
И дай отвѣтъ. Но не далъ
Ему Рустемъ отвѣта.
Тогда могучею рукою
Его за платье Синдъ схватилъ,
Чтобъ вытянуть на свѣтъ изъ темноты;
Но булаву руки тяжелой
Рустемъ взмахнулъ,
И грянулъ Синда кулакомъ
По головѣ — и Синдъ упалъ,
Не крикнувъ, мертвый. Той порой,
Зорабъ, примѣтивъ, что ушедшій
Не возвращался долго Синдъ,
Послалъ провѣдать, гдѣ онъ?
И посланный, его увидя
Бездыханно лежащаго, обратно,
Какъ изступленный, прибѣжалъ,

Крича: убили Синда! Синдъ
Убитъ! Затрепетавъ, Зорабъ
Вскочилъ; вскочили съ нимъ всѣ гости,
И съ факелами побѣжали
Толпою къ мѣсту роковому.
Тамъ на землѣ недвижимъ Синдъ лежалъ;
Онъ былъ убитъ — но кѣмъ?
Никто того не вѣдалъ.

О горе! возопилъ Зорабъ,
Въ заграду волкъ ворвался
И лучшаго зарѣзалъ въ стадѣ
Овна; а пастухи
Съ собаками дремали.
Скорѣе всѣ въ погоню за убійцей!...
Но некого ужь было догонять,
Исчезъ ночной убійца. Возвратясь,
Зорабъ печально сѣлъ за столъ;
Кругомъ его печально сѣли гости;
И онъ сказалъ: не радуетъ меня
Теперь мое на этомъ пирѣ мѣсто;
На право отъ меня моимъ
Ближайшимъ другомъ занятое
Вдругъ стало пусто. Былъ мнѣ данъ
Онъ милой матерью моею,
И могъ одинъ въ Иранѣ указать мнѣ
Рустема; онъ одинъ изъ насъ
Его видалъ. Кто мнѣ теперь
Его укажетъ? — То услыша, покраснѣлъ
Сидѣвшій съ лѣва — покраснѣлъ
Предатель Баруманъ,
Не изъ любви, не для храненья

Приставленный къ нему Афразіабомъ;
Какъ Синдъ, Зорабу
Онъ могъ бы указать Рустема;
Но было то ему запрещено,
И рабски онъ служилъ измѣнѣ.
Зорабъ, поднявъ высоко
Виномъ наполненную чашу,
Воскликнулъ: пью послѣдній кубокъ пира;
Онъ не виномъ, а клятвою кровавой
Наполненъ, клятвою — отмстить
Убійцѣ Синда. Кто бъ онъ ни былъ, я
Его найду, и будетъ отъ меня
Ему убійство за убійство.
Когда жъ моей я клятвы не исполню,
Пускай въ отраву обратится
И въ жилахъ кровь мою сожжетъ
Вино въ послѣдней этой чашѣ,
Мной осушаемой до дна.
Съ такою клятвой мщенья
(Противъ кого? о томъ не вѣдалъ онъ)
Зорабъ вино изъ кубка выпилъ,
И въ дребезги расшибъ, ударивъ о земь, кубокъ.
Потомъ всѣ гости встали съ мѣстъ,
Чтобъ Синда въ землю опустить;
И свѣтлый пиръ сталъ мрачнымъ погребеньемъ.

Тѣмъ временемъ Рустемъ достигнулъ стана
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ на стражѣ Гефъ.
При видѣ Турка, Гефъ его окликнулъ
И вся его дружина стала въ строй;
Рустемъ, узнавъ по клику зятя,
Ему знакомый подалъ голосъ;

И Гефъ, его впустивъ въ заграду стана,
Спросилъ съ великимъ изумленьемъ:
Гдѣ былъ ты, старый богатырь?
Зачѣмъ одинъ въ такую пору бродишь?
Съ духами ль темными ночную
Бесѣду ты завелъ? въ союзъ ли съ ними
Вступилъ, чтобъ чародѣйствомъ
Себѣ придать передъ сраженьемъ силы?
Мы знаемъ, съ демонами тмы
Давно ты водишься; и вѣрно
Отъ нихъ ты занялъ черное исскуство
Быть невредимымъ, что теперь
Такъ беззаботно, безоружный,
Одинъ, переодѣтый Туркомъ, ходишь
Ночной порой между шатровъ Ирана.
Рустемъ сказалъ: не въ этомъ дѣло;
Я былъ въ гостяхъ, я навѣстилъ Зораба;
Издалека его увидѣлъ я,
И буду радъ, когда вблизи увижу.
Но мнѣ лазутчику другой лазутчикъ
Нежданый помѣшалъ; насильно
Меня хотѣлъ онъ вытащить на свѣтъ;
Я въ темнотѣ ударомъ кулака
Его убилъ — себѣ иначе
Помочь не могъ я — но о немъ
Непостижимо грустно мнѣ, и я готовъ
Почти заплакать. Гефъ, найди скорѣе
Персидскій для меня уборъ;
Замаранное кровью это платье
Несносно мнѣ; да и собаки здѣсь
Со всѣхъ сторонъ сбѣгутся съ лаемъ
На Турка, вкругъ шатровъ Персидскихъ

Ходящаго ночнымъ дозоромъ.
Вздохнувъ глубоко, снялъ съ себя
Рустемъ Турецкую одежду.
Какой-то жалобный въ немъ голосъ
Противъ ночнаго дѣла вопіялъ;
Невольно онъ жалѣлъ о Синдѣ;
Какъ будто чувствовалъ, что въ немъ убилъ
Свое спасенье отъ чего-то,
Неизбѣжимаго теперь.
И не пошелъ онъ къ Шаху съ донесеньемъ;
Къ себѣ въ шатеръ онъ возвратился,
И легъ, и тяжко спалъ всю ночь.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ЗОРАБЪ И ХЕДЖИРЪ.

Когда взошла заря на небо,
Зорабъ взошелъ на башню замка;
Съ ея площадки могъ онъ весь
Иранскій станъ, какъ на ладони, видѣть.
И онъ велѣлъ позвать Хеджира.
Онъ думалъ: Синда нѣтъ; Хеджиръ
Рустема вѣрно знаетъ; мнѣ
Его укажетъ онъ. Хеджиръ
Окованный былъ приведенъ. Оковы
Съ него своей рукою снявъ, Зорабъ
Сказалъ: Хеджиръ, желѣза плѣна
Я золотомъ свободы замѣню,
Когда ты мнѣ по правдѣ дашь отвѣтъ
На все, о чемъ тебя распрашивать я стану;
Будь откровененъ; съ чистымъ,

А не съ подмѣшаннымъ виномъ
Подай теперь свою мнѣ чашу. —
Я не солгу, отвѣтствовалъ Хеджиръ;
Готовъ я на твои вопросы
Все объявить, что самому
Извѣстно мнѣ. — Богатые шатры
Я въ станѣ вижу, продолжалъ Зорабъ;
Какому витязю, скажи мнѣ, каждый
Изъ тѣхъ шатровъ принадлежитъ?
Когда о томъ поистинѣ мнѣ скажешь,
Тебя осыплю золотомъ и честью;
Когда же нѣтъ, не усидитъ
Твоя на шеѣ голова. —
Чего же медлишь? возразилъ
Хеджиръ; распрашивай, я буду
По правдѣ отвѣчать; лжецомъ
Я не бывалъ, а смерти не страшуся.

И началъ спрашивать Зорабъ:
Тамъ въ серединѣ самой стана
Я вижу золотой шатеръ;
И отъ него идутъ во всѣ концы
Дороги; и по тѣмъ дорогамъ
Одни къ шатру медлительно подходятъ,
Какъ будто съ робкимъ ожиданьемъ;
Другіе весело отходятъ отъ шатра,
Какъ бы съ исполненной надеждой.
И весь онъ отъ подошвы
До маковки сіяетъ,
Какъ солнце, золотомъ; у входа
Лежатъ, какъ двѣ ручныя
Собаки, левъ и тигръ; а на вершинѣ

Сидитъ орелъ; и держитъ онъ
Въ когтяхъ распущенное знамя
Съ изображеньемъ солнца.
Такой шатеръ не витязю простому
Принадлежитъ; скажи мнѣ, чей онъ? — Гордо
Поднявши голову, сказалъ Хеджиръ:
Въ немъ Шахъ Ирана обитаетъ.
Передъ его престоломъ день и ночь
Дружина вѣрная стоитъ
Тѣлохранителей. И никакой
Нестрашенъ врагъ великому царю. —
Налѣво, продолжалъ Зорабъ,
Разбитъ серебряный шатеръ;
Онъ къ золотому обращенъ
Своимъ открытымъ входомъ;
У входа барсъ и леопардъ;
А на верху я вижу грифа:
Широко вѣющее знамя
Съ изображеніемъ луны,
Въ когтяхъ серебряныхъ онъ держитъ. —
Тамъ обитаетъ, отвѣчалъ
Хеджиръ, сынъ шаха Фераборъ, ближайшій
Къ престолу и къ цареву сердцу. —
На то Зорабъ сказалъ: имъ честь и слава!
Когда одна душа въ отцѣ и въ сынѣ,
Они всю землю завоютъ.

И продолжалъ распрашивать Зорабъ:
Направо тамъ отъ золотаго
Шатра стоитъ, я вижу, черный;
Онъ окруженъ безчисленною стражей;
И безпрестанно скачутъ

Къ нему и отъ него гонцы.
У входа слонъ, покрытый пышнымъ
Ковромъ, и на его спинѣ
Огромные тимпаны войска;
А на верху шатра сіяетъ
Драконъ; въ его разинутую пасть
Водружено распущенное знамя;
Оно усыпано звѣздами,
И разстилается, какъ небо,
Широко вѣя, надъ шатрами.
Кому такая почесть?
Кто раздѣляетъ власть съ державнымъ Шахомъ? —
Его военачальникъ Тусъ,
Отвѣтствовалъ Хеджиръ; онъ сродникъ Шаха,
И право онъ имѣетъ родовое
Въ сраженьи мѣсто заступать царя;
На зовъ его сошлося это войско,
Грозящее погибелью тебѣ.
А надъ шатромъ воздвигнутое знамя
Есть наша царская хоругвь;
Его воздвигъ великій Феридунъ,
Убивъ Согака, на плечахъ
Носившаго живыхъ, приросшихъ къ нимъ драконовъ;
Къ святой хоругви этой
Прикована побѣда:
Она въ союзника отважность проливаетъ,
Блѣднѣетъ врагъ, ее увидя. —
Зорабъ при этомъ словѣ улыбнулся,
И продолжалъ: а этотъ пурпуровый
Шатеръ кому принадлежитъ?
И кто сѣдой, могучій воинъ,
Передъ его сидящій входомъ?

Толпою ратниковъ онъ окруженъ;
Одни изъ нихъ ужь въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Другіе молоды, и всѣ
Къ нему лицемъ обращены,
И передъ нимъ стоятъ благоговѣйно,
Какъ сыновья передъ отцемъ? — Изъ сердца
Хеджирова, какъ острый
Кинжалъ, въ немъ глубоко сидѣвшій,
Исторгся вздохъ, когда онъ отвѣчалъ
Зорабу: это старецъ
Гудерсъ; онъ мудръ и кротокъ рѣчью,
Мечемъ пронзителенъ и крѣпокъ,
Онъ сильный царь въ своей семьѣ,
И можетъ царство защитить
Одинъ, собравъ своихъ домашнихъ;
Съ семидесятью девятью
Онъ сыновьями въ войско шаха
Пришелъ противъ тебя..... а я
Осьмидесятый; и меня
Въ строю ихъ нѣтъ. — Зачѣмъ дался ты въ плѣнъ?
Сказалъ Зорабъ. Открой мнѣ правду,
И нынче жъ будешь вмѣстѣ съ ними.

Но чей, скажи, зеленый тотъ шатеръ,
Который, какъ дремучимъ лѣсомъ
Покрытая гора, межъ невысокихъ
Холмовъ стоящая, надъ всѣми
Шатрами поднялся? И также твердъ онъ,
Какъ та гора: на ней растущій лѣсъ
Дрожитъ, шатаемъ бурей,
Она жъ не двигнется, и шаткій лѣсъ
За корни, въ грудь ея вонзившіеся, держитъ.

Конечно тотъ шатеръ великій
Сильнѣйшему въ Иранскомъ войскѣ
Принадлежитъ? Передъ шатромъ
Сидитъ, я вижу, воинъ; близъ него
Стоитъ, я вижу, конь;
Тотъ воинъ великанъ:
Тотъ конь чудовище; и воинъ
Сидитъ не навысокомъ мѣстѣ,
А всѣхъ кругомъ стоящихъ,
Онъ перевысилъ головой;
Всѣ на него почтительно глядятъ,
А онъ глядитъ съ любовью на коня,
Товарища испытаннаго въ битвахъ,
Копытомъ конь нетерпѣливымъ
Разбрасываетъ землю, а когда
Къ нему протягиваетъ руку
Его могучій господинъ —
Онъ чутко уши подымаетъ
И фыркаетъ; когда же
Его волнистую онъ треплетъ гриву, —
Конь бѣсится, кругомъ
Стоящіе приходятъ въ ужасъ,
А господину весело и любо.
Къ его бедру привѣшенъ мечъ,
Прислонена къ его колѣну
Дубина; ихъ никто другой не сможетъ
Поднять; когда дубиной онъ
Надъ головою конской машетъ,
Иль изъ ноженъ до половины
Выхватываетъ мечъ —
Конь прыгаетъ, послыша свистъ дубины,
И громко ржетъ, увидя блескъ меча.

Мнѣ никогда такой сѣдокъ,
Мнѣ никогда подобный конь
Не попадался, — конь, который
Однимъ такимъ лишь сѣдокомъ
Обузданъ можетъ быть; сѣдокъ,
Котораго такому лишь коню
Поднять и вынесть можно. Вѣрно
О сѣдокѣ и о конѣ
И старъ и малъ въ Иранѣ знаетъ.
Скажи, Хеджиръ, ихъ имена.
Онъ замолчалъ, какъ будто убѣжденный,
Что эти имена: Рустемъ и Громъ;
Но онъ услышать ихъ
Хотѣлъ изъ устъ Хеджира.

Хеджиръ задумался: ему пришло на память,
Что, съ нимъ вступая въ бой, Зорабъ
Своимъ отцемъ назвалъ Рустема;
И про себя Хеджиръ подумалъ:
Когда тебѣ Рустемъ отецъ,
Не мною съ нимъ ты будешь познакомленъ;
Его узнавъ, съ нимъ въ бой ты не пойдешь;
Тебя узнавъ, не булаву
Желѣзную онъ на врага подыметъ,
А нѣжною прижметъ рукою
Къ отеческому сердцу сына.
Нѣтъ! Отъ Рустемовой руки
Тебя спасать я не намѣренъ.
Такъ разсуждалъ съ самимъ собой Хеджиръ.
Что жъ ты умолкъ? спросилъ его Зорабъ;
О чемъ бормочешь самъ съ собою?
Со мною говори. — Я думаю, сказалъ

Хеджиръ, и не могу придумать,
Кто этотъ чудный витязь.
Его мнѣ знаки неизвѣстны;
Конечно онъ въ отсутствіе мое
Въ столицу шаха прибылъ:
Къ намъ слухъ дошелъ, что сильный богатырь
Изъ Индіи далекой
Царемъ на помощь вызванъ, —
Быть можетъ, это онъ.
И подлинно въ немъ что-то есть чужое. —
Но какъ зовутъ его? спросилъ Зорабъ. —
Не знаю, отвѣчалъ Хеджиръ. —
Не можетъ быть! ты долженъ знать;
Скажи, я требую. — Не знаю,
Твердилъ Хеджиръ упорно,
И въ тяжкомъ былъ Зорабъ недоумѣньи;
Рустемовы всѣ признаки онъ видѣлъ:
Ему и сердце говорило,
Что былъ въ глазахъ его Рустемъ, —
Но имени желаннаго не могъ онъ
Ни просьбой, ни угрозой вырвать
Изъ непреклоннаго Хеджира.
И снова сталъ распрашивать его
Зорабъ: кому принадлежитъ
Тотъ свѣтлорозовый шатеръ? —
Его назвать могу я, отвѣчалъ
Хеджиръ; могучему Гуразу. —
А этотъ желтый чей? — Гургиновъ. —
А этотъ голубой? — Въ немъ Гефъ живетъ,
Рустемовъ зять. — При этомъ на Хеджира
Зорабъ разгнѣванныя очи
Оборотилъ; теперь мнѣ явно,

Что ты безтыдный лжецъ; мнѣ всѣхъ
Назвалъ ты, объ одномъ Рустемѣ
Ни слова. А Рустемъ душа Ирана,
И безъ него сраженій не бываетъ.
Между шатровъ тамъ нѣтъ ни одного
Принадлежащаго Рустему; гдѣ же
Рустемъ? Его съ намѣреньемъ скрываешь
Ты отъ меня. Но чудный воинъ тотъ
Передъ шатромъ зеленымъ — онъ конечно
Рустемъ. Скажи, Хеджиръ; скажи, что это онъ!
Всѣ признаки Рустемовы я вижу;
Недостаетъ мнѣ только убѣжденья;
Но я изъ всѣхъ, кого тамъ видѣлъ,
Желалъ бы, чтобъ Рустемомъ былъ
Одинъ лишь этотъ. О! скажи,
Скажи, Хеджиръ, что это онъ! и ты,
Немедля въ станъ къ отцу и братьямъ будешь
Отпущенъ съ честью и дарами. —
Зачѣмъ, спросилъ Хеджиръ,
Ты такъ, Зорабъ нетерпѣливо
Узнать Рустема хочешь? Мой совѣтъ:
Не выходи противъ него. Тебѣ
Передъ Рустемовой ужасной силой
Не устоять; когда Рустемъ
На Громѣ въ поле выѣзжаетъ,
И левъ и крокодилъ приходятъ въ трепетъ:
Онъ взглядомъ посылаетъ смерть;
Его дыханье буря; онъ, какъ прутья,
Ломаетъ крѣпкія деревья;
И, кто бъ его противникъ ни былъ,
Хотя бъ онъ тверже былъ кремнистой
Горы, его Рустемъ растопчетъ,

Какъ слонъ траву сухую, въ пыль.
Но, къ счастью своему, грозы
Ты избѣжалъ: Рустема въ войскѣ нѣтъ;
Съ царемъ поссорясь, онъ
Въ Сабулистанъ свой возвратился,
И тамъ, о битвахъ позабывъ,
Въ роскошномъ розовомъ саду
Пируетъ весело съ гостями,
И ждетъ спокойно за виномъ,
Чѣмъ кончится набѣгъ на насъ Турана.
Такъ говорилъ Хеджиръ Зорабу:
Его хотѣлъ онъ обмануть,
Придумавши вражду царя съ Рустемомъ;
Но вмѣсто лжи сказалъ случайно правду.

Ты надо мной ругаешься, воскликнулъ
Съ негодованіемъ Зорабъ;
Молчи, презреннѣйшій изъ всѣхъ
Гудерсовыхъ осьмидесяти сыновей!
Повѣрю ли, чтобъ Пехлеванъ Ирана,
Чтобы Рустемъ, властитель боя,
Отъ боя убѣжавъ, лѣниво
Подъ кровлею домашней пировалъ?
Тогда бъ и женщины и дѣти
Его достойно осмѣяли.
Поссориться онъ могъ конечно, съ Шахомъ,
Когда, забывшись Шахъ его,
Завоевавшаго ему отцовскій
Престолъ, чѣмъ оскорбилъ; но Кейкавусъ
Еще не потерялъ разсудка;
И если подлинно онъ въ ссорѣ былъ съ Рустемомъ,
То ужь они навѣрно примирились:

BIBLIOTHECA REGIA MONACENSIS

Кто замѣнитъ Рустема Кейкавусу?
Что значитъ туча громовая
Безъ молніи и грома? Безъ Рустема
Что ваше войско, что и весь
Иранъ вашъ значитъ? Говори жъ
Немедля, кто Рустемъ? Иль вмигъ твоя
Перелетитъ черезъ ограду замка
Къ шатрамъ Иранскимъ голова.
Хеджиръ отъ злости поблѣднѣлъ.
Ты изъ меня, подумалъ про себя онъ,
Насиліемъ не вырвешь слова,
Котораго сказать я не хочу.
Нестрашны мнѣ твои угрозы;
Меня убьешь ты — отъ того
Не потемнѣетъ день, и въ кровь
Вода не превратится;
Гудерсу только изъ своихъ
Осьмидесяти сыновей
Придется вычесть одного;
За то съ семидесятью девятью
Онъ выйдетъ мстителемъ кровавымъ
Противъ Хеджирова убійцы.
И онъ сказалъ: зачѣмъ, Зорабъ,
Ты такъ бѣснуешься напрасно?
Меня убить грозишься ты —
Убей, ты властенъ; имя жъ,
Которое такъ жадно хочешь слышать,
Останется во мнѣ, какъ запертое
Въ могилѣ; я не вымолвлю его,
Хотя бъ и зналъ стократно, кто и гдѣ
Рустемъ. Убей меня, — пусть кровью заплачу
За стыдъ, что былъ ничтожнѣйшимъ изъ всѣхъ

Гудерсовыхъ осьмидесяти сыновей.
Такъ онъ сказалъ. Зорабъ въ кипѣньи гнѣва
Схватилъ свой мечъ, чтобъ грудь пронзить Хеджиру;
Но онъ одумался, и только по щекѣ
Его съ такой ударилъ силой,
Что онъ безъ чувствъ упалъ на землю.
Когда никто — воскликнулъ онъ —
Не хочетъ мнѣ Рустема указать,
Мой мечъ къ нему прочиститъ мнѣ дорогу.

Зорабъ сбѣжалъ, пылая гнѣвомъ, съ башни,
Вооружился, на коня,
Крылатаго дракона, прянулъ,
И поскакалъ, какъ буря, къ стану.
Онъ страшенъ былъ — кругомъ его
Клубился, выбитый конемъ,
Изъ нѣдръ земли кипучій вихорь пыли;
И въ этой черной тучѣ,
Какъ молнія, броня его сверкала,
И громомъ въ ней тяжелымъ раздавалось
Коня топочущаго ржанье.
И прямо на шатры Ирана
Летѣла туча громовая;
И всѣ, покинувшіе станъ,
Чтобъ подышать свободно въ полѣ,
Въ испугѣ бросились назадъ,
Спѣша укрыться за окопомъ.
Такъ на лугу, заграду табуна
Покинувъ, скачутъ жеребята;
Но вдругъ, бѣгущаго увидя льва,
Пугаются его косматой гривы,
И шумно ломятся въ заграду;

Такъ, ужасомъ объятые, къ шатрамъ
Всѣ кинулись, увидѣвши Зораба.
Но, мелкаго врага не замѣчая,
Онъ вихремъ мчался къ валу стана,
Чтобъ, на него взлетѣвъ съ конемъ,
Храбрѣйшаго изъ витязей Ирана
На смертный вызвать поединокъ;
И съ высоты окопа закричалъ
Зорабъ такимъ гремящимъ кликомъ,
Что отъ него и мертвый бы въ могилѣ
Перевернулся: Шахъ великолѣпный,
Ты чудной пышностью блистаешь
За крѣпкою оградой стана;
Но покажись, каковъ ты въ чистомъ полѣ.
Зачѣмъ съ своимъ могучимъ войскомъ
Ты спрятался тамъ отъ меня,
Какъ за плетнемъ отъ волка
Съ овцами прячется пастухъ?
Съ моимъ копьемъ противъ тебя
Я выѣзжаю; въ Бѣломъ Замкѣ
Былъ умерщвленъ разбойнически Синдъ;
Я за виномъ кровавую далъ клятву
Разбойнику за друга отомстить,
И въ ясный день убить убійцу,
Столь храбраго лишь темной ночью.
Когда его ты знаещь, повели,
Чтобъ шелъ со мной сразиться;
Когда жъ тебѣ невѣдомъ онъ, то вышли
Инаго — лучшаго въ смертельномъ дѣлѣ боя.
Но если изъ твоей заграды
Никто противъ меня не выйдетъ, самъ я
Въ твой станъ проникну, и къ шатру,

Гдѣ ты таишься недоступно,
Себѣ мечемъ прочищу доступъ.
Не устрашатъ меня твои два стража,
Твой левъ и тигръ; до солнца твоего
Мое копье крылатое допрянетъ;
И выронитъ орелъ твой изъ когтей
Ирана царственное знамя;
Я на тебя шатеръ твой повалю,
И ты отъ сна безпечнаго проснешься.

При этомъ кликѣ Шахъ въ испугѣ
Вскочилъ. Бѣгите за Рустемомъ,
Онъ закричалъ. Какъ этотъ звѣрь провѣдалъ,
Что въ золотомъ шатрѣ я пребываю?
Скорѣй, скорѣй позвать Рустема! —
Рустемъ сидѣлъ передъ шатромъ зеленымъ,
Когда гонецъ предъ нимъ явился
И задыхаясь возопилъ:
Зорабъ ворвался въ станъ; на царскій
Шатеръ напасть грозится онъ;
Спѣши, Рустемъ; на помощь царь зоветъ.
Рустемъ, непокидая мѣста,
Сказалъ: служить накладно Кейкавусу;
Покоя нѣтъ ни днемъ ни ночью;
Я прошлую провелъ въ работѣ ночь,
Теперь хочу день цѣлый отдыхать.
Но вотъ второй гонецъ примчался
За первымъ, третій за вторымъ, четвертый
За третьимъ; быстро,
Какъ за стрѣлою изъ лука стрѣла,
Они летѣли другъ за другомъ,
И каждый повторялъ: Рустемъ!

Зорабъ ворваться хочетъ въ станъ;
Бѣги скорѣй къ царю на помощь!
Увидя общую тревогу,
Рустемъ сказалъ: да развѣ небо
Упало? Всѣ дрожатъ передъ однимъ!
Отъ одного такой пожаръ всемірный!
Но вдругъ предъ нимъ явились
Вельможи, посланные Шахомъ,
Верховный воевода Тусъ
И самъ царевъ наслѣдникъ Фераборъ;
И всѣ его доспѣхи принесли
Они съ собой. Въ молчаніи угрюмомъ
Онъ далъ имъ волю; Тусъ надѣлъ
Тяжелый панцырь на него,
Гургинъ поножья; шлемъ
Былъ поданъ Ферaборомъ;
Гуразъ принесъ колчанъ и лукъ;
Съ копьемъ, мечемъ и булавой пришли
Три сына стараго Гудерса;
И наконецъ съ могучимъ Громомъ,
Со всѣмъ осѣдланнымъ явился зять
Рустемовъ Гефъ. Увидя,
Какъ бѣшено, почуя бой, кипѣлъ
И прядалъ Громъ, его товарищъ вѣрный,
Рустемъ воспламенился;
На Грома онъ вскочилъ,
И, грозно крикнувъ, поскакалъ
И всѣ очами вслѣдъ за нимъ
Въ глубокомъ страхѣ устремились.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ПЕРВЫЙ БОЙ.

Онъ поскакалъ туда, гдѣ богатырь,
Съ нимъ однокровный, ждалъ, гдѣ сынъ его родной
Стоялъ, противъ отца вооруженный.
Завидѣвши одинъ другаго, оба
Заржали громко пламенные кони,
Рустемовъ Громъ и конь Зорабовъ,
Сынъ Грома — тотъ, отца принесшій
На убіенье сына; этотъ,
Принесшій сына, чтобъ погибъ
Рукой отца: но какъ родные
Они привѣтственнымъ другъ друга ржаньемъ
Окликнули о горе! неразумнымъ
Звѣрямъ былъ внятенъ голосъ крови,
А въ глубину души отца и сына
Онъ не проникъ; — такъ бѣдный человѣкъ,
Въ безуміи страстей своихъ, и звѣря
Слѣпорожденнаго слѣпѣй бываетъ; —
Для витязей то родственное ржанье
Призывомъ было въ бой свирѣпый,
И въ нихъ зажглось удвоенное пламя.
Остановясь одинъ противъ другаго,
Отецъ и сынъ издалека другъ друга
Смертельнымъ окомъ, молча, озирали.
А той порой двѣ рати съ двухъ сторонъ,
Свидѣтелями поединка,
Въ порядкѣ вышли боевомъ:
Ведомые могучимъ Тусомъ,

Полки блестящіе Ирана
Построились передъ шатрами;
А Баруманъ Туранскія дружины
По склону вытянулъ горы,
Однимъ крыломъ ихъ къ замку прислонивши.
И тихимъ рати строемъ
Одна противъ другой стояли,
Какъ двѣ на двухъ концахъ противныхъ неба
Стоятъ грозой чернѣющія тучи;
Желанье боя только въ двухъ
Избранныхъ витязяхъ горѣло;
А вкругъ ихъ все молчало, роковаго
Событія со страхомъ ожидая.

И начали богатыри съѣзжаться,
И сблизились, и видѣли другъ друга
Уже въ лицо. Зорабъ,
Къ отцу влекомый тайной силой,
Съ весельемъ руки потирая,
Воскликнулъ: здравствуй, старый богатырь,
Какому я подобнаго и сонный
Не видывалъ! моя завидна участь:
Я лѣтами еще полуребенокъ,
А мнѣ съ такимъ обдержаннымъ въ бою
Желѣзнымъ воиномъ досталось
Впервые силу испытать.
Великъ твой ростъ, плечами ты широкъ;
Но много взяли силъ твоихъ
И годы и сраженья;
Съ моею молодостью крѣпкой,
Сѣдой боецъ, твоя не сладитъ старость. —
На щеки розовыя сына

Взглянувъ, Рустемъ сказалъ; не горячись,
Прекрасный, огненный младенецъ;
Земля тверда, хотя и холодна:
А воздухъ тепелъ, но уступчивъ.
Я на своемъ вѣку немало
Полей сраженья перешелъ,
И многимъ войскамъ, гордымъ силой,
Помогъ въ сырую землю лечь;
Ихъ много спитъ, въ ея глубокомъ лонѣ
Моей рукою погребенныхъ;
Ты скоро самъ то испытаешь,
Когда тебя съ другими положу я
Убитаго, во глубь земли холодной.
Когда же паче ожиданья
Моей руки ты избѣжишь,
То ужь тебѣ никто, ни человѣкъ,
Ни крокодилъ, ни левъ не будутъ страшны.
Но слушай, милое дитя,
Мнѣ жаль тебя, мнѣ жаль такую
Младую душу изъ такого
Прекраснаго исторгнуть тѣла;
Ты съ Туркомъ, пальма красоты,
Не сходенъ; я подобнаго тебѣ
Не знаю и въ самомъ Иранѣ;
Мнѣ жаль тебя. — Такую рѣчь
Привѣтнонѣжную услышавъ,
Зорабъ почувствовалъ, что въ немъ
Вся внутренность затрепетала.
И онъ сказалъ: о бодрый старецъ мой,
Я объ одномъ спрошу тебя смиренно:
Отвѣтствуй мнѣ по правдѣ: кто ты?
У нашихъ праотцевъ благой

Обычай былъ себя передъ сраженьемъ
Именовать какой то голосъ
Мнѣ тайно говоритъ, что ты
Рустемъ, зеленаго шатра
Владѣтель. — Такъ сказалъ Зорабъ
И такъ надъ ними близко,
Неузнанное, пролетѣло
Мгновеніе, которымъ гибель
Могла бъ въ спасенье обратиться,
И злоба въ нѣжную любовь
Но темный духъ нашелъ тутъ на Рустема;
Онъ отвѣчалъ: я не Рустемъ;
И знать тебѣ нѣтъ нужды о Рустемѣ.
Я подданный, а онъ державный князь;
Тебѣ жъ не съ нимъ считаться, а со мною;
Я у тебя въ долгу: вчера я, вѣдай,
Во время пира, въ Бѣломъ Замкѣ
Ночное совершилъ убійство.

При этомъ словѣ гнѣвомъ вспыхнулъ,
Какъ туча молніей, Зорабъ,
И разомъ оба поскакали,
Зорабъ на право отъ Рустема,
Рустемъ на право отъ Зораба;
И, отскакавъ во весь опоръ
На выстрѣлъ изъ лука, оборотили
Коней; и быстро полетѣли
Другъ противъ друга, двѣ грозы.
И начался межъ сыномъ и отцомъ
Упорный бой. Сперва на всемъ скаку
Они пустили копья —
Со свистомъ пронизали

Они щиты, подставленные имъ,
И, пролетѣвъ сквозь нихъ, воткнулись въ землю.
Тутъ обнаженными мечами
Они разить другъ друга принялися, —
Мечи, скрестяся на ударѣ,
Переломились разомъ оба;
Они, мечей обломки бросивъ,
Желѣзныя схватили булавы.
Чего копье не тронуло, то мечъ
Разсѣкъ; чего не тронулъ мечъ,
То раздробила булава —
Такъ бились витязи, упорствомъ
И силою одинъ другаго стоя;
И оба тягостно стонали;
На шлемахъ блеска не осталось,
Всѣ перья съ гребней облетѣли,
И ни одно кольцо на ихъ кольчугахъ
Не уцѣлѣло; всѣ избиты
Ихъ были члены; потъ ручьями
Бѣжалъ съ ихъ жаркихъ лицъ;
Подъ ними кони ихъ дымились.
Такъ на небѣ двѣ тучи громовыя,
Сшибаяся, блистаютъ и гремятъ,
И молніи на молніи бросаютъ;
Онѣ другъ друга истребить
Не могутъ, но подъ ихъ войною
Земля приходитъ въ трепетъ,
Ихъ градъ тяжелый губитъ жатву,
И вся подъ ними сторона
Становится пустынна, какъ великимъ
Сраженіемъ растоптанная нива;
Когда жъ ихъ силы истощатся,

Онѣ расходятся и грозно
Издалека другъ на друга сверкаютъ,
И глухо, ропотно гремятъ.
Такъ витязи, истративъ силы,
На время бой упорный прекратили.

Отецъ и сынъ избиты были оба.
Сошедъ съ коней, они имъ дали волю
Вздохнуть; а сами разошлися,
И издали дивилися другъ другу.
Такъ говорилъ съ самимъ собой Зорабъ:
Не можетъ быть, чтобъ этотъ звѣрь,
Столь яростно меня терзавшій,
Былъ мой отецъ; хотя и вижу въ немъ
Всѣ признаки описанные мнѣ,
Но о такой неимовѣрной злости
Мнѣ мать не говорила; въ ней
Любовь къ нему родиться не могла бы,
Когда бъ ея очамъ явился онъ
Съ такимъ лицомъ чудовищнаго тигра.
Но онъ и самъ назвалъ себя
Убійцей Синда . . . нѣтъ! онъ не Рустемъ;
Я клятвы долгъ святой исполню,
И отомщу убійствомъ за убійство.
Въ то время и Рустемъ съ собою
Такъ разсуждалъ: не отъ простой
Онъ матери; она конечно
Не человѣческой, а великанской
Породы: въ возрастѣ его
Подобной силы не имѣлъ я.
Рустемъ, Рустемъ, остерегись;
Сбери всю крѣпость, старый богатырь;

Два войска смотрятъ на тебя;
Бѣда и стыдъ, когда съ тобою
Турченокъ безбородый сладитъ
И, возвратяся въ Семенгамъ,
Разскажетъ сыну твоему
О поношеніи отца его Рустема.
Такъ, отдыхая, размышляли
Отецъ и сынъ. Тѣмъ временемъ ихъ кóни,
Усталые отъ жаркой схватки,
Но пощаженные въ бою,
Провѣтрились, остыли, освѣжились
И приготовилися снова
Своихъ могучихъ сѣдоковъ
Нести на смертный поединокъ.

Еще усталые, чтобъ силы обновить,
Они за луки и за стрѣлы
Схватилися. Двѣ первыя стрѣлы
На воздухѣ слетѣлисъ остріями,
И обезсиленныя пали
На землю; въ слѣдъ за ними частымъ
Дождемъ другія зашумѣли;
Такъ вихремъ сыплются сухіе
Съ деревьевъ листья при осеннемъ
Свистящемъ вѣтрѣ; такъ
Кругомъ ульевъ, когда согрѣетъ ихъ
Лучемъ весеннимъ солнце,
Сверкаютъ и жужжатъ, роияся, пчелы.
И непрестанно въ ихъ рукахъ
Сгибалися и разгибались луки,
Визжали рѣзко тетивы:
И съ нихъ стрѣла слетала за стрѣлою;

И вслѣдъ за каждой изъ очей
Взоръ смертоносный вырывался.
Но то была лишь шутка боевая:
Отъ панцырей отпрыгивали стрѣлы,
Ихъ остріе ломалося объ шлемы,
Въ щиты вонзаяся, на нихъ
Онѣ густой щетиною торчали;
Такъ солнца острые лучи,
Гранитъ могучій осыпая,
Ему пронзить не могутъ твердой груди,
И лишь ея поверхность разжигаютъ.
Истративъ стрѣлы, наконецъ
Противники свои пустые
Колчаны бросили, и на коней
Вскочили оба, чтобъ начать
Войну губительную снова.

Слетѣвшись на коняхъ, они
Вцѣпились крѣпкими руками
Другъ другу въ кушаки. Рустемъ
Сидѣлъ на Громѣ, какъ желѣзный;
Что онъ ни схватывалъ рукою,
Сжималось въ ней, какъ мягкій воскъ;
Но онъ, схвативъ Зораба за кушакъ,
Былъ изумленъ его сопротивленьемъ:
Какъ не колеблется утесъ,
Обвитый кольцами удава,
Такъ былъ Зорабъ неколебимъ,
Обхваченный Рустемовой рукою.
Но и Зорабъ напрасно мышцы
Напрягъ, чтобъ пошатнуть Рустема:
Какъ не колеблется земля,

Обвитая струей воздушной,
Такъ былъ Рустемъ неколебимъ,
Обхваченный Зорабовой рукою.
И вдругъ, кушакъ отцевъ покинувъ,
Какъ бѣшеный, Зорабъ впился руками
Въ его серебряные кудри,
Разсыпанныя по плечамъ,
Въ сраженьи выпавъ изъ подъ шлема;
Онъ мнилъ, что вдругъ сорветъ его съ сѣдла;
Но онъ на немъ, какъ вылитый изъ мѣди,
Не покачнувшись, усидѣлъ;
Одинъ лишь клокъ серебряныхъ сѣдинъ
Въ своихъ рукахъ Зорабъ увидѣлъ;
Онъ задрожалъ при этомъ видѣ.
Ты богатырь неодолимый
Подъ сѣдинами старика!
Воскликнулъ онъ, зачѣмъ, зачѣмъ
Съ моею молодостью сильной
Свою выводишь старость въ бой?
О! сердце у меня въ груди поворотилось,
Когда въ моей рукѣ остались
Твои сѣдые волоса!
Мнѣ показалось, что обидѣлъ
Богопреступною рукою
Я голову отца святую!
О! для чего же мы другъ друга
Должны такъ яростно губить?
Уже ль другихъ здѣсь не найдется
Противниковъ, чтобъ успокоить
Въ насъ жажду огненную боя?
Такъ воинъ молодой сказалъ;
А старый мрачно и безмолвно

Отворотилъ грозящее лицо.
И вдругъ, какъ волкъ, врывающійся въ стадо
Овецъ, онъ кинулся съ мечемъ
На рать Туранскую. Зорабъ
При этомъ видѣ повернулъ
Коня, и яростный, какъ тигръ,
Изъ тростника въ табунъ коней
Однимъ влетающій прыжкомъ,
Явился межъ дружинъ Ирана;
И началъ мечъ его сверкать,
Какъ молнія, направо и налѣво;
И люди вкругъ меча валились,
Кто безголовый, кто пронзенный
Насквозь, кто пополамъ
Пересѣченный. Той порой
Рустемъ, уже достигшій строя
Дружинъ Туранскихъ, вдругъ остановился,
И, обративъ глаза на рать Ирана
Увидѣлъ, что въ ея рядахъ
Разстроенныхъ происходило;
Подумалъ онъ о бѣшенствѣ Зораба,
Подумалъ онъ о страхѣ Кейкавуса,
И быстро, не взглянувъ на Турковъ,
Къ своимъ на помощь поскакалъ.
Онъ тамъ въ толпѣ густой увидѣлъ,
Какъ разсыпалъ рубины крови
На яркій поля изумрудъ
Своимъ мечемъ Зорабъ. И онъ воскликнулъ:
Остановись! зачѣмъ на слабыхъ
Такъ бѣшено ты нападаешь?
Чѣмъ провинилися они передъ тобою,
Что вдругъ на нихъ ты кинулся, нежданый,

Какъ звѣрь голодный на добычу?
Зорабъ, его увидя, изумился.
А ты, мой старый богатырь,
Воскликнулъ онъ, за что на бѣдныхъ Турковъ
Такъ яростно ударилъ? Чѣмъ они
Тебя обидѣли? Но вижу,
Что снова ты въ сраженье вызвать
Меня желаешь — я готовъ.
На то Рустемъ отвѣтствовалъ: ужь день
Смѣнила ночь; она покою
Принадлежитъ, а не сраженью.
Послушаемся ночи; завтра,
Лишь на востокѣ солнце, витязь неба,
Свой мечъ подыметъ золотой и землю
Имъ облеснетъ мы бой возобновимъ;
Будь здѣсь, и я здѣсь буду:
Мы пѣшіе, борьбою
И боемъ рукопашнымъ дѣло
Начатое окончимъ; оба войска
Сраженія свидѣтелями будутъ;
Увидимъ мы, которое изъ двухъ
Богатыря оплачетъ своего.

Они разстались; сумраченъ былъ вечеръ,
И темное тревожилося небо:
Оно какъ будто въ погребальный
Покровъ заранѣ облекалось.
Но весело Зорабъ вводилъ
Свои дружины въ Бѣлый Замокъ.
Онъ на пути спросилъ у Барумана:
Что этотъ левъ, которой такъ измялъ
Мои бока тяжелой лапой,

Надѣлалъ здѣсь своимъ набѣгомъ? Много ль
Погибло отъ него народа? —
Ты повелѣлъ, чтобъ войско было тихо
(Такъ Баруманъ отвѣтствовалъ) и войско
Стояло́ строемъ неподвижнымъ,
Готовое къ сраженью; вдругъ,
Мы видимъ, кто-то, чудный, грозный,
Невѣдомый, какъ будто изъ земли
Родившійся, незапно
Ударилъ въ самую средину
Испуганной такимъ явленьемъ рати;
Всѣ приготовились къ отпору;
Но онъ, какъ будто устрашенный,
Коня поворотилъ, назадъ
Помчался вихремъ и пропалъ
Какъ привидѣнье. — Громко засмѣявшись,
Сказалъ Зорабъ: и такъ онъ только
Васъ навѣстилъ по милости своей;
Напрасно жъ онъ коня тревожилъ.
А я тѣмъ временемъ мой мечъ
Полакомилъ Иранской кровью;
Насъ темнота ночная развела:
Но завтра на разсвѣтѣ
Опять начнется бой нашъ; завтра
Увидимъ мы, который устоитъ
Изъ насъ двоихъ, который ляжетъ мертвый.
И обѣ рати станутъ въ строй,
Чтобъ быть свидѣтелями битвы.
Придется ль вамъ меня похоронить
Иль встрѣтить съ ликованьемъ, — это
Намъ скажетъ завтрешнее утро:
А нынче намъ приличнѣй, всѣ забывъ

Тревоги, влить виномъ душистымъ силу
Въ усталые отъ боя члены,
И освѣжить языкъ сожженный зноемъ.
Скорѣй, премудрый Баруманъ,
Вели намъ пиръ обильный приготовить.

Тѣмъ временемъ, достигнувъ стана,
Рустемъ въ шатрѣ царя,
Съ нимъ и съ его вождями,
За освѣжительнымъ виномъ
О жаркомъ боѣ вспоминалъ.
Была тамъ рѣчь лишь только о Зорабѣ.
Зачѣмъ ему, спросилъ Рустема царь,
Ты волю далъ напасть на наше войско?
Когда бы къ намъ на помощь
Ты во-время не подоспѣлъ,
Бѣда великая могла бы насъ постигнуть.
Но что же самъ, скажи, о немъ ты мыслишь?
И, зависти не вѣдая, Рустемъ
Сказалъ: такого богатырства,
Такого льва въ такомъ младенцѣ
Еще я въ жизни не встрѣчалъ;
Онъ богъ войны, не человѣкъ,
И не уступитъ мнѣ ни въ силѣ, ни въ искусствѣ;
А свѣжей младостью своей
Мою онъ старость превосходитъ.
Мнѣ предстоитъ съ нимъ завтра тяжкій бой.
Я испыталъ сперва копье,
Потомъ мой мечъ, потомъ и булаву —
Все отразилъ онъ; напослѣдокъ, вспомнивъ,
Что въ старину я многихъ силачей
Одной рукою схватывалъ съ сѣдла,

Ему въ кушакъ я руку запустилъ
И силой всей его рванулъ, но онъ
Не пошатнулся. Насъ теперь
Ночная тма съ нимъ разлучила —
Не знаю, мной остался ль онъ доволенъ?
А я доволенъ черезъ мѣру имъ.
Когда же завтра мы сойдемся,
Я постою за честь Ирана,
И за свою, до сихъ поръ безъ пятна
Мнѣ сохранившуюся славу.
Какъ нынѣ, завтра оба войска
Свидѣтелями боя станутъ въ строй;
И въ этотъ часъ ужь будетъ завтра всѣмъ
Извѣстно, кто изъ насъ двоихъ
Лежитъ убитый, кто живой остался;
Теперь же здѣсь, покуда мы еще
Всѣ на лицо, озолотимъ
Безпечнымъ пированьемъ
Канунъ спокойный роковаго,
Быть можетъ, бѣдственнаго дня.
Державный Шахъ, благоволи
Насъ угостить твоимъ виномъ душистымъ.

Такъ говорилъ Рустемъ; и рѣчь его
Задумчивость мгновенную на сердце
Съ нимъ пировавшихъ навела.
Но снова съ блескомъ зашипѣло
Вино; за славу и побѣду
Рустема сдвинулися чаши,
И наконецъ по долгомъ пированьи,
Всѣ по шатрамъ на сонъ и на покой
Полухмѣльные разошлися.

Въ зеленый свой шатеръ вошедши,
Рустемъ Зевару такъ сказалъ:
Зеваръ, мой братъ, ты видѣлъ нынѣ,
Каковъ былъ этотъ бой; что будетъ завтра,
О томъ изъ насъ не вѣдаетъ никто.
Я завтра рано выйду въ бой;
А ты, мой братъ, меня предавъ
Во власть Всевышнему, останься здѣсь,
И стражемъ будь моей Сабульской рати.
Когда изъ рукъ судьбы мнѣ выпадетъ побѣда,
Не стану я на мѣстѣ крови медлить,
И ты меня въ шатрѣ увидишь скоро.
Но если мнѣ иное суждено
Отъ неба, не скорби, не покушайся
Отмщать врагу, но рать мою немедля
Веди въ Сабулъ; дорогой же и дома
Всѣмъ говори: ему былъ рокъ погибнуть
Отъ юноши. А матери скажи:
«Не сокрушай себя; достигла ты
До старости глубокой; на твоихъ
Глазахъ состарѣлся и онъ;
И ты его пережила;
Живи же долго, но о немъ
Не сѣтуй; онъ великихъ дѣлъ
Довольно совершилъ; не мало имъ
Истреблено чудовищъ, великановъ;
Немало крѣпкихъ замковъ онъ
Разрушилъ и сравнялъ съ землею;
Немало войскъ предъ нимъ погибло —
Теперь насталъ чередъ и для него.
Къ желѣзнымъ смерти воротамъ
Конь жизни рано или поздно

Со всадникомъ своимъ — кто бъ ни былъ онъ,
Могучій, слабый, храбрый, робкій —
Примчится; каждому изъ насъ
Въ тѣ ворота въ свой часъ придется стукнуть,
И каждому отворятся они;
На увольненье здѣсь отъ смерти
Онъ записи отъ неба не имѣлъ;
На вѣчное подданство ей
Мы всѣ укрѣплены судьбою».
Такъ матери ты нашей скажешь. А теперь
Налей вина послѣднюю мнѣ чашу
На сонъ грядущій, братъ Зеваръ,
И спи спокойно; остальное
Звѣздамъ на волю отдадимъ.
Рустемъ умолкнулъ, поданное выпилъ
Вино, раздѣлся, легъ,
И въ сонъ глубокій погрузился.

КНИГА ОСЬМАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ВТОРОЙ БОЙ.

Когда павлинъ денницы распустилъ
Широко хвостъ свой разноцвѣтный,
И голову подъ черное крыло
Угрюмый воронъ ночи спряталъ,
Рустемъ проснулся, опоясалъ
Губительный свой мечъ,
И, боемъ дышащій, вскочилъ
На огнедышащаго Грома;
И бурею на избранное мѣсто онъ
Помчался. Какъ звѣзда, пророкъ

Великихъ бѣдствій, пламеннымъ хвостомъ
На небесахъ блистаетъ ночью темной,
Такъ бѣдоносно шлемъ косматый
Блисталъ на головѣ Рустема;
Прибывъ на мѣсто, съ изумленьемъ
Онъ озирался, но Зораба
Тамъ не было: Зорабъ въ то время,
Какъ гибельный его отецъ
Ждалъ въ полѣ, утреннимъ виномъ,
При звукѣ лютнь, безпечно утѣшался.
И такъ сказалъ онъ Баруману:
Со мною этотъ старый левъ
И крѣпостію мышцъ, и ростомъ,
И храбростію равенъ;
Когда смотрю на грудь его, на руки,
И на плеча, мнѣ кажется, что вижу
Я въ зеркалѣ себя; невольно
Приходитъ въ мысли мнѣ, что самъ
Такимъ я буду, если звѣзды
Мнѣ столько жъ лѣтъ отчислятъ въ жизни.
Взглянувъ ему въ геройское лицо,
Я чувствую какую-то тревогу,
Мнѣ стыдно, я краснѣю, въ грудь мою
Втѣсняется глубоко
Неодолимая тоска.
О Баруманъ, ужь не Рустемъ ли онъ? Скажи
Мнѣ правду; Баруманъ, спаси
Меня; не дай мнѣ быть отцеубійцей
На ужасъ всей землѣ. Что, возвратясь,
Скажу я матери? Скажу ли,
Что руки я свои умылъ
Въ крови отца? Всѣ знаки, ею

Мнѣ данные, согласны съ тѣмъ, что видятъ
Мои глаза; недостаетъ
Лишь одного мнѣ убѣжденья. Если онъ
Рустемъ, то я еще ему въ глаза
Сказать не смѣю: я твой сынъ!
То имъ самимъ запрещено;
Лишь слава дастъ на то мнѣ право.
Когда же не Рустемъ онъ О! какая
Была бъ мнѣ честь явиться предъ отцомъ,
Богатыря такого одолѣвши!
Кто разрѣшитъ мое недоумѣнье?
Когда вчера такъ звѣрски
Со мной онъ бился, мысль, что онъ
Отецъ мой, показалась мнѣ
Мечтой несбыточной; но въ эту ночь
Я видѣлъ сонъ я видѣлъ, что лежу
Въ его объятіяхъ, такъ нѣжно,
Такъ весело, съ такой любовью дѣтской
Нѣтъ! Не могу и не хочу съ нимъ биться.

Покорствуя тому, что повелѣлъ
Афразіабъ, коварный Баруманъ
Отвѣтствовалъ: ты видѣлъ сонъ,
Проснулся — вотъ и все. Уже ль, повѣря
Мечтѣ, начатаго такъ славно
Не довершить? Ты слово далъ,
И долженъ выручить его, иль вѣчнымъ
Стыдомъ себя покроешь. Въ полѣ
Тебя онъ ждетъ, и вѣрно, торжествуя,
Ужь думаетъ: передо мной робѣетъ
Мой недозрѣлый богатырь.
Такъ и Иранъ съ нимъ вмѣстѣ скажетъ;

То повторится и въ Туранѣ.
Тогда съ какимъ покажешься лицомъ
Ты на глаза Рустему? Не забудь,
Что на тебѣ лежитъ святая клятва
Отмстить за Синда; самъ же онъ сказалъ
Тебѣ, что Синдъ убитъ его рукою.
А для чего свое таитъ онъ имя,
Не знаю; мой совѣтъ: не любопытствуй
И ты о томъ узнать; убей и уничтожь
Его, пока онъ самъ тебя убить
И уничтожить не успѣлъ —
Тогда избѣгнешь посрамленья,
Заслужишь честь и клятвы не нарушишь.
Такъ искуситель говорилъ;
Его слова звучали глухо;
Онъ поглядѣть въ лицо не смѣлъ Зорабу,
И блѣденъ былъ, какъ полотно;
Но всѣ сомнѣнья онъ разрушилъ
Въ душѣ Зораба. Мщеньемъ закипѣвъ,
Поспѣшно витязь молодой
Вооружился, на коня
Лихаго прянулъ,
И полетѣлъ на битву роковую.

Когда сошлись соперники на мѣстѣ,
Назначенномъ для поединка,
Двѣ рати съ двухъ сторонъ,
Свидѣтелями боя,
Въ порядкѣ вышли боевомъ:
Ведомые могучимъ Тусомъ,
Блестящіе полки Ирана
Построились передъ шатрами;

А Баруманъ Туранскія дружины
По склону вытянулъ горы,
Однимъ крыломъ ихъ къ замку прислонивши.
Къ сопернику прпблизившись, Зорабъ
Его спросилъ привѣтно улыбнувшись:
Покойно ль спалъ ты эту ночь,
И весело ль проснулся? Рано, рано
Ты поднялся, мой старецъ многосильный:
Прекрасенъ этотъ день — таковъ ли будетъ
Прекрасенъ вечеръ, мы не знаемъ.
Но посмотри, какъ утро молодое
Вершины горъ озолотило;
Цвѣты всѣ утреннимъ виномъ
Напоены, и утренняя свѣжесть
На паству манитъ пастуховъ;
Невидимо подъ вѣтвями деревъ
И видимо въ лазури неба
Поютъ проснувшіяся птицы;
Ручьи сіяя льются;
На солнцѣ блещутъ берега;
Трава росой сверкаетъ....
Приличенъ ли такой всемірный праздникъ
Кровавому убійству? День такой
Не лучше ль милой жизни
Еще намъ уступить? Послушай, другъ,
Сойди съ дракона своего
На этотъ свѣжій дернъ; заключимъ
Въ виду обѣихъ нашихъ ратей
Здѣсь перемиріе, забудемъ
На этотъ день и мщеніе и злобу:
Пусть будетъ поле крови
Для насъ палатой пировою.

Я знакъ подамъ — и передъ нами
Вино заблещетъ въ кубкахъ,
И пиръ устроится роскошный,
И звонко заиграютъ струны,
И дружно мы отпразднуемъ съ тобою
День возрожденія прекрасной,
Всеоживляющей весны;
Желѣзный шлемъ ты снимешь съ головы,
А я вѣнкомъ живыхъ цвѣтовъ украшу
Твои мнѣ милыя сѣдины;
И, сидя за виномъ, мы будемъ
Бесѣдовать радушно о войнѣ,
О бранныхъ подвигахъ, и всемъ, что знаю,
Я подѣлюсь съ тобой отъ сердца;
А ты свою откроешь мнѣ породу,
И славное свое мнѣ скажешь имя. —
О! не упорствуй, другъ; скажи,
Скажи его, — мы не должны
Такъ чужды быть другъ другу; насъ
Сь тобой вчера побратовала битва.

Такъ съ откровенностью младенца
Рустему говорилъ Зорабъ —
Ему во грудь изъ водъ, изъ глубины
Небесъ, изъ зелени полей
Проникнулъ тайный голосъ
Природы; на щекахъ его
Горѣло жаркое желанье;
Такъ раскрывается младая
Распуколька отъ теплаго весны
Дыханія; но если на нее
Дохнетъ морозомъ бурный сѣверъ,

Она сжимается и увядаетъ;
Такъ отъ морозныхъ словъ Рустема
Увяла вдругъ въ душѣ Зораба
Едва зацвѣтшая надежда.
Дитя мое, сказалъ Рустемъ, не для того
Сюда пришли мы, чтобъ роскошно
На луговомъ коврѣ покоясь,
Бесѣдовать; на смертный бой
Пришли мы. Если ты
Еще годами отрокъ,
То я ужь не дитя. Ты видишь,
Что для борьбы кушакъ стянулъ я туго;
И здѣсь давно я жду, чтобъ боевую
Съ тобой начать работу, чтобъ нарвать
Съ тобой тѣхъ розъ, какія только въ нашемъ
Саду родятся. Свѣжесть утра
Для ратнаго благопріятна дѣла;
Она моимъ состарѣвшимся членамъ
Живую крѣпость придаетъ.
И такъ, пока не наступилъ
Палящій зной, начнемъ
Свой мужественный споръ. Я не слыхалъ,
Чтобъ для однихъ разсказовъ о бояхъ
Соперники на мѣстѣ боя,
Вооруженные, сходились;
Я бьюся дѣломъ, не словами.
По имени жъ себя не прежде назову,
Какъ положивъ тебя въ крови на землю:
Тогда узнаешь, чья рука тебя убила.

Зорабъ, воспламененный гнѣвомъ,
Воскликнулъ: будь по-твóему, упрямый

Старикъ! своей судьбы никто
Не избѣжитъ: и мы увидимъ скоро,
Кто здѣсь кого принесть ей въ жертву долженъ.
На землю спрянулъ онъ съ коня,
И громко зазвучало
Его оружіе. Рустемъ
Сошелъ поспѣшно съ Грома; тяжкій
Звукъ отъ меча его раздался,
И изъ ноженъ до половины
Онъ выпрыгнулъ. Въ молчаньи оба
Къ бѣжавшему вблизи потоку
Они пошли съ конями. У воды
Росло тамъ дерево; къ нему
Они коней ретивыхъ привязали;
И тамъ Рустемовъ Громъ
Оставленъ былъ съ конемъ Зораба.
Привѣтливо они другъ друга
Обфыркали, и ознакомясь,
Между собой нѣмую завели
Бесѣду; какъ друзья давнишніе, они
Подножную траву щипали вмѣстѣ,
И головы протягивали дружно
Къ ручью за свѣжею водою,
И шеями другъ друга обнимали,
Какъ будто угадавъ,
Какое близкое родство межъ ними было.
А между тѣмъ отецъ и сынъ
На мѣсто боя грозно шли,
Другъ другу смерть въ душѣ готовя.

Они плотнѣй стянули кушаки,
И рукава до самыхъ плечъ

Могучихъ засучили,
Ужасно ихъ наморщилися лица
И загорѣлися глаза,
И, разомъ бросясь другъ на друга,
Какъ разозлившіеся тигры,
Они руками обхватились:
Два тѣла вдругъ слились въ одно,
Вокругъ котораго четыре
Желѣзныя руки, какъ змѣи,
Въ него вдавясь, переплетались. —
Какъ будто сплавленные крѣпко
Они другъ друга, грудь на грудь,
Тѣснили, перли, гнули, жали —
Напрасно; камень и желѣзо
Могли бы руки ихъ расплюснуть,
Но пошатнуть не могъ ни сына
Отецъ, ни сынъ отца; дыханье
Спиралось въ ихъ груди; глаза ихъ, кровью
Налитые, какъ уголья горѣли;
Ихъ ноги были врыты въ землю —
Но ни одинъ не могъ другаго
Ни потрясти, ни наклонить,
Ни приподнять, ни сдвинуть съ мѣста:
Напрасны были ихъ порывы,
Напрасны были ихъ напоры,
Напрасно было ихъ боренье,
Ихъ трепетанье, ихъ кипѣнье —
Неодолимъ, неколебимъ
Остался каждый. Наконецъ,
Отбросивъ тщетную борьбу,
Они рѣшились испытать,
Кому кого удастся

Поднять съ земли и опрокинуть.
И, разорвавшись, разомъ отскочили
Отецъ и сынъ, и, разомъ снова
Сбѣжавшися, какъ крючья, руки
За кушаки засунули другъ другу.
И вдругъ Рустемъ тряхнулъ Зораба
Такъ сильно, что съ земли
Взорвалъ его на воздухъ; какъ свинецъ,
Всей тяжестью Зорабъ на грудь отца
Обрушился и повалилъ
Его на землю подъ себя.
Не зная самъ, какъ могъ онъ очутиться
На немъ, его къ землѣ онъ придавилъ
Колѣномъ, выхватилъ кинжалъ,
И былъ готовъ пронзить имъ грудь
Подъ нимъ лежавшаго Рустема.

Рустемъ увидя надъ собою
Желѣзо, возопилъ: остановись,
Что хочешь дѣлать? Если ты
Породой знаменитъ, не осрамляй
Ни самаго себя, ни предковъ
Постыднымъ дѣломъ: межъ суровыхъ
Родяся Турковъ, ты не знаешь
Обычаевъ Ирана — знай же,
Что здѣсь никто, кому въ борьбѣ
Соперника удастся одолѣть,
Его не умерщвляетъ, но ему
Даетъ съ собою испытать
Въ другой разъ силу; если жъ и тогда
Онъ побѣдитъ, то властенъ онъ
И умертвить врага и дать ему пощаду.

Таковъ святой Иранскій нашъ обычай;
И стыдъ тому, кѣмъ будетъ онъ нарушенъ!
Такъ говорилъ Рустемъ, прибѣгнувъ
(Чтобъ отъ себя погибель отвратить)
Къ обману. — Я, отвѣтствовалъ Зорабъ,
Не слыхивалъ, чтобъ гдѣ такой обычай
Водился; но, скажи мнѣ, соблюдалъ ли
Его Рустемъ? — На это возразилъ
Рустемъ: какое дѣло намъ
До твоего Рустема? Если жъ
Ты хочешь знать, то и Рустемъ
Обычаю Ирана былъ покоренъ.
При этомъ словѣ опустилъ
Зорабъ кинжалъ, и руку подалъ
Лежачему, чтобъ онъ съ земли поднялся.
Легко повѣрилъ онъ: простому сердцу
Коварство было незнакомо;
Незлобный, какъ младенецъ, былъ онъ
Великодушенъ, какъ герой;
А темная рука судьбы
Его къ погибели стремила неизбѣжно.
Обманомъ спасшійся Рустемъ
Негодовалъ, что для спасенья
Былъ принужденъ обманъ употребить;
Поднявшися съ земли, онъ отряхнулся,
И противъ воли покраснѣлъ,
Взглянувъ на сына; а Зорабъ
Ему сказалъ съ усмѣшкой: отдохни,
Мой старый богатырь; я скоро
Опять здѣсь буду, и тогда,
Какъ слѣдуетъ, начатое мы кончимъ.
Сѣвъ на коня, онъ поскакалъ

Въ ту сторону, гдѣ по горѣ
Туранское стояло строемъ войско;
Вдругъ передъ нимъ вскочила антилопа, —
И весело за нею онъ погнался,
Забывъ о близкомъ часѣ роковомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ТРЕТІЙ БОЙ.

Рустемъ, избавясь отъ бѣды,
Одинъ остался; нѣсколько мгновеній
Онъ былъ объятъ глубокой думой; вдругъ —
Какъ будто что напомнилось ему —
Пошелъ поспѣшнымъ шагомъ
Къ потоку, гдѣ его могучій Громъ
Подъ деревомъ привязанный стоялъ.
Была недалеко оттуда
Утесистая дебрь. И много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ этой дебри
Имѣлъ Рустемъ свиданье съ горнымъ духомъ.
Въ то время былъ онъ одаренъ
Такою непомѣрной силой,
Что не врагамъ однимъ, и самому
Ему она была во вредъ:
Его земля не выносила;
Когда онъ шелъ по каменному кряжу,
Какъ на пескѣ, глубокіе слѣды
Отъ ногъ его на камняхъ оставались.
Такъ нѣкогда съ тяжелою добычей,
Отнятою у Турковъ, онъ

Во мракѣ ночи пробирался
Съ трудомъ великимъ тою дебрью;
При каждомъ шагѣ увязали
Его по щиколотку ноги въ землю;
Онѣ ее, какъ плугъ желѣзный, рыли.
Вдругъ близъ него во тмѣ раздался
Осиплый хохотъ. Кто хохочетъ? гнѣвно
Спросилъ Рустемъ. Глухой отвѣтъ былъ: я! —
«А ты кто?» — Горный духъ. — «Чему смѣешься?» —
Смѣюсь тому, что ты, силачъ,
Съ своей не можешь сладить силой;
Она чрезмѣрна для тебя.
Отдай на сохраненье мнѣ
Ея излишекъ; если —
Когда отъ лѣтъ твои разслабнутъ члены —
Она тебѣ понадобится снова,
Приди сюда, и кликни, — я откликнусь,
И отъ меня ее сполна опять
Получишь ты безпрекословно.
И духу горному Рустемъ
На сбереженье отдалъ
Излишекъ силы. И теперь,
Когда отъ лѣтъ его разслабли члены,
Пришелъ онъ въ дебрь, у духа взять
Обратно ввѣренный залогъ;
Онъ чувствовалъ, что силой половинной
Ему не одолѣть Зораба.
И въ ярости съ собой онъ говорилъ:
Онъ жить не долженъ; имъ въ виду
Ирана былъ я опозоренъ;
Онъ смѣлъ колѣномъ стать на грудь
Упавшаго къ ногамъ его Рустема;

И имъ къ постыдному обману
Рустемъ, дотолѣ безпорочный,
Былъ приневоленъ, чтобъ спасти
Свою обруганную жизнь.
Не потерплю, не потерплю,
Чтобъ на одной землѣ со мною
Хоть мигъ одинъ могъ продышать
Создатель моего позора.

Такъ думалъ онъ, вступая въ глубину
Утесистой, пустынной дебри.
Тамъ на престолѣ скалъ мохнатыхъ
Сидѣлъ могучій духъ. И онъ увидѣлъ,
Что кто-то, мрачный, озираясь
По сторонамъ, ущельемъ шелъ;
И понялъ духъ, что путникъ
Искалъ свиданья съ нимъ; густою мглой
Была его покрыта голова,
Какъ шлемомъ; онъ дохнулъ, и мгла
Слетѣла съ головы; и духъ
Сталъ видимъ, хмурый и туманный;
И онъ спросилъ: къ кому пришелъ ты? —
Къ тебѣ, отвѣтствовалъ Рустемъ.
Я узнаю тебя; ты все таковъ же,
Какимъ давно на этомъ мѣстѣ
Со мною встрѣтился впервые;
Не устарѣлъ, не посѣдѣлъ; а ты
Меня узналъ ли? — Темный духъ
Отвѣтствовалъ: съ трудомъ; ты сталъ
И старъ и сѣдъ. Скажи жъ, зачѣмъ тебя
Твои хилѣющія ноги
Въ мою пустыню принесли?

Рустемъ сказалъ: отдай обратно
Мою мнѣ силу. Я донынѣ
Доволенъ былъ однимъ ея участкомъ;
Теперь она нужна мнѣ вся.
Отдай мнѣ, духъ, ея излишекъ,
Оставленный тебѣ на сохраненье.
Духъ отвѣчалъ: Рустемъ, навѣки
Теряетъ силу человѣкъ,
Когда она его сама съ годами,
Медлительно, неудержимо
И невозвратно покидаетъ;
Но ты свою мнѣ силу,
Во цвѣтѣ лѣтъ, по доброй волѣ
На сбереженье отдалъ самъ —
И мной тебѣ она сбережена;
Въ груди гранита моего
Цѣлѣе, чѣмъ въ твоей груди,
Неизмѣненная, она
Лежитъ. Но для чего, Рустемъ,
На плéчи дрхялыя свои
Такой великій грузъ ты хочешь
Такъ поздно возложить? Остерегись,
Сѣдой боецъ; ты на себя
Кладешь бѣду. Твое желанье
Исполнить я не отрекуся,
И если ты рѣшился твердо
Взять отъ меня залогъ свой роковой,
Возми, но знай: возмешь не на благое,
А на губительное дѣло.
Еще непоздно; мой совѣтъ
Спасителенъ; прими его, Рустемъ:
Оставь свою въ покоѣ силу;

Ты славныхъ дѣлъ немало совершилъ —
Доволенъ будь; страшуся я,
Что на себя своимъ послѣднимъ дѣломъ
Ты бѣдствіе великое накличешь,
И самъ своею силой
Свою погубишь силу.

Тѣмъ временемъ Зорабъ, съ охоты
На мѣсто боя возвратясь,
Въ недоумѣніи стоялъ и озирался —
Рустема не было. И онъ не зналъ,
Дождаться ли его иль удалиться.
А съ неба день ужь начиналъ
Сходить и тѣни становились
Длиннѣе. Но . . . Зорабовъ часъ ударилъ;
Зорабъ остался; онъ подумалъ:
«Соперникъ мой меня
Здѣсь долго утромъ ждалъ —
Я вечеромъ его дождаться долженъ.
А вечеръ вышелъ не таковъ,
Какимъ его намъ утро обѣщало,
И солнце сѣло, въ небесахъ
Зарю кровавую оставя.
Но гдѣ же онъ?» И въ этотъ мигъ
На заревѣ заката отразился
Какъ темный метеоръ, огромный станъ Рустема;
Зорабъ невольно содрогнулся.
Какъ будто чародѣйной силой
Преображенный, чудно
Блистающій, помолодѣлый,
Представился очамъ его Рустемъ.
Онъ на него глядѣлъ въ недоумѣньи,

И, не посмѣвъ спросить, гдѣ онъ такъ долго
Промедлилъ, шопотомъ сказалъ: должны ли
Мы продолжать? До наступленья ночи,
Успѣемъ ли? Успѣемъ, перебилъ
Его слова Рустемъ сурово.
И вышли — яростный отецъ
На сына съ силою двойною,
И на отца оторопѣлый сынъ
Съ полуразрушенною силой.
Восходитъ день, когда нисходитъ ночь,
Восходитъ ночь, когда нисходитъ день —
Такъ и теперь насталъ чередъ Рустему.
Вечерней мглою затянувшись
День удалившійся — простеръ
Полутуманное мерцанье
Надъ мѣстомъ бѣдствія и крови;
Два воинства стояли тамъ
Безмолвными свидѣтелями боя
Но какъ онъ былъ? И что свершилось?
Того ни чье не зрѣло око
Они сошлись — и вмигъ всему конецъ;
Рустемъ рванулъ — Зорабъ упалъ къ его ногамъ;
Рустемъ давнулъ — и въ грудь Зораба
Глубоко врѣзался кинжалъ.

Зорабъ, смертельно пораженный,
Сказалъ: о ты, невѣрный обольститель!
Такая ль отъ тебя награда
За то, что былъ ты мною пощаженъ?
Ты небылицей о Рустемѣ,
Ты именемъ Рустема жизнь мою,
Какъ воръ ночной укралъ. Но будь

Ты птицей въ воздухѣ иль рыбою въ водѣ,
Не избѣжишь, хотя и въ гробѣ
Лежать я буду, мщенья отъ Рустема,
Когда раздастся всюду слухъ
(А онъ раздастся скоро),
Что здѣсь предательски зарѣзанъ
Тобою сынъ — Рустема и Темины.
Отъ этихъ словъ затрепеталъ
Рустемъ, какъ будто вдругъ ударомъ грома
Пронзенный, съ головы до ногъ.
Что говоришь ты, сынъ бѣды?
Воскликнулъ онъ. Скорѣе отвѣчай:
Кто твой отецъ? — «Я сынъ Рустема и Темины»
Съ блеснувшей гордостью на блѣдномъ
Лицѣ — сказалъ Зорабъ.
«Отецъ мой стражъ Ирана многославный;
А мать моя краса и слава Семенгама,
И ею былъ сюда я посланъ
Отыскивать отца, столь много лѣтъ
Съ ней разлученнаго. Чтобъ могъ
Меня Рустемъ признать за сына,
Я долженъ былъ ему повязку, на прощаньи
Имъ данную Теминѣ, показать;
И чтобъ сберечь ее вѣрнѣй,
Не на рукѣ, а на груди
Всегда носилъ я ту повязку;
Открой мнѣ грудь — увидишь самъ.»
Такъ говорилъ онъ; отъ страданья
Душа рвалася изъ Рустема.
Дрожа, какъ листъ, одежду онъ раскрылъ....
И тамъ (увидѣлъ онъ) сидѣлъ,
Какъ жаба черная на бѣлыхъ розахъ,

Въ груди кинжалъ, до рукояти
Въ нее вонзенный, какъ въ ножны.
Его́ Рустемъ изъ раны вынулъ,
И быстро побѣжала съ жизнью
Струя горячей крови;
И яркимъ пурпуромъ ея
Рустемова повязка облилася.
Онъ поблѣднѣлъ ее увидя,
И глухо прошепталъ,
Какъ будто задушенный:
Зорабъ, ты сынъ мой я Рустемъ!

И долго, ужасомъ окамененный,
Смотрѣлъ онъ мутными глазами
На сына. Вдругъ онъ дико застоналъ
Такъ стонетъ тигръ: въ кусты залегши,
Яримый жаждой крови, ждетъ онъ,
Чтобъ мимо быкъ изъ стада пробѣжалъ
Его когтямъ въ добычу.
И вдругъ его единственный тигренокъ,
Имъ въ логѣ брошенный, шумя
Въ кустахъ, бѣжитъ: и на него,
Слѣпой отъ голода, отецъ въ остервененьи
Бросается, его когтями
На части рветъ, и вдругъ,
Узнавши, кто такъ жалко
Трепещется подъ лапами его,
Пускаетъ стонъ, какого никогда
Не издавалъ дотолѣ, стонъ
Разорваннаго сердцемъ тигра —
Таковъ былъ страшный стонъ Рустема!
Такъ застонавъ, со всѣхъ онъ ногъ,

Какъ будто вдругъ убитый наповалъ,
На сына грянулся. Всю память потерявъ,
Впервые сердцемъ сокрушенный,
Недвижимымъ, окостенѣлымъ
Лежалъ онъ мертвецомъ. Его холодной
Рукою стиснутый, смертельно блѣдный,
Смертельно раненый, лежалъ съ нимъ рядомъ сынъ;
Еще его лилася кровь,
Еще приподымало грудь ему
Дыханіе; онъ чувствовалъ; онъ видѣлъ;
Онъ радовался, умирая,
Что близко былъ отецъ,
Его отецъ, его убійца,
Котораго такъ жадно онъ желалъ,
Такъ силился найти, — и наконецъ такъ страшно
Нашелъ.... И онъ теперь (какъ наканунѣ
Ему привидѣлось во снѣ)
Въ его объятіяхъ лежалъ съ любовью дѣтской.

Тѣмъ временемъ, не видя ничего,
Въ вечернемъ тракѣ оба войска
Стояли, молча. Вдругъ отъ мѣста боеваго
Дошелъ до нихъ протяжный стонъ,
И все опять утихло;
И каждый угадалъ,
Что тамъ бѣда великая свершилась.
Но долго заглянуть туда
Не смѣлъ никто; когда же наконецъ
Нашлись отважные и подойти
Дерзнули къ мѣсту роковому,
Они сперва тамъ встрѣтили коней,
Подъ деревомъ стоявшихъ праздно.

Увидя, что престолъ Рустемовъ — Громъ
Былъ пустъ, они пришли въ великій ужасъ,
И опрометью въ станъ
Всѣ бросились, крича: Рустемъ
Убитъ! на Громѣ нѣтъ Рустема!
Тогда нашелъ на войско трепетъ;
Какъ море въ бурю, тяжко, глубоко
Оно заволновалось; страшный
Мятежъ въ немъ загремѣлъ;
И шумною волною
Оно все хлынуло впередъ.
Но прежде, чѣмъ оно прійти успѣло къ мѣсту,
Достигъ туда его далекій шумъ;
И имъ Рустемъ близъ сына
Отъ сна смертельнаго къ смертельному страданью
Былъ пробужденъ; и тяжко
Онъ застоналъ — но тихимъ словомъ сынъ
Его смирилъ. Послѣднее дыханье,
Послѣдній свѣтъ души своей онъ собралъ,
И на его блѣднѣющихъ устахъ
Чуть слышною музыкой зазвучала
Прискорбно-сладостная рѣчь;
И тихо рѣчь лилась,
Какъ теплая, слабѣюшая кровь,
Все медленнѣй бѣжавшая изъ груди.

«Отецъ, пока еще во мнѣ
Есть жизнь, пока еще оттуда
Никто не подошелъ — къ моимъ словамъ
Склони твой слухъ. О! лучшее изъ нихъ,
Мое сладчайшее, мной въ первый разъ
Произносимое на свѣтѣ слово:

Отецъ! произношу
Въ послѣдній жизни часъ; имъ горечь смерти
Услаждена; за гордое желанье
По славѣ подвиговъ достойнымъ
Рустемовымъ назваться сыномъ,
И за надежду нѣкогда съ нимъ вмѣстѣ
Надъ всею властвовать землею,
Которой самъ теперь я сталъ подвластенъ,
Недорого я заплатилъ. О чемъ же,
Рустемъ, крушиться? О! не плачь!
Не ты, не ты меня убилъ;
Въ утробѣ матери на то
Я былъ звѣздами предназначенъ;
На то и Синдъ напрасно ею
Былъ посланъ, чтобъ отца мнѣ указать;
На то и ты былъ долженъ Синда ночью
Убить, чтобъ ужь никто не могъ
Насъ во́время другъ съ другомъ познакомить.
Когда молва о гибели моей
До милой матери достигнетъ,
Заплачетъ жалобно о сынѣ
Безъ жалобъ на отца она.
Ты ей пошли мои доспѣхи,
И возврати повязку роковую,
Напрасно данную тобою ей,
А ею мнѣ; позволь, чтобъ Баруманъ
Назадъ отвелъ мои дружины съ миромъ,
Онѣ сюда пришли за мною,
И безъ меня въ сраженье не пойдутъ;
Не мсти Хеджиру за упорство,
Съ какимъ онъ, вопреки
Моимъ всѣмъ просьбамъ и угрозамъ,

Тебя назвать отрекся.... Ахъ! о томъ
Я умолялъ напрасно и тебя;
Пускай вполнѣ останутся Гудерсу
Его всѣ восемьдесятъ сыновей,
Тогда, какъ твой единственный лежать
Здѣсь будетъ мертвый; пусть владѣетъ
Хеджиръ и Бѣлымъ Замкомъ;
Пускай и дѣва красоты,
Представшая очамъ моимъ, какъ сонъ,
Гурдаферидъ — себя отдастъ Хеджиру,
Но слово данное исполнитъ:
Оплакать мой безвременный конецъ.
Мое же тѣло повели
Отнесть въ Сабулъ и положить
Туда, гдѣ всѣ положены
Мои прославленные предки;
А здѣсь пускай раскинутъ надо мною
Рустемовъ царственный шатеръ.
Такъ навсегда съ землею я прощаюсь....
Пришелъ, какъ молнія; ушелъ — какъ вѣтеръ....
А ты, Рустемъ, въ послѣдній разъ теперь
На отходящее дитя свое взгляни,
И прежде, чѣмъ оно утратитъ силу слышать,
Промолви вслухъ: Зорабъ, ты сынъ Рустема».

Такъ, умирая, говорилъ
Прекрасный юноша. Рустемъ молчалъ;
Напрасно силился уста
Онъ растворить, они загвождены
Желѣзной судорогой были,
И молча онъ смотрѣлъ, какъ тихо гасла
Вдругъ догорѣвшая лампада.

Такъ на послѣднюю струю
Зари вечерней смотритъ путникъ;
Когда жъ и слѣдъ ея на небесахъ
Исчезнетъ, одинокъ, въ пустынѣ темноты
Онъ остается, и ему
Ужь никакое на пути
Не руководствуетъ сіянье, —
Такъ для Рустема жизни свѣтъ
Съ душой Зораба гасъ навѣки.
Тѣмъ временемъ и громъ и шумъ
Дружинъ бѣгущихъ приближался;
Рустемъ въ разстройствѣ скорби
Неистово отъ сына поднялся,
И къ войску выступилъ на встрѣчу,
Окровавленный, весь въ пыли,
Съ могильной блѣдностью лица,
Обезображеннаго горемъ.
Его никто въ Иранѣ столь ужаснымъ
Не видывалъ..... но громозвучнымъ крикомъ
По войску радость пробѣжала,
Когда предъ нимъ Рустемъ, живой явился.
Такой подъемлетъ крикъ дружина,
Увидя надъ собой внезапно
Свою хоругвь, спасенную изъ рукъ
Ее схватившаго врага:
Она изорвана въ лохмотье,
Но спасена. Такъ все заликовало
Рустема встрѣтившее войско.
И, ставъ предъ нимъ, растерзанный печалью,
Томимый гордостью, волнуемый стыдомъ,
Рустемъ сказалъ: сюда, вожди Ирана,
Сюда, вельможи Кейкавуса!

Смотрите всѣ, какую службу
Рустемъ Ирану отслужилъ;
Вотъ онъ лежитъ, вамъ грозный богатырь;
Моей рукой разрушенъ страхъ Ирана.
Я много бо́евъ совершилъ,
Я бился днемъ, я бился ночью,
Но никогда еще я не принесъ
Такой, какъ нынѣ, жертвы славѣ:
Смотри, Иранъ! Рустемъ своей рукою
Здѣсь за тебя убилъ роднаго сына.
Такъ говорилъ Рустемъ и голосъ
Его не трепеталъ; и были сухи
Его глаза: и былъ онъ страшно тихъ.
Тогда они увидѣли въ крови
Простертаго героя молодаго;
Еще за часъ цвѣтущій, какъ весна,
Прекрасный, какъ живая роза,
И полный силы, какъ орелъ —
Теперь онъ передъ ихъ очами
Лежалъ безгласный, недвижимый,
Покрытый блѣдностію смерти.
Рустемъ взглянулъ ему въ лицо....
Еще онъ живъ! воскликнулъ онъ;
Скорѣй гонца отправьте къ Шаху
Молить, чтобъ мнѣ прислалъ немедля
Три капли чуднаго бальзама,
Всѣ изцѣляющаго раны,
Который онъ всегда съ собой имѣетъ...
Три капли, чтобъ спасти Зораба,
Чтобъ милый сынъ мнѣ живъ остался.

На крыльяхъ къ Шаху прилетѣлъ

Гонецъ, и такъ сказалъ: Рустемъ
Убилъ Зораба, но Зорабъ
Рустемовъ сынъ; о немъ отецъ
Рыдаетъ горько, и его печалью
Всѣ пораженные, рыдаютъ; ими
Къ тебѣ я присланъ, Шахъ державный,
Молить, чтобъ ты благоволилъ немедля
Три капли дать бальзама,
Который при себѣ
Всегда имѣешь;
Три капли, чтобъ спасти Зораба,
Чтобъ живъ Рустему сынъ остался.
Но Шахъ отвѣтствовалъ на это,
Не торопясь: благодаренье Богу!
Рустемъ спасенъ, а врагъ лежитъ убитый;
Ему покойно; я тревожить
Его не стану: всѣмъ моимъ бальзамомъ
Пожертвовать готовъ я для Рустема;
Но капли дать не соглашусь для Турка.
Ирану и одной ужь силы
Рустемовой довольно черезъ мѣру;
Когда же съ нимъ такой могучій
Соединится сынъ, ихъ обоихъ
Не выдержать Ирану.
Но если такъ Рустемъ желаетъ,
Чтобъ я въ бѣдѣ ему помогъ,
Пускай свою отложитъ гордость,
И самъ сюда придетъ,
И проситъ милости у Шаха на колѣняхъ.
Гонецъ, увидя, сколь упоренъ
Былъ царь, не сталъ терять безъ пользы словъ,
И поспѣшилъ съ его отвѣтомъ

Къ Рустему. При такомъ жестокомъ
Отказѣ вся пришла въ волненье
Душа Рустемова; борьба
Межъ скорбію и гордостію въ ней
Такая началась, что паръ
Отъ головы богатыря поднялся;
Онъ судорожно трепеталъ:
Не могъ пойти, не могъ остаться;
Но наконецъ передъ судьбою
Смиренно голову склонилъ,
И въ землю пасть за сына передъ Шахомъ
Пошелъ но десяти шаговъ переступить
Онъ не успѣлъ, какъ ужь его
Настигла вѣсть: все кончилось; Зорабу
Теперь ничто не нужно — кромѣ гроба,

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

РУСТЕМЪ.

Рустемъ пришелъ обратно; той порой
Они ужь мертваго покрыли.
Была кругомъ тройная ночь:
На небесахъ, въ душѣ отца,
И въ скиніи пустой,
Гдѣ такъ недавно
Душа Зорабова сіяла. —
Поднявъ въ молчаніи покровъ,
При слабомъ звѣздъ сіяньи,
Отецъ увидѣлъ
Умершаго лицо:
Оно отъ темноты,

Какъ блѣдный призракъ, отдѣлялось
Своею смертной бѣлизной;
И холодъ ужаса въ него проникъ;
Покровъ на мертваго опять онъ наложилъ,
И шопотомъ, какъ будто разбудить
Заснувшаго остерегаясь,
Сказалъ: я часто смерти
Глядѣлъ въ глаза, и никогда
Мнѣ не было предъ нею страшно,
И никогда она не представлялась
Мнѣ столь прекрасною, какъ здѣсь,
На этомъ образѣ прекрасномъ . . .
Но я теперь дрожу. О горе! горе
Тебѣ, Рустемъ! Всей славою своею
Не выкупишь ты этой милой жизни
У смерти, ею завладѣвшей.
Что подвиги твои теперь?
Всѣ прежніе послѣдній опозорилъ.
О милый сынъ мой, сынъ моей души!
Такую ль встрѣчу твой отецъ
Тебѣ былъ долженъ приготовить?
Тебя съ младенчества прельщалъ
Погибельный, невѣрный призракъ;
Рустемовы дѣла
Въ твою гремѣли душу;
Они къ отцу тебя стремили;
Твоею гордостью, надеждой,
И радостью и жизнью было
Упасть на грудь отца ты на нее упалъ,
Но объ нее разшибся; ты насильно
Въ мои объятія ворвался —
И былъ въ нихъ задушенъ.

Тсбѣ я, какъ врагу, дивился,
Завидовалъ слѣпой безумецъ!
Обманомъ я разжалобилъ твою
Безхитростно-довѣрчивую душу,
Чтобъ у тебя украсть изъ рукъ
Остатокъ дряхлой жизни,
Мнѣ самому теперь презрѣнной,
И чтобъ потомъ разбойнически младость
Твою убить въ союзѣ съ темной силой.
И наконецъ я за тебя, мой сынъ,
Пошелъ на стыдъ и униженье,
Пошелъ упасть къ ногамъ надменнымъ Шаха,
Но тѣмъ отъ рукъ желѣзныхъ смерти
Тебя не спасъ я О! пусть будетъ этотъ стыдъ
Мирительной уплатою за все,
Что сотворилъ тебѣ въ обиду
Отецъ твой такъ рѣшили звѣзды:
Я возмечталъ до неба вознестися —
И было мнѣ, въ урокъ смиренья, небомъ
Ниспослано сыноубійство.

Такъ сѣтовалъ Рустемъ во тмѣ ночной,
И всѣ вожди и всѣ вельможи
Съ нимъ вмѣстѣ сѣтуя, сидѣли
Кругомъ его, забывши о вечерней
Трапезѣ. Ихъ Рустемъ
Не замѣчалъ; онъ мертвыми очами
На сына мертваго глядѣлъ,
И, роковую стиснувъ
Въ рукахъ повязку, такъ
Ей говорилъ: ты, золотая,
Холодная, коварная змѣя!

Ты сокровенностью своею,
Какъ жаломъ смерти ядовитымъ,
И сыну грудь пронзила,
И грудь отцу разорвала.
О! если бы для нашего спасенья
Ты во́время сама разорвалася
И выпала передо мною
Изъ-подъ одежды роковой!
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ осторожно
Тебя таилъ онъ на груди?
Зачѣмъ и ты сама ему
Такъ крѣпко обнимала грудь?
Увы! зачѣмъ и я съ такою
Неумолимостью отвергнулъ
Его горячія молитвы?
Зачѣмъ я такъ безжалостно покинулъ
Мою жену и вѣсти никакой
Ни о себѣ ей не давалъ,
Ни отъ нея имѣть не мыслилъ?
О! для чего она сама
Съ такой упорностью таила
Рожденье сына отъ меня?
А ты, мой конь, мой вѣрный Громъ!
Ты первая всему причина:
Зачѣмъ меня ты спящаго оставилъ
И въ руки Туркамъ отдался,
И тѣмъ дорогу указалъ мнѣ
Къ погибельному Семенгаму?
Когда бъ туда я не входилъ —
Я никому не даровалъ бы,
Ни у кого бъ не отнялъ жизни.
Ахъ! конь мой, конь мой, въ черный день

Меня понесъ ты на охоту —
Въ добычу намъ досталася бѣда.
Теперь твоя окончилася служба;
Отнынѣ ты меня не понесешь
Ни на веселую охоту полевую,
Ни на кровавую охоту боевую.

Такъ сѣтовалъ во тмѣ ночной Рустемъ.
Настало утро. Самъ тогда
Явился Шахъ. Рустему
Хотѣлъ сказать онъ слово утѣшенья,
Чтобъ свой отказъ жестокій оправдать;
Но было холоднѣй мороза
Его безчувственное слово.
Зачѣмъ, онъ говорилъ, ты здѣсь,
Ирана Пехлеванъ вел кій,
Лежишь въ пыли, и сокрушенью
Такому душу предаешь?
Мы никакою нашей силой —
Хотя бъ могли съ подошвы гору сдвинуть,
Или шатеръ небесный повалить
На землю — не воротимъ
Ни одного ушедшаго съ земли.
За нашей жизнью — дичью легконогой,
Гоняется охотникъ — смерть;
Проворна жизнь, но смертъ проворнѣй;
Она ее догонитъ наконецъ;
Послѣдній часъ всегда въ расплохъ насъ ловитъ.
Я самъ издалекá дивился
Его великой силѣ,
Его плечамъ широкимъ,
Его могучимъ членамъ

И исполинской красотѣ;
И думалъ я: не уроженецъ
Турана этотъ богатырь;
Въ немъ кровь царей. Но могъ ли кто изъ насъ
Подумать и во снѣ,
Чтобъ былъ онъ сынъ Рустема,
Судьбой назначенный погибнуть
Въ Иранѣ отъ руки отца?
Таперь ему не нуженъ болѣ
Мой жизненный бальзамъ; но дорогими
Я ароматами покрою
Его безжизненное тѣло;
Великолѣпнымъ погребеньемъ
Его почту, и въ немъ тебя, великій
Ирана Пехлеванъ; и будетъ въ Истахарѣ
Надгробный памятникъ ему
Изъ золота и мрамора воздвигнутъ.
Теперь мнѣ дай лицо его увидѣть.

Такъ говоря онъ подошелъ,
Чтобъ мертвому лицо открыть, но тяжкой
Рукой прижалъ къ лицу покровъ Рустемъ;
И, головы не подымая, Шаху
Сказалъ онъ: видѣть Кейкавусъ
Рустемова не будетъ сына. Удались,
Державный царь; оконченъ пиръ, гостямъ
Здѣсь мѣста болѣ нѣтъ; а сына самъ я
Похороню. Туранское же войско
Пускай назадъ пойдетъ свободно:
Его душа исчезла. Такъ же
И ты, могучій Кейкавусъ,
Не медли здѣсь; иди въ свой Истахаръ,

И разскажи, когда тамъ будешь,
Какую легкую побѣду
Здѣсь одержалъ, и какъ разбито было
Здѣсь войско цѣлое, когда убилъ я сына.
Идите всѣ; меня здѣсь одного
Съ моимъ оставьте сокрушеньемъ.
Онъ замолчалъ, и отъ покрова
Руки не о́тнялъ, головы не по́днялъ,
И не взглянулъ на Шаха; на землѣ
Близъ сына онъ лежалъ, не отводя
Отъ мертваго очей. Оборотясь
Къ вельможамъ и вождямъ, сказалъ
Имъ Кейкавусъ: его желанье
Исполнить мы должны; прискорбно видѣть,
Какъ сѣтуетъ Ирана Пехлеванъ —
Но мы ему помочь не въ силахъ; онъ желаетъ
Остаться здѣсь одинъ; пойдемъ. И Шахъ
Пошелъ; и всѣ пошли за нимъ
Храня молчаніе; и въ полѣ
Рустемъ одинъ остался съ мертвымъ сыномъ.
И вскорѣ все пришло въ движенье войско;
Шатры попадали и станъ исчезъ —
Какъ будто міръ какой великій
Разрушился. И все заколебалось;
Знамена развернулись,
Заржали звучно кони,
Задребезжали трубы,
Тимпаны загремѣли,
Въ обратный путь пошли дружины.

Съ земли поднявшися отъ сына,
Рустемъ увидѣлъ вдалекѣ

Лишь только пыль, подъемлемую войскомъ
На краѣ небосклона; поле,
Гдѣ былъ разбитъ Иранскій станъ,
Ужь было пусто; одиноко
Среди его стоялъ зеленый
Шатеръ; а въ сторонѣ шатры Сабула,
Гдѣ полководствовалъ Зеваръ.
Рустемъ, къ себѣ призвавши брата,
Ему сказалъ: теперь всему конецъ.
Иди, Зеваръ, и отъ меня
Турану миръ съ Ираномъ объяви.
Хеджиру возврати свободу,
И власть ему вручи надъ Бѣлымъ Замкомъ,
Примолвивъ: «отъ Зораба
Въ награду за твою правдивость.»
Потомъ ты скажешь Баруману:
«Зорабъ тебя за добрые совѣты
И за любовь къ царю Афразіабу
Отсюда съ миромъ отпускаетъ.»
И самъ его до рубежей Турана
Съ отборною Сабульскою дружиной
Потомъ ты проводи: когда жь проводишь,
Въ сосѣдній городъ Семенгамъ,
Поди и дочери царя,
Теминѣ, эту золотую
Отдай повязку; но смотри,
Чтобъ кровь съ нея не стерлась:
То матери единственный остатокъ
Отъ сына. Такъ же ей отдай
И всѣ Зорабовы доспѣхи —
Пускай они печаль ея насытятъ:
А ты, увидя, какъ она

Безъ утоленья будетъ плакать,
И рваться въ судорожномъ горѣ,
И сына тщетно призывать,
Скажи въ отраду ей, какимъ
Меня ты здѣсь оставилъ....
Ты день пробудешь въ Семенгамѣ;
Потомъ сюда о ней живую вѣсть
Мнѣ принесешь. Иди жъ немедля;
Я день и ночь тебя здѣсь буду ждать.
Когда же возвратишься,
Свое сокровище тебѣ я ввѣрю,
И ты его въ Сабулистанъ
Отсюда съ честью понесешь,
Рустемовымъ сопутствуемый войскомъ,

Немедленно Зеваръ пустился въ путь.
Тогда сказалъ оставшимся Рустемъ:
Принесть сюда зеленый мой шатеръ!
Отъ мѣста, на которомъ мною
Былъ сынъ убитъ, я не пойду.
Но онъ живой хотѣлъ, чтобы надъ нимъ
Стоялъ шатеръ отца — пускай надъ нимъ и мертвымъ
Стоитъ онъ. И шатеръ воздвигся
Надъ юношей, спокойно погруженнымъ
Въ непробудимый смерти сонъ.
Его отецъ на пурпурный коверъ,
Межъ ароматовъ благовонныхъ,
Своими положилъ руками,
Накрылъ парчой, потомъ всего
Цвѣтами свѣжими осыпалъ. —
Такъ, окруженный прелестями жизни,
Онъ тамъ лежалъ, объятый хладной смертью.

Потомъ Рустемомъ похоронный
Былъ учрежденъ обрядъ:
Соединивъ передъ шатромъ
Всю рать Сабулистана,
Онъ повелѣлъ, чтобъ каждый день она —
И поутру, когда всходило солнце,
И ввечеру, когда садилось солнце —
Торжественно, въ порядкѣ боевомъ,
Знамена распустивъ,
При звукѣ трубъ, съ тимпаннымъ громомъ,
Въ сіяющихъ доспѣхахъ проходила
Передъ шатромъ; и были гривы
Коней обстрижены; тимпаны
И трубы траурною тканью
Обвиты, луковъ тетивы
Ослаблены, и копья остріями
Внизъ опрокинуты. Рустемъ
Не ѣхалъ впереди; надъ сыномъ
Сидѣлъ онъ, скорбію согбенный,
И съ мертвымъ, какъ съ живымъ,
Бесѣду безотвѣтно велъ.
Онъ утромъ говорилъ:
«Зорабъ, мой сынъ,
Звучитъ труба . . . ты спишь.»
А вечеромъ онъ говорилъ;
«Зорабъ, мой сынъ,
Ужь землю солнце покидаетъ;
И ты покинешь скоро землю.»
Такъ девять сутокъ онъ провелъ
Безъ сна, безъ пищи,
Неутѣшимой преданный печали.

Въ однѣ изъ этихъ сутокъ — былъ ужь близко
Разсвѣтъ зари. . . . какъ неподвижный
Желѣзный истуканъ, сидѣлъ
Рустемъ во глубинѣ шатра
Надъ сыномъ, сонный и несонный; полы
Шатра широко были
Раздернуты; холоднымъ полусвѣтомъ
Едва начавшагося утра
Чуть озаренное пустое небо
Межъ ними было видно вдругъ
На этой блѣдной пустотѣ
Явился бѣлый образъ; отъ нея
Онъ отдѣлился, и безшумно,
Какъ будто вѣющій, проникъ
Въ шатеръ . . . то былъ прекрасный образъ дѣвы.
Увидя мертваго, она
У ногъ его простерлася на землю,
И не вставала долго,
И слышалось въ молчаньи ночи
Ея рыданіе, какъ лепетъ тихій
Ручья. Съ земли поднявшись,
Она приблизилася къ тѣлу,
И, снявъ съ лица покровъ,
Смотрѣла долго
На блѣдное лицо,
Которымъ (безотвѣтно
На все земное) обладала смерть:
Зажаты были очи, нѣмы
Уста, и холодно, какъ мраморъ,
Чело. Она его въ чело, уста и очи
Поцѣловала, нà голову свѣжій
Вѣнокъ изъ розъ и лавровъ положила,

Потомъ, лицо опять одѣвъ
Покровомъ, тихо удалилась,
И въ воздухѣ ночномъ,
Какъ будто съ нимъ сліянная, пропала.
И стало пусто
Опять въ шатрѣ, лишь на востокѣ
Багрянѣй сдѣлалося небо,
И одиноко тамъ горѣла
Денницы тихая звѣзда.
Рустемъ не зналъ, что видѣлось ему;
Въ безсонномъ забытьи сидѣлъ онъ,
И думалъ смутно: это сонъ.
Когда жъ при восхожденьи солнца
Онъ снялъ съ умершаго покровъ,
Чтобъ утренній привѣтъ свой
Ему сказать — на головѣ его
Увидѣлъ онъ вѣнокъ изъ розъ и лавровъ.

Въ десятый день изъ Семенгама
Зеваръ съ дружиной возвратился.
Вступивъ въ шатеръ, увидѣлъ онъ,
Что тамъ сидѣлъ надъ мертвымъ сыномъ
Рустемъ, приникнувъ головою
Къ его холодному челу —
И волосы его сѣдые
Лежали въ дикомъ безпорядкѣ
На блѣдныхъ мертваго щекахъ.
При входѣ брата, приподнялъ
Онъ голову. Зеваръ
На тѣло, молча, положилъ
Окровавленную повязку.
При этомъ видѣ содрогнувшись,

Рустемъ спросилъ: зачѣмъ, мой братъ Зеваръ,
Принесъ назадъ мою повязку? —
Зеваръ отвѣтствовалъ: тамъ никому
Она ужь болѣ не нужна. — Понявъ
Значенье этихъ словъ, въ молчаньи
Прижалъ опять лицо свое Рустемъ
Къ челу Зораба. И никто
Не смѣлъ его ужаснаго покоя
Нарушить. На другое утро,
Когда, съ зарей поднявшись,
Все войско стало въ строй, Рустемъ,
Всю ночь безъ сна проведши
Надъ сыномъ, такъ сказалъ Зевару:
Зеваръ, мой братъ, теперь шатеръ зеленый
Надъ головой моею опрокиньте,
И отъ меня возьмите прочь Зораба;
Но прежде привести сюда
Его коня. Когда же конь
Былъ приведенъ — какъ будто отъ недуга
Шатаясь, сокрушенный, блѣдный,
Онъ вышелъ изъ шатра
И онъ заплакалъ взрыдъ,
Когда коня безъ сѣдока
Передъ собой увидѣлъ. Полы
Шатра отдернувъ,
На господина мертваго коню
Онъ указалъ. Въ шатеръ взглянувши быстро,
Могучій конь оторопѣлъ,
Его поникла голова
И до земли упала грива.
Обѣими руками
Обнявши голову его, Рустемъ

Ее поцѣловалъ, потомъ
Коню, сложивъ съ него узду,
Сказалъ: отнынѣ никому
Ты не служи, Зорабовъ конь;
Ты воленъ. Понялъ конь разумный
Его слова: онъ жалобно и грозно
Заржалъ, ужасно прянулъ
Въ бокъ отъ шатра, и вихремъ побѣжалъ,
И скрылся, — и его съ тѣхъ поръ
Никто нигдѣ не встрѣтилъ.
Рустемъ, оборотяся къ брату,
Ему сказалъ: тебѣ, мой братъ Зеваръ,
И войску моему я сына
Передаю; въ Сабулистанъ
Несите сына моего;
Тамъ на кладбищѣ царскомъ,
Гдѣ я охотно легъ бы, если бъ могъ
Тѣмъ пробудить его отъ смерти,
Пусть будетъ съ предками своими
Онъ въ землю положенъ.
А нашей матери, такъ часто
Желавшей внуковъ отъ Рустема,
Скажи, Зеваръ, что я прислалъ ей внука;
Что въ красотѣ души и тѣла,
Въ отважности и въ силѣ богатырской
Ему подобнаго земля
Съ созданья не видала;
Что былъ бы онъ во всемъ по сердцу ей,
Когда бъ въ немъ только одного
Порока не было — кинжала,
Ему во грудь вонзеннаго отцемъ.
Идите. Я останусь здѣсь —

Зачѣмъ останусь? Что со мною будетъ?
О томъ узнать никто не любопытствуй.
Поклонъ прощальный отъ меня
Отдайте царству и народу.
Тебѣ, Зеваръ, я поручаю
Мое исполнить завѣщанье; самъ же
Въ Сабулъ я не пойду; я не могу увидѣть
Ни матери, ни сродниковъ, ни ближнихъ; здѣсь,
Въ пустынѣ, самого себя
Хочу размыкать я, и змѣя —
Грызущее мнѣ душу горе —
Убить. То будетъ мой послѣдній,
Мой самый трудный подвигъ; змѣй
Свирѣпъ, онъ дышетъ пламенемъ и ядомъ.
Идите жъ; добрый путь вамъ, будьте
Всѣ счастливы, и не крушитесь,
Что, въ слѣдъ за мной сюда пришедши,
Назадъ пойдете безъ меня,
Такъ должно быть. Простите;
Когда же о Рустемѣ
Тамъ станутъ говорить и спросятъ:
Куда пошелъ Рустемъ?
Отвѣтствуйте: — не знаемъ.

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ.

СКАЗКА

О

ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ

И СѢРОМЪ ВОЛКѢ.

Давнымъ давно былъ въ нѣкоторомъ царствѣ
Могучій царь, по имени Демьянъ
Даниловичъ. Онъ царствовалъ премудро;
И было у него три сына: Климъ
Царевичъ, Петръ Царевичъ и Иванъ
Царевичъ. Да еще былъ у него
Прекрасный садъ и чудная росла
Въ саду томъ яблоня: всё золотыя
Родились яблоки на ней. Но вдругъ
Въ тѣхъ яблокахъ царевыхъ оказался
Великій недочетъ; и царь Демьянъ
Даниловичъ былъ такъ тѣмъ опечаленъ,
Что похудѣлъ, лишился аппетита
И впалъ въ безсонницу. Вотъ наконецъ,
Призвавъ къ себѣ своихъ трехъ сыновей,
Онъ имъ сказалъ: сердечные друзья
И сыновья мои родные, Климъ
Царевичъ, Петръ Царевичъ и Иванъ
Царевичъ! должно вамъ теперь большую
Услугу оказать мнѣ; въ царскій садъ мой
Повадился таскаться ночью воръ;
И золотыхъ ужь очень много яблокъ
Пропало; для меня жъ пропажа эта
Тошнѣе смерти. Слушайте, друзья:

Тому изъ васъ, кому поймать удастся
Подъ яблоней ночнаго вора, я
Отдамъ при жизни половину царства;
Когда жъ умру, и все ему оставлю
Въ наслѣдство. Сыновья, услышавъ то,
Что имъ сказалъ отецъ, уговорились
Поочередно въ садъ ходить и ночь
Не спать и вора сторожить. И первый
Пошелъ, какъ скоро ночь настала, Климъ
Царевичъ въ садъ, и тамъ залегъ въ густую
Траву подъ яблоней, и съ полчаса
Въ ней пролежалъ, да и заснулъ такъ крѣпко,
Что полдень былъ, когда, глаза продравъ,
Онъ поднялся, во весь зѣвая ротъ.
И, возвратясь, царю Демьяну онъ
Сказалъ, что воръ въ ту ночь не приходилъ.
Другая ночь настала; Петръ Царевичъ
Сѣлъ сторожить подъ яблонею вора;
Онъ цѣлый часъ крѣпился, въ темноту
Во всѣ глаза глядѣлъ; но въ темнотѣ
Все было пусто; наконецъ и онъ,
Не одолѣвъ дремоты, повалился
Въ траву и захрапѣлъ на цѣлый садъ.
Давно былъ день, когда проснулся онъ.
Пришедъ къ царю, ему донесъ онъ такъ же,
Какъ Климъ Царевичъ, что и въ эту ночь
Красть царскихъ яблокъ воръ не приходилъ.
На третью ночь отправился Иванъ
Царевичъ въ садъ, по очереди вора
Стеречь. Подъ яблоней онъ притаился,
Сидѣлъ не шевелясь, глядѣлъ прилежно,
И не дремалъ; и вотъ, когда настала

Глухая полночь; садъ весь облеснуло,
Какъ будто молніей; и что же видитъ
Иванъ Царевичъ? Отъ востока быстро
Летитъ жаръ-птица, огненной звѣздою
Блестя и въ день преобращая ночь.
Прижавшись къ яблонѣ, Иванъ Царевичъ
Сидитъ, не движется, не дышетъ, ждетъ,
Что будетъ? Сѣвъ на яблоню, жаръ-птица
За дѣло принялась, и нарвала
Съ десятокъ яблокъ. Тутъ Иванъ Царевичъ,
Тихохонько поднявшись изъ травы,
Схватилъ за хвостъ воровку; уронивъ
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала изъ рукъ
Царевича свой хвостъ, и улетѣла;
Однако у него въ рукахъ одно
Перо осталось, и такой былъ блескъ
Отъ этого пера, что цѣлый садъ
Казался огненнымъ. Къ царю Демьяну
Пришедъ, Иванъ Царевичъ доложилъ
Ему, что воръ нашелся и что этотъ
Воръ былъ не человѣкъ, а птица; въ знакъ же,
Что правду онъ сказалъ, Иванъ Царевичъ
Почтительно царю Демьяну подалъ
Перо, которое онъ изъ хвоста
У вора вырвалъ. Съ радости отецъ
Его разцѣловалъ. Съ тѣхъ поръ не стали
Красть яблокъ золотыхъ, и царь Демьянъ
Развеселился, пополнѣлъ и началъ
По-прежнему ѣсть, пить и спать. Но въ немъ
Желанье сильное зажглось: добыть
Воровку яблокъ чудную жаръ-птицу.

Призвавъ къ себѣ двухъ старшихъ сыновей,
Друзья мои, сказалъ онъ: Климъ Царевичъ
И Петръ Царевичъ, вамъ уже давно
Пора людей увидѣть и себя
Имъ показать. Съ моимъ благословеньемъ
И съ помощью Господней поѣзжайте
На подвиги и наживите честь
Себѣ и славу; мнѣ жъ царю достаньте
Жаръ-птицу; кто изъ васъ ее достанетъ,
Тому при жизни я отдамъ полцарства,
А послѣ смерти все ему оставлю
Въ наслѣдство. Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились въ дорогу.
Немного времени спустя, пришелъ
Къ царю Иванъ Царевичъ и сказалъ:
Родитель мой, великій Государь
Демьянъ Даниловичъ, позволь мнѣ ѣхать
За братьями; и мнѣ пора людей
Увидѣть, и себя имъ показать,
И честь себѣ нажить отъ нихъ и славу.
Да и тебѣ царю я угодить
Желалъ бы, для тебя доставъ жаръ-птицу.
Родительское мнѣ благословенье
Дай, и позволь пуститься въ путь мой съ Богомъ.
На это царь скавалъ: Иванъ Царевичъ,
Еще ты молодъ, погоди; твоя
Пора придетъ; теперь же ты меня
Не покидай; я старъ, ужь мнѣ недолго
На свѣтѣ жить; а если я одинъ
Умру, то на кого покину свой
Народъ и царство? — Но Иванъ Царевичъ
Былъ такъ упрямъ, что напослѣдокъ царь

И нехотя его благословилъ.
И въ путь отправился Иванъ Царевичъ;
И ѣхалъ, ѣхалъ, и пріѣхалъ къ мѣсту,
Гдѣ раздѣлялася дорога на три.
Онъ на распутьи томъ увидѣлъ столбъ,
А на столбѣ такую надпись: *кто*
Поѣдетъ прямо, будетъ всю дорогу
И голоденъ и холоденъ: кто вправо
Поѣдетъ, будетъ живъ, да конь его
Умретъ; а влѣво кто поѣдетъ, самъ
Умретъ, да конь его живъ будетъ. Вправо,
Подумавши, поворотить рѣшился
Иванъ Царевичъ. Онъ недолго ѣхалъ;
Вдругъ выбѣжалъ изъ лѣса Сѣрый Волкъ
И кинулся свирѣпо на коня;
И не успѣлъ Иванъ Царевичъ взяться
За мечъ, какъ былъ ужь конь заѣденъ,
И Сѣрый Волкъ пропалъ. Иванъ Царевичъ,
Повѣсивъ голову пошелъ тихонько
Пѣшкомъ; но шелъ недолго; передъ нимъ
По-прежнему явился Сѣрый Волкъ
И человѣчьимъ голосомъ сказалъ:
«Мнѣ жаль, Иванъ Царевичъ, мой сердечный,
Что твоего я добраго коня
Заѣлъ, но ты вѣдь самъ конечно видѣлъ,
Что на столбу написано; тому
Такъ слѣдовало быть; однако жъ ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебѣ я вѣрою и правдой
Служить отнынѣ буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты ѣдешь и зачѣмъ?»
И Сѣрому Иванъ Царевичъ Волку

Все разсказалъ. А Сѣрый Волкъ ему
Отвѣтствовалъ: гдѣ отыскать жаръ-птицу,
Я знаю; ну, садися на меня,
Иванъ Царевичъ, и поѣдемъ съ Богомъ.
И Сѣрый Волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ, и съ нимъ онъ въ полночь
У каменной стѣны остановился.
«Пріѣхали, Иванъ Царевичъ! Волкъ
Сказалъ; но слушай, въ клѣткѣ золотой
За этою оградою виситъ
Жаръ-птица; ты ее изъ клѣтки
Достань тихонько, клѣтки же отнюдь
Не трогай: попадешь въ бѣду.» — Иванъ
Царевичъ перелѣзъ черезъ ограду;
За ней въ саду увидѣлъ онъ жаръ-птицу
Въ богатой клѣткѣ золотой, и садъ
Былъ освѣщенъ, какъ будто солнцемъ. Вынувъ
Изъ клѣтки золотой жаръ-птицу, онъ
Подумалъ: въ чемъ же мнѣ ее везти?
И, позабывъ, что Сѣрый Волкъ ему
Совѣтовалъ, взялъ клѣтку; но отвсюду
Проведены къ ней были струны; громкій
Поднялся звонъ, и сторожа проснулись,
И въ садъ сбѣжались, и въ саду Ивана
Царевича схватили, и къ царю
Представили; а царь (онъ назывался
Далматомъ) такъ сказалъ: откуда ты?
И кто ты? — Я Иванъ Царевичъ; мой
Отецъ Демьянъ Даниловичъ владѣетъ
Великимъ, сильнымъ государствомъ; ваша
Жаръ-птица по ночамъ летать въ нашъ садъ
Повадилась, чтобъ золотыя красть

Тамъ яблоки: за ней меня послалъ
Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичь. — На это царь
Далматъ сказалъ: царевичъ ты иль нѣтъ,
Того не знаю я; но, если правду
Сказалъ ты, то не царскимъ ремесломъ
Ты промышляешь; могъ бы прямо мнѣ
Сказать: отдай мнѣ, царь Далматъ, жаръ-птицу;
И я тебѣ ее руками бъ отдалъ
Во уваженіе того, что царь
Демьянъ Даниловичъ, столь знаменитый
Своей премудростью, тебѣ отецъ.
Но слушай: я тебѣ мою жаръ-птицу
Охотно уступлю, когда ты самъ
Достанешь мнѣ коня Золотогрива;
Принадлежитъ могучему царю
Афрону онъ. За тридевять земель
Ты въ тридесятое отправься царство,
И у могучаго царя Афрона
Мнѣ выпроси коня Золотогрива,
Иль хитростью какой его достань.
Когда жъ ко мнѣ съ конемъ не возвратишься,
То по всему разславлю свѣту я,
Что ты не царскій сынъ, а воръ; и будетъ
Тогда тебѣ великій срамъ и стыдъ.
Повѣсивъ голову, Иванъ Царевичъ
Пошелъ туда, гдѣ былъ имъ Сѣрый Волкъ
Оставленъ. Сѣрый Волкъ ему сказалъ:
Напрасно же меня, Иванъ Царевичъ,
Ты не послушался; но пособить
Ужь нечѣмъ; будь впередъ умнѣй; поѣдемъ
За тридевять земель къ царю Афрону.

И Сѣрый Волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ; и къ ночи въ царство
Царя Афрона прибыли они,
И у дверей конюшни царской тамъ
Остановились. — Ну, Иванъ Царевичъ,
Послушай, Сѣрый Волкъ сказалъ, войди
Въ конюшню; конюхи спятъ крѣпко; ты
Легко изъ стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки; снова попадешь въ бѣду. —
Въ конюшню царскую Иванъ Царевичъ
Вошелъ и вывелъ онъ коня изъ стойла;
Но на бѣду, взглянувши на уздечку,
Прельстился ею такъ, что позабылъ
Совсѣмъ о томъ, что Сѣрый Волкъ сказалъ,
И снялъ съ гвоздя уздечку. Но и къ ней
Проведены отвсюду были струны;
Все зазвенѣло; конюхи вскочили;
И былъ съ конемъ Иванъ Царевичъ пойманъ,
И привели его къ царю Афрону,
И царь Афронъ спросилъ сурово: кто ты?
Ему Иванъ Царевичъ то жъ въ отвѣтъ
Сказалъ, что и царю Далмату. Царь
Афронъ отвѣтствовалъ: хорошій ты
Царевичъ! такъ ли должно поступать
Царевичамъ? И царское ли дѣло
Шататься по ночамъ и воровать
Коней? Съ тебя я буйную бы могъ
Снять голову; но молодость твою
Мнѣ жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь,
Лишь поѣзжай за тридевять земель

Ты въ тридесятое отсюда царство,
Да привези оттуда мнѣ царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучаго Касима; если жъ мнѣ
Ея не привезешь, то я вездѣ расславлю,
Что ты ночной бродяга, плутъ и воръ.
Опять, повѣсивъ голову, пошелъ
Туда Иванъ Царевичъ, гдѣ его
Ждалъ Сѣрый Волкъ. И Сѣрый Волкъ сказалъ:
Ой ты, Иванъ Царевичъ! если бъ я
Тебя такъ не любилъ, здѣсь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Садися на меня, поѣдемъ съ Богомъ
За тридевять земель къ царю Касиму;
Теперь мое, а не твое ужь дѣло.
И Сѣрый Волкъ опять скакать съ Иваномъ
Царевичемъ пустился. Вотъ они
Проѣхали ужь тридевять земель,
И вотъ они ужь въ тридесятомъ царствѣ;
И Сѣрый Волкъ, ссадивъ съ себя Ивана
Царевича, сказалъ: недалеко
Отсюда царскій садъ; туда одинъ
Пойду я; ты жъ меня дождись подъ этимъ
Зеленымъ дубомъ. Сѣрый Волкъ пошелъ,
И перелѣзъ черезъ ограду сада,
И закопался въ кустъ, и тамъ лежалъ
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна — съ ней красныя дѣвицы,
И мамушки и нянюшки — пошла
Прогуливаться въ садъ; а Сѣрый Волкъ
Того и ждалъ: примѣтивъ, что царевна,
Отъ прочихъ отдѣляся, шла одна,

Онъ выскочилъ изъ-подъ куста, схватилъ
Царевну, за спину ее свою
Закинулъ и давай Богъ ноги. Страшный
Крикъ подняли и красныя дѣвицы,
И мамушки и нянюшки; и весь
Сбѣжался дворъ, министры, камергеры,
И генералы; царь велѣлъ собрать
Охотниковъ и всѣхъ спустить своихъ
Собакъ борзыхъ и гончихъ — все напрасно:
Ужь Сѣрый Волкъ съ царевной и съ Иваномъ
Царевичемъ былъ далеко, и слѣдъ
Давно простылъ: царевна же лежала
Безъ всякаго движенья у Ивана
Царевича въ рукахъ (такъ Сѣрый Волкъ
Ее сердечную перепугалъ).
Вотъ по-немногу начала она
Входить въ себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла, и, совсѣмъ
Очнувшись, подняла ихъ на Ивана
Царевича и покраснѣла вся,
Какъ роза алая; и съ ней Иванъ
Царевичъ покраснѣлъ, и въ этотъ мигъ
Она и онъ другъ друга полюбили
Такъ сильно, что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни описать перомъ того пе можно.
И впалъ въ глубокую печаль Иванъ
Царевичъ: крѣпко, крѣпко не хотѣлось
Съ царевною Еленою ему
Разстаться и ее отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнѣе смерти. Сѣрый Волкъ, замѣтивъ
Ихъ горе, такъ сказалъ: Иванъ Царевичъ,

Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручинѣ: это
Не служба-службишка; прямая служба
Ждетъ впереди. И вотъ они ужь въ царствѣ
Царя Афрона. Сѣрый Волкъ сказалъ:
Иванъ Царевичъ, здѣсь должны умненько
Мы поступить: я превращусь въ царевну;
А ты со мной явись къ царю Афрону,
Меня ему отдай, и, получивъ
Коня Золотогрива, поѣзжай впередъ
Съ Еленою Касимовной; меня вы
Дождитесь въ скрытномъ мѣстѣ; ждать же вамъ
Не будетъ скучно. Тутъ, ударясь оземь,
Сталъ Сѣрый Волкъ царевною Еленой
Касимовной. Иванъ Царевичъ, сдавъ
Его съ рукъ на́ руки царю Афрону,
И, получивъ коня Золотогрива,
На томъ конѣ стрѣлой пустился въ лѣсъ,
Гдѣ настоящая его ждала
Царевна. Во дворцѣ жь царя Афрона
Тѣмъ временемъ готовилася свадьба:
И въ тотъ же день съ невѣстой царь къ вѣнцу
Пошелъ; когда же ихъ перевѣнчали,
И молодой былъ долженъ молодую
Поцѣловать, губами царь Афронъ
Съ шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за носъ укусила
Царя, и не жену передъ собой
Красавицу, а волка царь Афронъ
Увидѣлъ; Сѣрый Волкъ недолго сталъ
Тутъ церемониться; онъ сбилъ хвостомъ
Царя Афрона съ ногъ и прянулъ въ двери.

Всѣ принялись кричать: держи, держи!
Лови, лови! — Куда ты? Ужь Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Давно догналъ проворный Сѣрый Волкъ;
И ужь, сошедъ съ коня Золотогрива,
Иванъ Царевичъ пересѣлъ на Волка,
И ужь впередъ они опять, какъ вихри,
Летѣли. Вотъ пріѣхали и въ царство
Далматово они. И Сѣрый Волкъ
Сказалъ: въ коня Золотогрива
Я превращусь; а ты, Иванъ Царевичъ,
Меня отдавъ царю и взявъ жаръ-птицу,
По-прежнему съ царевною Еленой
Ступай впередъ; я скоро догоню васъ.
Такъ все и сдѣлалось, какъ Волкъ устроилъ,
Немедленно велѣлъ Золотогрива
Царь осѣдлать, и выѣхалъ на немъ
Онъ съ свитою придворной на охоту;
И впереди у всѣхъ онъ поскакалъ
За зайцемъ; всѣ придворные кричали:
Какъ молодецки скачетъ царь Далматъ!
Но вдругъ изъ-подъ него на всемъ скаку
Юркнулъ шершавый волкъ и царь Далматъ,
Перекувырнувшись съ его спины,
Вмигъ очутился головою внизъ,
Ногами вверхъ, и по плечá ушедши
Въ распаханную землю, упирался
Въ нее руками, и напрасно силясь
Освободиться, въ воздухѣ болталъ
Ногами: вся къ нему тутъ свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потомъ всѣ принялися громко

Кричать: лови, лови! трави, трави!
Но было некого травить; на Волкѣ
Уже по-прежнему сидѣлъ Иванъ
Царевичъ; на конѣ жъ Золотогривѣ
Царевна и подъ ней Золотогривъ
Гордился и плясалъ; не торопясь,
Большой дорогою они шажкомъ
Тихонько ѣхали; и мало ль, долго ль
Ихъ длилася дорога — наконецъ
Они доѣхали до мѣста, гдѣ Иванъ
Царевичъ Сѣрымъ Волкомъ въ первый разъ
Былъ встрѣченъ; и еще лежали тамъ
Его коня бѣлѣющія кости;
И Сѣрый Волкъ, вздохнувъ, сказалъ Ивану
Царевичу: теперь, Иванъ Царевичъ,
Пришла пора другъ друга намъ покинуть;
Я вѣрою и правдою донынѣ
Тебѣ служилъ и ласкою твоею
Доволенъ , и, покуда живъ, тебя
Не позабуду; здѣсь же на прощаньи
Хочу тебѣ совѣтъ полезный дать:
Будь остороженъ, люди злы; и братьямъ
Роднымъ не вѣрь. Молю усердно Бога,
Чтобъ ты домой доѣхалъ безъ бѣды,
И чтобъ меня обрадовалъ пріятнымъ
Извѣстьемъ о себѣ. Прости, Иванъ
Царевичъ: съ этимъ словомъ Волкъ исчезъ.
Погоревавъ о немъ, Иванъ Царевичъ
Съ царевною Еленой на сѣдлѣ,
Съ жаръ-птицей въ клѣткѣ за плечами, далѣ
Поѣхалъ на конѣ Золотогривѣ,
И ѣхали они дня три, четыре;

И вотъ, подъѣхавши къ границѣ царства,
Гдѣ властвовалъ премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ, увидѣли богатый
Шатеръ, разбитый на лугу зеленомъ;
И изъ шатра къ нимъ вышли . . . кто же? Климъ
И Петръ Царевичи. Иванъ Царевичъ
Былъ встрѣчею такою несказанно
Обрадованъ; а братьямъ въ сердце зависть
Змѣей вползла, когда они жаръ-птицу
Съ царевною Еленой у Ивана
Царевича увидѣли въ рукахъ:
Была имъ мысль несносна показаться
Безъ ничего къ отцу тогда, какъ братъ
Меньшой воротится къ нему съ жаръ-птицей,
Съ прекрасною невѣстой и съ конемъ
Золотогривомъ, и еще получитъ
Полцарства по пріѣздѣ; а когда
Отецъ умретъ, и все возметъ въ наслѣдство.
И вотъ они замыслили злодѣйство:
Видъ дружескій принявши, пригласили
Они въ шатеръ свой отдохнуть Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Прекрасною. Безъ подозрѣнья оба
Вошли въ шатеръ. Иванъ Царевичъ, долгой
Дорогой утомленный, легъ, и скоро
Заснулъ глубокимъ сномъ; того и ждали
Злодѣи братья: мигомъ острый мечъ
Они ему вонзили въ грудь, и въ полѣ
Его оставили, и, взявъ царевну,
Жаръ-птицу и коня Золотогрива,
Какъ добрые, отправилися въ путь.
А между тѣмъ недвижимъ, бездыханенъ,

Облитый кровью, нá полѣ широкомъ
Лежалъ Иванъ Царевичъ. Такъ прошелъ
Весь день; уже склоняться начинало
На западъ солнце; поле было пусто;
И ужь надъ мертвымъ съ чернымъ вороненкомъ
Носился, каркая и распустивши
Широко крылья, хищный воронъ. — Вдругъ,
Откуда ни возьмись, явился Сѣрый
Волкъ: онъ, бѣду великую почуявъ,
На помощь подоспѣлъ; еще бъ минута,
И было бъ поздно. Угадавъ, какой
Былъ умыселъ у ворона, онъ далъ
Ему на мертвое спуститься тѣло;
И только тотъ спустился, разомъ цапъ
Его за хвостъ; закаркалъ старый воръ.
Пусти меня на волю, Сѣрый Волкъ,
Кричалъ онъ. — Не пущу, тотъ отвѣчалъ,
Пока не принесетъ твой вороненокъ
Живой и мертвой мнѣ воды. И воронъ
Велѣлъ летѣть скорѣе вороненку
За мертвою и за живой водою.
Сынъ полетѣлъ, а Сѣрый Волкъ, отца
Порядкомъ скомкавъ, съ нимъ весьма учтиво
Сталъ разговаривать, и старый воронъ
Довольно могъ ему поразсказать
О томъ, что онъ видалъ въ свой долгій вѣкъ
Межъ птицъ и межъ людей. И слушалъ
Его съ большимъ вниманьемъ Сѣрый Волкъ,
И мудрости его необычайной
Дивился, но однако все за хвостъ
Его держалъ, и иногда, чтобъ онъ
Не забывался, мялъ его легонько

Въ когтистыхъ лапахъ. Солнце сѣло; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда съ живой водой и мертвой
Въ двухъ пузырькахъ проворный вороненокъ
Явился. Сѣрый Волкъ взялъ пузырьки,
И ворона отца пустилъ на волю.
Потомъ онъ съ пузырьками подошелъ
Къ лежавшему недвижимо Ивану
Царевичу: сперва его онъ мертвой
Водою вспрыснулъ — и въ минуту рана
Его закрылася, окостенѣлость
Пропала въ мертвыхъ членахъ, заигралъ
Румянецъ на щекахъ: его онъ вспрыснулъ
Живой водой — и онъ открылъ глаза,
Пошевелился, потянулся, всталъ
И молвилъ: какъ же долго проспалъ я?
— И вѣчно бы тебѣ здѣсь спать, Иванъ
Царевичъ, Сѣрый Волкъ сказалъ, когда бъ
Не я; теперь тебѣ прямую службу
Я отслужилъ; но эта служба знай,
Послѣдняя; отнынѣ о себѣ
Заботься самъ. А отъ меня прими
Совѣтъ и поступи, какъ я тебѣ скажу.
Твоихъ злодѣевъ братьевъ нѣтъ ужь болѣ
На свѣтѣ; имъ могучій чародѣй
Кощей безсмертный голову обоимъ
Свернулъ и этотъ чародѣй навелъ
На ваше царство сонъ; и твой родитель
И подданные всѣ его — теперь
Непробудимо спятъ; твою жъ царевну
Съ жаръ-птицей и конемъ Золотогривомъ
Похитилъ воръ Кощей; всѣ трое

Заключены въ его волшебномъ замкѣ.
Но ты, Иванъ Царевичъ, за свою
Невѣсту ничего не бойся; злой
Кощей надъ нею власти никакой
Имѣть не можетъ: сильный талисманъ
Есть у царевны; выйти жъ ей изъ замка
Нельзя; ее избавитъ только смерть
Кощеева; а какъ найти ту смерть, и я
Того не вѣдаю: объ этомъ Баба
Яга одна сказать лишь можетъ. Ты,
Иванъ Царевичъ, долженъ эту Бабу
Ягу найти; она въ дремучемъ, темномъ лѣсѣ,
Въ сѣдомъ, глухомъ бору, живетъ въ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ; въ этотъ лѣсъ еще
Никто слѣда не пролагалъ; въ него
Ни дикій звѣрь не заходилъ, ни птица
Не залетала. Разъѣзжаетъ Баба
Яга по цѣлой поднебесной въ ступѣ,
Пестомъ желѣзнымъ погоняетъ, слѣдъ
Метлою заметаетъ. Отъ нея
Одной узнаешь ты, Иванъ Царевичъ,
Какъ смерть Кощееву тебѣ достать.
А я тебѣ скажу, гдѣ ты найдешь
Коня, который привезетъ тебя
Прямой дорогой въ лѣсъ дремучій къ Бабѣ
Ягѣ. Ступай отсюда на востокъ:
Придешь на лугъ зеленый; посреди
Его растутъ три дуба; межъ дубами
Въ землѣ чугунная зарыта дверь
Съ кольцомъ; за то кольцо ты подыми
Ту дверь, и внизъ по лѣстницѣ сойди;
Тамъ за двѣнадцатью дверями запертъ

Конь богатырскій; самъ изъ подземелья
Къ тебѣ онъ выбѣжитъ; того коня
Возми и съ Богомъ поѣзжай; съ дороги
Онъ не собьется. Ну, теперь прости,
Иванъ Царевичъ; если Богъ велитъ
Съ тобой намъ свидѣться, то это будетъ
Не иначе, какъ у тебя на свадьбѣ.
И Сѣрый Волкъ помчался къ лѣсу; вслѣдъ
За нимъ смотрѣлъ Иванъ Царевичъ съ грустью;
Волкъ, къ лѣсу подбѣжавши, обернулся,
Въ послѣдній разъ махнулъ издалека
Хвостомъ, и скрылся. А Иванъ Царевичъ,
Оборотившись на востокъ лицемъ,
Пошелъ впередъ. Идетъ онъ день, идетъ
Другой; на третій онъ приходитъ къ лугу
Зеленому; на томъ лугу три дуба
Растутъ; межъ тѣхъ дубовъ находитъ онъ
Чугунную съ кольцомъ желѣзнымъ дверь;
Онъ подымаетъ дверь; подъ тою дверью
Крутая лѣстница; по ней онъ внизъ
Спускается, и передъ нимъ внизу
Другая дверь, чугунная жъ, и крѣпко
Она замкомъ висячимъ заперта.
И вдругъ онъ слышитъ, конь заржалъ; и ржанье
Такъ было сильно что, съ петлéй сорвавшись,
Дверь наземь рухнула съ ужаснымъ стукомъ;
И видитъ онъ, что вмѣстѣ съ ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунныхъ;
За этими чугунными дверями
Давнымъ давно конь богатырскій запертъ
Былъ колдуномъ. Иванъ Царевичъ свиснулъ;
Почуявъ сѣдока, на молодецкій

Свистъ богатырскій, конь изъ стойла прянулъ,
И прибѣжалъ, легокъ, могучъ, красивъ,
Глаза какъ звѣзды, пламенныя ноздри,
Какъ туча грива, словомъ конь не конь,
А чудо. Чтобъ узнать, каковъ онъ силой,
Иванъ Царевичъ по спинѣ его
Повелъ рукой, и подъ рукой могучей
Конь захрапѣлъ и сильно пошатнулся,
Но устоялъ, копыта втиснувъ въ землю;
И человѣчьимъ голосомъ Ивану
Царевичу сказалъ онъ: добрый витязь,
Иванъ Царевичъ, мнѣ такой, какъ ты,
Сѣдокъ и надобенъ; готовъ тебѣ
Я вѣрою и правдою служить;
Садися на меня и съ Богомъ въ путь нашъ
Отправимся; на свѣтѣ всѣ дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя вести, туда и привезу.
Иванъ Царевичъ въ двухъ словахъ коню
Все объяснилъ, и, сѣвши на него,
Прикрикнулъ. И взвился могучій конь,
Отъ радости заржавши, на дыбы;
Бьетъ по крутымъ бедрамъ его сѣдокъ;
И конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожитъ;
Несется выше онъ деревъ стоячихъ,
Несется ниже облаковъ ходячихъ,
И прядаетъ черезъ широкій долъ,
И застилаетъ узкій долъ хвостомъ,
И грудью всѣ заграды пробиваетъ,
Летя стрѣлой и легкими ногами
Былиночки къ землѣ не пригибая,
Пылиночки съ земли не подымая.

Но, такъ скакавъ день цѣлый, наконецъ
Конь утомился, потъ съ него бѣжалъ
Ручьями, весь былъ окруженъ, какъ дымомъ,
Горячимъ паромъ онъ. Иванъ Церевичъ,
Чтобъ дать ему вздохнуть, поѣхалъ шагомъ;
Ужь было подъ вечеръ; широкимъ полемъ
Иванъ Царевичъ ѣхалъ и прекраснымъ
Закатомъ солнца любовался. Вдругъ
Онъ слышитъ дикій крикъ; глядитъ.... и что же?
Два Лѣшіе дерутся на дорогѣ,
Кусаются, брыкаются, другъ друга
Рогами тычутъ. Къ нимъ Иванъ Царевичъ
Подъѣхавши, спросилъ: за что у васъ,
Ребята, дѣло стало? — Вотъ за что,
Сказалъ одинъ: три клада намъ достались;
Драчунъ дубинка, скатерть самобранка,
Да шапка невидимка — насъ же двое;
Какъ пóровну намъ раздѣлиться? Мы
Заспорили и вышла драка; ты
Разумный человѣкъ, подай совѣтъ намъ,
Какъ поступить? — А вотъ какъ, имъ Иванъ
Царевичъ отвѣчалъ: пущу стрѣлу,
А вы за ней бѣгите; съ мѣста жъ, гдѣ
Она на землю упадетъ, обратно
Пуститесь въ запуски ко мнѣ; кто первый
Здѣсь будетъ, тотъ возметъ себѣ на выборъ
Два клада; а другому взять одинъ.
Согласны ль вы? — Согласны, закричали
Рогатые; и стали рядомъ. Лукъ
Тугой свой натянувъ, пустилъ стрѣлу
Иванъ Царевичъ. Лѣшіе за ней
Помчались, выпуча глаза, оставивъ

На мѣстѣ скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иванъ Царевичъ, взявъ подъ мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надѣлъ спокойно шапку невидимку,
Сталъ невидимъ и самъ и конь, и далѣ
Поѣхалъ, глупымъ Лѣшіимъ оставивъ
На произволъ, начать ли снова драку,
Иль помириться. Богатырскій конь
Поспѣлъ еще до захожденья солнца
Въ дремучій лѣсъ, гдѣ обитала Баба
Яга. И въѣхавъ въ лѣсъ, Иванъ Царевичъ
Дивится древности его огромныхъ
Дубовъ и сосенъ, тускло освѣщенныхъ
Зарей вечернею; все въ немъ тихо:
Деревья всѣ, какъ сонныя, стоятъ,
Не колыхнется листъ, не шевельнется
Былинка; нѣтъ живаго ничего
Въ безмолвной глубинѣ лѣсной, ни птицы
Между вѣтвей, ни въ травкѣ червяка;
Лишь слышится въ молчаньи повсемѣстномъ
Гремучій топотъ конскій. Наконецъ
Иванъ Царевичъ выѣхалъ къ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ. Онъ сказалъ: избушка,
Избушка, къ лѣсу стань задо́мъ, ко мнѣ
Стань передо́мъ. И передъ нимъ избушка
Перевернулась; онъ въ нее вошелъ;
Въ дверяхъ остановясь, перекрестился
На всѣ четыре стороны, потомъ,
Какъ должно, поклонился, и глазами
Избушку всю окинувши, увидѣлъ,
Что на полу ея лежала Баба
Яга, уперши ноги въ потолокъ

И въ уголъ голову. Услышавъ стукъ
Въ дверяхъ, она сказала: фу! фу! фу!
Какое диво! русскаго здѣсь духу
До этихъ поръ не слыхано слыхо́мъ,
Не видано видо́мъ, а ныньче русск;й
Духъ ужь въ очахъ свершается. Зачѣмъ
Пожаловалъ сюда, Иванъ Царевичъ?
Неволею иль волею? Донынѣ
Здѣсь ни дубравный звѣрь не проходилъ,
Ни птица легкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проѣзжалъ.
Тебя какъ Богъ сюда занесъ, Иванъ
Царевичъ? — Ахъ, безмозглая ты вѣдьма!
Сказалъ Иванъ Царевичъ Бабѣ
Ягѣ; сначала накорми, напой
Меня ты, мо́лодца; да постели
Постелю мнѣ, да выспаться мнѣ дай,
Потомъ распрашивай. И тотчасъ Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана
Царевича, какъ слѣдуетъ, обмыла
И выпарила въ банѣ, накормила
И напоила, да и тотчасъ спать
Въ постелю уложила, такъ примолвивъ:
Спи, добрый витязь; утро мудренѣе,
Чѣмъ вечеръ; здѣсь теперь спокойно
Ты отдохнешь; нужду́ жъ свою разскажешь
Мнѣ завтра; я, какъ знаю, помогу.
Иванъ Царевичъ, Богу помолясь,
Въ постелю легъ и скоро сномъ глубокимъ
Заснулъ и про́спалъ до полудня. Вставши,
Умывшися, одѣвшися, онъ Бабѣ
Ягѣ подробно разсказалъ, зачѣмъ

Заѣхалъ къ ней въ дремучій лѣсъ; и Баба
Яга ему отвѣтствовала такъ:
Ахъ! добрый молодецъ Иванъ Царевичъ,
Затѣялъ ты нешуточное дѣло;
Но не кручинься, все уладимъ съ Богомъ;
Я научу, какъ смерть тебѣ Кощея
Безсмертнаго достать; изволь меня
Послушать: на́ морѣ на Океанѣ,
На островѣ великомъ на Буянѣ,
Есть старый дубъ; подъ этимъ старымъ дубомъ
Зарытъ сундукъ, окованный желѣзомъ;
Въ томъ сундукѣ лежитъ пушистый заецъ;
Въ томъ зайцѣ утка сѣрая сидитъ;
А въ уткѣ той яйцо; въ яйцѣ же смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми
И съ нимъ ступай къ Кощею, а когда
Въ его пріѣдешь замокъ, то увидишь,
Что змѣй двѣнадцатиголовый входъ
Въ тотъ замокъ стережетъ; ты съ этимъ змѣемъ
Не думай драться, у тебя на то
Дубинка есть: она его уйметъ.
А ты, надѣвши шапку невидимку,
Иди прямой дорогою къ Кощею
Безсмертному; въ минуту онъ издохнетъ,
Какъ скоро ты при немъ яйцо раздавишь.
Смотри лишь, не забудь, когда назадъ
Поѣдешь, взять и гусли самогуды:
Лишь ихъ игрою только твой родитель
Демьянъ Даниловичъ и все его
Заснувшее съ нимъ вмѣстѣ государство
Пробуждены быть могутъ. Ну, теперь
Прости, Иванъ Царевичъ; Богъ съ тобою;

Твой добрый конь найдетъ дорогу самъ;
Когда жъ свершишь опасный подвигъ свой,
То и меня старуху помяни
Не лихомъ, а добромъ. Иванъ Царевичъ
Простившись съ Бабою Ягою, сѣлъ
На добраго коня, перекрестился,
По-молодецки свиснулъ, конь помчался,
И скоро лѣсъ дремучій за Иваномъ
Царевичемъ пропалъ вдали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
На краѣ неба море Окіанъ.
Вотъ прискакалъ и къ морю Окіану
Иванъ Царевичъ. Осмотрясь, онъ видитъ,
Что у моря лежитъ рыбачій неводъ
И что въ томъ неводѣ морская щука
Трепещется. И вдругъ ему та щука
По-человѣчьи говоритъ: Иванъ
Царевичъ, вынь изъ невода меня
И въ море брось; тебѣ я пригожуся.
Иванъ Царевичъ, тотчасъ просьбу щуки
Исполнилъ, и она, хлеснувъ хвостомъ
Въ знакъ благодарности, исчезла въ морѣ.
А на море глядитъ Иванъ Царевичъ
Въ недоумѣніи; на самомъ краѣ,
Гдѣ небо съ нимъ какъ будто бы слилося,
Онъ видитъ, длинной полосою островъ
Буянъ чернѣетъ; онъ и недалёкъ;
Но кто туда перевезетъ? Вдрутъ конь
Заговорилъ: о чемъ, Иванъ Царевичъ,
Задумался? О томъ ли, какъ добраться
Намъ до Буяна острова? Да что
За трудность? Я — тебѣ корабль; сиди

На мнѣ, да крѣпче за меня держись,
Да не робѣй, и духомъ доплывемъ.
И въ гриву конскую Иванъ Царевичъ
Рукою впутался, крутыя бедра
Коня ногами крѣпко стиснулъ; конь
Разсвирѣпѣлъ, и, разскакавшись, прянулъ
Съ крутаго берега въ морскую бездну;
На мигъ и онъ и всадникъ въ глубинѣ
Пропали; вдругъ раздвинулася съ шумомъ
Морская зыбь и вынырнулъ могучій
Конь изъ нея съ отважнымъ сѣдокомъ;
И началъ конь копытами и грудью
Бить по водамъ и волны пробивать,
И вкругъ него кипѣла, волновалась,
И пѣнилась и брызгами взлетала
Морская зыбь и сильными прыжками,
Подъ крѣпкія копыта загребая
Кругомъ ревущую волну, какъ легкій
На парусахъ корабль съ попутнымъ вѣтромъ,
Впередъ стремился конь, и длинный слѣдъ
Шипящею бѣжалъ за нимъ змѣею;
И скоро онъ до острова Буяна
Доплылъ и на берегъ его отлогій
Изъ моря выбѣжалъ, покрытый пѣной.
Несталъ Иванъ Царевичъ медлить; онъ,
Коня пустивъ по шелковому лу́гу
Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошелъ поспѣшнымъ шагомъ къ дубу,
Который росъ у берега морскаго
На высотѣ муравчатаго холма.
И, къ дубу подошедъ, Иванъ Царевичъ
Его шатнулъ рукою богатырской,

Но крѣпкій дубъ не пошатнулся; онъ
Опять его шатнулъ — дубъ скрыпнулъ; онъ
Еще шатнулъ его и посильнѣе,
Дубъ покачнулся, и подъ нимъ коренья
Зашевелили землю; тутъ Иванъ Царевичъ
Всей силою рванулъ его — и съ трескомъ
Онъ повалился, изъ земли коренья
Со всѣхъ сторонъ, какъ змѣи, поднялися,
И тамъ, гдѣ ими дубъ впивался въ землю,
Глубокая открылась яма. Въ ней
Иванъ Царевичъ кованый сундукъ
Увидѣлъ; тотчасъ тотъ сундукъ изъ ямы
Онъ вытащилъ, висячій сбилъ замокъ,
Взялъ за уши лежавшаго тамъ зайца
И разорвалъ; но только лишь успѣлъ
Онъ зайца разорвать, какъ изъ него
Вдругъ выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетѣла къ морю;
Въ нее пустилъ стрѣлу Иванъ Царевичъ
И метко такъ, что пронизалъ ее
Насквозь; закрякавъ, кувырнулась утка;
И изъ нея вдругъ выпало яйцо —
И прямо въ море; и пошло, какъ ключъ,
Ко дну. Иванъ Царевичъ ахнулъ; вдругъ
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на водѣ, потомъ юркнула,
Хлестнувъ хвостомъ, на дно, потомъ опять
Всплыла, и къ берегу съ яйцомъ во рту
Тихохонько приблизясь, на пескѣ
Яйцо оставила, потомъ сказала:
Ты видишь самъ теперь, Иванъ Царевичъ,
Что я тебѣ въ часъ нужный пригодилась.

Съ симъ словомъ щука уплыла. Иванъ
Царевичъ взялъ яйцо; и конь могучій
Съ Буяна острова на твердый берегъ
Его обратно перенесъ. И далѣ
Конь поскакалъ и скоро прискакалъ
Къ крутой горѣ, на высотѣ которой
Кощеевъ замокъ былъ; ея подошва
Обведена была стѣной желѣзной;
И у воротъ желѣзной той стѣны
Двѣнадцатиголовый змѣй лежалъ;
И изъ его двѣнадцати головъ
Всегда шесть спали, шесть не спали, днемъ
И ночью пó два раза для наздора
Смѣняясь; а въ виду воротъ желѣзныхъ
Никто и вдалекѣ остановиться
Не смѣлъ: змѣй подымался, и отъ зубъ
Его ужь небыло спасенья, — онъ
Былъ невредимъ, и только самъ себя
Могъ умертвить; чужая жъ сила сладить
Съ нимъ никакая не могла. Но конь
Былъ остороженъ; онъ подвезъ Ивана
Царевича къ горѣ со стороны
Противной воротáмъ, въ которыхъ змѣй
Лежалъ и караулилъ; потихоньку
Иванъ Царевичъ въ шапкѣ невидимкѣ
Подъѣхалъ къ змѣю; шесть его головъ
Во всѣ глаза по сторонамъ глядѣли,
Разинувъ рты, оскаливъ зубы; шесть
Другихъ головъ на вытянутыхъ шеяхъ
Лежали на землѣ, не шевелясь,
И сномъ объятыя храпѣли. Тутъ
Иванъ Царевичъ, подтолкнувъ дубинку,

Висѣвшую спокойно на сѣдлѣ,
Шепнулъ ей: начинай! Не стала долго
Дубинка думать, тотчасъ прыгъ съ сѣдла,
На змѣя кинулась, и ну его
По головамъ и спящимъ и неспящимъ
Гвоздить. Онъ зашипѣлъ, озлился, началъ
Туда, сюда бросаться; а дубинка
Его себѣ колотитъ да колотитъ;
Лишь только онъ одну разинетъ пасть,
Чтобы ее схватить, — анъ нѣтъ, прошу
Не торопиться, ужь она
Ему другую чешетъ морду; всѣ онъ
Двѣнадцать ртовъ откроетъ, чтобъ ее
Поймать, — она по всѣмъ его зубамъ,
Оскаленнымъ какъ будто на показъ,
Гуляетъ, и всѣ зубы чиститъ; взвывъ
И всѣ носы наморщивъ, онъ зажметъ
Всѣ рты и лапами схватить дубинку
Попробуетъ, — она тогда его
Честитъ по всѣмъ двѣнадцати затылкамъ;
Змѣй въ изступленіи, какъ одурѣлый,
Кидался, вылъ, кувыркался, отъ злости
Дышалъ огнемъ, грызъ землю, — все напрасно!
Не торопясь, отчетливо, спокойно,
Безъ промаховъ, надъ нимъ свою дубинка
Работу продолжаетъ, и его,
Какъ на току усердный цѣпъ, молотитъ;
Змѣй наконецъ озлился такъ, что началъ
Грызть самаго себя, и, когти въ грудь
Себѣ вдругъ запустивъ, рванулъ такъ сильно,
Что разорвался на двое, и, съ визгомъ
На землю грянувшись, издохъ. Дубинка

Работу и надъ мертвымъ продолжать
Свою, какъ надъ живымъ, хотѣла; но
Иванъ Царевичъ ей сказалъ: довольно!
И вмигъ она, какъ будто не бывала
Ни въ чемъ, повисла на сѣдлѣ. Иванъ
Царевичъ, у воротъ коня оставивъ,
И разостлавши скатерть самобранку
У ногъ его, чтобъ могъ усталый конь
Наѣсться и напиться вдоволь, самъ
Пошелъ, покрытый шапкой невидимкой,
Съ дубинкою на всякій случай и съ яйцомъ
Въ Кощеевъ замокъ. Трудновато было
Карабкаться ему на верхъ горы;
Вотъ наконецъ добрался и до замка
Кощеева Иванъ Царевичъ. Вдругъ
Онъ слышитъ, что въ саду недалекó
Играютъ гусли самогуды; въ садъ
Вошедши, въ самомъ дѣлѣ онъ увидѣлъ,
Что гусли на дубу висѣли и играли,
И что подъ дубомъ тѣмъ сама Елена
Прекрасная сидѣла, погрузившись
Въ раздумье. Шапку невидимку снявши,
Онъ тотчасъ ей явился и рукою
Знакъ подалъ, чтобъ она молчала. Ей
Потомъ онъ на ухо шепнулъ: я смерть
Кощееву принесъ; ты подожди
Мемя на этомъ мѣстѣ; я съ нимъ скоро
Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уѣдемъ. Тутъ Иванъ
Царевичъ, снова шапку невидимку
Надѣвъ, хотѣлъ идти искать Кощея
Безсмертнаго въ его волшебномъ замкѣ,

Но онъ и самъ пожаловалъ. Приблизясь,
Онъ сталъ передъ царевною Еленой
Прекрасною и началъ попрекать ей
Ея печаль и говорить: Иванъ
Царевичъ твой къ тебѣ ужь не придетъ;
Его ужь намъ не воскресить. Но чѣмъ же
Я не женихъ тебѣ, скажи сама,
Прекрасная моя царевна? Полно жъ
Упрямиться, упрямство не поможетъ;
Изъ рукъ моихъ оно тебя не вырветъ;
Ужь я Дубинкѣ тутъ шепнулъ Иванъ
Царевичъ: начинай! И принялась
Она трепать Кощею спину. Съ крикомъ,
Какъ бѣшеный, коверкаться и прыгать
Онъ началъ, а Иванъ Царевичъ, шапки
Не снявъ, сталъ приговаривать: прибавь,
Прибавь, дубинка; по дѣломъ ему
Собакѣ; не воруй чужихъ невѣстъ;
Не докучай своею волчьей харей
И глупымъ сватовствомъ своимъ — прекраснымъ
Царевнамъ; злаго сна не наводи
На царства! крѣпче бей его, дубинка. —
«Да гдѣ ты! покажись! кричалъ Кощей,
Кто ты таковъ?» — А вотъ кто! отвѣчалъ
Иванъ Царевичъ, шапку невидимку
Снявъ съ головы своей, и въ то жъ мгновенье
Ударилъ оземь онъ яйцо; оно
Разбилось въ дребезги; Кощей безсмертный
Перекувырнулся и околѣлъ.
Иванъ Царевичъ изъ саду съ царевной
Еленою прекрасной вышелъ, взять
Не позабывши гусли самогуды,

Жаръ-птицу и коня Золотогрива.
Когда жъ они съ крутой горы спустились,
И, сѣвши на коней, въ обратный путь
Поѣхали, гора, ужасно затрещавъ,
Упала съ замкомъ, и на мѣстѣ томъ
Явилось озеро, и долго черный
Надъ нимъ клубился дымъ, распространяясь
По всей окрестности съ великимъ смрадомъ.
Тѣмъ временемъ Иванъ Царевичъ, давъ
Конямъ на волю ихъ везти, какъ имъ
Самимъ хотѣлось, весело съ прекрасной
Невѣстой ѣхалъ. Скатерть самобранка
Усердно имъ дорогою служила,
И былъ всегда готовъ имъ вкусный завтракъ,
Обѣдъ и ужинъ въ надлежащій часъ:
На муравѣ душистой утромъ, въ полдень
Подъ деревомъ густовершиннымъ, ночью
Подъ шелковымъ шатромъ, который былъ
Всегда изъ двухъ отдѣльныхъ половинъ
Составленъ. И за каждой ихъ трапезой
Играли гусли самогуды; ночью
Свѣтила имъ жаръ-птица, а дубинка
Стояла на часахъ передъ шатромъ:
Кони же, подружась, гуляли вмѣстѣ,
Каталися по бархатному лугу,
Или траву росистую щипали,
Иль, голову кладя поочередно
Другъ другу на спину, спокойно спали.
Такъ ѣхали они путемъ дорогой,
И наконецъ пріѣхали въ то царство,
Которымъ властвовалъ отецъ Ивана
Царевича, премудрый царь Демьянъ

Даниловичъ. И царство все отъ самыхъ
Его границъ до царскаго дворца
Объято было сномъ непробудимымъ;
И гдѣ они ни проѣзжали, все
Тамъ спало; на́ полѣ передъ сохой
Стояли спящіе волы; близъ нихъ
Съ своимъ бичемъ, взмахнутымъ и заснувшимъ
На взмахѣ, пахарь спалъ; среди большой
Дороги спалъ ѣздокъ съ конемъ и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижнымъ клубомъ
Стояла; въ воздухѣ былъ мертвый сонъ;
На деревахъ листы дремали молча,
И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы;
Въ селеньяхъ, въ городахъ все было тихо,
Какъ будто въ гробѣ: люди по домамъ,
На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
И съ ними все: собаки, кошки, куры,
Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
И мухи на стѣнахъ, и дымъ въ трубахъ,
Всё спало. Такъ въ отцовскую столицу
Иванъ Царевичъ напослѣдокъ прибылъ
Съ царевной Еленою прекрасной,
И, на широкій взъѣхавъ царскій дворъ,
Они на немъ лежащіе два трупа
Увидѣли: то были Климъ и Петръ
Царевичи, убитые Кощеемъ.
Иванъ Царевичъ, мимо караула,
Стоявшаго въ парадѣ соннымъ строемъ,
Прошедъ, по лѣстницѣ повелъ невѣсту
Въ покои царскіе. Былъ во дворцѣ,
По случаю прибытія двухъ старшихъ
Царевыхъ сыновей, богатый пиръ

Въ тотъ самый часъ, когда убилъ обоихъ
Царевичей и сонъ на весь народъ
Навелъ Кощей: весь пиръ въ одно мгновенье
Тогда заснулъ, кто какъ сидѣлъ, кто какъ
Ходилъ, кто какъ плясалъ; и въ этомъ снѣ
Еще ихъ всѣхъ нашелъ Иванъ Царевичъ;
Демьянъ Даниловичъ спалъ стоя; подлѣ
Царя храпѣлъ министръ его двора
Съ открытымъ ртомъ, съ неконченнымъ во рту
Докладомъ; и придворные чины,
Всѣ вытянувшись, сонные стояли
Передъ царемъ, уставивъ на него
Свои глаза, потухшіе отъ сна,
Съ подобострастіемъ на сонныхъ лицахъ,
Съ заснувшею улыбкой на губахъ.
Иванъ Царевичъ, подошедъ съ царевной
Еленою прекрасною къ царю,
Сказалъ: играйте, гусли самогуды;
И заиграли гусли самогуды....
Вдругъ все очнулось, все заговорило,
Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не былъ прерванъ пиръ.
А царь Демьянъ Даниловичъ, увидя,
Что передъ нимъ съ царевною Еленой
Прекрасною стоитъ Иванъ Царевичъ,
Его любимый сынъ, едва совсѣмъ
Не обезумѣлъ! онъ смѣялся, плакалъ,
Глядѣлъ на сына, глазъ не отводя,
И цѣловалъ его и миловалъ,
И напослѣдокъ такъ развеселился,
Что руки въ боки, и пошелъ плясать
Съ царевною Еленою прекрасной.

Потомъ онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ,
Звонить въ колокола и бирючамъ
Столицѣ обвѣстить, что возвратился
Иванъ Царевичъ, что ему полцарства
Теперь же уступаетъ царь Демьянъ
Даниловичъ, что онъ наименованъ
Наслѣдникомъ, что завтра бракъ его
Съ царевною Еленою свершится
Въ придворной церкви и что царь Демьянъ
Даниловичъ весь свой народъ зоветъ
На свадьбу къ сыну, всѣхъ военныхъ, статскихъ,
Министровъ, генераловъ, всѣхъ дворянъ
Богатыхъ, всѣхъ дворянъ мелкопомѣстныхъ,
Купцовъ, мѣщанъ, простыхъ людей и даже
Всѣхъ нищихъ. И на слѣдующій день
Невѣсту съ женихомъ повелъ Демьянъ
Даниловичъ къ вѣнцу; когда же ихъ
Перевѣнчали, тотчасъ поздравленье
Имъ принесли всѣ знатные чины
Обоихъ половъ; а народъ на площади
Дворцовой той порой кипѣлъ какъ море;
Когда же вышелъ съ молодыми царь
Къ нему на золотой балконъ, отъ крика:
Да здравствуетъ нашъ Государь Демьянъ
Даниловичъ съ наслѣдникомъ Иваномъ
Царевичемъ и съ дочерью Царевною
Еленою прекрасной! всѣ зданья
Столицы дрогнули и отъ взлетѣвшихъ
На воздухъ шапокъ Божій день затмился.
Вотъ на обѣдъ всѣ званые царемъ
Сошлися гости — вся его столица;
Въ домахъ осталися одни больные,

Да дѣти, кошки и собаки. Тутъ
Свое проворство скатерть самобранка
Явила: вдругъ она на цѣлый городъ
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами и столы
По улицамъ въ два ря́да протянулись;
На всѣхъ столахъ сервизъ былъ золотой,
И не стекло, хрусталь; а подъ столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всѣмъ гостямъ служили
Гайдуки въ золотыхъ ливреяхъ. Былъ
Обѣдъ такой, какого никогда
Никто не слыхивалъ; уха, какъ жидкій
Янтарь, сверкавшая въ большихъ кострюляхъ;
Огромножирныя, длиною въ сажень
Изъ Волги стерляди, на золотыхъ
Узорныхъ блюдахъ; кулебяка съ сладкой
Начинкою, съ груздями гуси, каша
Съ сметаною, блины съ икрою свѣжей
И крупной какъ жемчугъ, и пироги
Подовые, потопленные въ маслѣ;
А для питья шипучій квасъ въ хрустальныхъ
Кувшинахъ, мартовское пиво, медъ
Душистый и вино изъ всѣхъ земель:
Шампанское, венгерское, мадера
И ренское, и всякія наливки —
Короче молвить, скатерть самобранка
Такъ отличалася, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардія была за царскій столъ
Приглашена, вся даже городская
Полиція, — дубинка молодецки

За всѣхъ одна служила: во дворцѣ
Держала караулъ; она жъ ходила
По улицамъ, чтобъ наблюдать вездѣ
Порядокъ: кто ей пьяный попадался,
Того она толкала въ спину прямо
На съѣзжую; кого жъ въ пустомъ гдѣ домѣ
За кражею она ловила, тотъ
Былъ такъ отшлепанъ, что, отъ воровства
На вѣки отрекался и вступалъ
Въ путь добродѣтели, — дубинка, словомъ,
Неимовѣрныя во время пира
Царю, гостямъ и городу всему
Услуги оказала. Между тѣмъ
Все во дворцѣ кипѣло, гости ѣли
И пили такъ, что съ ихъ румяныхъ лицъ
Катился потъ; тутъ гусли самогуды
Явили все усердіе свое:
При нихъ не нуженъ былъ оркестръ, и гости
Ужь музыки наслышались такой,
Какая никогда имъ и во снѣ
Не грезилась. Но вотъ, когда, наполнивъ
Виномъ заздравный кубокъ, царь Демьянъ
Даниловичъ хотѣлъ провозгласить
Самъ многолѣтье новобрачнымъ, громко
На площади раздался трубный звукъ;
Всѣ изумились, всѣ оторопѣли;
Царь съ молодыми самъ идетъ къ окну,
И что же ихъ является очамъ?
Карета въ восемь лошадей (трубачъ
Съ трубою впереди) къ крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачетъ;
И та карета золотая; козлы

Съ подушкою и бархатнымъ покрыты
Наметомъ; назади шесть гайдуковъ;
Шесть скороходовъ по бокамъ: ливреи
На нихъ изъ сѣраго сукна, по швамъ
Басоны; на каретныхъ дверцахъ гербъ:
Въ червленомъ полѣ волчій хвостъ подъ графской
Короною. Въ карету заглянувъ,
Иванъ Царевичъ закричалъ: да это
Мой благодѣтель, Сѣрый Волкъ! Его
Встрѣчать бѣго́мъ онъ побѣжалъ. И точно
Сидѣлъ въ каретѣ Сѣрый Волкъ; Иванъ
Царевичъ подскочивъ къ каретѣ, дверцы
Самъ отворилъ, подножку самъ откинулъ,
И гостя высадилъ; потомъ онъ, съ нимъ
Поцѣловавшись, взялъ его за лапу,
Ввелъ во дворецъ и самъ его царю
Представилъ. Сѣрый Волкъ, отдавъ поклонъ
Царю, осанисто на заднихъ лапахъ
Всѣхъ обошелъ гостей, мужчинъ и дамъ,
И всѣмъ, какъ слѣдуетъ, по комплименту
Пріятному сказалъ; онъ былъ одѣтъ
Отлично: красная на головѣ
Ермолка съ кисточкой, подъ морду лентой
Подвязанная; шелковый платокъ
На шеѣ; куртка съ золотымъ шитьемъ;
Перчатки лайковыя съ бахромою;
Перепоясанныя тонкой шалью
Изъ алаго атласа шаровары;
Сафьянные на заднихъ лапахъ туфли,
И на хвостѣ серебряная сѣтка
Съ жемчужной кистью — такъ былъ Сѣрый Волкъ
Одѣтъ. И всѣхъ своимъ онъ обхожденьемъ

Очаровалъ; не только что простые
Дворяне маленькихъ чиновъ и среднихъ,
Но и чины придворные, статсъ-дамы
И фрейлины всѣ были отъ него
Какъ безъ ума. И, гостя за столомъ
Съ собою рядомъ посадивъ, Демьянъ
Даниловичъ съ нимъ кубкомъ въ кубокъ стукнулъ
И возгласилъ здоровье новобрачнымъ,
И пушечный заздравный грянулъ залпъ.
Пиръ царскій и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала
Ночная тма, жаръ-птицу на балконѣ
Въ ея богатой клѣткѣ золотой
Поставили, и весь дворецъ, и площадь,
И улицы, кипѣвшія народомъ,
Яснѣе дня жаръ-птица освѣтила,
И до утра столица пировала.
Былъ ночевать оставленъ Сѣрый Волкъ;
Когда же на другое утро онъ,
Собравшись въ путь, прощаться сталъ съ Иваномъ
Царевичемъ, его Иванъ Царевичъ
Сталъ уговаривать, чтобъ онъ у нихъ
Остался на житье и увѣрялъ,
Что всякую получитъ почесть онъ,
Что во дворцѣ дадутъ ему квартиру,
Что будетъ онъ по чину въ первомъ классѣ,
Что разомъ всѣ получитъ ордена,
И прочее. Подумавъ, Сѣрый Волкъ
Въ знакъ своего согласія Ивану
Царевичу далъ лапу, и Иванъ
Царевичъ такъ былъ тронутъ тѣмъ, что лапу
Поцѣловалъ. И во дворцѣ сталъ жить

Да поживать по-царски Сѣрый Волкъ.
Вотъ наконецъ по долгомъ, мирномъ, славномъ
Владычествѣ, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ скончался, на престолъ
Взошелъ Иванъ Демьяновичъ; съ своей
Царицей онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ
Достигнулъ, и Господь благословилъ
Ихъ многими дѣтьми; а Сѣрый Волкъ
Душою въ душу жилъ съ царемъ Иваномъ
Демьяновичемъ, нянчился съ его
Дѣтьми, самъ, какъ дитя, рѣзвился съ ними,
Меньшимъ разсказывалъ нерѣдко сказки,
А старшихъ выучилъ читать, писать
И ариѳметикѣ, и имъ давалъ
Полезныя для сердца наставленья.
Вотъ напослѣдокъ, царствовавъ премудро,
И царь Иванъ Демьяновичъ скончался;
За нимъ послѣдовалъ и Сѣрый Волкъ
Въ могилу. Но въ его нашлись бумагахъ
Подробныя записки обо всемъ,
Что на своемъ вѣку, въ лѣсу и въ свѣтѣ
Замѣтилъ онъ, и мы изъ тѣхъ записокъ
Составили правдивый нашъ разсказъ.

ТЮЛЬПАННОЕ ДЕРЕВО.

СКАЗКА.

Однажды жилъ, не знаю гдѣ, богатый
И добрый человѣкъ. Онъ былъ женатъ,
И всей душой любилъ свою жену;
Но не было у нихъ дѣтей; и это

Ихъ сокрушало, и они молились,
Чтобы Господь благословилъ ихъ бракъ;
И къ Господу молитва ихъ достигла.
Былъ садъ кругомъ ихъ дома; на полянѣ
Тамъ дерево тюльпанное росло.
Подъ этимъ деревомъ однажды (это
Случилось въ зимній день) жена сидѣла
И съ яблока румянаго ножемъ
Снимала кожу; вдругъ ей острый ножъ
Легонько палецъ оцарапалъ; кровь
Пурпурной каплею на бѣлый снѣгъ
Упала; тяжело вздохнувъ, она
Подумала: о! если бъ Богъ намъ далъ
Дитя, румяное, какъ эта кровь,
И бѣлое, какъ этотъ чистый снѣгъ!
И только что она сказала это, въ сердцѣ
Ея какъ будто что зашевелилось,
Какъ будто изъ него утѣшный голосъ
Шепнулъ ей: сбудется. — Пошла въ раздумьи
Домой. Проходитъ мѣсяцъ, снѣгъ растаялъ;
Другой проходитъ, все въ лугахъ и рощахъ
Зазеленѣло; третій мѣсяцъ миновался —
Цвѣты покрыли землю, какъ коверъ;
Прошелъ четвертый — всѣ въ лѣсу деревья
Срослись въ одинъ зеленый сводъ, и птицы
Въ густыхъ вѣтвяхъ запѣли голосисто,
И съ ними весь широкій лѣсъ запѣлъ.
Когда же пятый мѣсяцъ былъ въ исходѣ —
Подъ дерево тюльпанное она
Пришла; оно такъ сладко, такъ свѣжо́
Благоухало, что ея душа
Глубокою, невѣдомой тоскою

Была проникнута; когда шестой
Свершился мѣсяцъ — стали наливаться
Плоды и созрѣвать; она же стала
Задумчивѣй и тише; наступаетъ
Седьмой — и часто, часто подъ своимъ
Тюльпаннымъ деревомъ она одна
Сидитъ, и плачетъ, и ее томитъ
Предчувствіе тяжелое; насталъ
Осьмой — она въ концѣ его больнаа
Слегла въ постелю, и сказала мужу
Въ слезахъ: когда умру, похорони
Меня подъ деревомъ тюльпаннымъ; мѣсяцъ
Девятый кончился — и родился
У ней сынокъ, какъ кровь румяный, бѣлый
Какъ снѣгъ; она жъ обрадовалась такъ,
Что умерла. И мужъ похоронилъ
Ее въ саду подъ деревомъ тюльпаннымъ.
И горько плакалъ онъ объ ней; и цѣлый
Проплакалъ годъ, и начала печаль
Въ немъ утихать; и наконецъ утихла
Совсѣмъ, и онъ женился на другой
Женѣ, и скоро съ нею прижилъ дочь.
Но не была ничѣмъ жена вторая
На первую похожа; въ домъ его
Не принесла она съ собою счастья.
Когда она на дочь свою родную
Смотрѣла, въ ней смѣялася душа;
Когда жъ глаза на сироту, на сына
Другой жены невольно обращала,
Въ ней сердце злилось: онъ какъ будто ей
И жить мѣшалъ; а хитрый искуситель
Противъ него нашептывалъ всечасно

Ей злые замыслы. Въ слезахъ и въ горѣ
Сиротка росъ и ни одной минуты
Веселой въ домѣ не было ему.
Однажды мать была въ своей каморкѣ,
И передъ ней стоялъ сундукъ открытый
Съ тяжелой, кованной желѣзомъ кровлей
И съ острымъ нутрянымъ замкомъ; сундукъ
Былъ полонъ яблокъ. Тутъ сказала ей
Марлиночка (такъ называли дочь);
Дай яблочко, родная, мнѣ. — Возьми,
Ей отвѣчала мать. — И братцу дай,
Прибавила Марлиночка. — Сначала
Нахмурилася мать; но врагъ лукавый
Вдругъ что-то ей шепнулъ; она сказала:
Марлиночка, поди теперь отсюда;
Обоимъ вамъ по яблочку я дамъ,
Когда твой братъ воротится домой.
(А изъ окна ужь видѣла она,
Что мальчикъ шелъ, и чудилося ей,
Что будто на нее съ нимъ вмѣстѣ злое
Шло искушенье); кованый сундукъ
Закрывъ, она глаза на двери дико
Уставила; когда жъ ихъ отворилъ
Малютка и вошелъ, ея лице
Бѣлѣе стало полотна; поспѣшно
Она ему дрожащимъ и глухимъ
Сказала голосомъ: вынь для себя
И для Марлиночки изъ сундука
Два яблока, При этомъ словѣ ей
Почудилось, что кто-то подлѣ громко
Захохоталъ: а мальчикъ, на нее
Взглянувъ, спросилъ: зачѣмъ ты на меня

Такъ страшно смотришь? — Выбирай скорѣе!
Она, поднявши кровлю сундука,
Ему сказала, и ея глаза
Сверкнули острымъ блескомъ. Мальчикъ робко
За яблокомъ нагнулся головой
Въ сундукъ; тутъ ей лукавый врагъ шепнулъ:
Скорѣй! И кровлею она тяжелой
Захлопнула сундукъ, и голова
Малютки какъ ножемъ, была желѣзнымъ
Отрѣзана замкомъ, и отскочивши,
Упала въ яблоки. Холодной дрожью
Злодѣйку обдало. Что дѣлать мнѣ?
Подумала она, смотря на страшный
Захлопнутый сундукъ. И вотъ она
Изъ шкапа шелковый платокъ достала,
И, голову отрѣзанную къ шеѣ
Приставивъ, тѣмъ платкомъ ихъ обвила
Такъ плотно, что примѣтить ничего
Не можно было, и потомъ она
Передъ дверями мертваго на стулъ
(Давъ въ руки яблоко ему и къ стѣнкѣ
Его спиной придвинувъ) посадила,
И наконецъ, какъ будто небыла
Ни въ чемъ, пошла на кухню стряпать. Вдругъ
Марлиночка въ испугѣ прибѣжала
И шепчетъ: посмотри туда; тамъ братецъ
Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ; онъ такъ бѣлъ;
И держитъ яблоко въ рукѣ; но самъ
Не ѣстъ; когда жъ его я попросила,
Чтобъ далъ мнѣ яблоко, не отвѣчалъ
Ни слова, не взглянулъ; мнѣ стало страшно.
На то сказала мать: поди къ нему

И попроси въ другой разъ; если жъ онъ
Опять ни слова отвѣчать не будетъ,
И на тебя не взглянетъ, подери
Его покрѣпче за́ ухо; онъ спитъ.
Марлиночка пошла, и видитъ: братецъ
Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ, бѣлъ какъ снѣгъ;
Не шевелится, не глядитъ и держитъ,
Какъ прежде, яблоко въ рукахъ, но самъ
Его не ѣстъ. Марлиночка подходитъ
И говоритъ: дай яблочка мнѣ, братецъ.
Отвѣта нѣтъ. Тутъ за ухо она
Тихонько братца дернула, — и вдругъ
Отъ плечъ его отпала голова
И покатилась. Съ крикомъ прибѣжала
Марлиночка на кухню. Ахъ! родная,
Бѣда! бѣда! я братца моего
Убила! голову оторвала
Я братцу. — И бѣдняжка заливалась
Слезами и кричала крикомъ. Ей
Сказала мать: Марлиночка, ужь горю
Не пособить; намъ надобно скорѣй
Его прибрать, пока не воротился
Домой отецъ; возми и отнеси
Его покуда въ садъ, и спрячь тамъ; завтра
Его сама въ оврагъ я брошу; волки
Его съѣдятъ, и косточекъ никто
Не сыщетъ; перестань же плакать; дѣлай,
Что я велю. — Марлиночка пошла;
Она, широкой бѣлой простынею
Обвивши тѣло, отнесла его,
Рыдая, въ садъ, и тамъ его тихонько
Подъ деревомъ тюльпаннымъ положила

На свѣжій дернъ, который покрывалъ
Могилку матери его И что же?
Могилка вдругъ раскрылась, и тѣло
Взяла, и снова дернъ зазеленѣлъ
На ней, и расцвѣли на ней цвѣты,
И изъ цвѣтовъ вдругъ выпорхнула птичка,
И весело запѣла, и взвилась
Подъ облака и въ облакахъ пропала.
Марлиночка сперва оторопѣла;
Потомъ (какъ будто кто въ ея душѣ
Печаль заговорилъ)ей стало вдругъ
Легко — пошла домой и никому
О бывшемъ съ нею не сказала. Скоро
Пришелъ домой отецъ. Не видя сына,
Спросилъ онъ съ безпокойствомъ: гдѣ онъ? Мать,
Вся помертвѣвъ, поспѣшно отвѣчала:
Ранехонько ушелъ онъ со двора,
И все еще не возвращался. Было
Ужь заполдень; была пора обѣдать,
И накрывать на столъ хозяйка стала.
Марлиночка жъ сидѣла въ уголку,
Не шевелясь и молча; день былъ свѣтлый;
Ни облачка́ на небѣ не бродило,
И тихо блескъ полуденнаго солнца
Лежалъ на зелени деревъ, и было
Повсюду все спокойно. Той порою
Спорхнувшая съ могилы братца птичка
Летала да летала; вотъ она
На кустикъ сѣла подъ окошкомъ дома,
Гдѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ жилъ. Она,
Расправивъ крылышки, запѣла громко:
Зла мачиха зарѣзала меня;

Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ:
Сестрица же Марлиночка меня
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.
Услышавъ это, золотыхъ дѣлъ мастеръ
Въ окошко выглянулъ; онъ такъ плѣнился
Прекрасной птичкою, что закричалъ:
Пропой еще разъ, милая пичужка. —
«Я даромъ дважды пѣть не стану, птичка
Сказала, подари цѣпочку мнѣ,
И запою.» — Услышавъ это, мастеръ
Богатую ей бросилъ изъ окна
Цѣпочку. Правой лапкою схвативши
Цѣпочку ту, свою запѣла пѣсню
Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка, и допѣвши,
Спорхнула съ кустика съ своей добычей,
И полетѣла далѣе, и скоро
На кровлю домика, гдѣ жилъ башмачникъ,
Спустилася и тамъ опять запѣла:
Зла мачиха зарѣзала меня;
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Сестрица же Марлиночка меня
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.
Башмачникъ въ это время у окна
Шилъ башмаки; услышавъ пѣсню, онъ
Работу бросилъ, выбѣжалъ на дворъ,
И видитъ, что сидитъ на кровлѣ птичка
Чудесной красоты. Ахъ! птичка, птичка,
Сказалъ башмачникъ, какъ же ты прекрасно
Поешь. Нельзя ль еще разъ ту же пѣсню
Пропѣть? — «Я даромъ дважды не пою,

Сказала птичка, дай мнѣ пару дѣтскихъ
Сафьянныхъ башмаковъ.» Башмачникъ тотчасъ
Ей вынесъ башмаки. И лѣвой лапкой
Ихъ взявъ, свою опять запѣла пѣсню
Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка, и допѣвши,
Спорхнула съ кровли съ новою добычей,
И полетѣла далѣе, и скоро
На мельницу, которая стояла
Надъ быстрой рѣчкою во глубинѣ
Прохладныя долины, прилетѣла.
Былъ стукъ и шумъ отъ мельничныхъ колесъ,
И съ громомъ въ ней мололъ огромный жерновъ;
И въ воротахъ ея рубили двадцать
Работниковъ дрова. На вѣтку липы,
Которая у мельничныхъ воротъ
Росла, спустилась птичка и запѣла:
Зла мачиха зарѣзала меня;
Одинъ работникъ, то услышавъ, поднялъ
Глаза и пересталъ рубить дрова.
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Оставили еще работу двое.
Сестрица же Марлиночка меня;
Тутъ пятеро еще, глаза на липу
Оборотивъ, работать перестали.
Близъ матушки родной моей въ саду;
Еще тутъ восемь вслушалися въ пѣсню;
Остолбенѣвши, топоры они
На землю бросили и на пѣвицу
Уставили глаза; когда жъ она
Умолкнула, послѣднее пропѣвъ:
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла,
Всѣ двадцать разомъ кинулися къ липѣ

И закричали: птичка, спой намъ
Еще разъ пѣсенку твою. На это
Сказала птичка: «дважды пѣть не стану
Я даромъ; если же вы этотъ жерновъ
Дадите мнѣ, я запою.» — Дадимъ,
Дадимъ, въ одинъ всѣ голосъ закричали.
Съ трудомъ великимъ общей силой жерновъ
Поднявъ съ земли, они его надѣли
На шею птичкѣ; и она, какъ будто
Въ жемчужномъ ожерельѣ, отряхнувшись,
И крылышки расправивши, запѣла
Звучнѣй, чѣмъ прежде, и допѣвъ, спорхнула
Съ зеленой вѣтки и умчалась быстро,
На шеѣ жерновъ, въ правой лапкѣ цѣпь,
А въ лѣвой башмаки. И такъ она
На дерево тюльпанное въ саду
Спустилась. Той порой отецъ сидѣлъ
Передъ окномъ; по-прежнему въ углу
Марлиночка; а мать на столъ сбирала.
Какъ мнѣ легко! сказалъ отецъ; какъ свѣтелъ
И тепелъ майскій день! — «А мнѣ, сказала
Жена, такъ тяжело, такъ душно!
Какъ будто бы сбирается гроза.» —
Марлиночка жъ, прижавшись въ уголокъ,
Не шевелилася, сидѣла молча,
И плакала. А птичка той порой,
На деревѣ тюльпанномъ отдохнувши,
Полетомъ тихимъ къ дому полетѣла.
Какъ на душѣ моей легко! опять
Сказалъ отецъ, какъ будто бы кого
Роднаго мнѣ увидѣть. — «Мнѣ жъ, сказала
Жена, такъ страшно! все во мнѣ дрожитъ;

И кровь по жиламъ льется какъ огонь.» —
Марлиночка жъ ни слова; въ уголку
Сидитъ, не шевелясь, и тихо плачетъ.
Вдругъ птичка, къ дому подлетѣвъ, запѣла:
Зла мачиха заръзала меня;
Услышавъ это, мать въ оцѣпенѣньи
Зажмурила глаза, заткнула уши,
Чтобъ не видать и не слыхать; но въ уши
Гудѣло ей, какъ будто шумъ грозы,
Въ зажмуренныхъ глазахъ ея сверкало,
Какъ молнія, и потъ смертельный тѣло
Ея, какъ змѣй холодный, обвивалъ.
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ.
Жена, сказалъ отецъ, смотри, какая
Тамъ птичка! какъ поетъ! а день такъ тихъ,
Такъ ясенъ и такой повсюду запахъ,
Что скажешь: вся земля въ цвѣты одѣлась.
Пойду и посмотрю на эту птичку. —
Останься, не ходи, сказала въ страхѣ
Жена; мнѣ чудится, что весь нашъ домъ
Въ огнѣ. — Но онъ пошелъ. А птичка пѣла:
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.
И въ этотъ мигъ цѣпочка золотая
Упала передъ нимъ. Смотрите, онъ
Сказалъ, какой подарокъ дорогой
Мнѣ птичка бросила. Тутъ не могла
Жена отъ страха устоять на мѣстѣ,
И начала, какъ въ изступленьи, бѣгать
По горницѣ. Опять запѣла птичка:
Зла мачиха заръзала меня —
А мачиха блѣднѣла и шептала:

О! если бъ на меня упали горы,
Лишь только бъ этой пѣсни не слыхать! —
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Тутъ повалилася она на землю,
Какъ мертвая, какъ трупъ окостенѣлый.
Сестрица же Марлиночка меня —
Марлиночка, вскочивъ при этомъ съ мѣста,
Сказала: побѣгу, не дастъ ли птичка
Чего и мнѣ? И, выбѣжавъ, глазами
Она искала птички. Вдругъ упали
Ей въ руки башмаки; она въ ладоши
Отъ радости захлопала. Мнѣ было
До этихъ поръ такъ грустно, а теперь
Такъ стало весело, такъ живо! —
Нѣтъ, простонала мать, я не могу
Здѣсь оставаться; я задохнусь; сердце
Готово лопнуть. И она вскочила;
На головѣ ея стояли дыбомъ,
Какъ пламень, волосы, и ей казалось,
Что все кругомъ ея валилось. Въ двери
Она въ безумьи кинулась . . , . но только
Ступила за порогъ, тяжелый жерновъ —
Бухъ! и ея какъ будто не бывало;
На мѣстѣ же, гдѣ казнь надъ ней свершилась,
Столбомъ огонь поднялся изъ земли.
Когда жъ исчезъ огонь, живой явился
Тамъ братецъ; и Марлиночка къ нему
На шею кинулась. Отецъ же долго
Искалъ жены глазами; но ея
Онъ не нашелъ. Потомъ всѣ трое сѣли,
Усердно Богу помолясь, за столъ;
Но за столомъ никто не ѣлъ, и всѣ

Молчали; и у всѣхъ на сердцѣ было
Спокойно, какъ бываетъ всякой разъ,
Когда оно почувствуетъ живѣй
Присутствіе невидимаго Бога.

КОТЪ ВЪ САПОГАХЪ.

СКАЗКА.

Жилъ мельникъ. Жилъ онъ, жилъ, и умеръ,
Оставивши своимъ тремъ сыновьямъ
Въ наслѣдство мельницу, осла, кота
И — только. Мельницу взялъ старшій сынъ,
Осла взялъ средній; а меньшому дали
Кота. И былъ онъ крѣпко недоволенъ
Своимъ участкомъ. Братья, разсуждалъ онъ,
Сложившись, будутъ безъ нужды; а я,
Изжаривши кота и съѣвъ, и сдѣлавъ
Изъ шкурки муфту, чѣмъ потомъ начну
Хлѣбъ добывать насущный? Такъ онъ вслухъ,
Съ самимъ собою разсуждая, думалъ;
А Котъ, тогда лежавшій на печуркѣ,
Разумное подслушавъ разсужденье,
Сказалъ ему: хозяинъ, не печалься;
Дай мнѣ мѣшокъ, да сапоги, чтобъ могъ я
Ходить за дичью по болоту — самъ
Тогда увидишь, что не такъ-то бѣденъ
Участокъ твой. Хотя и не совсѣмъ
Былъ убѣжденъ Котомъ своимъ хозяинъ,
Но ужь не разъ случалось замѣчать
Ему, какъ этотъ Котъ искусно велъ
Войну противъ мышей и крысъ, какія

Выдумывалъ онъ хитрости, и какъ,
То, мертвымъ притворясь, висѣлъ на лапахъ
Внизъ головой, то пудрился мукой,
То прятался въ трубу, то подъ кадушкой
Лежалъ, свернувшись въ комъ; а потому
И словъ Кота не пропустилъ онъ мимо
Ушей. И подлинно, когда онъ далъ
Коту мѣшокъ и нарядилъ его
Въ большіе сапоги, на шею Котъ
Мѣшокъ надѣлъ и вышелъ на охоту
Въ такое мѣсто, гдѣ, онъ вѣдалъ, много
Водилось кроликовъ. Въ мѣшокъ насыпавъ
Трухи, его на землю положилъ онъ;
А самъ вблизи, какъ мертвый, растянулся,
И терпѣливо ждалъ, чтобы какой невинный,
Неопытный въ наукѣ жизни кроликъ
Пожаловалъ къ мѣшку покушать сладкой
Трухи; и онъ недолго ждалъ; какъ разъ
Передъ мѣшкомъ его явился глупый,
Вертлявый, долгоухій кроликъ: онъ
Мѣшокъ понюхалъ, поморгалъ ноздрями,
Потомъ и влѣзъ въ мѣшокъ; а Котъ проворно
Мѣшокъ стянулъ снуркомъ и безъ дальнѣйшихъ
Привѣтствій гостя угостилъ по-свойски.
Побѣдою довольный, во дворецъ
Пошелъ онъ къ королю и приказалъ,
Чтобы о немъ немедля доложили.
Велѣлъ ввести Кота въ свой кабинетъ
Король. Вошедъ, онъ поклонился въ поясъ;
Потомъ сказалъ, потупивъ морду въ землю:
Я кролика, великій Государь,
Отъ моего принесъ вамъ господина,

Маркиза Карабаса (такъ онъ вздумалъ
Назвать хозяина); имѣетъ честь
Онъ Вашему Величеству свое
Глубокое почтенье изъявить,
И проситъ васъ принять его гостинецъ. —
Скажи маркизу, отвѣчалъ Король,
Что я его благодарю, и что
Я очень имъ доволенъ. — Королю
Откланявшися, Котъ пошелъ домой;
Когда жь онъ шелъ черезъ дворецъ, то всѣ
Вставали передъ нимъ и жали лапу
Ему съ улыбкой, потому, что онъ
Былъ въ кабинетѣ принятъ Королемъ
И съ нимъ наединѣ (и ужь конечно
О государственныхъ дѣлахъ) такъ долго
Бесѣдовалъ; а Котъ былъ такъ учтивъ,
Такъ обходителенъ, что всѣ дивились,
И думали, что жизнь свою провелъ
Онъ въ лучшемъ обществѣ. Спустя немного,
Отправился опять на ловлю Котъ,
Въ густую рожь засѣлъ съ своимъ мѣшкомъ,
И тамъ поймалъ двухъ жирныхъ перепелокъ;
И ихъ немедленно онъ къ Королю,
Какъ прежде кролика, отнесъ въ гостинецъ
Отъ своего маркиза Карабаса.
Охотникъ былъ Король до перепелокъ;
Опять позвать велѣлъ онъ въ кабинетъ
Кота, и перепелокъ самъ принявши,
Благодарить маркиза Карабаса
Велѣлъ особенно. И такъ нашъ Котъ
Недѣли три, четыре къ Королю
Отъ имени маркиза Карабаса

Носилъ и кроликовъ и перепелокъ.
Вотъ онъ однажды свѣдалъ, что Король
Сбирается прогуливаться въ полѣ
Съ своею дочерью (а дочь была
Красавица, какой другой на свѣтѣ
Никто не видывалъ), и что они
Поѣдутъ берегомъ рѣки. И онъ,
Къ хозяину поспѣшно прибѣжавъ,
Ему сказалъ: когда теперь меня
Послушаешься ты, то будешь разомъ
И счастливъ и богатъ; вся хитрость въ томъ,
Чтобъ ты сейчасъ пошелъ купаться въ рѣку;
Что будетъ послѣ, знаю я; а ты
Сиди себѣ въ водѣ, да полоскайся,
Да ни о чемъ не хлопочи. Такой
Совѣтъ принять маркизу Карабасу
Не трудно было; день былъ жаркій; онъ
Съ охотою отправился къ рѣкѣ,
Влѣзъ въ воду, и сидѣлъ въ водѣ по горло.
А въ это время былъ Король ужь близко.
Вдругъ началъ Котъ кричать: разбой! разбой!
Сюда, народъ! — Что сдѣлалось? подъѣхавъ,
Спросилъ Король — «Маркиза Карабаса
«Ограбили и бросили въ рѣку;
«Онъ тонетъ.» — Тутъ, по слову Короля,
Съ нимъ бывшіе придворные чины
Всѣ кинулись ловить въ водѣ маркиза.
А Королю Котъ на ухо шепнулъ:
Я долженъ Вашему Величеству донесть,
Что бѣдный мой маркизъ совсѣмъ раздѣтъ;
Разбойники все платье унесли.
(А платье самъ мошенникъ спряталъ въ кустъ).

Король велѣлъ, чтобы одинъ изъ бывшихъ
Съ нимъ государственныхъ министровъ снялъ
Съ себя мундиръ и далъ его маркизу.
Министръ тотчасъ раздѣлся за кустомъ;
Маркиза же въ его мундиръ одѣли;
И Котъ его представилъ Королю;
Н королемъ былъ ласково онъ принятъ.
А такъ какъ онъ красавецъ былъ собою,
То и совсѣмъ не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
Понравился; богатый же мундиръ
(Хотя на немъ и не совсѣмъ въ обтяжку
Сидѣлъ онъ, потому, что брюхо было
У королевскаго министра) видъ
Ему отличный придавалъ — короче,
Маркизъ понравился; и сѣсть съ собой
Въ коляску пригласилъ его король;
А смѣтливый нашъ Котъ во всѣ лопатки
Впередъ бѣжать пустился. Вотъ увидѣлъ
Онъ на лугу широкомъ косарей,
Сбиравшихъ сѣно; Котъ имъ закричалъ:
Король проѣдетъ здѣсь; и если вы
Ему не скажете, что этотъ лугъ
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски. — Король, проѣхавъ,
Спросилъ: кому такой прекрасной лугъ
Принадлежитъ? — Маркизу Карабасу,
Всѣ закричали разомъ косари
(Въ такой ихъ страхъ привелъ проворный Котъ).
Богатые луга у васъ маркизъ,
Король замѣтилъ. А маркизъ, смиренный

Принявши видъ, отвѣтствовалъ: луга
Изрядные. Тѣмъ временемъ поспѣшно
Впередъ ушедшій Котъ увидѣлъ въ полѣ
Жнецовъ: они въ снопы вязали рожь.
Жнецы, сказалъ онъ, ѣдетъ близко нашъ
Король. Онъ спроситъ васъ: чья рожь? И если
Не скажете ему вы, что она
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски. — Король проѣхалъ.
Кому принадлежитъ здѣсь поле? онъ
Спросилъ жнецовъ. — Маркизу Карабасу,
Жнецы ему съ поклономъ отвѣчали.
Король опять сказалъ: маркизъ, у васъ
Богатыя поля. Маркизъ на то
По-прежнему отвѣтствовалъ смиренно:
Изрядныя. А Котъ бѣжалъ впередъ
И встрѣчныхъ всѣхъ училъ, какъ Королю
Имъ отвѣчать. Король былъ пораженъ
Богатствами маркиза Карабаса.
Вотъ наконецъ въ великолѣпный зáмокъ
Котъ прибѣжалъ. Въ томъ замкѣ людоѣдъ
Волшебникъ жилъ, и Котъ о немъ ужь зналъ
Всю подноготную; въ минуту онъ
Смекнулъ, что дѣлать: въ замокъ смѣло
Вошедъ, онъ попросилъ у людоѣда
Аудіенціи, и людоѣдъ,
Принявъ его, спросилъ: какую нужду
Вы, Котъ, во мнѣ имѣете? На это
Котъ отвѣчалъ: почтенный людоѣдъ,
Давно слухъ носится, что будто вы
Умѣете во всякой превращаться,

Какой задумаете, видъ; хотѣлъ бы
Узнать я, подлинно ль такая мудрость
Дана вамъ? «Это правда; сами, Котъ,
Увидите.» — И мигомъ онъ явился
Ужаснымъ львомъ съ густой, косматой гривой,
И острыми зубами. Котъ при этомъ
Такъ струсилъ, что (хоть былъ и въ сапогахъ)
Въ одинъ прыжокъ подъ кровлей очутился.
А людоѣдъ, захохотавши, принялъ
Свой прежній видъ и попросилъ Кота
Къ нему сойти. Спустившись съ кровли, Котъ
Сказалъ: хотѣлось бы однако знать мнѣ,
Вы можете ль и въ маленькаго звѣря,
Вотъ напримѣръ, въ мышенка превратиться?
«Могу, сказалъ съ усмѣшкой людоѣдъ,
Что жъ тутъ мудренаго?» — И онъ явился
Вдругъ маленькимъ мышенкомъ. Котъ того
И ждалъ; онъ разомъ — цапъ! и съѣлъ мышонка.
Король тѣмъ временемъ, подъѣхалъ къ замку,
Остановился и хотѣлъ узнать,
Чей былъ онъ. Котъ же, разсчитавшись
Съ его владѣльцемъ, ждалъ ужь у воротъ,
И въ поясъ кланялся, и говорилъ:
Не будетъ ли угодно, Государь,
Пожаловать на перепутьи въ замокъ
Къ маркизу Карабасу? — Какъ, маркизъ,
Спросилъ Король, и этотъ замокъ вамъ же
Принадлежитъ? Признаться, удивляюсь;
И будетъ мнѣ пріятно побывать въ немъ. —
И приказалъ Король своей коляскѣ
Къ крыльцу подъѣхать; вышелъ изъ коляски;
Принцессѣ жъ руку предложилъ маркизъ;

И всѣ пошли по лѣстницѣ высокой
Въ покои. Тамъ въ пространной галлереѣ
Былъ столъ накрытъ и полдникъ приготовленъ
(На этотъ полдникъ людоѣдъ позвалъ
Пріятелей; но тѣ, узнавъ, что въ замкѣ
Король былъ, не вошли, и всѣ домой
Отправились). И, сѣвъ за столъ роскошный,
Король велѣлъ маркизу сѣсть межъ нимъ
И дочерью; и стали пировать.
Когда же въ головѣ у короля
Вино позашумѣло, онъ маркизу
Сказалъ: хотите ли, маркизъ, чтобъ дочь
Мою за васъ я выдалъ? — Честь такую
Съ неимовѣрной радостію принялъ
Маркизъ. И свадьбу вмигъ сыграли. Котъ
Остался при дворѣ и былъ въ чины
Произведенъ; и въ бархатныхъ являлся
Въ дни табельные сапогахъ. Онъ бросилъ
Ловить мышей, а если и ловилъ,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь, и сплинъ, который нажилъ
Подъ старость при дворѣ, воспоминаньемъ
О свѣтлыхъ дняхъ минувшаго разсѣять.

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ.

КОРСИКАНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Въ кустахъ, которыми была покрыта
Долина Порто-Веккіо, со всѣхъ
Сторонъ звучали голоса и часто
Гремѣли выстрѣлы; то былъ отрядъ

Разсыльныхъ егерей; они ловили
Бандита стараго Санпьеро; но,
Проворно межъ кустовъ ныряя, въ руки
Имъ не давался онъ, хотя на вылетъ
Прострѣленъ пулей былъ. И вотъ, на верхъ
Горы взбѣжавъ, онъ хижины достигнулъ,
Въ которой жилъ съ своей семьей Маттео
Фальконе; но къ несчастью въ это время
Одинъ лишь мальчикъ, сынъ его, былъ дома:
Онъ у воротъ стоялъ и на долину
Смотрѣлъ, прислушиваясь къ шуму. Вдругъ,
Изъ ближнихъ выбѣжавъ кустовъ, Санпьеро
Бросается къ нему и говоритъ:
Спаси меня, я раненъ; егеря́
За мною гонятся; они ужь близко! —
«Да я одинъ; отца нѣтъ дома; съ нимъ
Ушла и мать» — Что нужды! спрячь меня
Скорѣй. — «Да что отецъ на это скажетъ?» —
Отецъ тебя похвалитъ: отъ меня жъ
На память вотъ тебѣ монета. — Мальчикъ,
Монету взявши, ввелъ на дворъ Санпьеро;
Онъ спрятался тамъ въ сѣно; Фортунато жъ
(Такъ звали мальчика) проворно сѣномъ
Его закрылъ, и кровь втопталъ въ песокъ,
И видъ спокойный принялъ. Въ этотъ мигъ
Вбѣжалъ на дворъ съ своими Гамба (главный
Разсыльщикъ; онъ былъ родственникъ Маттео).
Не попадался ли тебѣ Санпьеро?
У мальчика спросилъ онъ; вѣрно здѣсь
Его ты видѣлъ. — «Нѣтъ, я спалъ.» — Ты лжешь;
Когда стрѣляютъ, спать нельзя. — «Да мой
Отецъ стрѣляетъ громче васъ, а я

И тутъ не просыпаюсь.» — Отвѣчай же,
Куда ушелъ Санпьеро? Ты его
Здѣсь видѣлъ; правду говори, не то
Тебѣ достанется. — «Попробуй тронуть
Меня хоть пальцемъ; мой отецъ Маттео
Фальконе, знаешь?» — Твой отецъ тебя
За то, что лжешь ты, высѣчетъ. — «Анъ нѣтъ,
Не высѣчетъ.» — Да гдѣ же твой отецъ? —
Онъ въ лѣсъ пошелъ за дичью; видишь самъ,
Что я одинъ.» — Къ товарищамъ тогда
Въ недоумѣньи обратившись, Гамба
Сказалъ: кровавый слѣдъ привелъ насъ прямо
Сюда; онъ вѣрно здѣсь; но этотъ домъ
Обыскивать не стану я; съ Маттео
Фальконе ссориться опасно. — Гамба
Стоялъ нахмурившись и тыкалъ въ сѣно
Своимъ штыкомъ, не думая, чтобъ тамъ
Санпьеро спрятанъ былъ; а Фортунато,
Какъ будто безъ намѣренья цѣпочкой
Часовъ его играя, непримѣтно
Его отвесть отъ мѣста роковаго
Старался. Гамба, вынувъ изъ кармана
Часы, сказалъ: я ужь давно тебѣ
Подарокъ, Фортунато, приготовилъ.
Вѣдь у тебя до сихъ поръ нѣтъ часовъ? —
«Отецъ сказалъ, что мнѣ ихъ дастъ, какъ скоро
Двѣнадцать лѣтъ мнѣ будетъ.» — А тебѣ
Теперь лишь только десять. Эта пѣсня
Долга. Вотъ посмотри сюда, какіе
Прекрасные часы. — И онъ на солнцѣ
Вертѣлъ ихъ, и они сверкали ярко.
Глазами жадными за ними бѣгалъ

Встревоженный ихъ блескомъ Фортунато....
Футляръ съ эмалью, стрѣлки золотыя,
И голубой узорной циферблатъ...
Ну что же, гдѣ Санпьеро? — «А часы
Ты дашь мнѣ?» — Дамъ. — И Гамба поднялъ выше
Часы; какъ чаша роковыхъ вѣсовъ,
Надъ головой ребенка, раза два
Шатнувшися, они остановились.
Онъ искушенія не вынесъ; въ немъ
Вся внутренность зажглась; какъ въ лихорадкѣ
Онъ задрожалъ, и, правую тихонько
Поднявши руку, вдругъ, какъ звѣрь когтями,
Схватилъ часы, а лѣвою рукою,
Закинувъ за спину ее, въ молчаньи
На сѣно Гамбѣ указалъ. Безъ словъ
Былъ конченъ торгъ кровавый. Фортунато,
Добычу взявъ, о проданной имъ жертвѣ
Забылъ. Санпьеро изъ-подъ сѣна тутъ же
Былъ вытащенъ: съ презрѣньемъ поглядѣлъ онъ
На мальчика, и, въ руки егерямъ
Отдавшися, сказалъ: другъ Гамба, ты
Ужь въ этомъ мнѣ конечно не откажешь,
Найди носилки; я идти не въ силахъ;
Весь кровью изошелъ я; признаюсь,
Стрѣлять ты мастеръ, и въ меня такъ ловко
Попалъ, что ужь теперь со мной конецъ;
Но видѣть могъ ты также, что и я
Не промахъ. — И о немъ, какъ о родномъ
(Любя за храбрость и врага), они
Заботиться усердно принялися.
Ему хотѣлъ монету Фортунато
Отдать назадъ; но молча оттолкнулъ

*

Онъ мальчика, который, уронивъ
Монету, отошелъ краснѣя въ уголъ.
Маттео, въ это время возвращаясь
Съ женою изъ лѣса, гостей незваныхъ
Увидѣлъ въ хижинѣ; поспѣшно онъ
Свое ружье на выстрѣлъ приготовилъ,
И подалъ знакъ женѣ, чтобъ и она
Съ другимъ ружьемъ была готова. Смѣло
И осторожно онъ подходитъ. Гамба,
Его вдали узнавши, закричалъ:
«Маттео, это мы, друзья!» И тихо,
Въ его лицо всмотрѣвшися, онъ дуло
Ружья нацѣленнаго опустилъ.
«Маттео — Гамба продолжалъ, къ нему
На встрѣчу вышедъ — мы лихаго
Поймали звѣря; но добыча эта
Намъ дорого досталась: двое изъ нашихъ
Легли.« — Кого? — »Санпьеро, твоего
Пріятеля; вѣдь онъ и у тебя
Укралъ друхъ козъ.« — То правда: но большая
Семья у бѣдняка; а голодъ, знаешь,
Не свой братъ. — «Вотъ стрѣлокъ! Отъ насъ бы вѣрно
Онъ ускользнулъ, когда бъ не Фортунато,
Мальчишка твой, помогъ намъ.« — Фортунато!
Маттео вскрикнулъ. — Фортунато! мать
Со страхомъ повторила. — «Да! Санпьеро
Здѣсь въ сѣно спрятался; а Фортунато
Его и выдалъ намъ; за это всѣ вы
Получите спасибо отъ начальства.« —
Холоднымъ потомъ обдало Маттео;
Онъ въ хижину вошелъ. Тамъ егеря
Вкругъ старика, который чуть дышалъ,

От раны изнемогши, — суетились,
И, чтобъ ему лежать покойнѣй было,
Свои плащи постлали на носилки.
Не шевелясь и молча, онъ смотрѣлъ
На ихъ работу, но какъ скоро шумъ
Услышалъ, и, глаза поднявъ, увидѣлъ
Въ дверяхъ стоящаго Маттео, громко
Захохоталъ, и страшенъ былъ тотъ хохотъ.
Онъ плюнулъ на стѣну, и задыхаясь,
Глухимъ, осиплымъ голосомъ сказалъ:
Будь проклятъ этотъ домъ; Іуды здѣсь
Предатели живутъ! — Какъ полотно
Маттео поблѣднѣлъ, и кулакомъ
Себя ударилъ въ лобъ; онъ былъ, какъ мертвый,
Стоялъ безгласно. Вотъ ужь старика
Уклали на носилки, понесли
Изъ хижины: вслѣдъ за другими Гамба,
Хозяину пожавши руку, вышелъ;
И вотъ ужь всѣ пропали за кустами . . .
Маттео ничего не замѣчалъ;
Онъ, губы стиснувъ, яростно и страшно
Смотрѣлъ на сына. Фортунато, робко
Подкравшися, хотѣлъ отцову руку
Поцѣловать; Маттео взвизгнулъ: прочь!
У мальчика подрѣзалися ноги;
Не въ силахъ былъ онъ убѣжать, и блѣдный,
Къ стѣнѣ прижавшись, плакалъ и дрожалъ.
«Моя ль въ немъ кровь?» сверкнувши на жену
Глазами тигра, закричалъ Маттео. —
Вѣдь я жена твоя, она сказала,
Вся покраснѣвъ. — «И онъ предатель!» — Тутъ
Рыдающая мать, взглянувъ на сына,

Увидѣла часы. — Кто далъ тебѣ ихъ?
Она спросила. — «Дядя Гамба.» — Вырвавъ
Съ свирѣпымъ бѣшенствомъ изъ рукъ у сына
Часы, ударилъ óземь ихъ Маттео,
И въ дребезги они разбились. Долго
Потомъ, какъ будто въ забытьи, стучалъ
Ружьемъ онъ въ полъ; потомъ, очнувшись, сыну
Сказалъ: за мной! — И онъ пошелъ; за нимъ
Пошелъ и сынъ. Неся ружье подъ мышкой,
Онъ прямо путь направилъ къ лѣсу. Мать,
Схвативъ его за полу платья: онъ
Твой сынъ! твой сынъ! кричала. Вырвавъ полу
Изъ рукъ ея, онъ прошепталъ: а я
Его отецъ, пусти. — Поцѣловавши
Съ отчаяньемъ невыразимымъ сына,
И руки судорожно сжавъ, въ дверяхъ
Осталась мать, чтобы хотя глазами
Ихъ проводить; когда жъ они изъ глазъ
Вдали исчезли, плача и рыдая
Передъ Мадонною она упала.
Маттео, въ лѣсъ вошедши, на полянѣ,
Деревьями густыми окруженной,
Остановился. Землю онъ ружьемъ
Копнулъ: земля рыхла. «Стань на колѣни,
Ребенку онъ сказалъ, читай молитву.»
Ставъ на колѣни, мальчикъ руки поднялъ
Къ отцу, и завизжалъ: отецъ, прости
Меня; не убивай меня отецъ. —
«Читай молитву» — Мальчикъ, задыхаясь,
Пролепеталъ со страхомъ: Отче нашъ
И Богородицу. «Ты кончилъ?» — Нѣтъ,
Еще одну я знаю литанею;

Ее мнѣ выучить отецъ Франческо
Велѣлъ. — «Она длинна; но съ Богомъ.» — Дуломъ
Ружья подперши лобъ, онъ руки сжалъ,
И про себя за сыномъ повторилъ
Его молитву. Кончивъ литанею,
Сынъ замолчалъ. «Готовъ ты?» — Ахъ, отецъ,
Не убивай меня. — «Готовъ ты?» — Ахъ!
Прости меня, отецъ. — «Тебя проститъ
Всевышній Богъ». И выстрѣлъ загремѣлъ.
Отъ мертваго отворотивъ глаза,
Пошелъ назадъ Маттео. На ногахъ онъ
Былъ твердъ; но жизни не было въ его
Лицѣ; съ подпорой старости своей
И сердце онъ свое убилъ. Онъ шелъ
За заступомъ, чтобы могилу вырыть
И тѣло схоронить. Ему на встрѣчу,
Услышавъ выстрѣлъ, кинулась жена:
«Мое дитя! нашъ сынъ! что сдѣлалъ ты,
Маттео?» — Долгъ свой. Тамъ онъ на полянѣ
Лежитъ. По немъ поминки будутъ: онъ,
Какъ Христіанинъ, умеръ съ покаяньемъ;
Господь его младенческую душу
Помилуетъ и успокоитъ. Ты же,
Когда сберешься съ силой, объяви
Паоло, зятю нашему, мою
Рѣшительную волю, чтобъ онъ ныньче жъ
Къ намъ на житье съ женой переселился.

ДВѢ ПОВѢСТИ.

ПОДАРОКЪ НА НОВЫЙ ГОДЪ ИЗДАТЕЛЮ МОСКВИТЯНИНА.

Дошли ко мнѣ на берегъ Майна слухи,
Что ты, Кирѣевскій, теперь сталъ и Москвичъ
И Москвитянинъ. Въ добрый часъ, приняться
Давнымъ давно пора тебѣ за дѣло.
Меня жь взяла охота подарить
Тебя и твой журналъ на новый годъ
Своимъ добромъ, чтобъ старости своей
По старому хотя на мигъ одинъ
Дать съ молодостью разгуляться.
Но чувствую, что на пиру ея,
Гдѣ все кипитъ, поетъ, кружится, блещетъ,
Неловко старику; на вашъ ужь ладъ
Мнѣ не поётся; лѣта измѣнили
Мою поэзію; она теперь,
Какъ я, состарѣлась и присмирѣла;
Не увлекается хмѣльнымъ восторгомъ;
У рубежа вечерней жизни сидя,
На прошлое безъ грусти обращаетъ
Глаза, и думая о томъ, что насъ
Въ грядущемъ ждетъ, молчитъ. Но все однако
На новый годъ мнѣ *должно* подарить
Тебя и твой журналъ. Другъ, даровому
Коню, ты знаешь самъ, не смотрятъ въ зубы.
И такъ прошу принять мой лептъ вдовицы.

Недавно мнѣ случилося найти
Преданіе о древнемъ Александрѣ

Въ Талмудѣ. Я хочу преданье это
Здѣсь разсказать такъ точно, какъ оно
Разсказано въ Еврейской древней книгѣ.
Черезъ песчаную пустыню шелъ
Съ своею ратью Александръ; въ страну,
Лежавшую за рубежемъ пустыни,
Онъ несъ войну. И вдругъ пришелъ къ рѣкѣ
Широкой онъ. Измученный путемъ
По знойному песку, на тучномъ брегѣ
Рѣки онъ рать остановилъ; и скоро вся
Она заснула въ глубинѣ долины,
Прохладою потока освѣженной.
Но Александръ заснуть не могъ; и въ зной,
И посреди спокойствія долины,
Гдѣ не было слѣда тревогъ житейскихъ,
Нетерпѣливой онъ кипѣлъ душою;
Ее и мигъ покоя раздражалъ;
Погибель войскъ, разрушенные троны,
Побѣда, власть, вселенной рабство, слава,
Носилися предъ ней, какъ привидѣнья.
Онъ подошелъ къ потоку, наклонился,
Рукою зачерпнулъ воды студеной
И напился; и чудно освѣжила
Божественно-цѣлительная влага
Его всѣ члены; въ грудь его проникла
Удвоенная жизнь. И понялъ онъ,
Что изъ страны, благословенной небомъ,
Такой потокъ былъ долженъ вытекать,
Что близъ его истоковъ надлежало
Цвѣсти земному счастію; что вѣрно
Тамъ въ благоденствіи, въ богатствѣ, въ мирѣ
Свободные народы ликовали.

Туда! туда! съ мечемъ, съ огнемъ войны!
Моей они должны поддаться власти,
И отъ меня удѣлъ счастливый свой
Принять, какъ даръ моей щедроты царской.
И онъ велѣлъ гремѣть трубѣ военной;
И раздалась труба, и пробудилась,
Минутный сонъ вкусивши, рать; и быстро
Ея потокъ, кипящій истребленьемъ,
Вдоль мирныхъ береговъ рѣки прекрасной
Къ ея истокамъ свѣтлымъ побѣжалъ.
И много дней, не достигая цѣли,
Велъ Александръ свои полки. Куда же
Онъ наконецъ привелъ ихъ? Ко вратамъ
Эдема. Но предъ нимъ не отворился
Эдемъ; былъ стражъ у вратъ съ такимъ ужасно
Пылающимъ мечемъ, что задрожала
И Александрова душа, его
Увидя. Стой, сказалъ привратникъ чудный,
Кто бъ ни былъ ты, сюда дороги нѣтъ.
«Я царь земли, воскликнулъ Александръ,
Прогнѣванный нежданымъ запрещеньемъ.» —
Царемъ земныхъ царей я здѣсь поставленъ. —
«Я Александръ!» — Ты самъ свой приговоръ,
Назвавшись, произнесъ; одни страстей
Мятежныхъ обуздатели, одни
Душой смиренные вратами жизни
Вступаютъ въ рай; тебѣ жъ подобнымъ, міра
Грабителямъ, ненасытимо жаднымъ,
Рай затворенъ. На это Александръ:
И такъ назадъ мнѣ должно обратиться,
Тогда, какъ я уже стоялъ ногой
На этихъ ступеняхъ, туда проникнувъ,

Гдѣ отъ созданья міра ни одинъ
Изъ смертныхъ не бывалъ. По крайней мѣрѣ
Дай знаменіе мнѣ, чтобы могла
Провѣдать вся земля, что Александръ
У вратъ Эдема былъ. На это стражъ:
Вотъ знаменье; да просвѣтитъ оно
Твой темный умъ высокимъ разумѣньемъ;
Возми. — Онъ взялъ; и въ путь пошелъ обратный;
А на пути, созвавши мудрецовъ,
Передъ собою знаменье велѣлъ
Имъ изъяснить. Мнѣ! повторялъ онъ въ гнѣвѣ,
Мнѣ! Александру: даръ такой презрѣнный!
Кусокъ истлѣвшей кости! — Сынъ Филипповъ,
На то сказалъ одинъ изъ мудрецовъ,
Не презирай истлѣвшей этой кости;
Умѣй спросить и дастъ тебѣ отвѣтъ.
Тутъ принести велѣлъ мудрецъ вѣсы;
Одну изъ чашъ онъ золотомъ наполнилъ;
Въ другую чашу кость онъ положилъ,
И чудо! золото перетянула
Кость. Изумился Александръ; онъ вдвое
Велѣлъ насыпать золота; онъ самъ
Свой скипетръ золотой, свою корону,
И съ ними тяжкій мечъ свой бросилъ въ чашу —
Ни на волосъ она не опустилась.
Затрепеталъ на тронѣ царь могучій;
И онъ спросилъ: какою тайной силой
Нарушенъ здѣсь законъ природы? Чѣмъ
Ей власть ея возможно возвратить? —
Щепоткою земли, сказалъ мудрецъ.
И бросилъ онъ на кость — земли щепотку,
И чаша съ костью быстро поднялася,

И быстро чаша съ золотомъ упала.
Мудрецъ сказалъ: великій Государь,
Былъ нѣкогда подобный твоему
Разрушенъ черепъ; въ немъ же эта кость
Была частицей впадины, въ которой
Глазъ, твоему подобный, заключался.
Глазъ человѣческій въ объемѣ малъ;
Но съ ненасытной жадностью объемлетъ
Онъ все, что насъ здѣсь въ области видѣній
Такъ увлекательно плѣняетъ; цѣлый
Онъ міръ готовъ пожрать голоднымъ взоромъ.
Все золото земное всыпьте въ чашу,
Всѣ скипетры и всѣ короны бросьте
На золото все будетъ мало; но
Покрой его щепоткою земли —
И пропадетъ его ненасытимость;
Сквозь легкій праха грузъ ужь не пробьется
Онъ жаднымъ взоромъ. Ты жъ, великій царь,
Въ семъ знаменьи уразумѣй прямое
Значеніе и времени и жизни.
Ненасытимости передъ тобою
Лежитъ символъ въ истлѣвшей этой кости.
Но царь внималъ съ поникшей головой,
Съ челомъ нахмуреннымъ. Вдругъ онъ вскочилъ;
Сверкнулъ на всѣхъ могучимъ окомъ льва;
И возгласилъ такъ громко, что скалы
Окрестныя ужасный дали голосъ:
Греми труба! впередъ, мои дружины!
Жизнь коротка; уходитъ время; стыдъ
Тому, кто жизнь и время праздно тратитъ! —
И вихрями взвился песокъ пустыни;
И рать великая, какъ змѣй съ отверзтымъ

Голоднымъ зѣвомъ, шумно побѣжала
Къ предѣламъ Индіи. Завоеватель
Потоками лилъ кровь, и побѣждалъ,
И съ каждою побѣдой разгорался
Сильнѣйшей жаждою побѣды новой,
И наконецъ они ему щепоткой
Земли глаза покрыли — онъ утихъ.

Но кажется, почтенный Москвитянинъ,
Что мой тебѣ подарокъ въ новый годъ,
Некстати мраченъ: гробовая кость,
Земля могильная, ничтожность славы,
Тщета величій . . . въ новый годъ дарить
Такимъ добромъ неловко; виноватъ,
И вотъ тебѣ разсказъ повеселѣе.

Жилъ на востокѣ царь; а у царя
Жилъ во дворцѣ мудрецъ: онъ назывался
Керимъ, и царь его любилъ, и съ нимъ
Бесѣдовалъ охотно. Разъ случилось,
Что задалъ царь такой вопросъ Кериму:
Съ чѣмъ можемъ мы сравнить земную жизнь
И свѣтъ? Но на вопросъ мудрецъ невдругъ
Отвѣтствовалъ; онъ попросилъ отсрочки
Сначала на день, послѣ на два, послѣ
На цѣлую недѣлю; наконецъ
Пришелъ къ царю и такъ ему сказалъ:
Вопросъ твой, Государь, неразрѣшимъ.
Мой слабый умъ его обнять не можетъ;
Позволь людей мудрѣйшихъ мнѣ спросить.
И въ путь Керимъ отправился искать
Отвѣта на вопросъ царя. Сначала

Онъ посѣтилъ одинъ богатый городъ,
Гдѣ, говорили, находился славный
Философъ; но философъ тотъ имѣлъ
Великолѣпный домъ, былъ другъ сердечный
Царя, жилъ самъ, какъ царь, и упивался
Изъ полной чаши сладостію жизни.
Керимъ ему вопросъ свой предложилъ.
Онъ отвѣчалъ: свѣтъ уподобить можно
Великолѣпной пировой палатѣ,
Гдѣ всякій часъ открытый столъ — садись
Кто хочетъ и пируй. Надъ головою
Гостей горятъ и ходятъ звѣзды неба;
Ихъ слухъ плѣняютъ звонкимъ хоромъ птицы;
Для нихъ цвѣты благоуханно дышатъ,
А на столахъ предъ ними безъ числа
Стоятъ съ ѣдою блюда золотыя,
И янтаремъ кипящимъ въ чашахъ блещетъ
Вино; и все кругомъ ласкаетъ чувства.
И гости весело сидятъ другъ съ другомъ,
Бесѣдуютъ, смѣются, шутятъ, спорятъ;
И новые подходятъ безпрестанно;
И каждому есть мѣсто; кто жъ довольно
Насытился, встаетъ, и съ тѣми, кто
Сидѣли съ нимъ, простясь, уходитъ спать
Домой, хозяину сказавъ: спасибо
За угощенье. Вотъ и свѣтъ и жизнь.
Керимъ философу не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: твоя картина, другъ
Философъ, невѣрна; не всѣ мы здѣсь
Съ гостями пьемъ, ѣдимъ и веселимся;

Немало есть голодныхъ, одинокихъ
И плачущихъ. — Кериму тутъ сказали,
Что недалеко жилъ въ густомъ лѣсу
Отшельникъ набожный, смиренномудрый.
Ему убѣжищемъ была пещера:
Онъ спалъ на голомъ камнѣ; ѣлъ одни
Коренья, пилъ лишь воду; дни и ночи
Всѣ проводилъ въ молитвѣ. И немедля
Къ нему отправился Керимъ. Отшельникъ
Ему сказалъ: послушай; черезъ степь
Однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ
Верблюдъ озлился, началъ страшно фыркать,
Храпѣть, бросаться; путникъ испугался
И побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Куда
Укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣлъ
У самой онъ дороги водоемъ
Ужасной глубины, но безъ воды;
Изъ нѣдра темнаго его торчали
Вѣтвями длинными кусты малины,
Разросшейся межъ трещинами стѣнъ,
Покрытыхъ мохомъ старины. Въ него
Гонимый бѣшенымъ верблюдомъ путникъ
Въ испугѣ прянулъ: онъ за гибкій сукъ
Малины ухватился и повисъ
Надъ темной бездной. Голову поднявъ,
Увидѣлъ онъ разинутую пасть
Верблюда надъ собой: его схватить
Рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ
Глаза ко дну пустаго водоема:
Тамъ змѣй ворочался, и на него
Зіялъ голоднымъ зѣвомъ, ожидая,
Что онъ, съ куста сорвавшись, упадетъ.

Такъ онъ висѣлъ на гибкой тонкой вѣткѣ
Межъ двухъ погибелей. И что жъ еще
Ему представилось? Въ томъ самомъ мѣстѣ,
Гдѣ кустъ малины (за которой онъ
Держался) корнемъ въ землю сквозь проломъ
Стѣны состарѣвшейся водоема —
Входилъ, — двѣ мыши, бѣлая одна,
Другая черная, сидѣли рядомъ
На корнѣ, и его поочередно
Съ большою жадностію грызли, землю
Со всѣхъ сторонъ скребли, и обнажали
Всѣ вѣтви корня, а когда земля
Шумѣла, падая на дно, оттуда
Выглядывалъ проворно змѣй, какъ будто
Спѣша провѣдать, скоро ль мыши корень
Перегрызутъ, и скоро ль съ ношей кустъ
Къ нему на дно обрушится. Но что же?
Вися надъ этимъ страшнымъ дномъ, безъ всякой
Надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ
На ближней вѣткѣ путникъ много ягодъ
Малины, зрѣлыхъ, крупныхъ: сильно
Желаніе полакомиться ими
Зажглося въ немъ; онъ все тутъ позабылъ:
И грознаго верблюда надъ собою,
И подъ собой на днѣ далекомъ змѣя,
И двухъ мышей коварную работу;
Оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда,
Внизу зіять голодной пастью змѣя,
И въ сторонѣ грызть корень и копаться
Въ землѣ — мышей, — а самъ, рукой добравшись
До ягодъ началъ ихъ спокойно рвать
И ѣсть; и страхъ его пропалъ. Ты спросишь:

Кто этотъ жалкій путникъ? *Человѣкъ.*
Пустыня жъ съ водоемомъ *Свѣтъ;* а путь
Черезъ пустыню — наша *Жизнь* земная;
Гонящійся за путникомъ верблюдъ
Есть врагъ души, тревогъ создатель — *Грѣхъ*:
Намъ гибелью грозитъ онъ; мы жъ безпечно
На вѣткѣ трепетной висимъ надъ бездной,
Гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта *Смерть* —
Тотъ змѣй, который, пасть разинувъ, ждетъ,
Чтобъ вѣтка тонкая переломилась.
А мыши? Ихъ названье *День* и *Ночь;*
Безъ отдыха, смѣняяся, онѣ
Работаютъ, чтобъ сукъ твой, вѣтку жизни,
Которая межъ смертію и свѣтомъ
Тебя невѣрно держитъ, перегрызть;
Прилежно черная грызетъ всю ночь,
Прилежно бѣлая грызетъ весь день;
А ты, прельщенный ягодой душистой,
Усладой чувствъ, желаній утоленьемъ,
Забылъ и грѣхъ — верблюда въ вышинѣ,
И смерть — внизу зіяющаго змѣя,
И быструю работу дня и ночи —
Мышей грызущихъ тонкій корень жизни;
Ты все забылъ — тебя манитъ одно
Невѣрное минуты наслажденье.
Вотъ свѣтъ и жизнь и смертный человѣкъ!
Доволенъ ли ты повѣстью моею?
Керимъ отшельнику не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: святой отшельникъ, твой
Разсказъ замысловатъ, но моего

Вопроса онъ еще не разрѣшилъ;
Не такъ печальна наша жизнь, какъ степь,
Ведущая къ одной лишь безднѣ смерти;
И не однимъ минутнымъ наслажденьемъ
Плѣняется безпечно человѣкъ.
И ѣхалъ онъ, куда глаза глядятъ.
Вотъ повстрѣчался съ нимъ какой-то странный,
Убогимъ рубищемъ покрытый путникъ.
Онъ шелъ босой; черезъ плечо висѣла
Котомка; въ ней же было много хлѣба,
Плодовъ и всякаго добра; онъ самъ,
Казалось, былъ веселаго ума,
Глаза его сверкали остротою
И на лицѣ пріятно выражалось
Простосердечіе. Керимъ подумалъ:
Задамъ ему на всякій случай мой
Вопросъ! Быть можетъ дѣло скажетъ этотъ
Чудакъ. И онъ у нищаго спросилъ:
Съ чѣмъ можно намъ сравнить земную жизнь
И свѣтъ? — На это у меня въ запасѣ
Есть повѣсть, нищій отвѣчалъ. Послушай:
Одинъ *Нѣмой* сказалъ *Слѣпому:* если
Увидишь ты *Арфиста*, попроси
Его ко мнѣ, чтобъ сына моего,
Въ унылость впадшаго, своей игрою
Развеселилъ. На то сказалъ *Слѣпой*:
Такого мнѣ *Арфиста* ужь случалось
Видать здѣсь; я *Безногаго* за нимъ
Отправлю; онъ его въ одну минуту
Найдетъ. *Безногій* побѣжалъ и скоро
Нашелъ *Арфиста*; былъ *Арфистъ* безъ рукъ,
Но онъ упрямиться не сталъ, и такъ

Прекрасно началъ на безструной арфѣ
Играть, что меланхоликъ безъ ума
Расхохотался; то *Слѣпой* увидя
Всплеснулъ руками; вслухъ *Нѣмой* хвалить
Сталъ музыканта, а *Безногій* началъ
Плясать и такъ распрыгался, что много
Сбѣжалося людей, и изъ толпы
Вдругъ выскочилъ *Дуракъ*: онъ изъявилъ
Арфисту, прыгуну и всѣмъ другимъ
Свое благоволенье. Мимо ихъ
Прошла тихонько *Мудрость*, и увидя,
Что дѣлалось, шепнула про себя:
Таковъ смѣшной, безумный, жалкій свѣтъ,
И такова на свѣтѣ наша жизнь.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?
Керимъ прохожему не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: затѣйливъ твой разсказъ;
Но моего вопроса не рѣшилъ онъ.
Хотя мы въ жизни много пустоты,
Дурачества и лжи встрѣчаемъ, но
И высшая значительность и правда
Святая въ ней заключены благимъ
Создателемъ. Подумавъ такъ, рѣшился
Керимъ отправиться въ обратный путь,
Чтобъ донести царю, что никакого
Не удалось ему найти отвѣта
На заданнный вопросъ. Дорогой онъ
Молился Богу, чтобъ своею правдой
Богъ просвѣтилъ его разсудокъ темный,
И жизни таинство ему открылъ.

И предъ царя явился онъ съ веселымъ
Лицемъ, и все, что свѣдалъ отъ другихъ,
Ему пересказалъ: а царь спросилъ:
Что жъ напослѣдокъ самъ теперь, Керимъ,
Ты думаешь? — Сперва благоволи,
Сказалъ Керимъ, услышать, что со мной
Самимъ случилось на пути. Извѣстно
Тебѣ, что я лишь только по твоей
Высокой волѣ въ этотъ трудный путь
Отправился, что милостію царской
Хранимый, я вездѣ проводниковъ
Имѣлъ, и пищу находилъ дневную,
И никакихъ не испыталъ тревогъ.
Что жь на дорогѣ добраго, худаго
Мнѣ иовстрѣчалося, о томъ нѣтъ нужды
Упоминать, — оно ничто въ сравненьи
Съ той бездной благъ, какими ты такъ щедро,
Мой царь, меня осыпалъ. И мое
Одно желанье было: *угодить*
Тебѣ, съ усердіемъ стараясь правду
Найти между людьми, чтобъ возвратившись,
Тебѣ отчетъ принесть въ своихъ трудахъ.
Теперь ты самъ рѣши по царской правдѣ:
Достоинъ ли я милости твоей?
Царь, не сказавъ ни слова, подалъ руку
Въ знакъ милости Кериму. Умиленно
Керимъ ее поцѣловалъ; потомъ
Примолвилъ: такъ я думалъ про себя
Во время странствія. Но, подходя
Къ твоимъ палатамъ царскимъ, и печалясь,
Что безъ малѣйшія передъ тобой
Заслуги нынѣ я къ тебѣ, мой царь,

Былъ долженъ возвратиться, вдругъ у самой
Обители твоей, какъ скорлупа
Съ моихъ упала глазъ и я постигнулъ
Что наша жизнь есть — *странствіе по свѣту*
Такое жъ какъ мое, *во исполненье*
Верховной воли высшаго Царя.
Мудрецъ умолкъ; а царь ему сказалъ:
Другъ вѣрный, будь моимъ отцомъ отнынѣ.

И для тебя, мой добрый Москвитянинъ,
Какъ и для всѣхъ, въ обѣихъ повѣстяхъ
Полезное найдется наставленье.
Хотя урокъ, такъ безуспѣшно данный
Эдемской костью Александру, болѣ
Земнымъ царямъ приличенъ; но и ты,
Какъ журналистъ, воспользоваться имъ
Удобно можешь: будь въ своемъ журналѣ
Другъ твердый, а не злой наѣздникъ правды;
Съ журналами другими не воюй;
Ни съ *Библіотекой для чтенья*, ни
Съ *Записками*, ни съ *Сѣверной Пчелою*,
Ни съ *Русскимъ Вѣстникомъ*; живи и жить
Давай другимъ; и обладать одинъ
Вселенною читателей не мысли.
Другой же повѣсти я толковать
Тебѣ не стану; мнѣ давно извѣстно,
Что ты, идя своей земной дорогой,
Смиренно вѣдаешь: *куда*, *зачѣмъ*
И *кто* тебѣ — по ней идти велитъ.

КАПИТАНЪ БОППЪ.

ПОВѢСТЬ.

На кораблѣ купеческомъ Медузѣ,
Который плылъ изъ Лондона въ Бостонъ,
Былъ капитаномъ Боппъ, морякъ искусный,
Но человѣкъ недобрый; онъ своихъ
Людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно
Развратенъ, такъ ругался дерзко всякой
Святыней, что его весь экипажъ
Смертельно ненавидѣлъ; наконецъ
Готовъ былъ вспыхнуть бунтъ и капитану бъ
Не сдобровать но Богъ рѣшилъ иначе.
Вдругъ занемогъ опасно капитанъ;
Надъ кораблемъ команду принялъ штурманъ;
Больной же, всѣми брошенный, лежалъ
Въ каютѣ: экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ
Безъ помощи издохъ, какъ зараженный
Чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было
Ему объявлено. Ужь дни четыре,
Снѣдаемый болѣзнію, лежалъ
Одинъ онъ, и никто не смѣлъ къ нему
Войти, чтобы хоть каплею воды
Его языкъ изсохшій освѣжить,
Иль голову повисшую его
Подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ
Его больную душу ободрить;
Онъ былъ одинъ, и страшно смерть глядѣла
Ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды,
Что въ дверь его вошли, и что ему
Сказалъ умильный голосъ: «каковы
Вы, капитанъ?» — То мальчикъ Робертъ былъ,

Ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему
Сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ
Больной сурово отвѣчалъ: тебѣ
Какое дѣло? Убирайся прочь!
Однако на другой день мальчикъ снова
Вошелъ въ каюту и спросилъ: «не нужно ль
Чего вамъ, капитанъ?» — Ты это, Робертъ?
Чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной. —
«Я, капитанъ,» — Ахъ! Робертъ, я страдалъ
Всю ночь. — «Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ
Вамъ руки и лицо; васъ это можетъ
Немного освѣжить.» — Больной кивнулъ
Въ знакъ своего согласья головою.
А Робертъ, оказавъ ему услугу
Любви, спросилъ: «могу ли, капитанъ,
Теперь обрить васъ?» — Это также было
Ему позволено. Потомъ больнаго Робертъ
Тихонько приподнялъ, его подушки
Поправилъ; наконецъ смѣлѣе ставши,
Сказалъ: теперь я напою васъ чаемъ.
И капитанъ спокойно соглашался
На все; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустной
Улыбкою на мальчика смотрѣлъ.
Увѣренъ будучи, что отъ своихъ
Людей онъ никакого милосердья
Надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца
Рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить
Ни слова. Лучше умереть сто разъ,
Онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу.
Но милая заботливость ребенка
Всю внутренность его поколебала;
Непримиримая его душа

Смягчилась, и въ глазахъ его, дотолѣ
Свирѣпо мрачныхъ, выступили слезы.
Но дни его ужь были сочтены;
Онъ видимо слабѣлъ и наконецъ
Увѣрился, что жизнь его была
На тонкомъ волоскѣ: и ужасъ душу
Его схватилъ, когда предстали разомъ
Ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ крикомъ совѣсть
Проснулась въ немъ; но ей не поддалась бы
Его желѣзная душа; онъ молча бъ
Покинулъ свѣтъ, озлобленный, ни съ кѣмъ
Непримиренный, если бъ милый голосъ
Ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ
Его не пробудилъ. И вотъ однажды
Когда, опять къ нему вошедши, Робертъ
Спросилъ: «не лучше ли вамъ капитанъ?»
Онъ простоналъ отчаянно: ахъ! Робертъ,
Мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ
Становится ежеминутно хуже.
А съ бѣдною моей душою!.... Что
Мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ!
Меня ждетъ адъ; я ничего инаго
Не заслужилъ; я грѣшникъ, я навѣки
Погибшій человѣкъ. — «Нѣтъ, капитанъ,
Васъ Богъ помилуетъ; молитесь.» — Поздно
Молиться; для меня ужь болѣ нѣтъ
Надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать?
Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ? — Такъ
Свое дотоль безчувственное сердце
Онъ исповѣдывалъ передъ ребенкомъ;
И Робертъ дѣлалъ все, чтобъ возбудить
Въ немъ бодрость — но напрасно. Разъ, когда

По-прежнему вошелъ въ каюту мальчикъ,
Больной, едва дыша, ему сказалъ:
Послушай, Робертъ, мнѣ пришло на умъ,
Что, можетъ быть, на кораблѣ найдется
Евангелье: попробуй, поищи.
И подлинно Евангелье нашлося.
Когда его больному подалъ Робертъ,
Въ его глазахъ сверкнула радость. Робертъ,
Сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ, вѣрно
Поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю,
Чего мнѣ ждатъ и въ чемъ мое спасенье.
Сядь Робертъ, здѣсь; читай; я буду слушать.
«Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?» —
Не знаю Робертъ; я ни разу въ руки
Не бралъ Евангелья; читай, что хочешь,
Безъ выбора, какъ попадется. — Робертъ
Раскрылъ Евангелье и сталъ читать,
И два часа читалъ онъ. Капитанъ,
Къ нему съ постели голову склонивъ,
Его съ великой жадностію слушалъ;
Какъ утопающій за доску, онъ
За каждое хватался слово; но
При каждомъ словѣ молніею страшной
Душа въ немъ озарялась; онъ вполнѣ
Все недостоинство свое постигнулъ,
И правосудіе Творца предстало,
Ему съ погибелью неизбѣжимой;
Хотя и слышалъ онъ святое имя
Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ
Спасенію. Оставшися одинъ,
Во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ,
Что было читано; но въ этихъ мысляхъ

Его душа отрады не нашла.
На слѣдующій день, когда опять
Вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему
Сказалъ: мой другъ, я чувствую, что мнѣ
Земли ужь не видать; со мною дѣло
Идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду
Я брошенъ черезъ бортъ; но не того
Теперь боюсь я.... что съ моей душею,
Съ моею бѣдною душею будетъ!
Ахъ! Робертъ, я погибъ, погибъ навѣки!
Не можешь ли помочь мнѣ? Помолися,
Другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь? —
«Нѣтъ, капитанъ; я никакой другой
Молитвы, кромѣ *Отче нашъ* не знаю;
Я съ матерью вседневно поутру
И ввечеру ее читалъ.» — Ахъ! Робертъ,
Молися за меня; стань на колѣна;
Проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердье;
За это Онъ тебя благословитъ.
Молися, другъ, молися о твоемъ
Отверженномъ, безбожномъ капитанѣ. —
Но Робертъ медлилъ; а больной его
Просилъ и убѣждалъ, ежеминутно
Со стономъ восклицая: Царь небесный,
Помилуй грѣшника меня! И оба
Рыдали. — Ради Бога, на колѣна
Стань, Робертъ, и молися за меня. —
И увлеченный жалостію мальчикъ
Сталъ на колѣна, и, сложивши руки,
Въ слезахъ воскликнулъ: «Господи, помилуй
«Ты моего больнаго капитана!
«Онъ хочетъ, чтобъ Тебѣ я за него

«Молился — я молиться не умѣю.
«Умилосердись Ты надъ нимъ; онъ бѣдный
«Боится, что ему погибнуть должно. —
«Ты, Господи, не дай ему погибнуть!
«Онъ говоритъ, что быть ему въ аду, —
«Ты, Господи, возьми его на небо;
«Онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ
«Его душей, — Ты, Господи, вели,
«Чтобъ Ангелъ Твой вступился за него!
«Мнѣ жалокъ онъ; его больнаго всѣ
«Покинули; но я, пока онъ живъ,
«Ему служить не перестану; только
«Спасти его я не умѣю; сжалься
«Надъ нимъ Ты, Господи, и научи
«Меня молиться за него.» — Больной
Молчалъ; невинность чистая, съ какою
Ребенокъ за него молился, всю
Его проникла душу; онъ лежалъ
Недвижимъ, стиснувъ руки, погрузивъ
Въ подушки голову и слезъ потоки
Изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ
Свою молитву, вышелъ; онъ былъ также
Встревоженъ; долго онъ, едва дыханье
Переводя, на палубѣ стоялъ
И перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ
На волны. Ввечеру онъ, возвратившись
Къ больному, дó ночи ему читалъ
Евангелье, и капитанъ его
Съ невыразимымъ слушалъ умиленьемъ.
Когда же Робертъ на другое утро
Опять явился, онъ былъ пораженъ,
Взглянувъ на капитана, перемѣной,

*

Въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ
Усиливалъ естественную дикость
Его лица, носившаго глубокій
Страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ,
Исчезъ; на немъ сквозь покрывало скорби,
Сквозь блѣдность смертную сіяло что-то
Смиренное, веселое, святое,
Какъ будто лучъ той свѣтлой благодати,
Которая отъ Бога къ намъ на вопль
Молящаго раскаянья нисходитъ.
Ахъ! Робертъ, тихимъ голосомъ больной
Сказалъ, какую ночь провелъ я! Что
Со мною было! Я того, мой другъ,
Словами выразить не въ силахъ. Слушай:
Когда вчера меня оставилъ ты,
Я впалъ въ какой-то полусонъ; душа
Была полна евангельской святыней,
Которая проникнула въ нее,
Когда твое я слушалъ чтенье; вдругъ
Передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели,
Увидѣлъ я — кого же? Самого
Спасителя Христа; онъ пригвожденъ
Былъ ко кресту; и показалось мнѣ,
Что будто всталъ я и приползъ къ Его
Ногамъ и закричалъ, какъ тотъ слѣпой,
О коемъ ты читалъ мнѣ: сынъ Давидовъ,
Іисусъ Христосъ, помилуй! И тогда
Мнѣ показалось, будто на меня —
Да! на меня, мой другъ, на твоего
Злодѣя капитана Онъ взглянулъ
О, какъ взглянулъ! какими описать
Словами этотъ взглядъ! Я задрожалъ;

Вся къ сердцу кровь прихлынула; душа
Наполнилась тоскою смерти; въ страхѣ,
Но и съ надеждой, я къ Нему поднять
Осмѣлился глаза.... и что же? Онъ....
Да, Робертъ!.... Онъ отверженному мнѣ
Съ небесной милостію улыбнулся!
О! что со мною сдѣлалось тогда!
На это словъ языкъ мой не имѣетъ.
Я на Него глядѣлъ.... глядѣлъ.... и ждалъ....
Чего я ждалъ? Не знаю; но о томъ
Мое трепещущее сердце знало.
А Онъ съ креста, который весь былъ кровью,
Бѣжавшею изъ ранъ Его, облитъ,
Смотрѣлъ такъ благостно, съ такой прискорбной
И нѣжной жалостію на меня...
И вдругъ Его уста пошевелились,
И я Его услышалъ голосъ.... чистый,
Пронзающій всю душу, сладкій голосъ;
И Онъ сказалъ мнѣ: ободрись и вѣруй!
Отъ радости разорвалося сердце
Въ моей груди, и я передъ крестомъ
Упалъ съ рыданіемъ и крикомъ.... но
Видѣніе исчезло; и тогда
Очнулся я; мои глаза открылись....
Но сонъ ли это было? Нѣтъ, не сонъ.
Теперь я знаю: *Тотъ* меня спасетъ,
Кто ко кресту за всѣхъ и за меня
Былъ пригвожденъ; я вѣрую тому,
Что Онъ сказалъ на Вечери Святой,
Переломивши хлѣбъ и вливши въ чашу
Вино во оставленіе грѣховъ.
Теперь ужь мнѣ не страшно умереть;

Мой Искупитель живъ; мои грѣхи
Мнѣ будутъ прощены. Выздоровленья
Не жду я болѣе и не желаю;
Я чувствую, что съ жизнію разстаться
Мнѣ должно скоро; и ее покинуть
Теперь я радъ.... — При этомъ словѣ Робертъ,
Дотолѣ плакавшій въ молчаньи, вдругъ
Съ рыданіемъ воскликнулъ: «капитанъ,
«Не умирайте; нѣтъ, вы не умрете.» —
На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ:
Не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ
Свое мнѣ милосердье; и теперь
Я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына
Роднаго жаль: ты долженъ здѣсь остаться
На кораблѣ межъ этихъ нечестивыхъ
Людей, одинъ, неопытный ребенокъ....
Съ тобою будетъ то же, что со мной!
Ахъ! Робертъ, берегись, не попади
На страшную мою дорогу; видишь,
Куда ведетъ она. Твоя любовь
Ко мнѣ была, другъ милый, велика;
Тебѣ я всѣмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ
Былъ посланъ въ страшный часъ.... ты указалъ мнѣ,
И самъ того не зная, путь спасенья;
Благослови тебя за то Всевышній!
Другимъ же всѣмъ на кораблѣ скажи
Ты отъ меня, что я прошу у нихъ
Прощенья, что я самъ ихъ всѣхъ прощаю,
Что я за нихъ молюсь. — Весь этотъ день
Больной провелъ спокойно; онъ съ глубокимъ
Вниманіемъ Евангеліе слушалъ.
Когда жъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ

Простился, онъ его съ благословеньемъ,
Любовію и грустью проводилъ
Глазами до дверей каюты. Рано
На слѣдующій день приходитъ Робертъ
Въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ,
Что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ:
Поднявшися съ подушки, онъ приползъ
Къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ
Явился; самъ, къ стѣнѣ оборотясь
Лицемъ, въ дугу согнувшись, головой
Припавъ къ постели, крѣпко стиснувъ руки,
Лежалъ онъ на колѣняхъ. То увидя,
Встревоженный, въ дверяхъ каюты Робертъ
Остановился. Онъ глядитъ и ждетъ,
Не смѣя тронуться; минуты двѣ
Прошло и вотъ онъ наконецъ шепнулъ
Тихонько: капитанъ! — отвѣта нѣтъ.
Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять
Погромче: капитанъ! но тихо все;
И все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ
Къ постели. Капитанъ! сказалъ онъ вслухъ.
По-прежнему все тихо. Онъ рукой
Его ноги коснулся: холодна
Нога, какъ ледъ. Въ испугѣ закричалъ
Онъ громко: капитанъ! и за плечо
Его схватилъ. Тутъ положенье тѣла
Перемѣнилось; медленно онъ навзничъ
Упалъ; и тихо голова легла
Сама собою на подушку; были
Глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ
Спокоенъ, руки сжаты на молитву.

ВЫБОРЪ КРЕСТА.

ПОВѢСТЬ.

Усталый шелъ крутой дорогой путникъ;
Съ усиліемъ передвигая ноги,
По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился
И наконецъ достигъ ея вершины.
Съ вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небесъ склонившагося солнца:
Свершивъ свой путь, великое свѣтило
Послѣдними лучами озаряло,
Прощаясь съ нимъ полузаснувшій міръ,
И былъ покой повсюду несказанный.
Утѣшенный видѣніемъ такимъ,
Сталъ странникъ на колѣна, прочиталъ
Вечернюю молитву и потомъ
На благовонномъ лонѣ муравы
Простерся, и сошелъ ему на вѣжды
Миротворящій сонъ, и сновидѣньемъ,
Былъ духъ его изъ бренныя тѣлесной
Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось
Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небесъ,
Подножіемъ Господнихъ ногъ земля;
И къ Господу воскликнулъ онъ: Отецъ!
Не отвратись во гнѣвѣ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшныя души
Я исповѣдую передъ Тобою.
Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены
Рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ;

Но тяжестью не всѣ кресты равны;
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ; облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ и моя душа
Погибнетъ. Такъ въ безсмысліи онъ Бога
Всевышняго молилъ. И вдругъ великій
Повѣялъ вѣтеръ; и его умчало
На высоту неодолимой силой;
И онъ себя во храминѣ увидѣлъ,
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ:
«Передъ тобою всѣ кресты земные
«Здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ
«Захочешь взять, тотъ и возми.» И началъ
Кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобнѣй.
Но выбрать было нелегко: одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ; другой
Тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ
И не тяжелъ, но неудобенъ, рѣзалъ
Краями острыми ему онъ плечи;
Иной былъ слитъ изъ золота, за то
И не въ подъемъ, какъ золото. И словомъ
Ни одного креста не могъ онъ выбрать,
Хотя и всѣ пересмотрѣлъ. И снова
Ужь начинать хотѣлъ онъ пересмотръ;
Какъ вдругъ увидѣлъ онъ простой, имъ прежде
Оставленный безъ замѣчанья крестъ;
Былъ нелегокъ онъ, правда, былъ изъ твердой
Сработанъ пальмы; но за то, какъ будто
По мѣркѣ для него былъ сдѣланъ, такъ

Ему пришелся по плечу онъ ловко.
И онъ воскликнулъ; Господи! позволь мнѣ
Взять этотъ крестъ. И взялъ. Но что же? — Онъ
Былъ самый тотъ, который онъ ужь несъ.

II.

ПОСЛѢДНІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

НАПИСАННЫЯ АВТОРОМЪ ПОСЛѢ 1849 ГОДА.

ВИДѢНІЕ ІОАННА БОГОСЛОВА.*)

Великихъ четырехъ шестикрылатыхъ
Животныхъ и предъ трономъ золотымъ
Коронами вѣнчанныхъ старцевъ
Я видѣлъ, и на тронѣ возсѣдалъ
Сіяющій какъ солнце Нѣкто.
Я слышалъ пѣнье: Святъ! Святъ! Святъ!
И гласъ съ престола былъ: Я Альфа и Омега,
Я первый и послѣдній, Я всему
Начало и конецъ. Я видѣлъ книгу
Запечатлѣнную семью печатьми
Въ рукѣ сидящаго на горнемъ тронѣ.
Я видѣлъ Агнца предъ которымъ все —
Животныя, престолоносцы, старцы
И Ангелы, и все что въ небесахъ,
Что на землѣ, что въ глубинѣ земли,
Что на моряхъ, что въ глубинѣ морей, —
Все въ пѣснь единую совокупилось.
Я видѣлъ, какъ печати Агнецъ снялъ

*) Опытъ подражанія, въ сокращенномъ видѣ, Апокалипсису. Онъ отчасти вошелъ съ слѣдующую за симъ поэму *Агасверъ*, для которой по видимому и былъ составленъ. *Прим. Изд.*

Съ великой книги, какъ четыре быстро
Коня пустились: бѣлый, черный, красный,
И блѣдный, и сѣдокъ на блѣдномъ страшный,
Именовался Смерть. Я видѣлъ ужасъ
Землетрясенья: какъ затмилось солнце,
И кровью сдѣлалась луна, и звѣзды
Попадали на землю, и, свернувшись
Какъ власяница, небеса исчезли.
И слышалъ я, какъ раздалися вопли
Земныхъ людей: падите на главы
Намъ, горы! и сокройте насъ
Отъ Агнца! часъ суда Его насталъ!
Я видѣлъ Ангела съ востока въ блескѣ
Идущаго, неся въ рукѣ печать
Живаго Бога; и свершилъ онъ ею
Двѣнадцати колѣнъ запечатлѣнье.
И быстро предо мной, во снѣ, видѣнья
Одно другимъ смѣнялись: семь съ трубами
Ангеловъ губительныхъ, на землю
Всѣ бѣдствія пославшихъ, я увидѣлъ.
И Ангелъ на морѣ и на землѣ
Стоявшій поклялся съ поднятой къ небу
Десницею, что время миновалось.
И съ голосомъ седьмой трубы явился —
Увидѣлъ я — на небѣ храмъ отверзтый,
И въ немъ ковчегъ завѣта, и отвсюду
Зажглися молніи, заговорили
Своими голосами громы, все
Землетрясеніемъ поколебалось.
На небесахъ увидѣлъ я жену
Вѣнчанную двѣнадцатью звѣздами;
Увидѣлъ, какъ драконъ багряноцвѣтный

Пожрать ея младенца порывался,
Какъ былъ младенецъ взятъ на небеса,
Жена жь въ пустыню скрылась отъ дракона,
Какъ началась война на небесахъ,
Какъ Михаилъ Архангелъ побѣдилъ
Дракона-змія, древняго врага,
И новое видѣнье мнѣ предстало:
Увидѣлъ я, какъ изъ морской пучины
Поднялся седмиглавый звѣрь, какъ власть
Свою драконъ далъ звѣрю, какъ предъ нимъ
Невписанные въ книгу жизни Агнцемъ
Простерлись всѣ. И въ небесахъ узрѣлъ
Я Человѣческаго Сына съ острымъ
Серпомъ, узрѣлъ какъ жатва совершилась
Всемірная; какъ Ангелы семь чашъ
Несущіе, послѣднія излили
На землю язвы, и изъ неба голосъ
Исшедшій произнесъ: свершилось все;
И какъ потомъ явился свѣтлый Ангелъ,
Сказавшій: палъ великій Вавилонъ!
Какъ небеса хвалебное воспѣли
При гласѣономъ — Аллилуіа,
Какъ въ небесахъ явился чудный всадникъ
На бѣломъ скачущій конѣ, во многихъ
Коронахъ, съ именемъ неизреченнымъ,
Ему лишь вѣдомымъ, а самъ себя
Онъ Словомъ Божіимъ именовалъ;
И видѣлъ я, какъ въ слѣдъ за нимъ на бѣлыхъ
Коняхъ въ виссонъ одѣянное чистый,
Шло воинство, и какъ изъ устъ его
На казнь людей мечь острый исходилъ;
Увидѣлъ я, какъ на Него поднялся

Съ своею силой звѣрь, какъ схваченъ былъ
И звѣрь и лжепророкъ его, людей
Ему въ служенье увлекавшій, какъ
Въ глубь озера пылающаго ихъ
Низвергли; острый мечь же исходившій
Изъ устъ вождя всю рать ихъ истребилъ,
Какъ послѣ, змія древняго дракона, —
Могучій Ангелъ цѣпью оковалъ,
Во глубину неисходимой бездны
На тысячу низвергнулъ лѣтъ, и заперъ
Печатью бездну, чтобъ не могъ губитель
Прельщать людей, пока не совершится
Тысячелѣтіе. И видѣлъ я великій бѣлый тронъ.
И отъ лица сидѣвшаго на тронѣ
Бѣжали небо и земля, и мѣста
Имъ не нашлось нигдѣ; и видѣлъ я
Какъ глубина земли и моря мертвыхъ
Всѣхъ возвращала, какъ съ живыми вмѣстѣ
Они стекались къ трону, какъ предъ ними
Раскрылася на судъ послѣдній книга
Животныхъ, какъ былъ страшный вѣчный судъ
Произнесенъ, какъ смерть и адъ на вѣки
Въ глубь озера пылающаго были
Низвержены, и какъ потомъ явились
Другое небо и земля, и новый
Съ небесъ сошелъ Ерусалимъ, святой
Градъ Божій, свѣтлый какъ невѣста.

АГАСВЕРЪ,

ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ.

Для желающихъ имѣть предварительное понятіе объ этой послѣдней поэмѣ В. А. Жуковскаго, помѣщается здѣсь предисловіе къ ней, написанное Графомъ Дм. Н. Блудовымъ. *)

«Всѣмъ извѣстна, болѣе или менѣе, легенда о странствующемъ *вѣчномъ жидѣ*. Вѣроятно что вначалѣ хотѣли въ немъ представить судьбу всѣхъ Евреевъ не обратившихся въ Христіанство, и такъ сказать, олицетворить въ одномъ человѣкѣ остатки народа Іудейскаго, разсѣянные по всѣмъ странамъ свѣта, часто гонимые, повидимому обреченные на истребленіе, но не исчезающіе и сохраняющіе упорно свои особенныя свойства, характеръ, вѣрованія и самый внѣшній образъ. Мало по малу сіе аллегорическое первобытное значеніе легенды потерялось: она обратилась въ обыкновенную сказку, и принесенная въ Европу, какъ кажется, въ началѣ тринадцатаго столѣтія, переходя изъ устъ въ уста, изъ книги въ книгу, была безпрестанно дополняема, украшаема, или обезображиваема новыми преда-

*) См. посмертное изданіе сочиненій Жуковскаго т. X, стр. I.

ніями и выдумками. Въ близкія къ намъ времена, и въ наше время, странствующій жидъ былъ также предметомъ многихъ повѣстей, романовъ и драматическихъ сочиненій. Каждый авторъ изображалъ сіе таинственное лице и судьбу его, согласно съ своими видами, съ дѣйствіемъ, которое онъ желалъ произвести на читателей, или зрителей. Большею частію однакожь вездѣ сохраняются главныя его черты. Странствующій жидъ не только не умираетъ, но какъ будто и не измѣняется, оставаясь вопреки теченію вѣковъ, даже вопреки очевидности, тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ минуту своего преступленія, со всѣми прежними заблужденіями, ненавистію, злобою. Но нашъ незабвенный Жуковскій представляетъ его, въ своемъ Агасверѣ, совсѣмъ инымъ, преображеннымъ Благодатію существомъ. Цѣлію Поэта, основною идеею его творенія, было какъ онъ самъ говорилъ, сдѣлать родъ апоѳеоза страданій и несчастія, показавъ какъ оно благотворно дѣйствуетъ на душу довольно твердую чтобы не упасть подъ бременемъ золъ и особливо не зараженную неизлечимымъ чувствомъ гордости.

«Все здѣсь на пользу: и радость, и горесть, хвала Жизнодавцу».

сказалъ Жуковскій въ другой маленькой поэмѣ, и сія мысль, сія истина, благодаря ученію Евангельскому, еще сильнѣе представлена и такъ сказать развита въ его Агасверѣ, который нашелъ блаженство въ страданіяхъ продолжающихся почти два тысячелѣтія. Долго волнуемый самыми буйными, какъ бы воюющими съ небомъ страстями, лишенный всего драгоцѣннаго въ жизни, оставивъ за собой могилы семейства своего, внуковъ и правнуковъ, онъ повсюду ищетъ, проситъ, требуетъ смерти; наконецъ увѣряется, что лишенъ и сей послѣдней надежды несчастныхъ, и вдругъ, во глубинѣ бездны отчаянія, онъ озаренъ

Божественнымъ свѣтомъ вѣры. При видѣ умирающихъ святыхъ мучениковъ, взглядомъ любви одного изъ нихъ, душа его потрясена, проникнута,.... онъ Христіанинъ! И съ тѣхъ поръ его судьба, не переставая для другихъ быть тою-жь какъ прежде, для него измѣняется совершенно, отъ перемѣны чувствъ сердца. Утвержденный въ вѣрѣ возлюбленнымъ ученикомъ Спасителя, онъ позналъ великую совершающуюся съ нимъ тайну, знаетъ, что произнесенный надъ нимъ грозный приговоръ есть дѣйствіе непостижимаго милосердія, и хотя, какъ дотолѣ, чуждый всему въ мірѣ и осужденный вѣчно жить въ семъ мірѣ, онъ уже не ненавидитъ, а любитъ его и людей. Самое непрерывающееся воспоминаніе о ужасномъ преступленіи,—участіи въ Богоубійствѣ, — уже не тяготитъ души его, но терзая умиляетъ ее. Въ семъ состояніи Агасверъ, въ поэмѣ Жуковскаго, является предъ другое, почти столь-же чрезвычайное историческое лице, предъ того, который равно изумлялъ вселенную возвышеніемъ своимъ и паденіемъ,— Императора Наполеона 1-го. Онъ является въ минуту, когда великій Сентъэленскій узникъ, изнемогая подъ двойнымъ бременемъ своего блистательнаго прошедшаго и безнадежнаго будущаго, бременемъ уже невыносимымъ для однихъ человѣческихъ силъ, готовъ положить конецъ тоскѣ вмѣстѣ съ жизнію. Чѣмъ Агасверъ, какъ должно полагать, удержалъ его отъ самоубійства? Повѣствованіемъ о судьбѣ своей ни съ чѣмъ несравнимой, описаніемъ бывшихъ и настоящихъ чувствъ своихъ, объясненіемъ, чрезъ собственный разительный примѣръ, загадки нашихъ земныхъ странствій и обязанности продолжать ихъ, обязанности жить. Къ сожалѣнію сей разсказъ его безъ конца, и одно изъ самыхъ замѣчательныхъ твореній Жуковскаго остается недовершеннымъ. — Но и въ семъ видѣ, какъ

намъ кажется, оно заслуживаетъ общаго вниманія, особливо по своему нравоучительному и религіозному характеру. О достоинствѣ чисто литературномъ сей поэмы мы не будемъ распространяться. Отдаемъ ее смѣло на судъ всѣхъ умѣющихъ цѣнить истинно изящное. Замѣтимъ только, что талантъ Жуковскаго, въ семъ послѣднемъ его произведеніи, имѣетъ нѣчто отличное отъ того, чѣмъ мы привыкли плѣняться въ другихъ его сочиненіяхъ Вмѣсто взобилующаго образами и сравненіями, цвѣтущаго, почти роскошнаго поэтическаго слога, въ Агасверѣ мы находимъ сію строгую, величественную простоту, которую по справедливости называютъ классическою. Стихи его напоминаютъ намъ слова Ривароля о стихахъ Данте: «каждый изъ нихъ, безъ всякихъ постороннихъ украшеній, держится, такъ сказать, самъ собою, одною силою мысли или чувства, и вѣрностію, какъ будто безъискуственною, выраженія».

ВВЕДЕНІЕ.

Онъ несъ свой крестъ тяжелый на Голгоѳу;
Онъ, Всемогущій, Вседержитель, былъ
Какъ человѣкъ, измученъ; потъ и кровь
По блѣдному Его лицу бѣжали;
Подъ бременемъ своимъ Онъ часто падалъ,
Вставалъ съ усиліемъ, переводилъ
Дыханіе, потомъ, шаговъ немного
Переступивъ, подъ ношей снова падалъ,
И наконецъ, съ померкшими отъ мукъ
Очами, Онъ хотѣлъ остановиться

У Агасверовыхъ дверей, дабы,
Къ нимъ прислонившись, перевесть на мигъ
Дыханье. Агасверъ стоялъ тогда
Въ дверяхъ. Его онъ оттолкнулъ отъ нихъ
Безжалостно. Съ глубокимъ состраданьемъ
Къ несчастному, столь чуждому любви,
И сѣтуя о томъ, чтó долженъ былъ
Надъ нимъ изречь, какъ Богъ, свой приговоръ,
Онъ поднялъ скорбный взглядъ на Агасвера
И тихо произнесъ: «ты будешь жить,
Пока Я не приду», и удалился.
И наконецъ Онъ палъ подъ ношею совсѣмъ
Безъ силы. Крестъ тогда былъ возложенъ
На плечи Симона изъ Киренеи.
И скоро Онъ исчезъ вдали, и вся толпа
Исчезла вслѣдъ за Нимъ. Все замолчало
На улицѣ, ужасно опустѣлой.
Народъ вокругъ Голгоѳы за стѣнами
Ерусалимскими столпился. Городъ
Сталъ тихъ какъ гробъ. Одинъ, оцѣпенѣлый,
Въ дверяхъ своихъ недвижимъ Агасверъ
Стоялъ. И долго онъ стоялъ, не зная,
Что съ нимъ случилось, и чьи то были
Слова, которыхъ каждый звукъ какъ будто
Свинцовой буквой въ мозгъ его былъ вдавленъ,
И тамъ онъ былъ неисторжимъ, неслышенъ
Уху, но страшно слышенъ въ глубинѣ души.

Вотъ, наконецъ, вокругъ себя обведши,
Какъ полусонный, очи, онъ со страхомъ
Замѣтилъ, что на Мóрiи надъ храмомъ
Чернѣли тучи, съ запада, съ востока,

И съ сѣвера, и съ юга, въ одну густую
Слiявшiяся тму. Туда уперъ онъ
Испуганное око; вдругъ крестъ-на́-крестъ
Тамъ молнiей разрѣзалася тма,
Громъ грянулъ, чудный отзывъ въ глубинѣ
Святилища отвѣтствовалъ ему,
Какъ будто тамъ разорвалась завѣса.
Ерусалимъ затрепеталъ, и весь
Внезапно потемнѣлъ, лишенный солнца;
И въ этой тмѣ земля дрожала подъ ногами,
Изъ глубины ея былъ голосъ, было
Теченье въ воздухѣ безплотныхъ слышно;
Во мракѣ образы возставшихъ
Изъ гроба, вдругъ явясь, смотрѣли
Живымъ въ глаза. Толпами отъ Голгоѳы
Бѣжалъ народъ, былъ слышенъ шумъ
Бѣгущихъ; но ужасно каждый про себя
Молчалъ. Тутъ Агасверъ, въ смертельномъ страхѣ,
Очнувшись, неоглядкой побѣжалъ
Въ слѣдъ за толпою отъ своихъ дверей,
Не зная самъ куда, и въ ней исчезъ.
Тѣмъ временемъ утихъ Ерусалимъ.
Во мглѣ громадой безобразной зданья
Чернѣли. Жители всѣ затворились
Въ своихъ домахъ, и все тяжелымъ сномъ
Заснуло. Вотъ надъ этой темной бездной,
Отъ тучъ ихъ затмѣвавшихъ, небеса,
Ужь полныя звѣздами ночи, стали чисты:
Въ ихъ глубинѣ была невозмутима
Неизглаголанная тишина,
И слуху сердца слышалося тамъ,
Какъ отъ звѣзды къ звѣздѣ перелетали

Ихъ стражи — Ангелы съ невыразимой
Гармоніей блаженной, чудной вѣсти. Прямо
Надъ Элеонскою горой звѣзда
Денницы подымалась.

Агасверъ,

Всю ночь по улицамъ Ерусалима
Бродивъ, терзаемый тоской и страхомъ,
Вдругъ очутился за стѣнами града
Передъ Голгоѳой. На горѣ пустой
На чистомъ небѣ ярко три креста
Чернѣли. У подошвы темной
Горы былъ входъ въ пещеру, и великимъ камнемъ
Онъ былъ задвинутъ; не вдали, какъ двѣ
Недвижимыя тѣни, въ сокрушеньи
Двѣ женщины сидѣли, устремивъ
Глаза, одна на камень, а другая
На небеса. Увидя ихъ, и камень,
И на горѣ кресты, затрепеталъ
Всѣмъ тѣломъ Агасверъ; почудилось ему,
Что грозный камень на него идетъ,
Чтобъ задавить, и, какъ безумный,
Онъ побѣжалъ ко граду отъ Голгоѳы.

ЧАСТЬ I.

Есть островъ; онъ скалою одинокой
Подъемлется изъ бездны океана;
Вокругъ него все пусто: безпредѣльность
Водъ и безпредѣльность неба.
Когда вода тиха, а небеса
Безоблачны, онъ кажется тогда,

Въ сіяньи дня, уединенно-мрачнымъ
Пустынникомъ въ лазури безконечной;
Въ ночи жь, спокойнымъ моремъ отраженный
Между звѣздами, въ двухъ кругомъ него
Пучинахъ блещущими, онъ чернѣетъ
Какъ сумрачный отверженецъ созданья.
Когда жь на небѣ тучи, въ морѣ буря,
И на него со всѣхъ сторонъ изъ бездны
Бросаются, какъ змѣи, вихри волнъ,
А съ неба молніи въ его бока
Вонзаются, ихъ ребръ не сокрушая,
Онъ кажется, въ семъ боѣ недвижимый,
Всемірнаго хаоса господиномъ.

На западномъ полнебѣ знойно солнце
Горѣло; воздухъ густо былъ наполненъ
Парами; въ нихъ, какъ бы растаявъ, солнце
Сливалось съ ними, и весь западъ неба,
И все подъ нимъ недвижимое море
Пурпурнымъ янтаремъ сіяло; было
Великое спокойствіе въ пространствѣ.
Въ глубокой думѣ, руки на груди
Крестъ-на́-крестъ сжавъ, онъ, вождь побѣдъ недавно
И страхъ царей, теперь царей колодникъ,
Сидѣлъ одинъ надъ бездной на скалѣ,
И на море—которое предъ нимъ
Такъ было тихо, и, весь пламень неба
Въ себя впивая всей широкой грудью,
Имъ полное, дыханьемъ несказаннымъ
Вздымалося, — смотрѣлъ. Предъ нимъ широко
Пустыня пламенная разстилалась.
Съ ожесточеньемъ безнадежной скорби,

Глубоко врѣзавшейся въ сердце,
Съ негодованьемъ силы вдругъ лишенной
Свободы, онъ смотрѣлъ на этотъ хаосъ
Сіянія, на это съ небесами
Сліявшееся море. Тамъ лежалъ,
И самому ему уже незримый, міръ,
Имъ быстро созданный и столь же быстро
Погибшій; а широкій океанъ,
Предъ нимъ сіявшій, гдѣ ничто слѣдовъ
Величія его не сохранило,
Терзалъ его обиженную душу
Безчувственнымъ величіемъ своимъ,
Съ какимъ его въ своей темницѣ влажной
Онъ запиралъ. И онъ съ презрѣньемъ взоры
Отъ бездны отвратилъ, и окомъ мысли
Перелетѣлъ въ страну минувшей славы.
Тамъ образы великіе предъ нимъ,
Сраженій тѣни, призраки тріумфовъ,
Какъ изъ-за облакъ огненныя Альповъ
Вершины, подымались, а въ дали далекой
Звучалъ потомства неумолчный голосъ;
И мнилося ему, что на порогѣ
Инаго міра встрѣтить ждутъ его
Величія всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.
Но въ этотъ мигъ, когда воспоминаньемъ
Въ минувшемъ гордой мыслью онъ леталъ,
Орелъ ширококрылый, быстро
Взлетѣвъ на высоту, промчался мимо
Его скалы и въ высотѣ пропалъ.
Его полетомъ увлеченный, онъ
Вскочилъ, какъ будто броситься за нимъ
Желая въ безпредѣльность; воли, воли,

Его душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.
Орелъ исчезъ въ глубокомъ небѣ. Тяжкимъ
Свинцомъ его полетъ непритѣснимый
На сердце палъ ему; весь ужасъ
Его судьбы, какъ голова Горгоны,
Ему предсталъ; всѣ привидѣнья славы
Минувшей вдругъ исчезли; и предъ нимъ
Постыдный, и, быть можетъ, долгій путь
Отъ тмы тюремной до могильной, гдѣ
Ничтожество.... И онъ затрепеталъ,
И всю ему проникло душу отвращенье
Къ себѣ и къ жизни; быстрымъ шагомъ къ краю
Скалы онъ подошелъ, и жаднымъ окомъ
Смотрѣлъ на море, и оно его
Къ себѣ, какъ будто звало, и къ нему
Въ своихъ ползущихъ на скалу волнахъ
Безчисленныя руки простирало.
И ужь его нога почти черту
Между скалой и пустотой воздушной
Переступила....

Въ этотъ мигъ, его
Глазамъ, какъ будто изъ земли рожденный,
На западѣ скалы, огромной тѣнью
Отрѣзавшись отъ пламеннаго неба,
Явился нѣкто, — и необычайный,
Глубоко движущій всю душу голосъ
Сказалъ: «куда, Наполеонъ?» При этомъ зовѣ,
Какъ околдованный, онъ на краю скалы
Оцѣпенѣлъ: поднятая нога
Сама собой на землю опустилась.

И съ робостью, невѣдомой дотолѣ,
На подходящаго онъ устремилъ
Глаза, и чувствовалъ, съ какимъ-то страннымъ
Оттолкновеньемъ всей души, что этотъ
Пришелецъ для него и для всего
Созданія чужой; но онъ невольно
Предъ нимъ благоговѣлъ, его черты
Съ непостижимымъ сердца изумленьемъ
Разсматривалъ... Къ нему шелъ человѣкъ,
Въ которомъ все нечеловѣчье было:
Онъ былъ живой, но жизни чуждъ казался;
Ни старости, ни молодости въ чудныхъ
Его чертахъ не выражалось; все въ нихъ было
Давнишнее, когда-то вдругъ, подобно
Созданьямъ допотопнымъ, въ камень
Неумирающій и неживущій
Преобращенное; въ его глазахъ
День внѣшній не сіялъ, но въ нихъ глубоко
Горѣлъ какой-то темный свѣтъ,
Какъ зарево далекаго сіянья;
Вкругъ головы сѣдые волоса
И борода, широкими струями
Грудь покрывавшая, изъ серебра
Казались вылиты; чело его
И щеки блѣдныя, какъ бѣлый мраморъ,
Морщинами крестъ-на̀-крестъ были
Изрѣзаны; одежда, въ складкахъ тяжкихъ,
Какъ будто выбитыхъ изъ мѣди, съ плечъ
До пятъ недвижно падала; и ноги
Его шли по землѣ, какъ бы въ нее
Не упираяся. — Пришлецъ, приблизясь,
На узника скалы вперилъ свои

Пронзительныя очи и сказалъ:
Куда ты шелъ? и гдѣ бъ ты былъ, когда бъ
Мой голосъ во̀-время тебя не назвалъ?
Не говорить съ тобой сюда пришелъ я:
Не можетъ быть бесѣды между нами,
И мыслями мѣняться намъ нельзя.
Я здѣсь не гость, не другъ, не собесѣдникъ,
Я здѣсь одинъ минутный призракъ, голосъ
Безъ отзыва . . . Врачемъ твоей души
Хочу я быть, и передъ нею всю
Мою судьбу явлю безъ покрывала.
Въ молчаньи слушай. Участи моей
Страшнѣе не было, и нѣтъ, и быть
Не можетъ на землѣ. Богообидчикъ,
Проклятью преданный, лишенный смерти,
И съ смертью жизни, вѣчно по землѣ
Бродить приговоренный, и всему
Земному чуждый, памятью о прошломъ
Терзаемый, и въ области живыхъ живой
Мертвецъ, имъ страшный и противный,
Не именующій здѣсь никого
Своимъ, и, что̀ когда любилъ на свѣтѣ,
Все пережившій, все похоронившій,
Все пережить и все похоронить
Опредѣленный; нѣтъ мнѣ на землѣ
Ни радости, ни траты, ни надежды;
День настаетъ, ночь настаетъ, — они
Безъ смѣны для меня; жизнь не проходитъ,
Смерть не приходитъ; измѣненья нѣтъ
Ни въ чемъ; передо мной нѣмая вѣчность,
Окаменившая живое время;
И посреди собратій бытія,

Живущихъ радостно иль скорбно, жизнь
Любящихъ, иль изъ жизни уводимыхъ
Упокоительной рукою смерти,
На этой братской трапезѣ созданій —
Мнѣ мѣста нѣтъ; хожу кругомъ трапезы
Голодный, жаждущій, — меня они
Не замѣчаютъ; стражду, какъ никто
Въ семъ мірѣ не страдалъ; мое жь страданье
Для нихъ не быль, а вымыселъ давнишній,
Давно разсказанная дѣтямъ сказка.
Таковъ мой жребій. Ты, быть можетъ,
Съ презрѣньемъ спросишь у меня: зачѣмъ же
Сюда пришелъ я, чтобъ такой
Безумной басней надъ тобой ругаться?
Таковъ мой жребій, говорю, для всѣхъ
Васъ, близорукихъ жителей земли.
Но для тебя моей судьбины тайну
Я всю вполнѣ открою . . . Слушай.

Я Агасверъ. Не сказка Агасверъ,
Которою кормилица твоя
Тебя въ ребячествѣ пугала; нѣтъ!
Я Агасверъ живой, съ костями, съ кровью
Текущей въ жилахъ, съ чувствующимъ сердцемъ
И съ помнящей минувшее душею.
Я Агасверъ. — Вотъ исповѣдь моя,
Иль нѣтъ; языкъ мой повторить не можетъ
Живымъ, для слуха внятнымъ словомъ
Того, что̀ нѣкогда свершилось, что̀
Въ проклятіе жизнь бѣдную мою
Преобратило. Имя Агасверъ
Тебѣ сказало все Нѣтъ! въ языкѣ

Моемъ такого слова не найду я,
Чтобъ то изобразить, что̀ былъ я самъ,
Что̀ мыслилось, что̀ видѣлось, что̀ ныло
Въ моей душѣ, и что̀ въ ночахъ безсонныхъ
Иль въ тяжкомъ снѣ, что̀ въ привидѣньяхъ
Пугавшихъ въявь, мнѣ чудилось въ тѣ дни,
Которые прошли подобно душнымъ,
Грозою полнымъ днямъ, когда дыханье
Въ груди спирается и въ страхѣ ждешь
Удара громоваго; въ дни тяжелой
Тоски и трепета, со дня Голгоѳы
Прошедшіе! — Ерусалимъ былъ тихъ,
Но было то предтишье подходящей
Бѣды; народъ скорбѣлъ, и блѣдность лицъ,
Потупленность головъ, походки шаткость
И подозрительность суровыхъ взглядовъ,
Все было знаменьемъ чего-то страшно
Постигнувшаго всѣхъ, чего-то страшно
Постигнуть всѣхъ грозящаго; кругомъ
Ерусалимскихъ стѣнъ какой-то мрачный,
Невѣдомый во градѣ никому,
Бродилъ и крикомъ жалобнымъ, на всѣхъ
Концахъ всечасно въ градѣ слышнымъ: «горе!
Отъ запада и отъ востока горе!
Отъ сѣвера и отъ полудня горе!
Ерусалиму горе!» повторялъ.
А я, изъ всѣхъ людей Ерусалима,
Былъ самый трепетный. Въ бѣдѣ всеобщей
Мечталась мнѣ страшнѣйшая моя,
Чудовище съ лицемъ закрытымъ, мнѣ
Еще невѣдомымъ, но отъ того
Стократъ ужаснѣйшимъ. Что̀ Онъ сказалъ мнѣ —

Я словъ Его не постигалъ значенья:
Но звуки ихъ ни день, ни ночь меня
Не покидали; яростью кипѣла
Вся внутренность моя противъ Него,
Который силой слова одного
Такъ жизнь мою убилъ. Я приговора
Его могуществу не вѣрилъ; я
Упорствовалъ обманщика въ Нем́ъ видѣть
Но чувствовалъ, что я приговоренъ....
Къ чему?...Невѣдѣнья ужасный призракъ
Страшилище безъ образа, вездѣ,
Куда мои глаза ни обращалъ я,
Стоялъ передо мной и мучилъ страхомъ
Неизглаголаннымъ меня. Противъ
Обиженнаго мной, и приговоръ мнѣ
Однимъ, еще непо́нятымъ мной словомъ
Изрекшаго, и противъ всѣхъ Его
Избранниковъ, я былъ неукротимой
Исполненъ злобой. А они одни
Между людьми Ерусалима были
Спокойны, свѣтлы, никакой тревогой
Не одержимы. Кто встрѣчался въ градѣ
Смиренный видомъ, свѣтлымъ взоромъ
Благословляющій, благопристойный
Въ движеніяхъ и въ чистомъ одѣяньи
Безъ роскоши, ужь тотъ конечно былъ
Слугой Іисуса Назорея. Въ ихъ
Собраніяхъ вседневно совершалось
О Немъ воспоминанье. Часто, посреди
Ерусалимской смутной жизни, было
Ихъ пѣнье слышимо. Они безъ страха
Въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ

Благую вѣсть о Немъ провозглашали.
Весь городъ злобствовалъ на нихъ — незлобныхъ:
И эта злоба скоро разразилась
Гоненіемъ, тюремнымъ заточеньемъ
И наконецъ убійствомъ. Я ликовалъ,
Какъ дикій звѣрь, когда былъ передъ храмомъ
Стефанъ, побитый каменьемъ, замученъ.
Когда, потомъ, пріяли муку два
Іакова, одинъ мечемъ, другой
Съ вершины храма сброшенный; когда
Пронесся слухъ, что Петръ былъ распятъ въ Римѣ,
А Павелъ обезглавленъ: мнилось мнѣ,
Что въ нихъ, свидѣтеляхъ Его, и память
О Немъ погибнетъ. Лживая надежда!
Во мнѣ тоска, отъ страха неизвѣстной
Мнѣ казни, только раздражалась. Я,
При Иродѣ царѣ рожденный, видѣлъ
Все время Августа; потомъ три звѣря,
Кровавой властью обезславивъ Римъ,
Погибли; властвовалъ четвертый, Неронъ;
Столѣтіе лежало на плечахъ
Моихъ. Уже четыре поколѣнья
Цвѣли въ моемъ семействѣ: сыновья,
И внучата, и внуковъ внуки въ домѣ
Моемъ садились за мою трапезу....
Но я, со дня того, въ живомъ ихъ кругѣ
Все болѣе и болѣ чуждъ, и сиръ,
И нелюдимъ, и грустенъ становился;
Я чувствовалъ, что я ни хилъ, ни бодръ,
Ни старъ, ни молодъ, но что жизнь моя
Желѣзно-мертвую пріобрѣла
Несокрушимость. Самому себѣ,

Среди моихъ живыхъ дѣтей, и внуковъ,
И правнуковъ, казался я надгробнымъ,
Межь ихъ могилъ стоящимъ камнемъ;
И лица ихъ имѣли страшный цвѣтъ
Объятыхъ тлѣньемъ труповъ. Но всѣ дѣти
И внуки, всѣ ужь были взяты смертью;
И правнуковъ, съ невыразимымъ горемъ
И бѣшенствомъ, я началъ хоронить.....

Тѣмъ временемъ часъ отъ часу душнѣе
Въ Ерусалимѣ становилось. Зная
Что́ будетъ, всѣ Іисуса Назорея
Избранники покинули убившій
Учителя ихъ городъ, и пошли
За Іорданъ. И все, и все сбывалось,
Что́ предсказалъ Онъ: Палестина вся
Горѣла бунтомъ; легіоны Рима
Терзали области ея; и скоро
Приблизился къ Ерусалиму часъ
Его судьбы; то время наступило,
Когда, какъ Онъ пророчилъ: «благо будетъ
Сошедшимъ въ гробъ, и горе матерямъ
Съ младенцами грудными, горе старцамъ
И юношамъ, живущимъ въ градѣ, горе
Изъ града не ушедшимъ въ горы дѣвамъ!»
Веспасіановъ сынъ извнѣ пути
Изъ града всѣ загородилъ, вогнавъ
Туда насильно моръ и голодъ;
Внутри господствовали буйство, бунтъ,
Усобица, безвластье, безначалье,
Владычество разбойниковъ, извнѣ
Прикликанныхъ своими на своихъ.

Вдругъ три осады: храма отъ пришельныхъ
Грабителей, грабителей отъ града, града
Отъ легіоновъ Тита.... Всюду бой,
Первосвященниковъ убійство въ храмѣ,
На улицахъ нестройный крикъ отъ страха,
Отъ голода, отъ муки передсмертной,
Отъ яростной борьбы за кусъ согнившей
Ѣды, ревъ мятежа, разврата пѣсни,
Безстыдныхъ оргій хохотъ, стонъ голодныхъ
Младенцевъ, матерей тяжелый вой....
И въ высотѣ надъ этой бездной днемъ
Безоблачно пылающее небо,
Зловонную заразу вызывая
Изъ труповъ, въ градѣ и внѣ града
Разбросанныхъ; въ ночи жь, какъ Божій мечъ,
Звѣзда бѣды, своимъ хвостомъ всю твердь
Разрѣзавшая пополамъ, Ерусалиму
Пророча гибель..... И погибнуть весь
Израиль обреченъ былъ; отовсюду
Сведенный свѣтлымъ праздникомъ пасхальнымъ
Въ Ерусалимъ, народъ былъ разомъ преданъ
На истребленье мстительному Риму.
И всѣ истреблены: убійствомъ, гладомъ,
Въ когтяхъ звѣрей, прибитые къ крестамъ,
Въ цѣпяхъ, въ изгнаньи, въ рабствѣ на чужбинѣ,
Погибъ Ерусалимъ! — и отъ созданья
Міръ не видалъ погибели подобной.
О, страшно онъ боролся съ смертнымъ часомъ!
Когда въ него всѣ стѣны проломивъ,
Ворвался врагъ и бросился на храмъ,
Народъ въ его толпу; изъ-за ограды
Исторгшись, врѣзался, и съ ней сцѣпившись,

Въ слѣдъ за собой ее вовлекъ въ средину
Ограды. Бой ужасный, грудь на грудь,
Тутъ начался; и, наконецъ, спасаясь,
Вкругъ Скиніи, во внутренней оградѣ,
Столпились мы: отчаянный, послѣдній
Израиля остатокъ. . . . Тутъ увидѣлъ
Я несказанное: подъ святотатной
Рукою Скинія открылась, стало
Намъ видимо невиданное оку
Дотоль — Ковчегъ завѣта! . . . Въ этотъ мигъ
Храмъ запылалъ, и въ Скинію пожаръ
Ворвался. . . . Мы, весь гибнущій Израиль,
И съ нами, насъ губящій врагъ, въ единый
Слилися крикъ, одни забывъ отъ горя,
А тѣ заликовавъ отъ торжества
Побѣды. . . . Вся гора слилася въ пламя,
И посреди его, какъ длинный, гору
Обвившій, змѣй, чернѣло войско Рима.
И въ этотъ мигъ все для меня исчезло.
Раздавленный обрушившимся храмомъ,
Я палъ, почувствовавъ, какъ черепъ мой
И кости всѣ мои вдругъ сокрушились.
Безпамятство мной овладѣло . . . Долго ль
Продлилося оно — не знаю! Я
Пришелъ въ себя, пробившись сквозь какой-то
Невыразимый сонъ, въ которомъ все
Въ одно смѣшалося страданье. Боль
Отъ раздробленья всѣхъ костей, и бремя
Меня давившихъ камней, и дыханья
Запертаго тоска, и жаръ болѣзни;
И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушеннаго тѣла

Возстановляющей, при страшной мукѣ
И голода и жажды, — это все
Я совокупно вытерпѣлъ въ какомъ-то
Смятенномъ, судорожномъ снѣ, безъ мысли,
Безъ памяти и безъ забвенья, съ чувствомъ
Неконченнаго бытія, которымъ,
Какъ тяжкой грезой, вся душа
Была задавлена и трепетала
Вѣмъ трепетомъ отчаяннымъ, какой
Насквозь пронзаетъ заживо зарытыхъ
Тъ могилу. Но меня моя могила
Не удержала; я изъ-подъ обломковъ,
Меня погребшихъ, вышелъ снова — живъ
И невредимъ! разбивъ меня на смерть,
Меня, ожившаго, они извергли,
Какъ скверну, изъ своей громады.

Очнувшись, въ первый мигъ я не постигнулъ,
Гдѣ я. Передо мною подымались
Вершины горныя. Межъ нихъ лежали
Долины, и всѣ онѣ покрыты были
Обломками, какъ будто бы то мѣсто
Градъ каменный, обрушившійся съ неба,
Незапно завалилъ; и тамъ нигдѣ
Не зрѣлося живаго человѣка —
То былъ Ерусалимъ!..... Спокойно солнце
Садилось, и его прощальный блескъ,
На высотѣ Голгоѳы угасая,
Оттуда мнѣ блеснулъ въ глаза, — и я,
Ее увидя, весь затрепеталъ.
Изъ этой повсемѣстной тишины,
Изъ этой бездны разрушенья, снова

Послышалося мнѣ: «ты будешь жить,
Пока Я не приду.» Тутъ въ первый разъ
Постигнулъ я вполнѣ свою судьбину.
Я буду жить! Я буду жить, пока
Онъ не придетъ!... Какъ жить? Кто Онъ? Когда
Придетъ?.. И все грядущее мое
Мнѣ выразилось вдругъ въ остовѣ этомъ
Погибшаго Ерусалима: тамъ
На камнѣ камня не осталось; тамъ
Мое минувшее исчезло все;
Все жившее со мной убито; тамъ
Ничто ужь для меня не оживетъ
И не родится; жизнь моя вся будетъ,
Какъ этотъ мертвый трупъ Ерусалима:
И жизнь безъ смерти. Я въ бѣшенствѣ завылъ,
И бѣшеное произнесъ на все
Проклятіе. Безъ отзыва мой голосъ
Раздался глухо надъ громадой камней:
И все утихло... Въ этотъ мигъ звѣзда
Вечерняя надъ высотой Голгоѳы
Взошла на небо... и невольно,
Сколь мой ни бѣшенствовалъ духъ, въ ея
Сіяньи тайную отрады каплю
Я, съ смертоноснымъ питіемъ хулы
И проклинанья, выпилъ; но то была
Лишь тѣнь промчавшагося быстро мига.
Что съ онаго я испыталъ мгновенья?
О, какъ я плакалъ, какъ вопилъ, какъ дико
Роптадъ, какъ злобствовалъ, какъ проклиналъ,
Какъ ненавидѣлъ жизнь, какъ страстно
Невнемлющую смерть любилъ! Съ двойнымъ
Отчаяньемъ и бѣшенствомъ слова

Страдальца Іова я повторялъ:
«Да будетъ проклятъ день, когда сказали:
Родился человѣкъ, и проклята
Да будетъ ночь, когда мой первый крикъ
Послышался; да звѣзды ей не свѣтятъ,
Да не взойдетъ ей день, ей незапершей
Меня родившую утробу!» А когда я
Воспоминалъ слова его печали
О томъ, сколь малодневенъ человѣкъ:
Какъ облако уходитъ онъ, какъ цвѣтъ
Долинный вянетъ онъ, и мѣсто, гдѣ
Онъ прежде цвѣлъ, не узнаетъ его, —
О! этой жалобѣ я съ горькимъ плачемъ
Завидовалъ . . . Передо мною все
Рождалося и въ часъ свой умирало;
День умиралъ въ зарѣ вечерней, ночь
Въ сіяньи дня. Сколь мнѣ завидно было,
Когда на небѣ облако свободно
Летѣло, таяло и исчезало;
Когда свистящій вѣтеръ вдругъ смолкалъ,
Когда съ деревьевъ падалъ листъ. Все въ чемъ
Я видѣлъ знаменіе смерти, было
Мнѣ горькой сладостью; одна лишь смерть —
Смерть, упованіе не быть, исчезнуть, —
Всему, что́ жило вкругъ меня, давала
Томительную прелесть. Но жизнь, жизнь
Всего живущаго — я ненавидѣлъ
И клялъ, какъ жизнь проклятую мою
И съ этой злобой на творенье, съ дикимъ
Возстаньемъ всей души противъ Творца,
И съ несказанной ненавистью противъ
Распятаго, отчаянно пошелъ я,

Неумирающій, всему живому
Врагъ, отъ того погибельнаго мѣста,
Гдѣ мнѣ моей судьбы открылась тайна.

Томимый всѣми нуждами земными,
Меня терзавшими не убивая,
И голодомъ, и жаждою, и зноемъ,
И хладомъ, грозною нуждой влекомый,
Я шелъ впередъ, безъ воли, безъ предмета
И безъ надежды гдѣ остановиться,
Или куда дойти, Я не имѣлъ
Товарищей; со мною братства люди
Чуждались; я отъ нихъ гостепріимства
И не встрѣчалъ и не просилъ. Какъ нищій,
Я побирался... Милостыню мнѣ
Давали безъ вниманья и участья,
Какъ лептъ, который мимоходомъ
Бросаютъ въ кружку для убогихъ, вовсе
Незнаемыхъ. И съ злобой я хваталъ
Чтó было мнѣ бросаемо съ презрѣньемъ.
Такъ я сыпучими песками жизни
Тащился съ ношею моею, зная,
Что никуда ее не донесу;
И, вмѣстѣ съ смертію, былъ у меня
И сонъ, успокоитель жизни, отнятъ.
Чтó днемъ въ моей душѣ кипѣло: ярость
На жизнь, богопроклятіе, вражда
Съ людьми, раздоръ съ собою, и вины
Непризнаваемой, но безпрестанно
Грызущей сердце, боль, тó въ темнотѣ
Ночной, вкругъ изголовья моего,
Толпою привидѣній стоя, сонъ

От головы измученной моей
Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мнѣ была отраднѣй тихой,
Украшенной звѣздами, ночи: там,
Съ мутящимъ землю бѣшенствомъ стихій,
Я бѣшенствомъ души моей сливался;
Здѣсь каждая звѣзда изъ мрака бездны
Встающая одна, межь одинокихъ
Подобно ей потерянныхъ въ пространствѣ,
Какъ бы ругаясь надо мною, мнѣ
Мой жребій повторяла, на меня
Съ небесъ вперяя пламенное око.
Такъ, въ изступленіи страданья, злобы
И безнадежности, скитался я
Изъ мѣста въ мѣсто; все во мнѣ скопилось
Въ одну мучительную жажду смерти.
«Дай смерть мнѣ! дай мнѣ смерть!» то было крикомъ
Моимъ, и плачемъ, и моленьемъ
Предъ каждымъ бѣдствіемъ земнымъ, которымъ,
На горькую мнѣ зависть, гибли люди.
Кидался въ бездну я съ стремнины горной:
На днѣ ея, о камни сокрушенный,
Я — оживалъ по долгой мукѣ. Море въ лоно
Свое меня не принимало; пламень
Меня пронзалъ мучительно насквозь,
Но не сжигалъ моей проклятой жизни.
Когда къ вершинамъ горъ скоплялись тучи
И тамъ кипѣли молніи, туда
Взбирался я въ надеждѣ тамъ погибнуть;
Но молніи кругомъ меня вилися,
Дробя деревья и утесы; я же
Былъ пощаженъ. Въ моей душѣ блеснула

Надежда бѣдная, что, можетъ быть,
Въ бѣдѣ всеобщей смерть меня съ другими
Скорѣй, чѣмъ одинокаго, ошибкой,
Возьметъ, и съ чумными въ больницѣ душной
Я ложе ихъ дѣлилъ, ихъ трупы бралъ
На плечи и зубами, скрежеща
Отъ зависти, въ могилу относилъ:
Напрасно! мной чума пренебрегала.
Я съ караваномъ многолюднымъ степью
Песчаной Аравійской шелъ;
Вдругъ раскаленное затмилось небо,
И солнце въ немъ исчезло: вихрь
Песчаный побѣжалъ отъ горизонта
На насъ. Храпя, въ песокъ уткнули морды
Верблюды, люди пали ницъ; — я грудь
Подставилъ пламенному вихрю:
Онъ задушилъ меня, но не убилъ.
Очнувшись, я себя увидѣлъ посреди
Разбросанныхъ остововъ, на пиру
Орловъ, сдирающихъ съ костей обрывки
Истлѣвшихъ труповъ. — Въ тотъ ужасный день,
Когда исчезъ подъ лавой Геркуланумъ
И пепелъ завалилъ Помпею, я
Природы судорогой страшной былъ
Обрадованъ; при стонѣ и трясеньи
Горы дымящейся, горящей, тучи
Золы и камней и кипучей лавы
Бросающей изъ треснувшаго чрева;
При воѣ, крикѣ, давкѣ, шумѣ въ бѣгствѣ
Толпящихся сквозь пепелъ, все затмившій,
Въ которомъ, ничего не озаряя,
Сверкалъ невидимый пожаръ горы,

Отчаянно пробился я къ потоку
Всепожирающему лавы: ею
Обхваченный, я, въ мигъ прожженный, въ уголь
Казалось обращенный, въ море
Гонимый землетрясенья силой,
Былъ вынесенъ, и моремъ снова брошенъ
На брегъ, на произволъ землетрясенью.
То былъ послѣдній опытъ мой насильствомъ
Взять смерть; я сталъ подобенъ гробу,
Въ которомъ запертой мертвецъ, оживши
И съ крикомъ долго бившись понапрасну,
Чтобъ вырваться изъ душнаго заклепа,
Вдругъ умолкаетъ, и послѣдней ждетъ
Минуты, задыхаясь. Такъ въ моемъ
Несокрушимомъ тѣлѣ задыхалась
Отчаянно моя душа. Всему
Конецъ; живи, не жди, не вѣруй, злобствуй
И проклинай; но затвори молчаньемъ
Уста и замолчи на вѣчность: — такъ
Сказалъ я самому себѣ......

Но.... слушай:
Тогда былъ вѣкъ Траяна; въ Римъ
Изъ областей прибывшій Императоръ
Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
Кровавыя готовилъ граду игры:
Бой гладіаторовъ, и Христіанъ
Преданіе звѣрямъ на растерзанье.
Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
Антіохійской Церкви пастырь, старецъ
Игнатій, льву Ливійскому на пищу,
Въ присутствіи Траяна, преданъ. Трепетъ

Неизглаголанный, при этомъ слухѣ,
Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
Въ амфитеатръ, — и что́ моимъ очамъ
Представилось, когда я съ самыхъ верхнихъ
Ступеней обозрѣлъ глазами бездну
Людей, тамъ собранныхъ. Сквозь яркій пурпуръ
Растянутой надъ зданьемъ легкой ткани,
Которую багрянилъ солнца блескъ,
И зданье, и народъ, и на высокомъ
Сѣдалищѣ отвсюду зримый Кесарь,
Казались огненными. Въ это
Мгновеніе послѣдній гладіаторъ,
Народомъ непрощенный, былъ зарѣзанъ
Своимъ противникомъ. Съ окровавленной
Арены мертвый трупъ его тащили,
И стала вдругъ она пуста. Народъ
Умолкъ и ждалъ, какъ будто въ страхѣ, знака
Не подавая нетерпѣнья. Вдругъ
Въ глубокой этой тишинѣ раздался
Изъ подземелья львиный ревъ, и сквозь
Отверзтый входъ амфитеатра старецъ
Игнатій и съ нимъ двѣнадцать Христіанъ,
Звѣрямъ на растерзанье произвольно
Съ своимъ Епископомъ себя предавшихъ,
На страшную арену вышли. Старецъ,
Оборотясь къ другимъ, благословилъ ихъ,
Ему съ моленіемъ упавшихъ въ ноги;
Потомъ они, прижавъ ко груди руки:
«Тебя, (запѣли тихо) Бога хвалимъ,
Тебя едиными устами въ смертный
Часъ исповѣдуемъ»..... О! это пѣнье,
Въ Ерусалимѣ слышанное мною

На праздничныхъ собраньяхъ Христіанъ,
Съ кипѣньемъ злобы, тутъ мою всю душу
Проникнуло внезапнымъ вдохновеньемъ:
Чтó предо мной открылось въ этотъ мигъ,
Чтó вдругъ во мнѣ предчувствіемъ чего-то
Невыразимаго затрепетало,
И какъ, въ амфитеатръ ворвавшись, я
Вдругъ посреди дотолѣ ненавистныхъ
Мнѣ Христіанъ, тамъ очутился, — я
Не знаю. Пѣнье продолжалось; но
Ужь на противной сторонѣ арены
Желѣзная рѣшетка, загремѣвъ, упала,
И ужь въ ея отверзтіи стоялъ
Съ цѣпей спущенный левъ, и озирался. . . .
И вдругъ, завидя вдалекѣ добычу,
Онъ зарыкалъ и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбомъ . . . Тутъ впередъ
Я кинулся, чтобъ старца заслонить
Отъ звѣря Онъ уже стремился къ намъ
Прыжками быстрыми черезъ арену;
Но старецъ, кротко въ сторону меня
Рукою отодвинувъ, мнѣ сказалъ:
«Должнó пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобъ Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ, отселѣ
Поди въ свой путь, смирись, живи и жди.»
Тутъ былъ онъ львомъ обхваченъ . . . но успѣлъ
Еще меня перекрестить и взоръ
Невыразимый отъ меня на небо
Въ слезахъ возвесть, какъ-бы меня Ему
Передавая О, животворящій,
На вѣчность всю присутственный въ душѣ,

Небеснаго блаженства полный взглядъ!
Могуществомъ великаго мгновенья
Сраженный, я безъ памяти упалъ
Къ ногамъ терзаемаго дикимъ звѣремъ
Святителя; когда жь очнулся, вкругъ
Меня въ крови разбросанные члены
Погибшихъ я увидѣлъ; и, утомленъ
Терзаніемъ, лежалъ, разинувъ пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный левъ, вперивъ въ меня свои
Пылающія очи. Но когда
Я на ноги поднялся, онъ вскочилъ,
И заревѣлъ и въ страхѣ отъ меня
Сталъ пятиться, и быстро вдругъ
Черезъ арену побѣжалъ, и скрылся
Въ своемъ заклетѣ. Весь амфитеатръ
Отъ восклицаній задрожалъ, а я,
Отъ мѣста крови, плача, удалился,
И изъ воротъ амфитеатра вышелъ.
Что́ послѣ въ оный чудный день случилось,
Не помню я; но въ благодатномъ взглядѣ,
Которымъ мученикъ меня усвоилъ
Въ послѣдній часъ свой Небесамъ, опять
Блеснула свѣтлая звѣзда, мгновенно
Мнѣ нѣкогда блеснувшая съ Голгоѳы;
Въ то время безотрадно, а теперь
Какъ лучь спасенія. Какъ будто что́-то
Мнѣ говорило, что моя судьба
Переломилась надвое. Стремленье
Къ чему-то неиспытанному мною
Глубо̀ко мнѣ втѣснилось въ грудь, и зна́комъ
Такого измѣненья было то,

Что проклинаніе моимъ устамъ
Произносить уже противно стало,
Что злоба сердца моего въ унылость,
Безмолвно плачущую, обратилась,
Что, наконецъ, страданія мои
Внезапная отрада посѣтила.
Хотя еще къ моей груди усталой,
По прежнему, во мракѣ ночи, сонъ
Не прикасался; но уже во тмѣ
Не ужасы минувшаго, какъ злыя
Страшилища, передо мной стояли,
Въ меня вонзая рѣжущіе душу
Глаза, а что-то тихое и мнѣ
Еще неоткровенное — какъ свѣжій,
Предутренній, благоуханный воздухъ —
Вливалося въ меня и усмиряло
Мою борьбу съ собой. О! этотъ взглядъ...
Онъ мнѣ напомнилъ взглядъ прискорбно-кроткій,
Съ какимъ былъ въ оный день мой приговоръ
Произнесенъ.... Но я уже не злобой
Наполненъ былъ при томъ воспоминаньи,
А скорбію раскаянья глубокой.
Я чувствовалъ стремленье пасть на землю,
Зарыть лице во прахъ и горько плакать.
То были первыя минуты тайной,
Будящей душу благодати; первый
Еще неясно слышный, безотвѣтный,
Но усладительный призывъ къ смиренью
И къ покаянью. Въ языкѣ нѣтъ слова,
Чтобъ имя дать подобному мгновенью,
Когда съ очей души вдругъ слѣпота
Начнетъ спадать, и Божій свѣтлый міръ,

Внутри и внѣ ея, какъ изъ могилы,
Начнетъ съ ней вмѣстѣ воскресать. Такое
Движеніе въ моей окаменѣлой
Душѣ незапно началося. . . . Было
Оно подобно зыби послѣ бури,
Когда нѣтъ вѣтра, небеса свѣтлѣютъ,
А волны долго въ дикомъ безпорядкѣ
Бросаются, кипятъ и стонутъ. Въ этой
Борьбѣ души межь тмой и свѣтомъ, я
Неодолимое влеченье въ край
Отечества почувствовалъ, къ горамъ
Ерусалима. Къ симъ брегамъ желаннымъ
Я плылъ; но вдругъ корабль порывомъ бури
Прибило къ острову Патмосу. Промыслъ
Господній, таинственный, ту бурю
Послалъ. Тамъ жилъ изгнанникъ, старецъ
Столѣтній, Іоаннъ, благовѣститель
Христа и ученикъ Его любимый.
О немъ не вѣдалъ я; но Провидѣнье
Меня невидимо къ нему путемъ
Великой бури привело, и той же бурей
Корабль нашъ былъ прикованъ къ берегамъ
Скалистымъ острова, доколѣ тайна
Судьбы моей вполнѣ не объяснилась.

ЧАСТЬ II.

Тамъ долго я скитался одинокій.
И вдругъ во глубинѣ долины, скрытой
Отъ странниковъ густою тѣнью пальмъ
И кипарисовъ, встрѣтилъ я Его,
Апостола

При этомъ словѣ палъ
На землю Агасверъ, и долго онъ
Лежалъ недвижимъ, головой во прахѣ.
Когда жь онъ всталъ, его слезами были
Облиты щеки; и въ чертахъ его
Тысячелѣтняго лица, съ глубокой
Печалію, съ невыразимо-грустной
Любовію, была слита молитвы
Неизглаголанная святость. Онъ
Былъ въ этотъ мигъ прекрасенъ той красою,
Какой не знаетъ міръ. Онъ продолжалъ:
Ни помышлять, ни говорить объ этой встрѣчѣ
Я не могу иначе, какъ простершись въ прахѣ,
Съ тоской раскаянья, съ тоской любви,
Проникнутый огнемъ благодаренья.
Онъ изъ кремня души моей упорной
Животворящимъ словомъ выбилъ искру
Всепримиряющаго покаянья;
И именемъ Того, Кто намъ одинъ
Даетъ надежду, вѣру и любовь,
Мой страшнаго отчаянья удѣлъ
Преобратилъ въ удѣлъ святаго мира.
И наконецъ, когда я, сокрушенный
Какъ тотъ разбойникъ на крестѣ, къ ногамъ
Обиженнаго мной, съ смиреннымъ сердцемъ
Упавъ, воскликнулъ: «помяни меня,
Егда во царствіи своемъ пріидешь!»
Онъ оросилъ меня водой крещенья,
И на другое утро—о! незаходимый,
О, вѣчный день для памяти моей!—
За утренней звѣздою солнце тихо
Надъ моремъ подымалось на востокѣ,

Когда, со мной предъ хлѣбомъ и предъ чашей
Вина простершись, самъ вина и хлѣба
Вкусилъ, и мнѣ ихъ далъ вкусить, сказавъ:
«Со страхомъ Божіимъ и съ вѣрой, сынъ мой,
Къ симъ Тайнамъ приступи, и причастись
Спасенію души въ святомъ Христа,
За насъ пронзенномъ, тѣлѣ и въ Христовой,
За насъ пролитой, крови.» И потомъ
Онъ долго поучалъ меня, и мнѣ открылъ
Значеніе моей, на испытанье
Великое приговоренной, жизни,
И, наконецъ, передъ моими мракомъ
Покрытыми очами приподнялъ
Покровъ съ грядущаго, покровъ съ того,
Что̀ было, есть и будетъ

. . . . Начинало
Скрываться солнце въ тихомъ лонѣ моря,
Когда, меня перекрестивъ, со мною
Святой Евангелистъ простился. Вѣтеръ,
Попутный плаванію въ Палестину,
Сталъ дуть: мы по̀плыли подъ звѣзднымъ небомъ
Полупрозрачной ночи. Тутъ впервые,
Преображеніе моей судьбы
Я глубоко̀ почувствовалъ; впервые,
Уже сто лѣтъ меня не посѣщавшій,
Сошелъ ко мнѣ на вѣжды сонъ, и съ нимъ
Давно забытая покоя сладость
Мою проникла грудь. Но этотъ сонъ
Былъ не одинъ страданія цѣлитель, —
Былъ Ангелъ, прямо низлетѣвшій съ неба.
Все, что̀ пророчески Евангелистъ

Великій чудно говорилъ мнѣ,
То въ о̀бразахъ великихъ этотъ сонъ
Явилъ очамъ моей души, и въ ней
Тѣ о̀бразы, въ теченіе столѣтій
Непомраченные, часъ отъ часу
Живѣй изъ облекающей ихъ тайны
Моей душѣ сіяютъ, передъ ней
Неизглаголанно прообразуя
Судьбы грядущія. Корабль нашъ, вѣтромъ
Попутнымъ тихо по водамъ несомый,
Средь моря гладкаго, не колыхаясь,
Летѣлъ, а я глубокимъ, чуднымъ сномъ,
Подъ вѣяньемъ полунощной прохлады,
Спалъ, и во снѣ стоялъ передо мной
Евангелистъ, и вдохновенно онъ
Слова тѣ огненныя повторялъ,
Которыми, бесѣдуя со мною,
Передъ моимъ непосвященнымъ окомъ
Разоблачалъ грядущаго судьбу;
И каждое Пророка слово, въ слухъ мой
Входя, въ великій превращалось образъ
Передъ моимъ тѣлеснымъ окомъ. Все,
Что̀ ухо слышало, то зрѣли очи;
И въ словѣ говорящаго со мной
Во снѣ Пророка, все передо мной,
И надо мной, на сушѣ, на вода̀хъ,
И въ вышинѣ небесъ, и въ глубинѣ
Земли, видѣній чудныхъ было полно.

Я видѣлъ тронъ, на четырехъ стоящій
Животныхъ шестокрылыхъ, и на тронѣ
Сидящаго съ великой книгою,

Семью печатями запечатлѣнной.
Я видѣлъ, какъ печати съ книги Агнецъ
Сорвалъ, какъ изъ печатей тѣхъ четыре
Коня исторглися, какъ всадникъ-смерть
На бѣломъ поскакалъ конѣ, и какъ
Предъ Агнцемъ все, и небо, и земля,
И все что̀ въ глубинѣ земли, и все
Что̀ въ глубинѣ морей, и небеса,
И всѣ тмы Ангеловъ на небесахъ,
Въ единое слилось славохваленье.
Я зрѣлъ, какъ Ангелъ свѣтлый совершилъ
Двѣнадцати колѣнъ запечатлѣнье
Печатію живаго Бога; зрѣлъ
Семь Ангеловъ съ великими, гнѣвъ Божій,
Бѣды и казнь гласящими, трубами,
И слышалъ голосъ: «время миновалось.»
Я видѣлъ, какъ драконъ, губитель древній,
Вслѣдъ за женой, двѣнадцатью звѣздами
Вѣнчанною, гнался; какъ жена въ пустыню
Спаслася, а ея младенецъ былъ
На небо унесенъ; какъ началась
Война на небесахъ, и какъ Архангелъ
Низвергъ дракона въ бездну, и его
Всю силу истребилъ; и какъ потомъ
Изъ моря седмиглавый звѣрь поднялся;
Какъ обольщенные имъ люди, Бога
Отринули; какъ въ небесахъ явился
Сынъ Человѣческій съ серпомъ; какъ жатва
Великая свершилась; какъ на бѣломъ
Конѣ потомъ, блестящій свѣтлымъ, бѣлымъ
Оружіемъ (Себя именовалъ
Онъ Слово Божіе), явился всадникъ;

*

Какъ вслѣдъ за нимъ шло воинство на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное чистый,
И какъ изъ устъ Его, на казнь людей,
Мечъ обоюдоострый исходилъ;
Какъ отъ того меча и звѣрь и рать
Его погибли; какъ драконъ, цѣпями
Окованный, въ пылающую бездну
На тысячу былъ лѣтъ низвергнутъ; какъ
Потомъ на высотѣ великій, свѣтлый
Явился тронъ; какъ отъ лица на тронѣ
Сидящаго и небо и земля
Бѣжали, и нигдѣ не обрѣлось
Имъ мѣста; какъ на судъ предстало все
Созданіе; какъ мертвыхъ возвратили
Земное чрево и морская бездна;
Какъ разогнулася передъ престоломъ
Господнимъ книга жизни; какъ послѣдній
Судъ по дѣламъ для всѣхъ былъ изреченъ,
И какъ въ огонь неугасимый были
Низвержены на вѣчность смерть и адъ.

И новыя тогда я небеса
И землю новую узрѣлъ, и градъ
Святой, отъ Бога нисходящій, новый
Ерусалимъ, какъ чистая невѣста
Сіяющій, я видѣлъ. И раздался
(Услышалъ я) великій свыше голосъ:
«Здѣсь Скинія Господня. Здѣсь Господь
Жить съ человѣками отнынѣ будетъ,
Здѣсь храма нѣтъ Ему, здѣсь самъ Онъ храмъ свой,
Здѣсь всякую слезу отретъ Онъ;
Ни смерти болѣе, ни слезъ, ни скорби

И никакихъ страданій и недуговъ
Не будетъ здѣсь, понеже миновалось
Все прежнее, и совершилось дѣло
Господнее. Не нужны здѣсь ни солнце,
Ни свѣтлость дня, ни ночи темнота,
Ни звѣзды неба; здѣсь сіяетъ слава
Господняя, и Агнецъ служитъ здѣсь
Свѣтильникомъ, и Божіе лице
Спасенные очами видѣть будутъ.»
И слышалъ я, какъ все небесъ пространство
Гласъ наполнялъ отвсюду говорящій:
«Я Богъ живой, Я альфа и омега,
Начало и конецъ, подходитъ время.»

Такіе образы въ ту ночь, когда
Я спящій плылъ къ брегамъ Святой Земли,
Мой первый сонъ блаженный озаряли.
Не даромъ я о томъ здѣсь говорю,
Чтó изъ писаній ты, безъ вѣры, знаешь:
Хочу, чтобъ ты постигъ вполнѣ мой жребій.
Когда Пророкъ святое откровенье
Мнѣ передалъ своимъ глаголомъ дивнымъ,
Во глубинѣ души моей оно
Осталось врѣзаннымъ; и съ той поры,
Во тмѣ моей приговоренной жизни
На казнь скитальца Каина, оно
Звѣздой грядущаго горитъ; я въ немъ
Уже теперь надеждою живу,
Хотя еще не уведенъ изъ жизни
Рукой меня отвергшей смерти

Солнце
Всходило въ пламени лучей, когда

Меня покинулъ сонъ мой; передъ нами,
На лонѣ голубаго моря, темной
Тянулся полосою брегъ Святой
Земли; однѣ лишь горы — снѣговой
Хермонъ, Кармилъ прибрежный, кедроносный
Ливанъ и Элеонъ изъ низшихъ горъ —
Свои, зажженныя лучами солнца,
Вершины воздвигали. О, съ какимъ
Невыразимымъ чувствомъ я ступилъ
На брегъ Земли Обѣтованной, гдѣ
Ужь не было Израиля! Прошла
Треть вѣка съ той поры, какъ я ее
Покинулъ. О, что́ былъ я въ страшный мигъ
Разлуки съ ней, и что́ потомъ со мной
Сбылося, и какимъ я возвратился
Въ страну моихъ отцевъ! Я былъ подобенъ
Колоднику, который на свободѣ
Въ ту заглянулъ тюрьму, гдѣ много лѣтъ
Лежалъ въ цѣпяхъ, гдѣ всѣ, кого на свѣтѣ
Зналъ и любилъ, съ нимъ вмѣстѣ запертые,
Въ его глазахъ погибли; гдѣ каждый день
Его терзали пыткой палачи,
И съ ними, самый яростный изъ всѣхъ
Палачъ, обремененное ужасной
Виной, бунтующее противъ жизни
И Бога — собственное сердце. Я
Не помню, что во мнѣ сильнѣе было,
Свободы ль сладостное чувство, или
Ужасная о прошлой пыткѣ память!
Безлюдною страною окруженный,
Гдѣ царствовалъ опустошенья ужасъ,
Достигнулъ я Ерусалима. Онъ

Громадой черныхъ отъ пожара камней,
Какъ мертвый трупъ, изсѣченный въ куски,
Моимъ очамъ явился, вдвое страшный
Своею мрачностью въ сіяньи тихомъ
Безоблáчнаго неба. И случилось
То въ самый праздникъ Пасхи; но ее
Не праздновалъ никто: въ Ерусалимѣ
Не смѣлъ народъ на праздникъ свой великій
Сходиться. Къ бывшему пробравшись
Святилищу, узналъ я съ содроганьемъ
То мѣсто, гдѣ, паденьемъ храма я,
Раздавленный, былъ смертію отвергнутъ.
Вдругъ посреди безмолвія развалинъ,
Въ мой слухъ чуть слышно шепчущее пѣнье
Проникло: межь обломковъ я увидѣлъ
Простертыхъ на землѣ немногихъ старцевъ,
И женщинъ, и дѣтей — остатокъ бѣдный
Израиля. Они, рыдая, пѣли:
Господній храмъ! мы плачемъ о тебѣ!
Ерусалимъ! мы о тебѣ рыдаемъ!
Мы о тебѣ скорбимъ; избранный Богомъ
И Имъ отверженный Израиль! Слава
Минувшая, мы плачемъ о тебѣ!»
При этомъ пѣньи я упалъ
На землю и въ молчаньи плакалъ горько,
О прежней славѣ Божьяго народа
И о постигшей казни помышляя.
Но мнѣ онъ былъ уже чужой; онъ чуждъ
И всей землѣ былъ; не могло
Его ничто земное ни унизить,
Ни возвеличить: онъ, народъ избранный,
Народъ отверженный отъ Бога былъ;

На немъ печать благословенья, и онъ
Запечатлѣнъ проклятія печатью.
Въ упорной слѣпотѣ еще онъ ждетъ
Того, что ужь свершилося и вновь
Не совершится. Онъ въ своемъ безумствѣ
Не вѣруетъ тому, что существуетъ
Имъ столь желанное и имъ самимъ
Отвергнутое благо; и его
Надежда ложь, его безъ смысла вѣра.
Отъ плачущихъ я тихо удалился,
И, съ трепетомъ межь камней пробираясь,
Не узнавалъ слѣдовъ Ерусалима.
Но вдругъ невольно я оцѣпенѣлъ:
Передъ собой увидѣлъ я остатокъ
Стѣны съ ступенями предъ уцѣлѣвшей
И настежь отворенной дверью. Въ ней
Сидѣлъ шакалъ. Онъ, злобными глазами
Сверкнувши на меня какъ демонъ, скрылся
Въ развалинахъ. То былъ мой прежній домъ,
И я стоялъ предъ дверью роковою,
Свидѣтелемъ погибели моей —
И мнѣ въ глаза то мѣсто, гдѣ тогда
Измученный остановился Онъ,
Чтобъ отдохнуть у двери, отъ которой
Безжалостной рукою оттолкнулъ
Я подошедшаго ко мнѣ съ любовью
Спасителя, пятномъ кровавымъ страшно
Блеснуло. Я упалъ, лицемъ приникнувъ
Къ землѣ, къ которой нѣкогда нога
Святая прикоснулась; и слезами
Я обливалъ ее; и въ этотъ мигъ
Почудилося мнѣ, что Онъ, какимъ

Его тогда я видѣлъ, мимо въ прахѣ
Лежавшей головы моей прошелъ
Благословляющій Я поднялся,
И въ тотъ же мигъ мнѣ показалось, будто
Передо мной по улицѣ тянулся
Тотъ страшный ходъ, въ которомъ несъ свой крестъ
Онъ, бѣшенымъ ругаемый народомъ.
Вслѣдъ за крестомъ я побѣжалъ; но скоро
Передо мной видѣніе исчезло,
И я себя увидѣлъ у подошвы
Голгоѳы. Отдѣлясь отъ черной груды
Развалинъ, зеленью благоуханной
Весны одѣтая, въ сіяньи солнца,
Сходящаго на западъ, мнѣ она
Торжественно предстала, какъ зажженный
Предъ Богомъ жертвенникъ. И долго, долго
Я на нее смотрѣлъ въ оцѣпенѣньи.
О, какъ она въ величіи спокойномъ
Уединенная тамъ возвышалась!
Какъ было все кругомъ ея безмолвно!
Какъ миротворно солнце нисходило
Съ небесъ, на всю окрестность наводя
Вечерній тихій блескъ! Какъ былъ ужасенъ
Разрушенный Ерусалимъ въ виду
Благоухающей Голгоѳы! Долго
Я не дерзалъ моею оскверненной
Ногой къ ея святынѣ прикоснуться.
Когда жь взошелъ на высоту ея,
О, какъ мое затрепетало сердце!
Моимъ глазамъ трехъ рытвинъ слѣдъ явился,
Полузаглаженный, на мѣстѣ, гдѣ
Три были нѣкогда водружены

Креста. И передъ нимъ простершись въ прахъ,
Я горькими слезами долго плакалъ;
Но, въ этотъ часъ раскаянья терзанье
И благодарностью, невыразимой
Словами человѣческими, было.
Казалось мнѣ, что крестъ еще стоялъ
Надъ головой моей; что я, его
Обнявъ, къ нему всей грудью прижимался,
Какъ блудный сынъ, колѣнопреклоненный
У ногъ отца, готоваго простить.
Дни праздника провелъ я одиноко
На высотѣ Голгоѳы; въ покаяньи
Одинъ, отвсюду разрушеньемъ страшнымъ
Земныхъ величій и всего что́ было
Моимъ житейскимъ благомъ, окруженный.
Между обломками Ерусалима
Пробра́вшися и перешедъ Кедронъ,
Достигнулъ я, по скату Элеонской
Горы, до Геѳиманскихъ густотѣнныхъ
Оливъ. Тамъ, сокрушенный, долго я
Во прахѣ горько плакалъ, помышляя
О тѣхъ словахъ, которыя Онъ здѣсь —
Онъ, сильный Богъ, какъ человѣкъ послѣднихъ
Страданіемъ лишенный силъ — въ смертельной
Тоскѣ здѣсь произнесъ, на поученье
И на подпору всѣмъ земнымъ страдальцамъ.
Его Божественной я не дерзнулъ
Молитвы повторить: моимъ устамъ
Дать выразить ея святыню я
Достоинъ не былъ. Но какое слово
Изобразитъ очарованье ночи,
Подъ сѣнью Геѳиманскихъ маслинъ, мною

Въ молчаніи всемірномъ проведенной!
Когда взошелъ на верхъ я Элеонской
Горы, съ которой, все свершивъ земное,
Сынъ Человѣческій на небеса
Вознесся, предо мной явилось солнце
Въ неизреченномъ блескѣ на востокѣ;
Зажглась горы вершина; тонкій паръ
Еще надъ сѣнью маслинъ Геѳиманскихъ
Лежалъ; но вдалекѣ уже горѣла
Въ сіяньи утреннемъ Голгоѳа. Чернымъ
Остовомъ посреди ихъ, весь еще
Покрытый тѣнію отъ Элеонской
Горы, лежалъ Ерусалимъ, какъ будто
Сіянья воскресительнаго ждущій.
Въ послѣдній разъ съ Святой горы взглянулъ я
На градъ Израилевъ, на сокрушенный
Ерусалимъ; еще въ его остаткахъ
Я видѣлъ трупъ съ знакомыми чертами:
Но скоро онъ и въ признакахъ своихъ
Былъ долженъ умереть. Была готова
Рука, чтобъ разбросать его обломки;
Былъ плугъ готовъ, чтобъ запахать то мѣсто,
Гдѣ нѣкогда стоялъ Ерусалимъ.
На гробѣ прежняго другой былъ долженъ
Воздвигнуться, несокрушимо твердый
Одной Голгоѳою, и вовсе чуждый
Израилю бездомному, какъ я,
На горькое скитанье по землѣ
Приговоренному до нисхожденья
Отъ неба новаго Ерусалима.

Благословивъ на вѣчную разлуку

Господній градъ, я отъ него пошелъ,
И съ той поры я странствую. Но, слушай:
Мой жребій все остался тотъ же, страшный,
Какимъ онъ въ первое мгновенье палъ
На голову преступную мою.
Какъ прежде, я не умирать и вѣчно
Скитаться здѣсь приговоренъ; всѣмъ людямъ
Чужой, вселяющій въ сердца ихъ ужасъ,
Иль отвращеніе, или презрѣнье;
Нужды житейскія терпящій: голодъ, жажду,
И зной, и непогоду; подаяньемъ
Питаться принужденный, принимая
Съ стыдомъ и скорбію, что̀ первый встрѣчный
Съ пренебреженьемъ мнѣ обиднымъ броситъ.
Мнѣ самому нѣтъ смерти, для людей же
Я мертвый; мнѣ ни жизнь мою утратить,
Ни безутратной жизнью дорожить
Не можно; ни откуда мнѣ опасность
Не угрожаетъ на землѣ: разбойникъ
Меня зарѣзать не посмѣетъ; звѣрь,
И голодомъ яримый, повстрѣчавшись
Со мною, въ страхѣ убѣжитъ; не схватитъ
Меня земля разинутой своею
Въ землетрясенье пастью; не задушитъ
Меня гора своимъ обваломъ; море
Въ своихъ волнахъ не дастъ мнѣ захлебнуться.
Всѣ, всѣ мои безумныя попытки
Жизнь уничтожить — были безуспѣшны.
Самоубійство недоступно мнѣ;
Не смерть, а неубійственную съ смертью
Борьбу напрасно мучимому тѣлу
Могу я дать безплодными своими

Порывами на самоистребленье;
А душу изъ темницы тѣла я
Не властенъ вырвать: вновь оно,
Въ куски изорванное, воскресаетъ.
Такъ я скитаюся, и нѣтъ, ты скажешь,
Страшнѣй моей судьбы. Но вѣдай: если
Моя судьба не измѣнилась; самъ я
Уже не тотъ, какимъ былъ въ то мгновенье,
Когда проклятье пало на меня,
Когда, своей вины не признавая,
Свирѣпо самъ я проклиналъ Того,
Кто приговоръ противъ меня изрекъ.
Я проклинать, я бѣшено бороться
Съ неодолимой силою дерзалъ....
О, я теперь иной!.... Тотъ за меня
Поднятый къ небу мученика взглядъ,
И благодать, словами Богослова
Въ меня влiянная, переродили
Озлобленность моей ожесточенной
Души въ смиренiе, и на Голгоѳѣ
Постигнулъ я все благо казни, Имъ
Произнесенной надо мной, какъ мнилось
Безумцу мнѣ, въ непримиримомъ гнѣвѣ.
О! Онъ, въ тотъ мигъ, когда я Имъ ругался,
Меня казнилъ, какъ Богъ, меня спасалъ
Погибелью моей, и мнѣ изрекъ
Чрезъ строгiй приговоръ благословенье.
Какимъ путемъ Его рука меня,
Бѣжавшаго въ то время отъ Голгоѳы,
Гдѣ крестъ еще Его дымился кровью,
Обратно привела къ ея подошвѣ!
Какое далъ мнѣ воспитанье Онъ

Въ училищѣ страданій несказанныхъ,
И какъ цѣна, которою купилъ я
Сокровище Имъ избранное мнѣ,
Предъ купленнымъ неоцѣненнымъ благомъ
Ничтожна! Такъ, перерожденный, новый,
Пошелъ я отъ Голгоѳы, произвольно,
Съ благодареніемъ, взявъ на плеча
Весь грузъ моей судьбы, и сокрушенно
Моей вины всю глубину измѣривъ.
О благодать смиренія! О сладость
Цѣлительной раскаянья печали
У ногъ Спасителя! Какою новой
Наполнился я жизнію! Какой
Во мнѣ и вкругъ меня открылся
Великій міръ, когда, себя низвергнувъ
Смиреньемъ въ прахъ, и уничтоживъ
Всѣ обаянія, всѣ упованья
Земныя, я бунтующую волю
Свою убилъ предъ алтаремъ Господнимъ,
Когда одинъ съ раскаянной виною
Передъ моимъ Спасителемъ остался!
Блаженъ стократъ, кто вѣруетъ, не видѣвъ
Очами, а смиренной волей разумъ
Святынѣ откровенья покоряя!
Очами видѣлъ я: но вѣрѣ долго
Не отворяла дверь моей души
Бунтующая воля. Наконецъ,
Когда я, всю мою вину постигнувъ,
Раскаяньемъ терзаемый, былъ брошенъ
Къ ногамъ обруганнаго мною Бога,
Моей судьбы исчезла безотрадность;
Все измѣнилось. Тотъ, Кого безумно

Я отрицалъ, моимъ въ пустынѣ жизни
Сопутникомъ, подпорой, другомъ, все
Земное замѣнившимъ, все земное
Забвенію предавшимъ, сталъ;
За Нимъ, какъ за отцемъ дитя, пошелъ я,
Исполненный глубокимъ сокрушеньемъ,
Которое, мою пронзая душу,
Къ Нему глубокую любовь ея
Питало, какъ елей питаетъ пламя
Въ лампадѣ храма. И мою въ Него
Я вѣру всею силою любилъ,
Какъ утопающій ту доску любитъ,
Которая въ волнахъ его спасаетъ.
Но этотъ миръ достался мнѣ не вдругъ.
Мертвецъ между живыми, навсегда
Къ позорному прикованный столбу,
Передъ толпой ругательной колодникъ,
Я часто былъ тоской одолѣваемъ;
Тогда роптанье съ устъ моихъ срывалось;
Но каждый разъ, когда порывъ
Души, обиженной презрѣньемъ горькимъ
Людей, любимыхъ ею безотвѣтно,
Меня крушилъ, мнѣ явственнѣй являлось
Чудовище моей вины, меня
Пожрать грозящее и съ обновленной
Покорностью сильнѣй я прижимался
Къ окровавленному кресту Голгоѳы.
И, наконецъ, по долгой, несказанной
Борьбѣ съ неукротимымъ сердцемъ, послѣ
Несчетныхъ переходовъ, отъ паденій
Ввергающихъ въ отчаянье, къ побѣдамъ
Вновь воскрешающимъ, по многихъ, въ крѣпкій

Металлъ кующихъ душу, испытаньяхъ,
Я началъ чувствовать въ себѣ тотъ миръ,
Который, всю объемля душу, въ ней
Покорнаго терпѣнья тишину
Неизглаголанную водворяетъ.
Съ тѣхъ поръ во мнѣ смирилось все. Чего
Желать? О чемъ жалѣть? Чего страшиться?
Начто тревожить страждущее сердце
Надеждами? Зачѣмъ скорбѣть, встрѣчая
Презрѣніе, иль злобу отъ людей?
Я съ Нимъ, Онъ мой, Онъ все, въ Немъ все, Имъ все:
Все отъ Него, все одному Ему!
Такое для меня знаменованье
Теперь пріяла жизнь. Я казнь мою
Всѣмъ сердцемъ возлюбилъ: она моей
Души хранитель. И съ людьми, меня
Отвергшими, я примирился, въ сердцѣ
Божественное поминая слово:
Отецъ! прости имъ; что̀ творятъ, не знаютъ.
Межь ними ближняго я не имѣю,
Но сердце къ нимъ исполнено любовью;
И знай: пространства нѣтъ здѣсь для меня
(Такъ соизволилъ Богъ); въ одно мгновенье
Могу туда переноситься я,
Куда любовь меня пошлетъ на помощь;
На помощь, но не дѣломъ, — словомъ, Что̀
Могу я сдѣлать для людей? не словомъ
Бродяги — нѣтъ, могущественнымъ словомъ
Утѣхи, состраданія, надежды,
Иль укоризны, иль остереженья.
Хотя мнѣ на любовь всегда одинъ
Отвѣтъ: ругательство, или презрѣнье;

Но для меня въ отвѣтѣ нужды нѣтъ.
Мнѣ мѣста нѣтъ ни въ чьемъ семействѣ: я
Не радуюся ни чьему рожденью,
И никого родного у меня
Не похищаетъ смерть. Всѣ поколѣнья,
Одно вслѣдъ за другимъ, уходятъ въ землю:
Я ни съ однимъ изъ нихъ не разлучаюсь,
И ихъ отбытіе мнѣ незамѣтно.
Лобовью къ людямъ безнаградной — я
Любовь къ Спасителю, любовь къ Царю
Любви, къ ея источнику, къ ея
Подателю питаю. И съ тѣхъ поръ
Какъ этотъ міръ любви въ меня проникнулъ,
Моя Любовь къ нимъ есть любовь къ Тому,
Кто первый возлюбилъ меня; любовь,
Которая не ищетъ своего,
Не превозносится, не мыслитъ зла,
Не знаетъ зависти, не веселится
Неправдою, не мститъ, не осуждаетъ;
Но милосердствуетъ, но вѣру емлетъ
Всему, смиряется и долго терпитъ.
Такой любовію я близокъ къ людямъ,
Хотя и розно съ ними несказанной
Моею участью. Въ веселье ихъ
Семействъ, въ народные пиры ихъ
Я не мѣшаюся; но есть одно,
Что́ къ нимъ меня заводитъ: это смерть,
Давно утраченное мною благо.
Безъ ропота теперь на ту утрату,
Я въ кругъ людей вхожу, чтобъ смертью,
Въ ея земныхъ явленьяхъ, насладиться.
Когда я вижу старика въ послѣдней

Борьбѣ съ кончиною, съ крестомъ въ рукахъ,
Сначала дышущаго тяжко, вдругъ
Блѣднаго, и миротворнымъ сномъ
Заснувшаго, — и вкругъ его постели
Стоитъ въ молчаніи семья, и очи
Ему рука родная закрываетъ;
Когда я вижу блѣднаго младенца,
Возвышеннаго въ Ангелы небесъ
Прикосновеніемъ безмолвной смерти;
Когда расцвѣтшую невѣсту, дочь,
Похищенную вдругъ у всѣхъ житейскихъ
Случайностей хранительною смертью,
Отецъ и мать кладутъ во гробъ; когда
Въ тюремномъ мракѣ сладко засыпаетъ
Послѣднимъ сномъ колодникъ изнуренный;
Когда на полѣ боя, переставъ
Терзаться въ судорогахъ смертныхъ, трупы
Окостенѣлые лежатъ спокойно, —
Всѣ эти зрѣлища въ меня вливаютъ
Тоску глубокую; она меня —
Какъ устарѣлаго скитальца память
О сторонѣ гдѣ онъ родился, гдѣ
Провелъ младые дни, гдѣ былъ богатъ
Надеждами — томитъ. Я слезы лью
Изъ глазъ, или завидую счастливцамъ,
Сокровище неоцѣнимой смерти,
Его не зная, сохранившимъ

Есть
Еще одно великое мгновенье,
Когда я въ кругъ людей, какъ ихъ родной,
Какъ соискупленный ихъ братъ, вступаю:

Съ смиреніемъ презрѣнье ихъ пріемля,
Какъ очистительное наказанье
Моей вины. Я къ тайнѣ причащенья,
Со страхомъ Божіимъ и съ вѣрой, сердцемъ
Единымъ съ ними приступаю. Въ часъ,
Когда Небесныя незримо силы
Предъ Божіимъ Престоломъ въ храмѣ служатъ,
И Херувимовъ братство Христіанъ
Шестокрылатыхъ тайно образуетъ,
И всякое земное попеченье
Забывъ, дориносимаго чинами
Небесными Царя царей подъемлетъ, —
Въ великій часъ, когда на всѣхъ концахъ
Созданія въ одну сливаетъ душу
Всѣхъ Христіанъ таинственная жертва,
Когда живые всѣ — и царь, и нищій,
И счáстливый, и скорбный, и свободный,
И узникъ, и всѣ мертвые въ могилахъ,
И въ небесахъ Святые, и предъ Богомъ
Всѣ Ангелы и Херувимы, въ братство
Единое совокупяся, чашѣ
Спасенья предстоятъ, — о! въ этотъ часъ
Я людямъ братъ, моя судьба забыта,
Ни прошлаго, ни будущаго нѣтъ,
Все предо мной земное исчезаетъ,
Я чувствую блаженное одно
Всего себя уничтоженье въ Божьемъ
Присутствіи неизреченномъ.
О, чтóбъ я былъ безъ этой казни, всю
Мою пересоздавшей душу! Злобнымъ
И нераскаяннымъ богоубійцей
Сошелъ бы въ землю.... А потомъ? Теперь же....

О, будьте вы навѣкъ благословенны
Уста, изрекшія мой приговоръ!
О, Ты, лице, подъ тернами вѣнца
Облитое струями крови, Ты,
Печальный, на меня поднятый взоръ,
Ты, голосъ, сладостный и въ изреченьи
Преступнику суда,—васъ навсегда
Раскаянье хранитъ въ моей душѣ;
Оно васъ въ ней своею му́кой, въ вѣру,
Надежду и любовь преобратило.
Разрушивъ все, чѣмъ драгоцѣнна жизнь,
И осудивъ меня не умирать,
Онъ далъ въ замѣну мнѣ — Себя. За нимъ
Иду я черезъ міръ уединеннымъ
Путемъ, чужой всему, что́ вкругъ меня
Кипитъ, тревожитъ, радуетъ, волнуетъ,
Томитъ сомнѣніемъ, терзаетъ жаждой
Корысти, сладострастья, славы, власти . . .
Что́ нужно мнѣ? На голодъ — корка хлѣба,
Ночлегъ — на непогоду, ветхій платъ —
На покровенье наготы; во всемъ
Иномъ я независимъ отъ людей
И міра. На потребу мнѣ одно:
Покорность и предъ Господомъ всей воли
Уничтоженіе. О! сколько силы,
Какая сладость въ этомъ словѣ сердца:
Твоя, а не моя да будетъ воля!
Въ немъ вся жизнь человѣка; въ немъ и наша
Свобода, наша мудрость, наши всѣ
Надежды; съ нимъ нѣтъ страха, нѣтъ заботъ
О будущемъ, сомнѣній, колебаній;
Имъ все намъ ясно; случай исчезаетъ

Изъ нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть Тому
Надъ нею предали смиренно, Кто
Одинъ всесиленъ, все за насъ, для насъ
И нами строитъ намъ во благо. Міръ,
Въ которомъ я живу, который вамъ,
Слѣпымъ невольникамъ земнаго, долженъ
Казаться дикою пустыней, — нѣтъ,
Онъ не пустыня: съ той поры, какъ я
Былъ силою Всевышнею постигнутъ,
И уничтоженный предъ нею палъ
Во прахъ, она передо мною вся
Въ твореніи Господнемъ отразилась.
Міръ человѣческій исчезъ какъ призракъ
Передъ Господнею природой; въ ней
Все выше сдѣлалось размѣромъ; все
Пріяло высшее знаменованье.
О! этотъ міръ презрительнымъ житейскимъ
Заботамъ недоступенъ; онъ безвѣрью
Ужасенъ; но тому, кто сердцемъ весь
Раскаянья сосудъ испилъ до дна,
И, Бога угадавъ страданьемъ, въ руки
Къ Нему изъ сокрушительныхъ когтей
Отчаянія убѣжалъ, тому
Природа врачъ, великая бесѣда,
Господняя развернутая книга,
Гдѣ буква каждая благовѣститъ
Его Евангеліе. Нѣтъ, о, нѣтъ,
Для выраженья той природы чудной,
Къ которой я истерзанный на грудь
Упалъ, которая лекарство мнѣ
Всегда цѣлящее даетъ, — я словъ

Не знаю. Небо голубое, утро
Безмолвное въ пустынѣ, свѣтъ вечерній
Въ послѣднемъ облакѣ летящемъ въ небѣ;
Соборъ свѣтилъ во глубинѣ небесъ,
Глубокое молчанье лѣса, моря
Необозримость тихая, иль голосъ
Невыразимый въ бурѣ: горъ, потопа
Свидѣтелей, громады; безпредѣльныхъ
Степей песчаныхъ зыбь и зной; кипѣнья,
Блистанья, ревъ и грохотъ водопадовъ...
О, какъ могу изобразить творенья
Все обаяніе! Среди Господней
Природы, я наполненъ чуднымъ чувствомъ
Уединенія въ неизреченномъ
Его присутствіи, — и чудеса
Его созданія въ моей душѣ
Блаженною становятся молитвой;
Молитвой, — но не призываньемъ въ часъ
Страданія на помощь, не прошеньемъ,
Не выраженьемъ страха иль надежды,
А мирнымъ, безсловеснымъ предстояньемъ,
И сладостнымъ глубокимъ постиженьемъ
Его величія, Его святыни,
И благости, и безпредѣльной власти,
И сладостной сыновности моей,
И моего предъ Нимъ уничтоженья:
Невыразимый вздохъ, въ которомъ вся
Душа къ Нему горящая стремится, —
Такою предъ Его природой чудной
Становится моя молитва. Съ нею
Сливается нерѣдко вдохновенье
Поэзіи; поэзія — земная

Сестра небесныя молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова.
Величіемъ природы вдохновенный,
Непроизвольно я пою, — и мнѣ,
Въ моемъ уединеньи, полномъ Бога,
Созданіе внимаетъ посреди
Своихъ лѣсовъ густыхъ, своихъ громадныхъ
Утесовъ и пустынь необозримыхъ,
И съ высоты своихъ холмовъ зеленыхъ,
Съ которыхъ видны золотыя нивы,
Веселыя селенья человѣковъ,
И все движенье жизни скоротечной.

Такъ странствую я по землѣ, въ глазахъ
Людей проклятый Богомъ, никакому
Земному благу непричастный, злобный,
Все ненавидящій скиталецъ. Тайны
Моей они не постигаютъ; путь мой
Ихъ взорамъ не открытъ: по высотамъ
Созданія идетъ онъ, тамъ, гдѣ я
Лишь небеса Господнія святыя
Надъ головою вижу, а внизу,
Далеко подъ ногами, весь смятенный
Міръ человѣческій. И съ высоты
Моей, съ нимъ не дѣлясь его судьбой,
Я, всю ее однимъ объемля взоромъ
Въ ея волненіяхъ и измѣненьяхъ,
Какъ въ неизмѣнной стройности природы,
Я вижу, слышу, чувствую лишь Бога.
Изъ глубины уединенья, гдѣ

Онъ мой единый собесѣдникъ, мнѣ
Его пути среди разнообразныхъ
Судебъ земныхъ виднѣй. И ужь второе
Тысячелѣтіе къ концу подходитъ
Съ тѣхъ поръ, какъ по землѣ я одинокой
Дорогою иду. И въ этотъ путь
Пошелъ я съ той границы, на которой
Міръ древній кончился, гдѣ на его
Могилѣ колыбель свою поставилъ
Новорожденный міръ. За сей границей,
Какъ великанскія сквозь тонкій сумракъ
Разсвѣта смутно зримыя громады
Снѣжноголовыхъ горъ, стоятъ минувшихъ
Вѣковъ видѣнія: остóвы древнихъ
Имперій (какъ слои въ огромномъ тѣлѣ
Горъ первобытныхъ), слитые въ одно
Великаго минувшаго созданье. . . *)

.

.

.

.

*) На семъ мѣстѣ остановился нашъ незабвенный поэтъ Жуковскій. Можно сказать что смерть вырвала перо изъ рукъ его. Онъ самъ означилъ въ первоначальномъ черновомъ манускриптѣ Агасвера, что послѣдніе четырнадцать стиховъ написаны 31-го Марта 1852 года; а 12-е Апрѣля было днемъ его кончины. Но не утѣшительно ли видѣть, какія мысли и чувства, столь живо и сильно имъ выраженныя, наполняли душу его и при концѣ его прекрасной жизни?

РОЗЫ. (*)

Розы цвѣтущія, розы душистыя, какъ вы прекрасно
Въ пестрый вѣнокъ сплетены милой рукой для меня!
Свѣтлое, чистое дѣвственной кисти созданье, глубокой
Смыслъ заключается здѣсь въ легкихъ воздушныхъ чертахъ.
Розъ разновидныхъ семья на одномъ окруженномъ шипами
Стеблѣ — не вся ли тутъ жизнь? Корень же твердый цвѣтовъ —
Крестъ, претворяющій чудно своей жизнодательной силой
Стебля терновый вѣнецъ — въ свѣжій вѣнокъ изъ цвѣтовъ.
Вѣры хранительный стебель, цвѣтущія почки надежды,
Цвѣтъ благовонный любви въ образъ одинъ здѣсь слились, —
Образъ великій, для насъ бытія выражающій тайну;
Все что плѣняетъ, какъ цвѣтъ, все что̀ пронзаетъ, какъ тернъ,

*) Автору для дня его рожденія (29 Генваря) былъ присланъ рисунокъ изъ розъ, которыхъ стебли расположены были въ видѣ креста. Этотъ рисунокъ былъ внушенъ мыслію о другѣ, сохранившемъ среди усилившихся тѣлесныхъ страданій живость и свѣжесть души. Письмо заключалось словами: «Пусть Поэтъ переложитъ въ слова мысли наши, которыя мы едва могли выразить образно, и впишетъ ихъ самъ въ вѣнокъ для него сплетенный.» — Рисунокъ опоздалъ; В. А. Жуковскій получивъ его въ Мартѣ, написалъ помѣщаемое здѣсь стихотвореніе, «а въ Апрѣлѣ уже не стало нашего любимаго Поэта», какъ сказано въ *Русск. Бесѣдѣ* (1856, № 1), гдѣ оно было въ первый разъ напечатано.

Радость и скорбь на землѣ знаменуютъ одно: ихъ въ единый
Свѣжій сплетаетъ вѣнокъ Промыслъ тайной рукой.
Розы прекрасныя! въ этомъ вѣнкѣ очарованномъ вы
Будете свѣжи всегда: нѣтъ увяданья для, васъ;
Будете вѣчно душисты; здѣсь памятью сердца о милой
Васъ здѣсь собравшей рукѣ будетъ вашъ живъ ароматъ.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛЕБЕДЬ.

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо, ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколенье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ веселый гость неприглашонный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи. На водахъ широкихъ,
На виду Царевыхъ теремовъ высокихъ,
Предъ Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожатъ плаваньемъ, плесканьемъ,
Боемъ крылъ могучихъ, бѣлыхъ шей купаньемъ;
День они встрѣчаютъ, звонко окликаясь;
Въ зеркалѣ прозрачной влаги отражаясь,

Длинной вереницей, бѣлымъ флотомъ стройно
Плаваютъ въ сіяньи солнца по спокойной
Озера лазури; ночью жъ межъ звѣздами
Въ небѣ, повторенномъ тихими водами,
Облакомъ перловымъ, водъ не зыбля, рѣютъ,
Иль двойною тѣнью, дремля, въ нихъ бѣлѣютъ;
А когда гуляетъ мѣсяцъ межъ звѣздами,
Влагу расшибая сильными крылами,
Въ блескѣ волнъ, зажженныхъ мѣсячнымъ сіяньемъ,
Окруженны брызговъ огненныхъ сверканьемъ,
Кажутся волшебнымъ призраковъ явленьемъ,
Племя молодое, полное кипѣньемъ
Жизни своевольной. Ты жь, старикъ печальный,
Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ; онъ на нихъ наводитъ
Скуку, и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодежи, вѣтрено летящей
Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни настоящей.
Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ лебединый:
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины,
Былъ Ея ласкаемъ Царскою рукою,
Памятниковъ гордыхъ битвѣ подъ Чесмою,
Битвѣ при Кагулѣ воздвиженье зрѣлъ ты;
Съ вѣкомъ Александра тихо устарѣлъ ты,
И, почти столѣтній, въ вѣкѣ Николая
Видишь, угасая, какъ вся Русь святая
Вкругъ Царевой силы, — вѣковой зелёный
Плющъ вкругъ силы дуба вьется подъ короной
Царской отъ окрестныхъ бурь ища защиты.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;
Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли,
И, стремимы тайной силой, полетѣли
На голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлой,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ, гордо распрямленной,
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся и его не стало
Въ высотѣ и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужь негорящій.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

СОБРАННЫЯ ПО СМЕРТИ АВТОРА ИЗЪ РАЗНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ И СБОРНИКОВЪ, И НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ЕГО ИЗДАНІЕ ВЪ КАРЛСРУЭ (1849 г.)

КЪ ПОЭЗІИ.

Чудесный даръ боговъ!
О пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О прелесть тихая, души очарованье —
Поэзія! съ тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье —
Теряютъ ужасъ свой!
Въ тѣни дубравы надъ потокомъ,
Другъ Феба, съ ясною душей,
Въ убогой хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ —
Поетъ, мечтаетъ . . и блаженъ!
И кто, и кто не оживленъ
Твоимъ божественнымъ вліяньемъ?
Цѣвницы грубыя задумчивымъ бряцаньемъ
Лапландецъ, дикій сынъ снѣговъ,
Свою туманную отчизну прославляетъ,
И неискуственной гармоніей стиховъ,
Смотря на бурные валы, изображаетъ
И дымный свой шалашъ, и хладъ и шумъ морей,
И быстрый бѣгъ саней,
Летящихъ по снѣгамъ съ оленемъ быстроногимъ,
Счастливый жребіемъ убогимъ,

Оратай, наклонясь на плугъ,
Влекомый медленно усталыми волами —
Поетъ свой лѣсъ, свой мирный лугъ,
Возы, скрыпящи подъ снопами,
И сладость зимнихъ вечеровъ,
Когда, при шумѣ вьюгъ, предъ очагомъ блестящимъ,
Въ кругу своихъ сыновъ,
Съ напиткомъ пѣннымъ и кипящимъ,
Онъ радость въ сердце льетъ,
И мирно въ полночь засыпаетъ,
Забывъ на дикія бразды пролитый потъ, —
Но вы, которыхъ лучь небесный оживляетъ,
Пѣвцы, друзья души моей!
Въ печальномъ странствіи минутной жизни сей
Тернистую стезю цвѣтами усыпайте,
И въ пылкія сердца свой пламень изливайте!
Да звукомъ вашихъ громкихъ лиръ
Герой, ко славѣ пробужденный,
Дивитъ и потрясаетъ міръ!
Да юноша воспламененный
Отъ нихъ въ восторгѣ слезы льетъ,
Олтарь отечества лобзаетъ,
И смерти за него, какъ блага, ожидаетъ!
Да бѣдный труженикъ душою расцвѣтетъ
Отъ вашихъ пѣсней благодатныхъ!
Но да обрушится вашъ громъ
На сихъ жестокихъ и развратныхъ,
Которые, въ стыдѣ, съ возвышеннымъ челомъ,
Невинность, доблести и честь поправъ ногами,
Дерзаютъ величать себя полубогами!
Друзья небесныхъ музъ! плѣнимся ль суетой?
Презрѣвъ минутные успѣхи —

Ничтожный гласъ похвалъ, кимвальный звонъ пустой,
Презрѣвши роскоши утѣхи,
Пойдемъ великихъ по слѣдамъ!
Стезя къ безсмертію судьбой открыта намъ!
Не остыдимъ себя хвалою
Высокихъ жребіемъ, презрительныхъ душою.
Дерзнемъ достойныхъ увѣнчать!
Любимцу ль Фебову за призракомъ гоняться?
Любимцу ль Фебову во прахѣ пресмыкаться,
И униженіемъ Фортуну обольщать?
Потомство раздаетъ вѣнцы и посрамленье:
Дерзнемъ свой мавзолей въ олтарь преобратить!
О слава, сердца восхищенье!
О жребій сладостный — въ любви потомства жить!

ОТРЫВОКЪ

изъ

ДЕЛИЛЕВА ДИѲИРАМБА НА БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

На лонѣ вѣчности безмолвной,
Въ непомрачаемыхъ лучахъ,
Безсмертіе, порока страхъ
И щитъ невинности безкровной,
Отъ Крона, мощнаго рушителя міровъ,
Добра подвижниковъ спасаетъ,
И преступленье исторгаетъ
Изъ страшной пристани гробовъ!

Такъ, молній Вѣчнаго надменный похититель,
О ты, кичащійся надъ скорбной правотой,
Земли ничтожный утѣснитель!
Страшись: безсмертье жребій твой.
А ты, отъ сладостной отчизны отлученный,
О жертва мирная, минутный гость земной,
Ты, странникъ, тайною рукою огражденный,
Страдалецъ! ободрись: безсмертье жребій твой.

ПѢСНЯ.

(Переводъ съ Французскаго).

Когда я былъ любимъ — въ восторгахъ, въ наслажденьѣ,
Какъ сонъ плѣнительный, вся жизнь моя текла;
Но я тобой забытъ — гдѣ счастья привидѣнье?
Ахъ! счастіемъ моимъ любовь твоя была!
Когда я былъ любимъ — тобою вдохновенный,
Я пѣлъ; моя душа хвалой твоей жила!
Но я тобой забытъ — погибъ мой даръ мгновенный!
Ахъ! геніемъ моимъ любовь твоя была!
Когда я былъ любимъ — дары благодѣянья
Въ обитель нищеты рука моя несла!
Но я тобой забытъ — нѣтъ въ сердцѣ состраданья!
Ахъ! благостью моей любовь твоя была!

НОВОЙ СТИХОТВОРЕЦЪ И ДРЕВНОСТЬ.

(Переводъ съ Французскаго).

Едва лишь что сказать удастся мнѣ счастливо,
Какъ Древность заворчитъ съ досадой: «что за диво!
Я тоже до тебя сказала, и давно!»

Смѣшна беззубая! вольно
Ей *послѣ* не придти къ невѣждѣ!
Тогда бъ сказалъ я то же *прежде*.

ЭПИГРАММЫ.

О непостижное злорѣчіе уму!
Повѣрю ли тому,
Чтобы, Морковкина, ты волосы чернила?
Я знаю самъ, что ты ихъ черные купила.

Ты сердишься за то, пріятель мой Гарпасъ,
Что сынъ твой по ночамъ сундукъ твой посѣщаетъ!
И философія издревле учитъ насъ,
Что скупость—воровство раждаетъ,

Румянъ Французскихъ штукатура,
Шатеръ, не шляпа на плечахъ;
Подъ шалью тощая фигура,
Вихры на лбу и на щекахъ,

Одежды легкой подозрѣнье;
На перстнѣ въ десять кратъ алмазъ:
Все это смернымъ въ удивленье,
По свѣту возятъ на показъ
Въ каретѣ модно-золоченой,
И называютъ—Альцидоной!

Тримъ счастія искалъ ползкомъ и тихомолкомъ;
Нашелъ—и грудь впередъ, носъ вздернулъ, весь иной!—
Кто втерся въ знатный чинъ лисой,
Тотъ въ этомъ чинѣ будетъ волкомъ.

Дидона! какъ тобой рука судьбы играла!
Какихъ любовниковъ тебѣ она дала?
Одинъ скончался—ты бѣжала;
Другой бѣжалъ—ты умерла!

Барма, нашедъ Фоку чуть жива, на отходѣ,
Скорѣе! закричалъ, изволь мнѣ долгъ платить!
Ужь завтраковъ теперь не будешь мнѣ сулить! —
«Охъ! братъ, хоть умереть ты дай мнѣ на свободѣ!» —
— Вотъ право хорошо! хочу я посмотрѣть,
Какъ ты, не заплативъ, изволишь умереть!

Съ повязкой на глазахъ за шалости Ѳемида! —
Вотъ наказаніе! вотъ подлинно обида!
Когда вамъ хочется проказницу унять,
Такъ лучше руки ей связать.

Для Клима всё какъ дважды два!
Горацій, Ксенофонтъ, Бова,
Лаландъ и Гершель астрономы,
И Мирамондъ *) и Мушенброкъ
Ему, какъ носъ его, знакомы.
О всемъ кричитъ, во всемъ знатокъ!
Судить о музыкѣ начните:
Нашъ Климъ первѣйшій музыкантъ!
О торгѣ рѣчь съ нимъ заведите:
Онъ въ мигъ торгашъ и фабрикантъ!
Чего въ немъ нѣтъ? онъ метафизикъ,
Платоникъ, коновалъ, маляръ,
Статистикъ, журналистъ, бочаръ,
Хирургусъ, проповѣдникъ, физикъ,
Поэтъ, каретникъ, то и то,
Климъ, словомъ, всё! и Климъ—ничто.

Ты драму, Фефилъ, написалъ? —
«Да! какъ же удалась! какъ сыграна! не чаешь!
Хотя бы кто нибудь для смѣха просвисталъ!»
И! Фефелъ, Фефелъ! какъ свистать, когда зѣваешь?

Не знаю почему, по дружбѣ или такъ,
Папурѣ вздумалось меня визитомъ мучить!
Папура истинный чудакъ:
Скучаетъ самъ, чтобъ мнѣ наскучить.

Испытанныхъ друзей для новыхъ забывать —
Есть цвѣтъ плоду предпочитать!

*) *Старинный* Русскій романъ Ѳ. Эмина.

ЭЛЬМИНА КЪ ПОРТРЕТУ СВОЕЙ МАТЕРИ,

ПИСАННОМУ ЕЯ ДОЧЕРЬЮ, КОТОРЫХЪ ОНА ВЪ ОДНО ВРЕМЯ ЛИШИЛАСЬ.

Мой жребій прежде былъ ихъ страстно обожать;
Теперь при сладостномъ душѣ изображеньи —
Подобіи одной, другой произведеньи, —
Живу, чтобы по нихъ погибшихъ унывать.
Священный, милый слѣдъ двухъ сердцу незабвенныхъ,
Послѣдній памятникъ столь ясныхъ жизни лѣтъ!
Питая скорбь объ нихъ, толь быстро похищенныхъ,
Ты счастье замѣнишь, котораго ужь нѣтъ.

СТАРИКЪ

КЪ МОЛОДОЙ ПРЕКРАСНОЙ ДѢВУШКѢ.

Какъ сладостно твоимъ присутствіемъ плѣняться!
И какъ опасно мнѣ словамъ твоимъ внимать!
Ахъ, поздно старику надеждой обольщаться;
Но поздно ль, не имѣвъ надежды, обожать?

ЭПИТАФІЯ ЛИРИЧЕСКОМУ ПОЭТУ.

Здѣсь кончилъ вѣкъ Панфилъ, безъ толку одъ пѣвецъ!
Сей грѣшный человѣкъ — прости ему Творецъ, —
По смерти жить сбирался,
Но заживо скончался.

САФИНА ОДА.

Блаженъ, кто близъ тебя однимъ тобой пылаетъ,
Кто прелестью твоихъ рѣчей обвороженъ,
Кого твой ищетъ взоръ, улыбка восхищаетъ,
Съ богами онъ сравненъ!

Когда ты предо мной,—въ душѣ моей волненье!
Въ крови палящій огнь! въ очахъ померкнулъ свѣтъ!
Въ трепещущей груди и скорбь, и наслажденье!
Ни словъ, ни чувства нѣтъ!

Лежу у милыхъ ногъ, — горю огнемъ желанья,
Блаженствомъ страстныя тоски утомлена!
Въ слезахъ, вся трепещу, безъ силы, безъ дыханья!
И жизни лишена!

КЪ ЭДВИНУ.

(М. П. Ю.)

О юноша! лети, подъ зоной отдаленной,
Иныхъ друзей, надеждъ и радостей искать!
Ищи побѣдъ, толпой прелестныхъ окруженный!
Оставь, оставь меня въ печаляхъ увядать:
Ахъ! жить, дѣлясь съ тобой и сердцемъ и судьбою,
Сей жребій сладостный, сей даръ не для меня!...
Но если не совсѣмъ отринута тобою,
Эдвинъ, не позабудь, не позабудь меня!
Когда жь, быть можетъ, видъ любовницы въ страданьѣ
Нарушитъ тишину, мой другъ, души твоей,
Тогда протекшаго загладь воспоминанье,
Тогда спокой себя, тогда забудь о ней!
Но можетъ быть и то, что въ ужасахъ мученья,
Какъ блага будешь ждать рѣшительнаго дня,
Ждать будешь, но вотще, друзей и услажденья,
Тогда—не позабудь, не позабудь меня!

ССОРА ПЛѢШИВЫХЪ.

Два кума лысые дорогой шли,
И видятъ, что-то на травѣ блистаетъ.
Ну! — думаютъ — мы кладъ нашли!
«Моя находка!»—Вздоръ!—Ужь кума кумъ толкаетъ
И въ спину и въ бока!

Увы! послѣдняго сѣдаго хохолка
На гладкихъ лысинахъ не стало!
За что же дѣло стало?
За что свирѣпый бой? —
— За гребень роговой!

ПРОЩАНЬЕ СТАРИКА.

Прости мятежное души моей волненье,
Прости палящій огнь цвѣтущихъ жизни лѣтъ,
Прости безумное за славою стремленье,
Для васъ въ моей душѣ ни слезъ, ни вздоха нѣтъ!
Мечты разрушены! исчезло привидѣнье!
Но ты, восторгъ души, всѣхъ буйныхъ чувствъ покой,
О сладость тихая, о сердца восхищенье!
Тебя, любовь, тебя теряю со слезой!

СТАРОЙ КОТЪ И МОЛОДОЙ МЫШЕНОКЪ.

Одинъ неопытный Мышенокъ
У стараго Кота подъ лапою пищалъ,
И такъ его, въ слезахъ, на жалость преклонялъ:
Помилуй, дѣдушка! вѣдь я еще ребенокъ!
Какъ можно крошечкѣ такой, какъ я,
Твоимъ домашнимъ быть въ отягощенье?

Твоя хозяюшка и вся ея семья
Придутъ ли отъ меня, малютки, въ разоренье?
И въ чемъ же мой обѣдъ? зерно, а много два!
Орѣхъ мнѣ — на недѣлю!
Къ тому жь теперь я худъ! едва, едва
Могу дышать. Вчера оставилъ лишь постелю;
Былъ боленъ. Потерпи, пусти меня пожить!
Пусть дѣточки твои меня изволятъ скушать! —
«Молчи молокососъ! тебѣ ль меня учить?
И мнѣ ли старику такихъ разсказовъ слушать!
Я Котъ и старъ, мой другъ! прощенія не жди,
А лучше безъ хлопотъ, поди
Къ Плутону, милости его отвѣдать!
Моимъ же дѣточкамъ всегда есть что обѣдать».
Сказалъ, Мышенка цапъ; тотъ пискнулъ и припалъ.
А Котъ, покушавши, ни въ чемъ какъ не бывалъ!

Уже ль разсказъ безъ поученья?
Никакъ, читатель, есть:
Всѣмъ юность льститъ себя! все мыслитъ пріобрѣсть!
А старость иногда не знаетъ сожалѣнья!

СОКОЛЪ И ФИЛОМЕЛА.

Летѣлъ Соколъ. Всѣ куры всхлопотались
Скликать цыплятъ; бѣгутъ цыпляточки, прижались
Подъ крылья къ маткамъ! ждутъ, чтобы напасть прошла.
Пѣвица Филомела,
Которая въ лѣсу пустынницей жила,

И въ тотъ часъ, на бѣду, къ подружкѣ полетѣла
Въ сосѣдственный лѣсокъ,
Попалась къ Соколу. Помилуй, — умоляетъ, —
Уже ли соловьевъ соколій родъ не знаетъ!—
Какой въ нихъ вкусъ! одинъ лишь звонкій голосокъ,
И только! вамъ, бойцы, грѣшно насъ пѣвчихъ кушать!
Не лучше ль пѣсеньки моей послушать?
Прикажешь ли? спою
Про ласточку, сестру мою...
Какъ я досталася безбожнику Терею...
«Терей! Терей! я дамъ тебѣ Терея, тварь!
Годится ль твой Терей на ужинъ?» — Нѣтъ, онъ царь!
Увы! сему злодѣю
Я вмѣстѣ съ Прогною сестрой
На жертву отдана безжалостно судьбой!
Склони соколій слухъ къ несчастной горемыкѣ!
Гармонія мила чувствительнымъ сердцамъ!—
«Конечно! натощакъ и думать о музыкѣ!
Другому пой, я глухъ!» — Я нравлюсь и царямъ! —
«Царь дѣло, я другое!
Пусть царь и тѣшится музыкою твоей!
Для насъ охотниковъ она пустое,
Желудокъ тощій — безъ ушей!

ГОЛУБКА И СОРОКА.

Голубка дворъ объ дворъ съ Сорокою жила,
Сокровищемъ, а не сосѣдкой.
Въ гнѣздѣ одной любовь цвѣла;
У той напротивъ день безъ шума рѣдкой,

Битье яицъ, ворчанье, споръ!
Лишь только пьяной мужъ Сороку поколотитъ,
Она тотчасъ летѣть къ сосѣдушкѣ на дворъ,
Щебечетъ, крехчетъ, вопитъ:
Охъ! горьку, мать моя, пришлось мнѣ чашу пить!
Ужь видно такъ и вѣкъ прожить!
Далъ Богъ мнѣ муженька! мучитель, окаянной!
Житья нѣтъ! бьетъ меня безпошлинно, безданно!
Ревнивецъ! а какъ самъ — таскаться за совой! —
Голубка слушала, качая головой.
«И ты, примолвила, сосѣдка, не святая!» —
То такъ, не безъ грѣха! случается и мнѣ
И лишнее сказать, и спорить, и въ винѣ
Признаться не хотѣть, неправду утверждая;
Но это все пустякъ! — «И, нѣтъ! какой пустякъ?
Напротивъ, мой совѣтъ: когда не любишь дракъ,
Исправь себя!» — А въ чемъ прикажете исправить?
Исправь! совѣтница смѣшна съ своимъ умомъ!
Взялась другихъ учить, собой не смысля править!
Сиди-ка надъ гнѣздомъ!

КОТЪ И МЫШЬ.

Случилось такъ, что Котъ Федотка-сыроѣдъ,
Сова Трофимовна-сопунья,
И Мышка-хлѣбница и Ласточка-прыгунья,
Всѣ плуты, сколько-то не помню лѣтъ,
Не вмѣстѣ, но въ одной дуплистой, дряхлой ели,
Пристанище имѣли.

Подмѣтилъ ихъ стрѣлокъ, и сѣтку на дупло.
Лишь только ночь отъ дня свой сумракъ отдѣлила
(Въ тотъ часъ, какъ на поляхъ ни тёмно, ни свѣтло,
Когда, не видя, ждешь небеснаго свѣтила),
Нашъ Котъ изъ норки шасть, и прямо брякъ подъ сѣть.
Бѣда Федотушкѣ! приходитъ умереть:
Копышется, хлопочетъ;
Взмяукался мой Котъ,
А Мышка воръ—какъ тутъ! ей пиръ, и въ лапки бьетъ,
Хохочетъ.
Сосѣдушка, нельзя ль помочь мнѣ? — изъ сѣтей
Сказалъ умильно узникъ ей:
Богъ добрымъ воздаянье!
Ты жь, нещечко мое, душа моя, была,
Не знаю почему, всегда мнѣ такъ мила,
Какъ свѣтъ моихъ очей! какъ дневное сіянье!
Я нынче къ завтренѣ спѣшилъ, —
(Всѣхъ набожныхъ Котовъ обыкновенье) —
Но знать невѣдѣньемъ предъ Богомъ погрѣшилъ,
Знать окаянному за дѣло искушенье!
По волѣ Вышняго подъ сѣть попалъ!
Но гнѣвный милуетъ: несчастному въ спасенье
Тебя мнѣ Богъ сюда послалъ!
Сосѣдка, помоги! — «Помочь тебѣ! злодѣю?
Мышатнику! Коту! съ ума ли я сошла!
Избавь его, себѣ на шею.» —
Ахъ, Мышка! — молвилъ Котъ — тебѣ ль хочу я зла?
Напротивъ я съ тобой сей часъ въ союзъ вступаю!
Сова и Ласточка твои враги:
Прикажешь? въ мигъ ихъ уберу!—«Я знаю,
Что ты сластена Котъ! но словъ побереги,
Меня не обмануть такимъ красивымъ слогомъ!

Глуха я! оставайся съ Богомъ!» —
Лишь хлѣбница домой,
А Ласточка ужь тамъ: назадъ! на ель взбираться!
Тутъ новая бѣда: столкнулася съ Совой;
Куда дѣваться?
Опять къ Коту; грызть, грызть тенета! удалось!
Благочестивый распутлялся;
Вдругъ ловчій изъ лѣсу съ дубиной показался,
Союзники скорѣй, давай Богъ ноги, врозь!
И тѣмъ все дѣло заключилось.
Потомъ опять Коту увидѣть Мышь случилось.
Ахъ! другъ мой, дай себя обнять.
Боишься? постыдись; твой страхъ мнѣ оскорбленье!
Грѣшно союзника врагомъ своимъ считать!
Могу ли позабыть, что ты мое спасенье,
Что ты моя вторая мать?
«А я могу ль не знать,
Что ты Котище-объѣдало?
Что кошка съ мышкою не ладятъ никогда!
Что благодарности въ васъ духу не бывало!
И что по нуждѣ связь не можетъ быть тверда.»

МАРТЫШКИ И ЛЕВЪ.

Мартышки тѣшились лаптой.
Вотъ какъ: одна изъ нихъ, сидя на пнѣ, держала
Въ колѣняхъ голову другой;
Та, лапки на спину, зажмурясь, узнавала
Кто былъ. — Хлопъ! Хлопъ! — «Потапъ, проворнѣй!
кто?» — Мирошка!

«Совралъ!» — и всѣ, какъ бѣсы, врозь!
Прыжки, кувырканье впередъ и взадъ и вкось;
Крикъ, хохотъ, пискъ! Одна мяукаетъ какъ кошка,
Другая, ноги вверхъ, повисла на суку,
А третья ну скакать сорокой по песку!
Такого поискать веселья!
Вдругъ изъ лѣсу на шумъ выходитъ Левъ,
Ученый, смирный принцъ, братъ внучатный царе́въ:
Ботанизировалъ по рощѣ отъ бездѣлья.
Мартышкамъ матъ;
Ни пикнутъ, струсили, дрожатъ!
Здѣсь праздникъ! — Левъ сказалъ, — что жь тихо? забавляйтесь!
Играйте, дѣтушки, не опасайтесь!
Я добръ! хотите ли, и самъ въ игру войду! —
«Ахъ! милостивый князь, какое снисхожденье!
Какъ вашей свѣтлости быть съ нами наряду!
Съ мартышками играть! вашъ санъ! нашъ долгъ! почтенье...» —
— Пустое! что за долгъ! я такъ хочу; смѣлѣй!
Не всѣ ли мы равны? вы бъ сами тожь сказали,
Когда бы, такъ какъ я, философовъ читали!
Я, дѣтушки, не чванъ! вы знатности моей
Не трусьте! ну, начнемъ! — Мартышки верть глазами,
И вѣря (какъ и всѣ) привѣтника словамъ,
Опять играть; гвоздятъ другъ друга по рукамъ.
Братъ царскій хлопъ! и вдругъ подъ царскими когтями
Изъ лапки брызжетъ кровь ключомъ!
Мартышка — ой! — и прочь, тряся хвостомъ,
Кто билъ, не думавъ, отгадала;
Однако промолчала.
Хохочетъ князь; другія, ротъ скривя,

Туда жь за бариномъ смѣются,
 Хотя отъ смѣха слезы льются,
И задомъ, задомъ, въ лѣсъ! Бѣгутъ, и про себя
 Бормочутъ: не играй съ большими господами!
 Добрѣйшіе изъ нихъ — съ когтями!

ЦАПЛЯ.

Однажды Цапля-долгошея
На парѣ длинныхъ ногъ путемъ-дорогой шла;
Дорога путницу къ потоку привела.
День красный былъ; вода, на солнышкѣ свѣтлѣя,
Казалась въ тишинѣ прозрачнѣйшимъ стекломъ;
Въ ней щука-кумушка за карпомъ куманькомъ,
 У берега рѣзвясь, гонялась.
Что жь Цапля? носомъ ихъ? — Ни крошки: зазѣвалась,
Изволитъ отдыхать, глазѣть по сторонамъ,
 И аппетита дожидаться:
Ея обычай былъ обѣдать по часамъ,
И діэтетики Тиссотовой держаться.
Приходитъ аппетитъ; причудница въ потокъ
Глядитъ: вдругъ видитъ — линь, виль-виль, со дна поднялся!
То въ верхъ на солнышно, то къ низу на песокъ!
Сластёнѣ этотъ кусъ несладкимъ показался,
 Скривила шею, носомъ щолкъ:
«Мнѣ, Цаплѣ, ѣсть линя! мнѣ челядью такою
Себя кормить? И впрямъ, хорошъ въ нихъ толкъ!
Я и трески клевнуть не удостою!»
Но вотъ и линь уплылъ, пожаловалъ пискарь.

«Пискарь? Ну, что за стать! такую удить тварь —
Поганить только носъ! избави Богъ отъ срама!»
Ой ты, разборчивая дама!
Приструнилъ голодъ! Что? глядишь туда сюда?
И лягушоночекъ теперь тебѣ ѣда!—

Друзья мои, друзья! не будемъ прихотливы!
Кто льстится много взять, тотъ часто все терялъ;
Одною скромностью желаній мы счастливы!
Никто, никто изъ насъ *всего* не получалъ.

МАРТЫШКА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ КИТАЙСКІЯ ТѢНИ.

Творцы и прозой и стихами,
Которыхъ громкій слогъ пугаетъ весь Парнассъ,
Которые понять себя не властны сами,
Поймите мой разсказъ!
Одинъ фигляръ въ Москвѣ показывалъ Мартышку,
Съ волшебнымъ фонаремъ. На картахъ ли гадать,
Взбираться ль по снуру на крышку,
Или кувыркаться, въ присядку ли плясать
По гибкому канату,
Иль спичкой выпрямясь, подъ шляпою съ перомъ,
На задни лапки ставъ, ружьёмъ,
Какъ должно Прусскому солдату,
Метать по слову артикулъ:
Потапъ всему гораздъ. Не звѣрь, а утѣшенье!

Однажды въ Воскресенье
Хозяинъ, подкуривъ, на улицѣ заснулъ.
Потапкѣ торжество — «Ужь то-то погуляю!
«И я штукарь! и я народъ какъ тѣшить знаю!»
Бѣжитъ, зоветъ гостей,
Индюшекъ, поросятъ, собакъ, котятъ, гусей!
Сошлись!—«Сюда, сюда! скорѣй скамьи, подушки
«Въ закуту господамъ!
«Добро пожаловать; у входа ни полушки,
«Изъ чести игрище!» — Ужь гости по мѣстамъ,
Приносится фонарь, всѣ окна затворились,
И свѣчи потушились.
Потапъ, въ суконномъ колпакѣ,
Съ указкою въ рукѣ,
Съ жеманной харею, явился предъ соборомъ;
Пренизкой всѣмъ поклонъ;
Потомъ съ кадушки рѣчь, какъ Цицеронъ:
Заставилъ всѣхъ зѣвать, и хлопать цѣлымъ хоромъ.
Довольный похвалой,
Съ картинкою стекло тотчасъ въ фонарь вставляетъ!
«Смотрите: вотъ луна, вотъ солнце! — возглашаетъ —
«Вотъ съ Еввою Адамъ, а вотъ ковчегъ, и Ной!
«Вотъ славный царь-горохъ съ морковкою-царицей!
«Вотъ журка-долгоносъ обѣдаетъ съ лисицей!
«Вотъ небо, и земля . . . Что, видно ли?» — Глядятъ,
Моргаютъ, морщатся, кряхтятъ!
Напрасно! Нѣтъ слѣда великолѣпной сцены! —
«По чести — котъ шепнулъ — кудрявыхъ много словъ!
«Но, гдѣ онъ взялъ людей, скотовъ?
«Зги Божьей не видать! одни въ потемкахъ стѣны!»
— Темно, сосѣдушка, скажу и я,
Примолвила свинья. —

«Мнѣ видится! вотъ!... вотъ!... я правда близорука!
«Но что-то хорошо! Ой старость, то-то скука!
«Ужь было бы о чемъ съ дѣтьми поговорить!»
Индѣйка крякала, хлопъ, хлопъ сквозь сонъ глазами.—
А нашъ Потапъ? кричитъ, гремитъ, стучитъ ногами!
Одно лишь позабылъ... фонарь свой освѣтить!

КАПЛУНЪ И СОКОЛЪ.

Привѣты иногда злыхъ умысловъ прикраса.
Одинъ
Московскій гражданинъ,
Пришлецъ изъ Арзамаса,
Матюшка-долгохвостъ, по промыслу Каплунъ,
На кухню долженъ былъ явиться,
И тамъ на очагѣ съ кухмистеромъ судиться.
Вся дворня взбѣгалась: цыпь! цыпь! цыпь! цыпь! —
Шалунъ
Проворно,
Смекнувши что бѣда,
Давай Богъ ноги! — «Господа,
Слуга покорной!
По мнѣ хотя весь день извольте горло драть,
Меня вамъ не прельстить учтивыми словами!
Теперь: цыпь! цыпь! а тамъ меня щипать,
Да въ печку! да сморчками
Набивши брюхо мнѣ, на столъ меня! а тамъ
И поминай какъ звали!» —
Тутъ Соколъ-крутоносъ, котораго считали
По всей окружности примѣромъ всѣмъ бойцамъ,

Который на жерди, со спѣсью соколиной,
Раздувши зобъ, сидѣлъ,
И съ смѣхомъ на гоньбу глядѣлъ,
Сказалъ: дуракъ Каплунъ! съ такой какъ ты скотиной
Изъ силы выбился честной народъ!
Тебя зовутъ; а ты, уродъ,
И носъ отворотилъ, оглохъ, ко всѣмъ спиною!
Смотри пожалуй! я тебѣ ль чета? но такъ
Не гордъ! лечу на свистъ! глухарь, дуракъ,
Постой! хозяинъ ждетъ! вся дворня за тобою! —
Каплунъ, кряхтя, пыхтя, совѣтнику въ отвѣтъ:
Князь-Соколъ, я не глухъ! меня хозяинъ ждетъ?
Но знать хочу, за чѣмъ? а этотъ твой пріятель,
Который въ фартукѣ, какъ воръ съ ножомъ,
Такъ чванится своимъ узорнымъ колпакомъ,
(Конечно каплуновъ усердный почитатель)
Прогнѣвался, что я не падокъ къ ихъ словамъ!
Но если бъ соколамъ,
Какъ нашей братьи каплунамъ,
На кухнѣ заглянуть случилось
Въ горшокъ, гдѣ бъ въ кипяткѣ ихъ княжество варилось,
Тогда хозяйскій свистъ и ихъ бы не провелъ;
Тогда бъ, какъ скотъ-Каплунъ, черкнулъ и князь-Соколъ!»

КОТЪ И ЗЕРКАЛО.

Невѣжды-мудрецы, которыхъ вѣкъ проходитъ
Въ исканіи такихъ вещей,
Какихъ никто никакъ въ семъ мірѣ не находитъ,
Послѣдуйте Коту и будьте поумнѣй!

На дамскомъ туалетѣ
Сидѣлъ Федотка Котъ,
И чистилъ морду... Вдругъ, глядь въ зеркало, Федотъ
И тамъ. Точь въ точь! сходнѣй двухъ харей нѣтъ на
свѣтѣ.
Шерсть дыбомъ, прыгъ къ нему, и мордой щелкъ въ
стекло,
Мяукнулъ, фыркнулъ!.... «Понимаю!
Стекло прозрачное! онъ тамъ! поймаю!» —
Бѣжитъ..., О чудо! — никого.
Задумался: куда бъ такъ скоро провалиться?
Бѣжитъ назадъ! опять Федотка передъ нимъ!
«Постой, я знаю какъ! ужь быть тебѣ моимъ!»
Нашъ умница верхомъ на зеркало садится,
Боясь, чтобъ, ходя вкругъ, Кота не упустить,
Или чтобъ тамъ и тутъ въ одну минуту быть!
Припалъ какъ воръ, вертитъ глазами;
Двѣ лапки здѣсь, двѣ лапки тамъ;
Весь вытянутъ, мурчитъ, глядитъ по сторонамъ;
Нагнулся... Вотъ опять хвостъ, лапки, носъ съ усами.
Хвать! хвать! когтями цапъ-царапъ!
Далъ промахъ, сорвался и бухъ на столикъ съ рамы;
Кота же нѣтъ какъ нѣтъ. Тогда жалѣя лапъ —
(Замѣтьте, мудрецы упрямы!) —
И вѣдать не хотя, чего нельзя понять,
Федотъ нашъ зеркалу поклонъ отвѣсилъ низкій;
А самъ отправился съ мышами воевать,
Мурлыча про себя: «Не всѣ къ намъ вещи близки!
Что̀ тягостно уму, того не нужно знать!«

ПОХОРОНЫ ЛЬВИЦЫ.

Въ лѣсу скончалась Львица.
Тотчасъ ко всѣмъ звѣрямъ повѣстка. Дворъ и знать
Стеклись послѣдній долгъ покойницѣ отдать.
Усопшая царица
Лежала посреди пещеры на одрѣ,
Покрытомъ кожею звѣриной;
Въ углу, на олтарѣ
Жгли ладанъ, и Потапъ съ смиренной образиной —
Потапъ мартышка, вашъ знакомецъ, — въ носъ гнуся,
Съ запинкой, заунывнымъ тономъ,
Молитвы бормоталъ. Всѣ звѣри, принося
Царицѣ скорби дань, къ одру, съ земнымъ поклономъ
По очереди шли и каждый въ лапу чмокъ,
Потомъ поклонъ царю, который, надъ женою
Какъ каменный сидя и давъ свободный токъ
Слезамъ, кивалъ лишь молча головою,
На всѣ поклонниковъ привѣтствія въ отвѣтъ.
Потомъ и выносъ. Царь вылъ голосомъ, катался
Отъ горя по землѣ, а дворъ за нимъ во слѣдъ
Ревѣлъ, и такъ ревѣлъ, что гуломъ возмущался
Весь дикій и обширный лѣсъ;
Еще жь свидѣтели съ божбой насъ увѣряли,
Что сусликъ-каммергеръ безъ чувствъ упалъ отъ слезъ,
И что лисицу съ часъ мартышки оттирали!
Я дворъ зову страной, гдѣ чудный родъ людей:
Печальны, веселы, привѣтливы, суровы;
По виду пламенны, какъ ледъ въ душѣ своей,
Всегда на все готовы;
Что царь, то и они; народъ хамелеонъ,

Монарха-обезьяны;
Ты скажешь, что во всѣхъ единый духъ вселенъ;
Не люди, сущіе органы:
Завелъ — поютъ; забылъ завесть, — молчатъ.
И такъ, за гробомъ всѣ и воютъ и мычатъ,
Не плачетъ лишь олень. Причина? Львица съѣла
Жену его и дочь. Онъ смерть ея считалъ
Отмщеніемъ небесъ. Короче, онъ молчалъ.
Тотчасъ къ царю лиса-лестюха подлетѣла,
И шепчетъ, что олень, безсовѣстная тварь,
Смѣялся подъ рукою.
Вамъ скажетъ Соломонъ, каковъ во гнѣвѣ царь!
А какъ былъ царь и левъ, онъ гривою густою
Затрясъ, хвостомъ забилъ,
«Смѣяться? — возопилъ —
Тебѣ, червякъ? Тебѣ! надъ ихъ стенаньемъ!
Когтей не посрамлю преступника терзаньемъ;
Къ волкамъ его! къ волкамъ!
Да въ мигъ расторгнется ругатель по частямъ;
Да казнь его смиритъ, въ обителяхъ Плутона,
Царицы оскорбленной тѣнь!»
Олень,
Который не читалъ Пророка Соломона,
Царю въ отвѣтъ: Не сѣтуй, государь,
Часы стенаній миновались!
Да жертву радости положимъ на олтарь!
Когда въ печальный ходъ всѣ звѣри собирались,
И я за ними въ слѣдъ бѣжалъ,
Царица предъ меня въ сіяньи вдругъ предстала;
Хоть былъ я ослѣпленъ, но въ мигъ ее узналъ.
«Олень! — святая мнѣ сказала —
«Не плачь! я въ области боговъ

«Бесѣдую въ кругу звѣрей преображенныхъ!
«Утѣшь со мною разлученныхъ!
«Скажи царю, что тамъ вѣнецъ ему готовъ!»
И скрылась. — «Чудо! откровенье!»
Воскликнулъ хоромъ дворъ.
А царь, осклабя взоръ,
Сказалъ: «Оленю въ награжденье
Даемъ два луга, чинъ и лань!»
Не правда ли, что лесть всегда пріятна дань?

СУРКИ И КРОТЪ.

Свои намъ недостатки знать,
И въ недостаткахъ признаваться —
Какъ небо и земля: скорѣй отъ бѣдъ страдать,
Чѣмъ бѣдъ виною называться!
Въ примѣръ вамъ разскажу не басенку, а быль;
Чудна, но справедлива;
Я очевидецъ самъ такого дива,
И право не хочу пускать въ глаза вамъ пыль!

Однажды на лужокъ, лишь только солнце сѣло,
Проказники Сурки
Сошлись играть въ ѣзду, въ гулючки, въ уголки
И въ жмурки! — Да! и въ жмурки! Это дѣло
Такъ вѣрно, какъ я здѣсь, и вотъ какъ: осокой
Тому, кто ловитъ, тутъ завязывались глазки,
Концы жь повязки
Подъ морду въ узелокъ; а тамъ — бреди слѣпой!
Слѣпой бредетъ! другіе же бѣситься,
Кувыркаться, скакать кругомъ;

Тотъ подъ носъ шишъ ему, тотъ въ задъ его пинкомъ;
Тотъ на ухо свиститъ, а тотъ предъ нимъ вертится,
Коверкаясь какъ бѣсъ!
Бѣдняжка, лапки вверхъ, хвать, хвать, ни тутъ-то было!
И гдѣ поймать такихъ увертливыхъ повѣсъ!
Ловить бы до утра! но счастье пособило.
Возню услышавъ подъ землёй,
Изъ норки вылѣзъ Кротъ,-монахъ слѣпой;
Туда жь играть съ Сурками,
Растѣшился, катитъ и прямо брякъ въ силки.
Сурки
Сошлись и говорятъ: «Онъ слѣпъ, а мы съ глазами!
Не лучше ли его» — И братцы! что за срамъ!
Ворчитъ надувшись Кротъ: игра игрою!
Я пойманъ! мнѣ ловить, съ повязкой, какъ и вамъ. —
«Пожалуй! но съ твоей, пріятель, слѣпотою
Не будетъ ли намъ грѣхъ давить тебя узломъ?»
— О! это ужь обидно!
Какъ будто и играть невмѣстно мнѣ съ Суркомъ!
Стяни, сударь! еще! еще стяни! мнѣ видно!

ОРЕЛЪ И ЖУКЪ.

Орелъ, пустясь изъ тучъ, на кролика напалъ.
Бѣднякъ, безъ памяти, куда бы пріютиться,
На норку Жука набѣжалъ;
Не норка, щель: ему ли въ ней укрыться?
И лапкѣ мѣста нѣтъ! нашъ кроликъ такъ и сякъ,
Свернувшися къ кулакъ,
Прилегъ, дрожитъ. Орелъ за нимъ стрѣлою,
И хочетъ драть. Жучокъ приползъ къ его ногамъ:

«Царь птицъ»! и я и онъ—ничто передъ тобою!
Но сжалься, пощади! позоръ обоимъ намъ,
Когда въ моей норѣ невинность растерзаешь!
Онъ мой сосѣдъ, мой кумъ! мы старые друзья!
Ты самъ, мой царь, права гостепріимства знаешь:
Смягчись, или пускай погибну съ нимъ и я!»
Орелъ съ улыбкою надменной,
Ни слова не сказавъ, толкнулъ Жучка крыломъ,
Сшибъ съ мѣста, оглушилъ, а кума смявши въ комъ,
Какъ не бывалъ! — Жучокъ, жестоко оскорбленной,
Въ гнѣздо къ Орлу! и въ мигъ яички всѣ побилъ:
Яички, даръ любви, надежду, утѣшенье!
Хотя бъ одно, хотя бъ одно онъ пощадилъ!
Царь птицъ, узря въ гнѣздѣ такое разоренье,
Наполнилъ крикомъ лѣсъ;
Стенаетъ:
О ярость! Кто сей врагъ? кому отмстить?... не знаетъ!
Напрасно сѣтуетъ: среди пустыхъ небесъ
Отчаяннаго стонъ безплодно исчезаетъ.
Что дѣлать! до весны утѣхи отложить,
Гнѣздо жь повыше свить.
Пришла весна! въ гнѣздѣ яички! матка сѣла.
Но Жукъ не спитъ, опять къ гнѣзду, — яичекъ нѣтъ!
Увы! едва ль взглянуть на нихъ она успѣла!
Страданье выше мѣръ! грустить! противенъ свѣтъ!
И эхо цѣлый годъ не стихнуло въ дубравѣ!
Отчаянный Орелъ
Къ престолу Зевса полетѣлъ
И мыслитъ: «Кто дерзнетъ къ сѣдящему во славѣ
Съ злодѣйской мыслью приступить?
Днесь будетъ богъ боговъ дѣтей моихъ хранить!
Гдѣ мѣсто безопаснѣй въ мірѣ?

Осмѣльтесь, хищники, подняться къ небесамъ!»
И яица кладетъ на Зевсовой порфирѣ.
Но Жукъ проворъ и самъ,
На хитрости пустился:
Онъ платье Зевсово закапалъ грязью. Богъ —
Который пятнышка на немъ терпѣть не могъ —
Тряхнулся, яйцы хлопъ! Орелъ взбѣсился,
На Зевса окрикъ: «Я сейчасъ съ небесъ долой,
Оставлю и тебя, и громъ, и нектаръ твой!
Въ пустыню спрячусь! Богъ съ тобою!»
Зевсъ струсилъ; звать Жучка; Жучокъ предсталъ;
Что̀ было, гдѣ и какъ Зевесу разсказалъ,
И вышло, что Орелъ одинъ всему виною.
Мирить ихъ: кстати ли! и слышать не хотятъ!
Что̀ жь сдѣлалъ царь вселенной?
Нарушилъ ходъ вещей, отъ вѣка утвержденной.
Съ тѣхъ поръ, когда орлы на яицахъ сидятъ,
Родъ жучій, вмѣстѣ съ байбаками,
Не видя свѣта, скрытъ—подъ снѣжными буграми!

ИСТИНА И БАСНЯ.

Онажды Истина нагая,
Оставя кладезь свой, на бѣлый вышла свѣтъ.
Богъ съ ней! непригожа, какъ смерть худая,
Лицемъ угрюмая, съ сутулиной отъ лѣтъ.
Стукъ стукъ у всѣхъ воротъ: «пустите ради Бога!
Я Истина, больна, устала, чуть хожу!
Морозно, вѣтрено, иззябла и дрожу!»

— Нѣтъ мѣста, матушка; счастливая дорога!
Вездѣ ей былъ отвѣтъ. —
Что дѣлать? на бокъ лечь, пусть снѣгомъ занесетъ;
Присѣла на сугробъ, стучитъ зубами!
Вдругъ Басня, въ золотѣ, облитая парчой,
А правду молвить — мишурой,
Обнизанная жемчугами,
Вся въ камняхъ дорогихъ,
Блистающихъ какъ жаръ, хотя фальшивыхъ,
На санкахъ золотыхъ,
На тройкѣ рысаковъ красивыхъ
Катитъ, и прямо къ ней: — «Зачѣмъ ты здѣсь, сестра?
Одна! въ такой морозъ! прогулкамъ не пора!»
— Ты видишь, зябну! люди глухи:
Никто мнѣ не даетъ пріюта ни на часъ.
Я всѣмъ страшна! мы жалкій людъ, старухи:
Какъ будто отъ чумы, всѣ бѣгаютъ отъ насъ! —
«А ты вѣдь мнѣ большая,
Не хвастаясь сказать! ну, то ли дѣло я?
Весь міръ моя семья!
И кто жь виной? за чѣмъ таскаешься нагая?
Тебѣ ль не знать, мой другъ, что маску любитъ свѣтъ?
Изволь-ка выслушать мой сестринскій совѣтъ:
Намъ должно быть дружнѣй, и жить не такъ, какъ прежде,
Жить вмѣстѣ; а тебѣ ходить въ моей одеждѣ.
Съ *тобой* — и для меня отворитъ дверь мудрецъ,
Со *мною* — и тебя не выгонитъ глупецъ;
А глупымъ нынче родъ — и родъ весьма обильной!»
Тутъ Истина, умильной
На басню обративши взоръ,

Къ ней въ сани прыгъ . . . летятъ, и слѣду нѣтъ! — Съ тѣхъ поръ
Вездѣ сестрицы неразлучно:
И Басня не глупа, и съ Истиной не скучно!

СОКОЛЪ И ГОЛУБКА.

Голубку Соколъ дралъ въ когтяхъ.
«Попалась! ну, теперь оставь свои затѣи!
Плутовка! знаю васъ: ругательницы, змѣи!
Вашъ родъ соколью вѣчный врагъ!
Есть боги мстители!» — Ахъ! я бъ того желала!
Голубка, чуть дыша, измятая стенала. —
«Какъ! какъ, отступница! не вѣровать богамъ?
Не вѣрить силѣ провидѣнья!
Хотѣлъ тебя пустить; не стоишь; вижу самъ;
Умри! безбожнымъ нѣтъ прощенья!»

РУШЕ КЪ СВОЕЙ ЖЕНѢ И ДѢТЯМЪ ИЗЪ ТЮРЬМЫ,

ПОСЫЛАЯ КЪ НИМЪ СВОЙ ПОРТРЕТЪ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.)

О вы, которыя въ душѣ моей хранились!
Хотите ль знать, почто мой скорбный взоръ угасъ?
Когда подъ кистію черты сіи творились,
Я шелъ — на эшафотъ, но сердцемъ былъ у — васъ.

СТИХИ,

СОЧИНЕННЫЕ ДЛЯ АЛЬБОМА М. В. П.

Давно унизился Поэзіи кредитъ!
И свѣтъ, безмысленный правдивыхъ Музъ ругатель,
Нескладной прозою давно намъ говоритъ:
Поэтъ — и хитрый лжецъ и ложный предсказатель!
Филлида, свѣтъ — Софистъ! слова его — обманъ!
Дерзаю оправдать Поэта важный санъ!

Когда, нельстивыми, свободными стихами,
Скажу: что милой быть имѣешь рѣдкій даръ;
Что Грацій нѣжными украшена цвѣтами;
Что блескъ твоихъ очей есть чувства тайный жаръ;
Что взглядъ твой — милыя души изображенье;
Что ты не хитростью плѣняешь — простотой;
Что непритворное *немногихъ* удивленье
Пріятнѣй для тебя блистанья предъ *толпой*;
Что искренней любви ты знаешь постоянство;
Что прелести твои, опасныя сердцамъ,
Лишь непорочности наружное убранство;
Что хитрою рукой ты жизнь даешь струнамъ;
Что въ танцахъ ты — зефиръ, весельемъ окриленный;
Что въ пѣньи побѣжденъ тобой весны пѣвецъ —
Тогда, гармоніей стиховъ моихъ плѣненный,
Свѣтъ скажетъ: *онъ Поэтъ!* И такъ — Поэтъ не лжецъ!

Когда же, предузнавъ сокрытое судьбою
И снявъ съ ея лица магическій покровъ,
Я прорицателемъ предстану предъ тобою,
И смѣло предскажу, по праву всѣхъ пѣвцовъ:

«Достойной счастья быть — твое опредѣленье,
«И розы для тебя безъ терна расцвѣтутъ!
«Филлида, не страшись Сатурнова стремленья:
«Пріятностей души лѣта не унесутъ!
«Краса своей семьи, любимая друзьями,
«Въ нихъ счастье ты найдешь, ихъ счастьемъ наградишь!
«Ты состраданія всесильными слезами
«Съ противною судьбой страдальца примиришь!
«Безкровный отъ тебя въ тоскѣ не удалится;
«И тамъ, гдѣ нищета въ терзаньяхъ жизнь клянетъ,
«Приходъ твой съ имянемъ Творца благословится!
«Какъ сладкій, легкій сонъ, твой мирный вѣкъ пройдетъ!
«И въ часъ послѣдняго съ друзьями разставанья,
«Когда душа полна лишь скорбію одной,
«Лишь упованіемъ на близкое свиданье,
«Ты ясный кинешь взоръ на путь минувшій свой,
«И жизнь благословишь какъ милость Провидѣнья,
«Гдѣ все вело къ добру — и радость и тоска;
«Гдѣ все Творцемъ любви дано для наслажденья....
«И взоръ тебѣ смежитъ возлюбленныхъ рука,
«И меланхоліей задумчивой хранимый,
«(Какъ розы ароматъ, когда ужь розы нѣтъ,
«Какъ нѣжный блескъ зари, на тихомъ небѣ зримый) —
«Для нихъ не отцвѣтетъ твой милый, милый слѣдъ!»....
Тогда лишь истины пристрастный порицатель
Дерзнетъ сказать: *Поэтъ, ты ложный предсказатель!*

КЪ НИНѢ.

(съ англійскаго).

О Нина, о мой другъ! уже ль безъ сожалѣнья
Покинешь для меня и свѣтъ и пышный градъ?
И въ бѣдномъ шалашѣ, обители смиренья,
На сельскій промѣнявъ блестящій свой нарядъ,
Неукрашенная ни златомъ, ни парчою,
Сіяя для пустынь невидимой красою,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И *несравненною* въ кругу Прелестъ слыла?

Уже ль, направя путь въ далекую долину,
Назадъ не обратишь очей своихъ съ тоской?
Готова ль перенесть убожества судьбину,
Зимы жестокій хладъ, палящій лѣта зной?
О ты, рожденная быть прелестью природы!
Уже ль, затворница въ весенни жизни годы,
Не вспомнишь сладкихъ дней, какъ въ городѣ цвѣла
И *несравненною* въ кругу Прелестъ слыла?

Ахъ! будешь ли въ бѣдахъ мнѣ вѣрная подруга?
Опасности со мной дерзнешь ли раздѣлить?
И, въ горькій жизни часъ, прискорбнаго супруга
Усмѣшкою любви придешь ли оживить?
Уже ль, во глубинѣ души тая страданья,
О Нина! въ страшную минуту испытанья,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И *несравненною* въ кругу Прелестъ слыла?

Въ послѣднее любви и радостей мгновенье,
Когда мой Нину взоръ уже не различитъ,
Утѣшитъ ли меня твое благословенье,
И смертную мою постелю усладитъ?
Придешь ли украшать мой тихій гробъ цвѣтами?
Уже ль, простертая на прахъ мой со слезами,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И *несравненною* въ кругу Прелестъ слыла?

РАЗСТРОЙСТВО СЕМЕЙСТВЕННАГО СОГЛАСІЯ.

Жилъ мужъ въ согласіи съ женой,
И въ домѣ ихъ ничто любви не нарушало.
Ребенокъ, моська, котъ, сурокъ и чижъ ручной
Въ такомъ ладу, какого не бывало
И въ самомъ Ноевомъ ковчегѣ никогда!
Но вотъ бѣда!
Случился праздникъ — мужъ хлебнулъ, и въ споръ съ женою!
Чѣмъ кончилось? Онъ далъ возлюбленной — толчка!
Жена — сѣчь сына; сынъ — бить моську; моська съ бою
Душить и мять — кота; котъ лапкою — сурка;
Сурокъ перекусилъ — чижу съ досады шею!

Нерѣдко цѣлый край одинъ глупецъ смущалъ!
Нерѣдко безъ вины безсильный погибалъ
Во мзду могучему злодѣю!

ПЛАЧЬ ЛЮДМИЛЫ.

Ангелъ былъ онъ красотою,
Маемъ кроткій взоръ блисталъ!
Все великою душою
Несравненный превышалъ!

Поцѣлуи — сладость рая,
Слитыхъ пламеней струя,
Горнихъ арфъ игра святая!
Небеса вкушала я!

Взоромъ взоръ, душа душою
Распалялись, — все цвѣло!
Міръ сіялъ для насъ весною,
Все намъ радость въ даръ несло!

Непостижное сліянье
Восхищенья и тоски,
Нѣжныхъ ласкъ очарованье,
Огнь сжимающей руки...

Сердца сладостныя муки...
Все прости!... его ужь нѣтъ!
Ахъ! прерви жь печаль разлуки,
Смерть, души послѣдній свѣтъ!

БАСНЬ.

«Перунъ мой изостри», сказалъ Юпитеръ Мщенью:
«Усталъ я миловать! погибель преступленью!» —
Но Милосердіе, услышавъ приговоръ,
Украдкой остріе перуна притупляетъ.
Съ тѣхъ поръ
Онъ только лишь страшитъ, порѣдко поражаетъ.

НАДПИСЬ

КЪ СОЛНЕЧНЫМЪ ЛУЧАМЪ

ВЪ САДУ И. И. ДМИТРІЕВА.

И часъ, и день, и жизнь мелькаютъ быстрой тѣнью!
Прошла моя весна, съ минутной красотой;
Прости любовь! конецъ мечтамъ и заблужденью!
Лишь дружба мирная съ улыбкой предо мной!...

ПРОСТИ.

Друзья! *прости* — словцо святое!
Оно не значитъ розно жить;
Напротивъ — неразлучнѣй быть
Воспоминаніемъ и старой дружбой вдвое!

Сказавъ *прости* моимъ друзьямъ,
Себя отъ нихъ не отдѣляю,
Въ одномъ лишь словѣ заключаю
И благодарность къ нимъ, и вѣру къ ихъ сердцамъ!

Прости — надежды милый гласъ
Предвозвѣщающій свиданье!
Въ минуту скорби — упованье
На восхитительный вознагражденья часъ!

Того ужаснаго *прости*,
Которое жестокой силой
Творитъ чужимъ, что́ было мило,
Не дай намъ никогда Творецъ произнести!

Прости! — святое завѣщанье
Быть вмѣстѣ даже и въ дали,
Залогъ бродящимъ на земли
Путями разными — на вѣрное свиданье.

Никто: *прости* и жизнь и свѣтъ!
Сказать не можетъ безъ волненья,
Но то лишь знакъ переселенья
Въ тотъ край, гдѣ о *прости* ужь и помина нѣтъ.

ОТРЫВОКЪ ПИСЬМА

КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРІЕВУ.

И такъ — ея ужь нѣтъ,
Сей пристани спокойной,
Гдѣ добрый нашъ поэтъ
Игралъ на лирѣ стройной,
И, счастія достойный,

Пройдя стезю честей,
Мечталъ закатомъ дней
Веселымъ насладиться,
Какъ ясный майскій день
Прощается съ природой!
Исчезла мирна сѣнь!
Съ Харитами, съ свободой,
Въ семъ тихомъ уголкѣ
Веселость обитала,
И *съ сердцемъ на рукѣ*
Тамъ дружба угощала
Друзей по вечерамъ!
Но время все умчало,
И *здѣсь*—навѣки *тамъ*!
Какъ весело бывало,
Когда своимъ друзьямъ,
Подъ липою вѣтвистой
Съ коньякомъ чай душистой
Хозяинъ разливалъ,
И кругъ нашъ оживлялъ
Веселымъ острымъ словомъ!
О, дерево друзей!
Сколь часто темнымъ кровомъ
Развѣсистыхъ вѣтвей
Ты добрыхъ осѣняло;
Сколь часто ты внимало
Веселымъ мудрецамъ,
Кудрявыхъ одъ разборамъ,
Шутливымъ, важнымъ спорамъ,
И *Пушкина* (*) стихамъ!....

*) В. Л. Пушкина дядя А. С. Пушкина.

Сколь часто прохлажденный
Сей тѣнью *Карамзинъ*,
Нашъ Ливій-Славянинъ,
Какъ будто вдохновенный,
Предъ нами разрывалъ
Завѣсу лѣтъ минувшихъ,
И смертнымъ сномъ заснувшихъ
Героевъ вызывалъ
Изъ гроба, передъ нами!
Съ подъятыми перстами,
Со пламенемъ въ очахъ,
Подъ сѣрымъ юберрокомъ
И въ пыльныхъ сапогахъ,
Казался онъ пророкомъ,
Открывшимъ въ небесахъ
Всѣ тайны ихъ священны!
И нашъ мудрецъ смиренный,
Козлятьевъ незабвенный,
Оратору внималъ,
Съ улыбкой одобрялъ,
И взоромъ выражалъ
Въ молчаньи всѣ движенья
Души своей простой!
Онъ кончилъ путь земной!
Но какъ безъ восхищенья
О добромъ говорить?
О! можно ли забыть
Сей взоръ пріятный, ясной,
Органъ души прекрасной,
Сей тихій, скромный видъ,
Сердечную учтивость,
И старческихъ ланитъ

Прелестную стыдливость,
И простоту рѣчей!.....
Покой сихъ мирныхъ дней
Смиренье ограждало;
Ничто ихъ не смущало
Сердечной чистоты;
Страдальца, сироты
Молящее стенанье
Внималъ онъ со слезой;
Онъ скрытною рукой
Благотворилъ въ молчаньи!....
Увы! его ужь нѣтъ,
И милой жизни слѣдъ
Хранитъ воспоминанье!
Но что жь? очарованье
Сихъ дружескихъ бесѣдъ
Погибло ль безъ возврата?....
Пожаръ не пощадилъ
Ни добраго Сократа,
Которому грозилъ
Амуръ въ тѣни акацій,
Ни скромной урны Грацій,
Ни тѣсной люльки той,
Гдѣ эгоистъ спокойный,
Подъ тѣнью въ полдень знойный,
Съ подругою мечтой
Дѣлилъ уединенье!
Все грозною рукой
Постигло разрушенье!
. *)

*) Эти стихи вѣроятно были написаны послѣ московскаго пожара въ 1812 году; Дмитріевъ имѣлъ тогда свой домъ у Красныхъ воротъ, въ Огородникахъ.

НАРОДНЫЙ ГИМНЪ.

(1814 года).

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ Смирителю,
Слабыхъ Хранителю,
Всѣхъ Утѣшителю —
Все ниспошли!

Перводержавную,
Русь Православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное! —
Все жь недостойное
Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ —
Долгіе дни!

Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!

Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!

О Провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!

Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная
Жизнь наднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

ПИСЬМО КЪ ***.

Я самъ, мой другъ, не понимаю,
Какъ можно рѣдко такъ писать
Къ друзьямъ, которыхъ обожаю,
Которымъ все бы радъ отдать!...
Подруга дѣтскихъ лѣтъ, съ тобою
Бываю сердцемъ завсегда
И говорить люблю мечтою...
Но говорить перомъ — бѣда!

День почтовой есть день мученья!
Для моего воображенья
Враги — чернилица съ перомъ!
Сидѣть согнувшись за столомъ
И, чтобъ открыть души движенья,
Перо въ чернила помакать,
Написанное жь засыпать
Скорѣй пескомъ для сбереженья, —
Все это, признаюсь, мнѣ адъ!
Что̀ ясно выражаетъ взглядъ
Иль голоса простые звуки,
То̀ на бумагѣ, не впопадъ,
Для услажденія разлуки,
Должны въ опредѣленный день
Мы выражать перомъ! — А лѣнь,
А мрачное расположенье,
А сердца тяжкое стѣсненье
Всегда ль даютъ свободу намъ
То̀ мертвымъ повѣрять строкамъ,
Что въ глубинѣ души таится?
Неволи мысль моя страшится;
Я авторъ — но писать лѣнивъ!
За то всегда, всегда болтливъ,
Когда твои воображаю
Столь драгоцѣнныя черты,
И *самъ себѣ* изображаю,
Сколь нѣжно мной любима ты.
Всегда, всегда разгорячаешь
Ты пламенной своей душой
И сердце и разсудокъ мой!
О сколь ты даромъ обладаешь
Быть милой для твоихъ друзей!

Когда письмо твое читаю
Себя я лучше ощущаю,
Довольный участью своей,
И будущихъ картина дней
Передо мной животворится,
И хоть на мигъ единый мнится,
Что въ жизни *все* имѣю я:
Любовь друзей — судьба моя.
Храни, о другъ мой неизмѣнный,
Сей для меня залогъ священный!
Пиши, — когда же долго нѣтъ
Письма отъ твоего поэта,
Все вѣрь, что другъ тебѣ — поэтъ, —
И жди съ терпѣніемъ отвѣта!

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Ты унываешь о дняхъ, невозвратно протекшихъ,
Горестной мыслью, тоской безнадежной ихъ призывая—
Будь настоящее твой утѣшительный геній!
Вѣря ему, свой день проводи безмятежно!
Легкимъ полетомъ несутся дни быстрые жизни!
Только успѣемъ достигнуть до полныя зрѣлости мыслей
Только увидимъ достойную цѣль предъ очами —
Все ужь для насъ и прошло, какъ мечта сновидѣнья,
Призракъ фантазіи, то представляющій взору
Лугъ, испещренный цвѣтами, веселые холмы, долины,
То пролетающій въ мрачной одеждѣ печали
Дикую степь, лѣса и ужасныя бездны.
Слѣдуй же мудрымъ! всегда неизмѣнной душею,

Что посылаетъ судьба, принимай и не сѣтуй! Безумно,
Скорбью безплодной о благѣ на вѣки погибшемъ,
То отвергать, что намъ предлагаетъ минута!

Богатство, слава, честь — безумцамъ драгоцѣнны!
Страшусь ихъ прелестей, блистающихъ оковъ!
Вотъ всѣ сокровища душѣ моей священны:
«Любовь, сердечный миръ и безмятежный кровъ!»

Толпы искателей, мечтами ослѣпленны,
За счастіемъ бѣгутъ, но счастья нѣтъ для нихъ!
Блаженнѣе стократъ я въ горестяхъ моихъ.
Богатство, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны!

Мнѣ тихій уголъ мой отъ бурь и бѣдъ покровъ!
Мірскія радости какъ тѣни пролетаютъ,
Намъ счастья не даютъ, но горе оставляютъ!
«Страшусь ихъ прелестей, блистающихъ оковъ!»

Дѣлить съ тобою жизнь, Эльвира, другъ безцѣнный,
Любовь, судьбу мою въ глазахъ твоихъ читать,
Бывъ счастливымъ вчера, на утро счастья ждать:
Вотъ всѣ сокровища, душѣ моей священны!

Какъ чистый ручеекъ, сокрытый межъ цвѣтовъ,
Такъ жизнь моя пускай безвѣстно протекаетъ!
Чего желать тому, кто вами обладаетъ:
«Любовь, сердечный миръ и безмятежный кровъ?...

СОВѢСТЬ.

Сколь неизбѣжна власть твоя,
Гроза преступниковъ, невинныхъ утѣшитель,
О совѣсть, нашихъ дѣлъ законъ и обвинитель,
Свидѣтель и судья!

СМЕРТЬ.

То сказано глупцомъ и принято глупцами,
Что будто смерть для насъ творитъ ужаснымъ свѣтъ!
Пока на свѣтѣ мы, она еще не съ нами;
Когда жь пришла она, то насъ на свѣтѣ нѣтъ!

БЕЗПОЛЕЗНАЯ СКРОМНОСТЬ.

Демидъ, подъ одою своей, боясь Зоила,
Ты имени не подписалъ!
Но глупость за тебя къ ней руку приложила,
И свѣтъ тебя узналъ!

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ

въ игрѣ, называемой

СЕКРЕТАРЬ.

В. Какая разница между *разноты* и *разности?*

О. Свѣтлана — ангелъ красоты,
Тутъ я не вижу разноты;
Свѣтлана — безобразность,
Тутъ всё: и *разница*, и *разнота*, и *разность*.

В. Что такое буква *Я?*

О. Губительнаго *я*
Нѣтъ хуже въ мірѣ слова;
Мнѣ жизнь мила моя —
Коль можетъ жизнью быть другова.

МОТЫЛЕКЪ.

Вчера я долго веселился,
Смотря, какъ мотылёкъ
Мелькалъ на солнышкѣ, носился
Съ цвѣточка на цвѣтокъ.

И милой цвѣтъ его мѣнялся
Всечасно предо мной:
То алой тѣнью отливался,
То нѣжной голубой.

Я въ слѣдъ за нимъ . . . Но онъ быстрѣе
Виляетъ и кружитъ!
И вижу, вдругъ прильнувъ въ лилеѣ,
Недвижимый блеститъ!

Бѣгу . . . и мой летунъ вертлявый
Дрожитъ въ моихъ рукахъ.
Но гдѣ же блескъ его румяный?
Гдѣ краски на крылахъ?

Увы! коснувшись къ нимъ перстами,
Я стеръ ихъ нѣжный цвѣтъ!
И мотылёкъ онъ все съ крылами!
Но красоты ужь нѣтъ!

«Такъ наслажденье измѣняетъ!»
Вздохнувши, я сказалъ,
«Пока не тронуто, — блистаетъ!
«Дотронься — блескъ пропалъ!»

ЭПИТАФІИ.

Хромому.

Дамонъ покинулъ свѣтъ,
На гробъ ему два слова:
Былъ хромъ и ковылялъ сто лѣтъ; —
Довольно для хромова!

Пьяницѣ.

Подъ камнемъ симъ Бибрисъ лежитъ;
Онъ на землѣ въ такомъ раздорѣ былъ съ водою,

Что намъ и изъ земли кричитъ:
Не плачьте надо мною.

Завоевателямъ.

Гдѣ всемогущіе владыки,
Опустошители земли?
Ихъ повелительные лики
Смирились въ гробовой пыли!
И міръ надменныхъ забываетъ!
И время съ ихъ гробовъ стираетъ
Послѣдній титулъ ихъ и слѣдъ,
Слова ничтожныя: *ихъ нѣтъ*.

ЖЕЛАНІЕ И НАСЛАЖДЕНІЕ.

Что такъ, дружочекъ, пріуныло?
Что твой пріятный взоръ угасъ?
Такъ наслажденье говорило
Желанью въ добрый часъ.

Приди — подѣлимся напастью!
Приди — я другъ давнишній твой!
Я покажу дорогу къ счастью
И помирю съ судьбой!

Желанье слезы отираетъ,
И мчится къ другу на крылахъ,
И въ ту жь минуту — умираетъ
У друга на рукахъ!

КЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ
Б. В. ПОЛУЕКТОВУ,

НА ВЫСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПОХОДЪ 1815 Г. 17 ФЕВРАЛЯ.

Нашъ Кульмскій богатырь, ура! счастливый путь!
Лети съ полками въ поле брани,
Сбирай съ покорной славы дани,
И новые кресты нанизывай на грудь!
Твоя судьба паритъ подъ небомъ за орлами,
А наша — за твое здоровье робко пить,
Хвалить изъ-подтишка дѣла твои стихами,
И вслухъ тебя любить.

КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ДАМѢ,

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЛЕСТНУЮ ОТЪ НЕЯ ПОХВАЛУ.

Хваля стихи пѣвца, ты насъ сама плѣняешь
Гармоніей стиховъ;
И, славя скудный даръ его, лишь убѣждаешь,
Что *твой*, а не его, родной языкъ боговъ.

СТАНСЫ.

Можно ль въ жизни молодой
Сердце мучить лживой тѣнью?
Нѣтъ, считай *мечту мечтой*,
Остальное жь Провидѣнью!

Въ бурю, въ легкомъ челнокѣ,
Окруженный тучи мглою,
Плылъ младенецъ по рѣкѣ,
И несло челнокъ волною!

Буря вкругъ него кипитъ —
Чолнъ ужасно колыхаетъ —
Беззаботно онъ сидитъ
И весломъ своимъ играетъ.

Волны брыжжутъ на челнокъ —
Онъ веселыми глазами
Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
Какъ цвѣтокъ кружитъ волнами.

Чолнъ, ударясь у береговъ
Объ утесы, развалился,
И на брегѣ межъ цвѣтовъ
Мореходецъ очутился.

Чолнъ забытъ! А гибель, страхъ?
Ихъ невинность и не знаетъ!
Улыбаясь, на цвѣтахъ
Мой младенецъ засыпаетъ!

Вотъ примѣръ! Безъ страха въ свѣтъ!
Пусть гроза, пускай волненье;
Намъ погибели здѣсь нѣтъ!
Правитъ чолнъ нашъ Провидѣнье!

Здѣсь стезя твоя вѣрна!
Менѣй, чѣмъ другимъ, опасна!
Жизнь красой души красна —
А твоя душа прекрасна.

КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Ты Вяземскій, хитрецъ, хотя ты и Поэтъ!
Проблему, что въ тебѣ ни крошки дара нѣтъ,
Ты вздумалъ доказать посланьемъ,
Въ которомъ на бѣду стихъ каждый заклейменъ
Высокимъ дарованьемъ!
Притворство въ сторону! знай, другъ, что осужденъ
Ты своенравными богами
На свѣтѣ жить и умереть съ стихами,
Такъ точно, какъ орелъ надъ тучами летать,
Какъ благородный конь кипѣть предъ знаменами,
Какъ роза на лугу весной благоухать!
Сноси жь безъ ропота боговъ опредѣленье,
Не мысли почитать успѣхъ за обольщенье
И содрогаться отъ похвалъ!
Хвала друзей — Поэту вдохновенье!
Хвала невѣждъ — бряцающій кимвалъ!
Страшися, мой пѣвецъ, не смѣлости, но лѣни!
Подъ маской робости не скроешь ты свой даръ;
И тлѣющій въ твоей груди священный жаръ
Сильнѣе, чѣмъ друзей и *похвалы и пени!*
Пиши, когда писать внушаетъ Аполлонъ!
Къ святилищу, гдѣ скрытъ его незримый тронъ,
Извѣстно намъ, ведутъ, безчисленны дороги;
Прямая же одна!
И только тѣхъ очамъ она, мой другъ видна,
Которыхъ колыбель Парнасскимъ лавромъ боги
Благоволили въ часъ рожденья осѣнить!

На славномъ семъ пути пѣвца встрѣчаетъ Геній;
И, веселъ посреди божественныхъ явленій,
Онъ съ беззаботностью младенческой идетъ,
Куда рукой неодолимой,
Невидимый толпѣ, его лишь сердцу зримой,
Крылатый проводникъ влечетъ!
Блаженъ, когда, ступивъ на путь, онъ за собою
Покинулъ гордости угрюмой суеты
И славолюбія убійственны мечты!
Тогда съ свободною и ясною душою
Наслѣдіе свое, великолѣпный свѣтъ,
Онъ быстро на крылахъ могучихъ облетаетъ
И, вдохновенный, восклицаетъ,
Повсюду зря красу и благо: я Поэтъ!
Но горе, горе тѣмъ, на коихъ Эвмениды,
За преступленья ихъ отцовъ,
Наслали Фурію стиховъ!
Для нихъ страшилища и Фебъ и Аониды!
И визгъ карающихъ свистковъ
Во снѣ и на яву ихъ робкій слухъ терзаетъ!
Ихъ жребій — пѣть на зло суровыхъ къ нимъ судей!
Чѣмъ громозвучнѣй смѣхъ, тѣхъ струны ихъ звучнѣй,
И лира наконецъ къ перстамъ ихъ прирастаетъ!
До Леты гонитъ ихъ свирѣпый Аполлонъ;
Но и забвенія рѣка ихъ не спасаетъ!
И на брегу ея, сквозь тяжкій смерти сонъ,
Ихъ тѣни борются съ безплодными свистками!
Но, другъ, не для тебя сей бѣдственный удѣлъ!
Природой наученъ, ты вѣрный путь обрѣлъ!
Летай неробкими перстами
По очарованнымъ струнамъ,
И Музы не страшись! Въ нерукотворный храмъ

Стезей цвѣтущею, но скрытою отъ свѣта,
Она ведетъ Поэта!
Лишь бы любовью красоты
И славой чистою душа въ насъ пламенѣла,
Лишь бы, минутное отринувъ, съ высоты
Она къ безмертному летѣла —
И Муза — счастія богиней будетъ намъ!
Пускай слѣпцы ползутъ по праху къ похваламъ,
Вѣнцовъ презрѣнныхъ ищутъ въ прахѣ,
И, славу позабывъ, блѣднѣютъ въ низкомъ страхѣ,
Чтобы прелестница-хвала,
Какъ облако, изъ ихъ объятій не ушла!
Имъ вѣчно не узнать тѣхъ чистыхъ наслажденій,
Которыя даетъ намъ безкорыстный геній,
Природы властелинъ,
Парящій посреди безбрежнаго пучинъ,
Красы верховной созерцатель,
И въ чудномъ мірѣ семъ чудеснаго создатель!
Мой другъ, святыхъ добра законовъ толкователь,
Поэтъ на свѣтѣ семъ — всѣхъ добрыхъ семьянинъ!
И сладкою мечтой потомства оживленной. . .
О, нѣтъ! потомство не мечта!
Не мни, чтобъ для меня въ дали его священной
Однихъ лишь почестей блистала суета!
Пускай правдивый судъ потомствомъ раздается—
Ему внимать нашъ прахъ во гробѣ не проснется,
И не достигнетъ онъ къ безчувственнымъ костямъ!
Потомство говоритъ, мой другъ, однимъ гробамъ;
Хвалы жь его въ гробахъ почіющимъ не внятны!
Но въ жизни мысль объ немъ — намъ спутникъ благодатный!
Надежда сердцемъ жить въ вѣкахъ,

Надежда сладкая! она не заблужденье!
Пускай покроетъ лиру прахъ—
Въ семъ прахѣ не умолкнетъ пѣнье
Души безсмертной полныхъ струнъ!
Нашъ Геній будетъ вѣчно юнъ,
Неутомимыми крылами
Парить надъ дряхлыми племенъ и царствъ гробами!
И будетъ пламень, въ насъ горѣвшій, согрѣвать
Жаръ славы, благости и смѣлыхъ помышленій
Въ сердцахъ грядущихъ поколѣній!
Сихъ узъ ни Кронъ, ни смерть не властны разорвать!
Пускай, пускай придетъ пустынный вѣтръ свистать
Надъ нашею съ землей сравнявшейся могилой—
Что̀ счастіемъ для насъ въ минутной жизни было,
То будетъ счастіемъ для близкихъ намъ сердецъ.
И долго послѣ насъ грядущихъ лѣтъ пѣвецъ
Отъ лиры воспылаетъ нашей;
Внимая умиленно ей,
Страдалецъ подойдетъ смѣлѣй
Къ своей ужасной, горькой чашѣ,
И волю Промысла, смирясь, благословитъ;
Сынъ славы закипитъ,
Ее послышавъ, бранью,
И праздный мечъ сожметъ нетерпѣливой дланью.
Давно въ развалинахъ Сабинскій уголокъ,
И вѣки ужь надъ нимъ толпою пролетѣли—
Но струны Флакковы еще не онѣмѣли!
И мнится, не забылъ ихъ звука тотъ потокъ
Съ одушевленными струями,
Надъ коимъ дружными вѣтвями
Въ кудрявые вѣнцы сплелися древеса!
Такъ, подъ вечеръ, когда невидимо роса

Съ роскошной свѣжестью на землю упадаетъ,
И мирты спящіе Селена осребряетъ,
Дріадъ стыдливыхъ хороводъ
Кружится по цвѣтамъ, и тѣнь ихъ пролетаетъ
По зыбкому зерцалу водъ!
Нерѣдко въ тихій часъ, какъ солнце на закатѣ
Ліетъ румяный блескъ на море вдалекѣ,
И мирты темные дрожатъ при вѣтеркѣ,
На яркомъ отражаясь златѣ,
Вдругъ разливается какъ будто тихій звонъ,
И вѣтерокъ и струй журчанье утихаетъ,
Какъ бы незримый Аполлонъ
Полетомъ легкимъ пролетаетъ—
И путникъ, погруженъ въ унылость, слышитъ гласъ:
«О смертный! жизнь стрѣлою мчится!
«Лови, лови летящій часъ!
«Онъ, улетѣвъ, не возвратится! *)

СТИХИ

ПѢТЫЕ НА ПРАЗДНЕСТВѢ АНГЛІЙСКАГО ПОСЛА ЛОРДА КАТКАРТА, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА **).

Сей день есть день суда и мщенья!
Сей грозный день землѣ явилъ
Непобѣдимость Провидѣнья,
И гордыхъ силу пристыдилъ.

*) Вторая половина этого стихотворенія въ Т. I. (стр. 304). Авторъ печаталъ ее отдѣльно.

**) Сей великолѣпный праздникъ данъ 28 Марта 1816 года, въ годовщину отреченія Императора Наполеона отъ престола въ Фонтенебло.

Гдѣ тотъ, предъ кѣмъ гроза не смѣла
Валовъ покорныхъ воздымать,
Когда ладья его летѣла
Съ фортуной къ берегу пристать?
Къ стопамъ рабовъ бросалъ онъ троны,
Срывалъ съ царей красу порфиръ,
Сдвигалъ народы въ легіоны
И мыслилъ весь заграбить міръ.
И гдѣ онъ?... Міръ его не знаетъ!
Забытъ разбитый истуканъ!
Лишь предъ изгнанникомъ зіяетъ
Неумолимый океанъ.
И все, что рушилъ онъ, природа
Уже красою облекла,
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла!
И честь Тому—Кто, вѣрный чести,
Свободѣ мечъ свой посвятилъ,
Кто въ грозную минуту мести
Лишь благодатью отомстилъ.
Такъ! честь Ему: и миръ вселенной,
И царскія въ вѣнцахъ главы,
И блескъ Лютеціи спасенной,
И прахъ низринутой Москвы.
Объ Немъ молитва Альбіона
Одна съ сыновъ Его мольбой:
«Чтобъ долго былъ красой Онъ трона
«И человѣчества красой!»

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ РОМАНСУ ШАТОБРІАНА:

Combien j'ai douce souvenance.

Тамъ небеса и воды ясны!
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!
О родина! всѣ дни твои прекрасны!
Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой
Душой.

Ты помнишь ли, какъ подъ горою,
Осеребряемый росою,
Свѣтился лугъ вечернею порою
И тишина слетала въ лѣсъ
Съ небесъ?

Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойной,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойной,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройной,
И въ лонѣ водъ, какъ сквозь стекло,
Село?

Тамъ на зарѣ пичужка пѣла;
Даль озарялась и свѣтлѣла;
Туда, туда душа моя летѣла:
Казалось сердцу и очамъ —
Все тамъ!

СТИХИ,

ВЫРѢЗАННЫЕ НА ГРОБѢ

А. Ѳ. С....ой.

О! вы, которые, въ молитвахъ и слезахъ,
Тѣснились вкругъ моей страдальческой постели,
Которые меня въ борьбѣ съ недугомъ зрѣли,
О дѣти, о друзья! на мой спокойный прахъ
Придите усладить разлуку утѣшеньемъ!
Въ семъ гробѣ тишина; мой спящій взоръ закрытъ;
Мой ликъ не омраченъ ни скорбью, ни мученьемъ,
И жизни тяжкій крестъ меня не бременитъ.
Спокойтесь, зря мою послѣднюю обитель;
Да мой достигнетъ къ вамъ изъ гроба тихій гласъ,
Да будетъ онъ моимъ любезнымъ утѣшитель!
Открыто мнѣ теперь—все тайное для васъ!

ВЪ АЛЬБОМЪ

КНЯЖНЫ

М. А. ЩЕРБАТОВОЙ.

О *грустномъ* написать я долженъ въ твой альбомъ.
Могу ль желанію такому покориться?
При мысли о тебѣ, невольно подъ перомъ
 Одно веселое родится;
При мысли о тебѣ, невольно твой поэтъ
Воображеньемъ жизнь земную украшаетъ;
Жилищемъ радости онъ видитъ здѣшній свѣтъ
 И имя *грусти* забываетъ.

КЪ ПОРТРЕТУ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Для насъ природа Ей всѣ прелести дала!
Для насъ Ея душа цвѣла и созрѣвала!
Какъ Геній радостей Она предъ нами стала,
И все прекрасное съ собой намъ принесла
И намъ Она мила какъ счастья упованье;
Она свой трудный путь съ достоинствомъ пройдетъ;
Въ Ней не обманется Россіи ожиданье!

РЫБАКЪ.

БАЛЛАДА.

(ПОДРАЖАНІЕ ГЁТЕ.)

Бѣжитъ волна, шумитъ волна!
Задумчивъ, надъ рѣкой,
Сидитъ рыбакъ, душа полна
Прохладной тишиной.
Сидитъ онъ часъ, сидитъ другой;
Вдругъ шумъ въ волнахъ притихъ...
И влажною всплыла главой
Красавица изъ нихъ.

Глядитъ она, поетъ она:
За чѣмъ ты мой народъ
Манишь, влечешь съ роднаго дна
Въ кипучій жаръ изъ водъ?

Ахъ! если бъ зналъ, какъ рыбкой жить
Привольно въ глубинѣ,
Не сталъ бы ты себя томить
На знойной вышинѣ.

Не часто ль солнце образъ свой
Купаетъ въ лонѣ водъ?
Не свѣжей ли горитъ красой
Его изъ нихъ исходъ?
Не съ ними ли сводъ неба слитъ
Прохладно — голубой?
Не въ лоно ль ихъ тебя манитъ
И ликъ твой молодой?

Бѣжитъ волна, шумитъ волна....
На берегъ валъ плеснулъ!
Въ немъ вся душа, тоски полна,
Какъ будто другъ шепнулъ!
Она поетъ, она манитъ —
Знать часъ его насталъ!
Къ нему она, онъ къ ней бѣжитъ....
И слѣдъ на вѣкъ пропалъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобныхъ вамъ ужь сердцу не нажить!
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья;
Ахъ! лучше бъ васъ совсѣмъ мнѣ позабыть!

Къ вамъ часто мчитъ привычное желанье —
И слезъ любви нѣтъ силъ остановить!
Несчастіе — объ васъ воспоминанье;
Но болѣе несчастье — васъ забыть!

О! будь же, грусть, замѣной упованья!
Отрада намъ — о счастьи слезы лить;
Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, увы! и позабыть?

МИНА.

(ПОДРАЖАНІЕ ГЁТЕ.)

Я знаю край! тамъ нѣгой дышетъ лѣсъ,
Златой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ,
И вѣтерокъ жаръ неба холодитъ,
И тихо миртъ и гордо лавръ стоитъ....
Тамъ счастье, другъ! туда! туда
Мечта зоветъ! Тамъ сердцемъ я всегда!

Тамъ свѣтлый домъ! на мраморныхъ столбахъ
Поставленъ сводъ; чертогъ горитъ въ лучахъ;
И ликовъ рядъ недвижимыхъ стоитъ;
И, мнится, ихъ молчанье говоритъ....
Тамъ счастье, другъ! туда! туда
Мечта зоветъ! Тамъ сердцемъ я всегда!

Гора тамъ есть съ заоблачной тропой!
Въ туманахъ мулъ тамъ путь находитъ свой;

Драконы тамъ мутятъ ночную мглу;
Летитъ скала и воды на скалу!....
О другъ, пойдемъ! туда! туда
Мечта зоветъ!... Но быть ли тамъ когда?

ПѢСНЯ.

Кольцо души дѣвицы
Я въ море уронилъ;
Съ моимъ кольцомъ я счастье
Земное погубилъ.

Мнѣ, давъ его, сказала:
«Носи! не забывай!
«Пока твое колечко,
«Меня своей считай!»

Не въ добрый часъ я неводъ
Сталъ въ морѣ полоскать;
Кольцо юркнуло въ воду;
Искалъ.... но гдѣ сыскать!

Съ тѣхъ поръ мы какъ чужіе!
Приду къ ней — не глядитъ!
Съ тѣхъ мое веселье
На днѣ морскомъ лежитъ!

О вѣтеръ полуночный,
Проснися! будь мнѣ другъ!
Схвати со дна колечко,
И выкати на лугъ.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня въ слезахъ!
И что-то, какъ бывало,
Зажглось у ней въ глазахъ!

Ко мнѣ подсѣла съ лаской,
Мнѣ руку подала;
И что-то ей хотѣлось
Сказать, но не могла!

На что твоя мнѣ ласка!
На что мнѣ твой привѣтъ?
Любви, любви хочу я....
Любви-то мнѣ и нѣтъ!

Ищи, кто хочетъ въ морѣ
Богатыхъ янтарей....
А мнѣ — мое колечко
Съ надеждою моей.

ЖАЛОБА ПАСТУХА.

На ту знакомую гору
Сто разъ я въ день прихожу;
Стою, склоняся на посохъ,
И въ долъ съ вершины гляжу.

Вздохнувъ, медлительнымъ шагомъ
Иду во слѣдъ я овцамъ,
И часто, часто въ долину
Схожу, не чувствуя самъ.

Весь лугъ по прежнему полонъ
Младой цвѣтовъ красоты;
Я рву ихъ — самъ же не знаю
Кому отдать мнѣ цвѣты?

Здѣсь часто въ дождикъ и въ грозу
Стою, къ землѣ пригвождёнъ;
Все жду, чтобъ дверь отворилась . . .
Но то обманчивый сонъ!

Надъ милой хижинкой свѣтитъ,
Видаю, радуга мнѣ . . .
Къ чему? Она удалилась!
Она въ чужой сторонѣ!

Она все далѣ! все далѣ!
И скоро слухъ замолчитъ;
Бѣгите жь, овцы, бѣгите!
Здѣсь горе душу томитъ.

Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ,
Кто близъ одра, какъ близъ могилы,
Въ ночи безсонный, не рыдалъ,
Тотъ васъ не знаетъ, вышни Силы!
На жизнь мы брошены отъ васъ!
И вы жь, давъ знаться намъ съ Виною,
Страданью выдаете насъ,
Вину преслѣдуете Мздою.

НОВАЯ ЛЮБОВЬ-НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Что съ тобой вдругъ, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипѣло, запылало?
Какъ тебя растолковать?
Все исчезло, чѣмъ ты жило,
Чѣмъ такъ сладостно грустило!
Гдѣ безпечность? гдѣ покой?...
Ахъ! что сдѣлалось съ тобой?

Расцвѣтающая ль младость,
Рѣчи ль, полныя душой,
Взора ль пламенная сладость,
Овладѣли такъ тобой?
Захочу ли ободриться,
Оторваться, удалиться —
Бросить томный, томный взглядъ...
Ахъ! я къ ней лечу назадъ!

Я неволенъ, очарованъ!
Я къ неволѣ золотой,
Обезсиленный, прикованъ
Шелковинкою одной!
И бѣжать очарованья
Нѣтъ ни силы, ни желанья!
Радъ тоскѣ! хочу любить...
Видно, сердце, такъ и быть!

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Н. КАРАМЗИНОЙ. *)

24 Ноября 1818.

Будь, милая, съ тобой любовь Небесъ святая;
Иди безъ трепета, въ тебѣ — открытый свѣтъ!
Прекрасная душа! цвѣти, не увядая.
Для свѣтлыя души въ сей жизни мрака нѣтъ.
Все для души, сказалъ Отецъ твой несравненный.
Въ сихъ двухъ словахъ открылъ намъ ясно онъ
И тайну бытія и нашихъ дѣлъ законъ...
Онѣ тебѣ — на жизнь завѣтъ священный.

КЪ ПОРТРЕТУ ГЕТЕ.

Свободу смѣлую принявъ себѣ въ законъ,
Всезрящей мыслію надъ міромъ онъ носился,
И въ мірѣ все постигнулъ онъ —
И ничему не покорился.

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. **)

Благодарю, мой другъ, тебя за доставленье
Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ!
На Волгѣ **) встрѣтилось съ тобою вдохновенье!
Ты съ крутизны ея лѣсистыхъ береговъ,
Смотря на пышныя окрестностей картины,
Съ природы списокъ намъ похожій написалъ.
И я тебѣ во слѣдъ мечтою пробѣгалъ

*) Бывшей потомъ въ замужествѣ за Кн. Петр. Иван. Мещерскимъ.
**) См. собраніе стихотвореній его: *въ Дорогѣ и Дома*, стр. 57.

Прибрежныхъ скалъ вершины,
Смотрѣлъ, какъ быстрые, крылатые струга,
Сокровищъ земледѣлья полны,
Рулями острыми разрѣзывали волны,
Какъ селы между рощъ пестрили берега;
Какъ дымъ ихъ, тонкими подъемляся столбами,
Взвивался и бѣлѣлъ на синевѣ лѣсовъ,
И медленно всходя сливался съ облаками, —
Вотъ, что, по милости, мой другъ, твоихъ стиховъ,
Какъ на яву, я видѣлъ предъ собою.
Прочелъ я ихъ одинѣ, потомъ прочли со мною
Тургеневъ съ Гнѣдичемъ, и Блудовъ, и Дашковъ.
Потомъ и критику — богиню пригласили
Ихъ съ хладнокровіемъ, ей сроднымъ, прочитать.
Мы, слушая ее, стихи твои херили,
Тебѣ же по херамъ осталось поправлять!
Вотъ общій приговоръ богини безпристрастной:
«Вашъ Вяземскій прямой поэтъ!
«Онъ ищетъ простоты, но простоты прекрасной;
«И вялости въ его стихахъ признака нѣтъ.
«Даръ живописи онъ имѣетъ превосходной!
«Природу наблюдать его умѣетъ взоръ!
«Презрѣвши вымысловъ блистательной уборъ,
«Онъ въ скромной простотѣ, красамъ природы сродной,
«Живописуетъ намъ природы красоты!
«Онъ въ ней самой беретъ тѣ сильныя черты,
«Изъ коихъ создаетъ ея изображенье»
«И списка точностью дивитъ воображенье.
Таковъ для твоего творенья
Былъ общій приговоръ!
Потомъ перебирать свободно

*

Богиня принялась стихи поочередно,
И вышелъ строгой переборъ!
Послушай и поправь, когда тебѣ угодно!

КЪ КНЯГИНѢ А. Ю. О...ОЙ.

Княгиня! для чего отъ насъ
Вы такъ безжалостно спѣшите?
На *годы* скрыться вы хотите,
Намъ показавшися *на часъ*.
Я знаю *что̀*, *какою* властью
Къ Москвѣ старинной васъ манитъ!
Я знаю дивный сей магнитъ:
По почтѣ скачете вы *къ счастью*.
Нельзя ль мнѣ на ухо шепнуть,
Когда вы сей открыли путь,
И какъ его открыть возможно?
Нельзя ль *маршрута* показать,
И мнѣ на случай подписать
Своей рукою — *подорожной?*
О благодатной сторонѣ,
Гдѣ это счастіе таится,
Извѣстно по преданью мнѣ;
Порою же объ немъ и снится!
Но милый сонъ, какъ ни зову,
Придти не хочетъ на яву,
Хотя придти бы и не трудно!
Въ немъ все и просто и не чудно,
И сверхъестественнаго нѣтъ!
Объ этомъ счастьи вздорный свѣтъ
Имѣетъ ложныя познанья;

Его жилищу описанья
Въ печатныхъ книгахъ не найдемъ;
Любимцы же его объ немъ
Разсказывать весьма лѣнивы:
Счастливцы вѣчно молчаливы,
Одно несчастіе — крикунъ!
Но мой домашній говорунъ —
Досужное *Воображенье* —
Мнѣ сочинило на угадъ!
Хотя сей богъ на первый взглядъ
Очаровательной приманкой
И не коснется до души,
Но нечувствительно, въ тиши,
Пріятностью, лицемъ, осанкой
Сдружитъ васъ нехотя съ собой!
Онъ жить привыкъ въ ладу съ Природой;
Любовь съ довѣрчивой *Свободой*
И вѣрный спутникъ ихъ *Покой*
Гостятъ безвыходно у бога,
И отгоняютъ отъ порога
Его имъ ввѣренныхъ дверей
Душегубительную *Ревность*.
Стыдливость, предъ которой древность,
Не воздвигая олтарей,
Въ молчаніи благоговѣла —
Прелестный сторожъ красоты,
Безъ блеска ризъ, безъ наготы,
Сего счастливаго предѣла
Очарованіе хранитъ,
И, угощая въ немъ *Харитъ*,
Узнать препятствуетъ *Гимену*
Подругу Скуки —*Перемѣну*.

Умѣренность, *Довольства* другъ,
Порядокъ, ихъ животворитель,
Занятіе, души хранитель,
Пріятный братъ его *Досугъ*,
Съ нимъ неразлучное *Веселье*
И легкокрылое *Бездѣлье*,
Товарищъ рѣзвости младой,
Живутъ тамъ дружною семьей.
И въ семъ пріютѣ все земное
Пріемлетъ существо иное:
Надежда радостнѣе тамъ,
Живѣе *Вѣра* въ Провидѣнье,
Печаль находитъ утоленье
Въ сердечномъ словѣ: *пополамъ!*
Тамъ даже *Смерть*, пришлецъ жестокій,
Склонясь на одръ неодинокій,
Теряетъ хладный ужасъ свой;
Жизнь уводя одной рукою,
Спѣшитъ разоблачить другою
Лице *грядущаго* для насъ,
И платитъ намъ за быстрый часъ
Мучительнаго разставанья—
Надеждой вѣчнаго свиданья!..
Но виноватъ!... Безъ нужды вамъ
Высокопарными стихами
Описываю то, что сами,
На зло и Музѣ и стихамъ,
Вѣрнѣй вы опытомъ узнали!
Назвать бы имя божества,
И вы бы въ мигъ, безъ колдовства,
Все остальное угадали!
Сей богъ — докончу въ двухъ словахъ —

Есть богъ *семейственнаго счастья*;
Его могу я безъ пристрастья
Хвалить и въ прозѣ и въ стихахъ:
Я отъ него благодѣяній
До сей поры не получалъ,
А что я знаю, то узналъ
Изъ сновидѣній и преданій,
Извѣстно: должно быть *двоимъ*,
Чтóбъ смѣть явиться передъ нимъ,—
Для одинокихъ нѣтъ пріема!
Княгиня! васъ прошу теперь:
Къ нему дорога вамъ знакома!
Нельзя ль, чтобъ отворилась дверь
Въ его пристанище святое
И для меня, чтобъ въ добрый часъ
Вдругъ я преобразился — *въ насъ*,
Чтобъ я *одинъ* вдругъ сталъ—*насъ двое!*
Прошу мнѣ спутника найти
Такого, чтобъ къ жилищу бога
Была пріятна съ нимъ дорога,
Чтобъ не пришлось съ полупути
Назадъ бѣжать, не озираясь!
Хоть вамъ довѣрчиво ввѣряясь,
И не боюсь я *не дойти;*
Но все на всякій страхъ желаю
(Чтобъ легче было выбирать)
Попутчика вамъ описать,
Какимъ его воображаю.
Скажу вамъ: *онъ*, иль нѣтъ, *она* —
Ужь не ребенокъ быть должна:
Ребенку надобенъ учитель!
А я, мечтательнаго зритель,

Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ Поэтъ!
Съ его прекрасной стороною
Я, неиспорченной душою,
Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечной;
Могу товарищемъ я быть
Во всемъ, что въ жизни сей *прекрасно*;
Съ душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить;
Но неспособенъ зоркимъ взглядомъ
Приманокъ свѣта различать;
Могу на счастье руку дать,
Но не *впередъ* идти, а *рядомъ*.
Что вамъ сказать о красотѣ?
Я не желаю идеала,
Одной знакомаго мечтѣ;
Хочу, чтобы она плѣняла
Не тѣмъ, что можетъ взоръ плѣнять,
Чему легко названье дать,
На что есть въ лексиконѣ слово
И что умчитъ стремленье лѣтъ...
Но тѣмъ, чему названья нѣтъ,
Что вѣчно молодо и ново,
И что прекраснѣй красоты!
Какія бъ ни были черты,
Желаю только, чтобъ сіяло
Сквозь ихъ живое покрывало
Мнѣ сердце, чистое какъ день!
Нѣтъ совершенства, и напрасно
Его желать намъ! Здѣсь прекрасно

Лишь то, въ чемъ слиты *свѣтъ и тѣнь!*
Боюсь разборчивости строгой!
Чтобы идти земной дорогой,
Большой не надобенъ запасъ...
Любовь къ добру — и въ добрый часъ!
Еще бъ я много здѣсь прибавилъ;
Но васъ въ Москву зовущій рокъ,
Къ несчастью, слишкомъ малый срокъ
Моей болтливости оставилъ!
И такъ желаю, чтобъ *она*
Со мной *въ дурномъ* была *сходна*,
А въ *добромъ разнилась* со мною;
Страдая вмѣстѣ зломъ однимъ,
Скорѣе зло мы *истребимъ*;
Добро жь, согласною душою
Дѣля, *въ одно* соединимъ;
Разсудокъ ясный и надёжной
Я предпочту неосторожной,
Хотя и милой *остротѣ*;
Хочу, чтобъ свѣтъ она судила
Въ спокойной сердца простотѣ,
И мыслью вѣрною свѣтила,
Не ослѣпляя, въ тишинѣ
Какъ другъ-путеводитель мнѣ!
Не *пылкаго* воображенья,
Живаго я желаю ей;
Одно — товарищъ заблужденья,
Другое — геній нашихъ дней,
На всѣхъ путяхъ цвѣты находитъ
И краски свѣжія наводитъ
На жизнь поблекшую отъ лѣтъ...
.

.

Княгиня, васъ ужь съ нами нѣтъ!
Мелькнули вы, какъ привидѣнье!
И бѣдный, сирота-Поэтъ,
Я остаюсь теперь въ сомнѣньѣ.
Вы *сами* ль показались мнѣ,
Иль только ваша тѣнь во снѣ
Являлась мнѣ съ воспоминаньемъ
О дняхъ веселыя Москвы,
Съ любезностью, съ очарованьемъ,
Какимъ тогда плѣняли вы,
И съ милостивымъ обѣщаньемъ
Необходимой мнѣ жены?
Какъ жаль, что насъ такіе сны
Лишь мимоходомъ навѣщаютъ,
Лишь только дразнятъ счастьемъ насъ,
И прочь летятъ въ тотъ самый часъ,
Когда остаться обѣщаютъ!
Какъ жаль, что съ вами суждено
Моей судьбою своенравной
Мнѣ быть знакомымъ такъ давно,
А быть короткимъ — такъ недавно!
Умомъ бы яснымъ и живымъ
Вы сонный умъ мой разбудили
И зоркость опыта сдружили
Съ слѣпымъ ребячествомъ моимъ,
Не испугавъ воображенья!
Какъ жаль, что ваши наставленья
Не могутъ мнѣ компасомъ быть!
Я признаюсь: опасно плыть
Мнѣ по морю *большаго свѣта*
Съ обманчивой звѣздой Поэта;

Любуясь милой сей звѣздой,
И слѣдуя мечтой послушной
За прелестью ея воздушной,
Я руль позабываю мой,
Не знаю камней, жертвы ждущихъ,
И въ обольстительныхъ лучахъ
Зрю призракъ береговъ *цвѣтущихъ*
На *неприступныхъ* берегахъ...
Но васъ здѣсь нѣтъ, и васъ напрасно
Въ путеводители мнѣ звать!
Коё какъ буду путь опасной,
Судьбѣ отдавшись, продолжать!
Беречь свой челнъ отъ потопленья
Среди невѣрной глубины,
И терпѣливо доставленья
Ждать — мнѣ обѣщанной жены.

АНГЕЛЪ И ПѢВЕЦЪ.

Кто ты, Ангелъ свѣтлоокой,
Съ лучезарною звѣздой?
Изъ какой страны далекой
Прилетѣлъ на Сѣверъ мой?

«Прилетѣлъ я изъ прекрасной
«Полуденной стороны,
«Гдѣ безъ зноя небо ясно,
«Гдѣ предѣлъ младой весны!»

Сладко мнѣ твое явленье!
Гость воздушный, въ добрый часъ!

Полюбуйся на творенье
И на Сѣверѣ у насъ!

Но плѣнительному Югу
Для чего жь ты измѣнилъ?...
«Небомъ данную подругу
«Я на Сѣверъ проводилъ!

«Гдѣ надъ Некаромъ дубровы
«Сѣннолиственны шумятъ,
«Гдѣ на холмахъ пурпуровый
«Созрѣваетъ виноградъ,

«Тамъ, сердца обворожая
«Тихой прелестью своей,
«Непорочно молодая
«Разцвѣтала дочь Царей!

«Спутникъ ей отъ колыбели,
«Тайно зрѣлъ я, какъ въ тиши
«Родилися и созрѣли
«Красоты ея души.

«Провидѣніе судило
«Вамъ питомицу мою!
«Даръ примите! Все, что мило,
«Съ нею вамъ передаю!»

Свѣтлый Ангелъ съ лучезарной
Путеводною звѣздой!
Милый даръ твой благодарно
Принимаетъ Сѣверъ мой!

Здѣсь подъ сѣнію Державы
Благотворныя, живетъ,
Вѣрный ей, достойный славы
И прославленный народъ.

И любима имъ младая
Будетъ спутница твоя!
Здѣсь готова ей родная
Съ нѣжной матерью семья!

И съ довѣрчивымъ участьемъ,
Съ сердцемъ, гдѣ добро живетъ,
Здѣсь ее дѣлиться счастьемъ
Дружба радостная ждетъ!

И младой душѣ супруга
Жизнь другую дастъ она,
И союза ихъ подруга
Будетъ радость имъ вѣрна!...

Ты же, Ангелъ, проводившій
Къ намъ ее въ полночный край,
Ты, досель ее хранившій,
И отнынѣ сохраняй!

«Навсегда съ ея душою
«Будетъ вѣрный Ангелъ жить,
«И хранительной звѣздою
«Неизмѣнно ей свѣтить!

«И уже въ странѣ лазурной,
«За границею земной,

«Духи жизни съ тайной урной
«Собрались передъ Судьбой!

«Умоляютъ, уповаютъ,
«Съ умиленной вѣрой ждутъ,
«И цвѣтами обвиваютъ
«Полный жребіевъ сосудъ.»

Дай обѣтамъ исполненье!
О Судьба! не измѣни!
Провидѣнье! Провидѣнье!
Защити и сохрани!

ОТВѢТЪ КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ

НА ЕГО СТИХИ: ВОСПОМИНАНІЕ.

Ты въ утѣшители зовешь воспоминанье:
Глядишь безъ прелести на свѣтъ!
И раззнакомилось съ душой твоей желанье!
И вѣры къ будущему нѣтъ!

О другъ! въ твоемъ мое мнѣ сердце отозвалось:
Я понимаю твой удѣлъ!
И мнѣ вожатымъ быть желанье — отказалось,
И мой свѣтильникъ поблѣднѣлъ!

Смѣнилъ блестящія мечтательныя краски
Однообразной жизни свѣтъ!
Изъ-подъ обманчиво смѣющіяся маски
Угрюмый выглянулъ скелетъ.

На что же, другъ, хотѣть призвать воспоминанье?
Мечты недозовемся мы:
Безъ утоленія пробудимъ лишь желанье;
На небо—взглянемъ изъ тюрьмы!

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ

ВОСПИТАННИЦЪ ОБЩЕСТВА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ, ПРИ ВЫПУСКѢ 1824 ГОДА.

Прости, убѣжище святое,
Гдѣ наше утро золотое
Такъ мирно радовало насъ!
Въ защитномъ здѣсь уединеньѣ
Мы зрѣли райское видѣнье,
Небесный слышали мы гласъ!
Но райскій призракъ улетаетъ,
Небесный голосъ умолкаетъ
Спѣшитъ, спѣшитъ разлуки часъ!

О ты, младенчества обитель,
Да будетъ геній твой хранитель,
Всегда хранитель вѣрный твой!
Да будетъ все, что здѣсь бывало,
Что насъ лелѣяло, плѣняло —
Невинность, радостный покой,
И легкій трудъ, и отдыхъ ясной,
И дѣтскихъ лѣтъ союзъ прекрасной —
Неизмѣняемо съ тобой!

Мы, уводимыя Судьбою,
Съ благословеньемъ и мольбою
Стремимъ къ тебѣ послѣдній взглядъ,
Предѣлъ покоя и свободы,
Вы, древни стѣны, пышны воды,
Забавъ свидѣтель, мирный садъ!
Для насъ прошли безпечны лѣта!
Мы покидаемъ васъ для свѣта!
Мы не придемъ уже назадъ!

Еще мы здѣсь — рука съ рукою!
Но близокъ часъ — и за Судьбою
Путями розными пойдемъ!
Здѣсь вмѣстѣ мы ввѣрялись счастью!
А *тамъ*, подъ тайной рока властью,
Мы все иное обрѣтемъ!
Готовитъ свѣтъ намъ испытанье!
Да будетъ же *воспоминанье*
Для насъ хранящимъ божествомъ.

Минувшее не миновалось!
Во глубинѣ души осталось
Оно сокровищемъ святымъ!
И мы, не розно и въ разлукѣ,
Къ житейской приступивъ наукѣ,
Надеждой сердце ободримъ!
Здѣсь въ тишинѣ уединенья,
Мы были дѣти Провидѣнья —
И въ шумѣ свѣта будемъ съ Нимъ!

Его, Его мы призываемъ!
Его храненью повѣряемъ

Здѣсь покидаемыхъ друзей!
Живите, радуйтесь, играйте,
И, намъ подобно, разцвѣтайте,
Подруги нашихъ лучшихъ дней!
И нашу Матерь — нашу радость —
Да утѣшая ваша младость,
Объ насъ напоминаетъ Ей.

О наша Милая Родная,
Твою обитель покидая,
Уносимъ въ сердцѣ образъ Твой!
И что бъ въ грядущемъ насъ ни ждало,
Повсюду будетъ, какъ бывало,
Для насъ любимою мольбой:
«Чтобъ Небо Милую хранило!
«Чтобъ долго дней Ея свѣтило
«Сіяло радостью земной!»

ХОРЪ

ДѢВИЦЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ИНСТИТУТА, НА ПОСЛѢДНЕМЪ ЭКЗАМЕНѢ, ПО СЛУЧАЮ ВЫПУСКА ИХЪ 1826 ГОДА ФЕВРАЛЯ 20 ДНЯ.

Разстаемся, разстаемся
Мы съ предѣломъ дѣтскихъ лѣтъ!
Мы судьбѣ, зовущей въ свѣтъ,
Невозвратно предаемся.
Будь, что намъ пошлетъ она...
Въ этотъ часъ не упованьемъ

Но святымъ воспоминаньемъ
Въ насъ душа напоена.

Здѣсь спокойно протекали
Золотые наши дни:
Какъ младенчество, они
Сномъ плѣнительнымъ пропали!
Часто въ нашъ безпечный кругъ
Матерь милая являлась,
Къ намъ привѣтливо ласкалась,
Намъ была нѣжнѣйшій другъ!

Былъ у насъ другой Хранитель,
Честь земли, земли краса!
Онъ ужь взятъ на небеса!
Небеса Его обитель!
И напрасно мы хотимъ
Возвратить Его мольбами:
Онъ невидимо надъ нами;
Но для насъ невозвратимъ.

Ахъ! изъ той небесной сѣни,
Гдѣ таишься Ты отъ насъ,
Преклонись на дѣтскій гласъ,
Удалившійся нашъ Геній!
Утѣшеніемъ слети
Къ сердцу Матери томимой!
Будь сопутникъ Ей незримый!
Снова миръ Ей возврати!

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ

ВОСПИТАННИЦЪ ОБЩЕСТВА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ, ПРИ ВЫПУСКѢ 1827 ГОДА.

Миновались, миновались
Дни младенчества для насъ!
Сами прежде разставались
Мы съ подругами не разъ;
Со слезами провожали
Ихъ въ незнаемый намъ свѣтъ;
И молитвы посылали
Удалившимся во слѣдъ.

Ахъ! пришло и наше время
Слышать грустное *прости!*
Взять заботной жизни бремя,
Въ свѣтъ незнаемый идти!
О друзья! друзья! внемлите
Удаляющихся гласъ:
Сохраните, сохраните
Память добрую объ насъ!

Мы идемъ, куда отселѣ
Небеса насъ поведутъ!
Тамъ на жизненномъ предѣлѣ
Два сопутника насъ ждутъ:
Одобритель — *Упованье*,
Геній младости живой,
И любовь — *Воспоминанье*,
Стражъ земнаго неземной.

О святое упованье!
 Озаряй намъ жизни даль,
Счастью будь очарованье,
 Заговаривай печаль:
Міръ невидимо — небесный
 Въ мірѣ видимо являй,
И въ предѣлъ, душѣ извѣстный,
 По землѣ насъ провожай!

Ты же, другъ — воспоминанье!
 Съ нами будь! пролей свое
Благодатное сіянье
 На земное бытіе!
Говори о томъ, что было
 Счастьемъ нашихъ лучшихъ лѣтъ,
Чтобъ для насъ хоть въ сердцѣ жило
 То, чего ужь въ жизни нѣтъ!

Ликъ твой душу утѣшаетъ!
 Онъ ей сладостно знакомъ:
Намъ хранительно сіяетъ
 Покидаемая въ немъ.
Ты — Она! въ твоей святынѣ
 Все для насъ заключено!
Гдѣ ни будемъ, намъ отнынѣ
 Мысль о Ней и жизнь — одно!

ПОСЛАНІЕ КЪ....

Товарищъ! вотъ тебѣ рука!
Ты другу во время сказался;
Къ любви душа была близка:
Уже въ ней пламень загорался,
Животворитель бытія,
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣтала!
Опять о счастьи мнѣ шептала
Мечта, знакомецъ старины....

Дорóгой странникъ утомленный,
Узрѣвъ съ холма неотдаленный
Предѣлъ родимой стороны,
Трепещетъ, сердцемъ оживаетъ,
И жаднымъ взоромъ различаетъ
За горизонтомъ отчій кровъ,
И слышитъ снова шумъ дубовъ,
Которые давно шумѣли
Надъ нимъ, игравшимъ въ колыбели,
Въ виду родительскихъ гробовъ.
Онъ небо узнаетъ родное,
Подъ коимъ счастье молодое
Ему сказалося впервой!
Прискорбно-радостнымъ желаньемъ,
Невыразимымъ упованьемъ,
Невыразимою мечтой;
Живымъ утраченное мнится;
Онъ снова гость минувшихъ дней,
И снова жизнь къ нему тѣснится

Всей милой прелестью своей....
Таковъ былъ я одно мгновенье!
Прелестно-быстрое видѣнье,
Давно не посѣщавшій другъ,
Меня внезапно навѣстило,
Меня внезапно уманило
На первобытный въ жизни лугъ!
Любовь мелькнула предо мною!
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,
И подъ рукой нетерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней!
И мертвое мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся какъ поэтъ!...
Но удались, мой посѣтитель!
Не у меня тебѣ гостить!
Не мнѣ о жизни возвѣстить
Тебѣ, святой благовѣститель!

Товарищъ! мной ты не забытъ!
Любовь — друзей не раздружитъ.
Симъ несозрѣвшимъ упованьемъ,
Едва отвѣданнымъ душой,
Подорожу ль передъ тобой?
Сравню ль его съ твоимъ страданьемъ?
Я вижу, молодость твоя
Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ,
И страсть, убійца бытія,
Тебя безмолвно убиваетъ!
Давно веселости ужь нѣтъ!
Гдѣ остроты пріятной живость,

Съ которой ты являлся въ свѣтъ?
Угрюмый спутникъ — молчаливость
Повсюду слѣдомъ за тобой.
Ты молча радостныхъ дичишься,
И, къ жизни охладѣвъ, дружишься
Съ одной убійственной тоской,
Владѣльцомъ сердца одинокимъ.
Мой другъ! съ участіемъ глубокимъ,
Я часто на лицѣ твоемъ
Ловлю души твоей движенья!
Болѣзнь любви безъ утоленья
Изображается на немъ.
Сіе смятеніе во взорѣ,
Склоненномъ робко передъ *ней*;
Несвязность смутная рѣчей
Въ желанномъ сердцу разговорѣ;
Перерывающійся гласъ;
Къ тому, что окружаетъ насъ,
Задумчивое невниманье;
Присутствія очарованье,
И неприсутствія тоска,
И трепетъ, признакъ страсти тайной,
Когда послышится случайно
Любимый гласъ издалека,
И это все, что сердцу ясно,
А выраженью неподвластно,
Сіи примѣты знаю я!
Мой жребій далъ на то мнѣ право!
Но то, въ чемъ сладость бытія,
Должно ли быть ему отравой!
Нѣтъ, милый! ободрись! *она*
Столь восхитительна не даромъ:

Души глубокой чистымъ жаромъ
Сія краса оживлена!
Сей ясный взоръ, — онъ не обманчивъ:
Не прелестью ума одной,
Онъ чувства прелестью приманчивъ!
Подъ сей веселостью живой
Задумчивое что-то скрыто,
Уныло-сладостное слито
Съ сей оживленной красотой,
Въ ней что-то искреннее дышетъ,
И въ миломъ голосѣ ея
Довѣрчиво душа твоя
Какой-то звукъ знакомый слышитъ,
Всему въ немъ лучшему родной,
Въ нее участіе ліющій,
И безъ усилія дающій
Ей убѣжденье и покой.
О, вѣрь же, другъ, душѣ прекрасной!
Уже ль природою напрасно
Ей столько милаго дано?
Люби! Любовь и жизнь — *одно!*
Отдайся ей, забудь сомнѣнье,
И жребій жизни соверши;
Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ — языкъ души!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ МОСКВУ.

Не возвратили ль вспоминанья
О томъ, что было *въ оны дни?*
Когда намъ юность лишь одни
Плѣнительныя обѣщанья
Давала на далекій путь,—
Призвавъ неопытность въ поруку —
Тогда, подавъ надеждѣ руку,
Не мнили мы, чтобъ обмануть
Могла сопутница крылата!
Но время опытъ привело;
И многихъ, многихъ благъ утрата,
Велитъ сквозь темное стекло
Смотрѣть на счастіе земное,
Чтобы сіяніе живое
Его плѣнительныхъ лучей
Намъ вовсе глазъ не заслѣпило!
Друзья, что вѣрно въ жизни сей,
Что просто, но что сердцу мило,
Собравъ поближе въ малый кругъ, —
Чтобъ взоръ нашъ могъ окинуть вдругъ,—
Мечты — уступимъ лишь начавшимъ
Идти дорогою земной
И жребія неиспытавшимъ!
Для нихъ надежды — сонъ златой,
А намъ будь въ пользу пробужденье!
И мы, не мѣтя больше вдаль,
Терпѣньемъ усладимъ печаль,
Веселью — вѣрой въ Провидѣнье —
Неизмѣняемость дадимъ,

Сей день покоемъ озлатимъ,
Красою мыслей и желаній
И прелестью полезныхъ дѣлъ,
Чтобъ на невѣдомый предѣлъ
Сокровище воспоминаній, —
Прекрасной жизни зрѣлый плодъ —
Намъ вынесть изъ жилища праха,
И зрѣть открытый намъ, безъ страха,
Страны обѣтованной входъ.

ЯВЛЕНІЕ БОГОВЪ.

Знайте, съ Олимпа
Являются боги
Къ намъ не одни;
Только что Бахусъ придетъ говорливый;
Мчится Эротъ, благодатный младенецъ;
Слѣдомъ за ними и самъ Аполлонъ.
Слетѣлись, слетѣлись
Всѣ жители неба,
Небесными полно
Земное жилище.

Чѣмъ угощу я
Земли уроженецъ
Вѣчныхъ боговъ?
Дайте мнѣ вашей, безсмертные, жизни!
Боги! что, смертный, могу поднести вамъ?
Къ вашему небу — возвысьте меня!

Прекрасная Радость
Живетъ у Зевеса!
Гдѣ нектаръ? налейте,
Налейте мнѣ чашу!

Нектора чашу
Пѣвцу, молодая
Геба, подай!
Очи небесной росой окропите;
Пусть онъ не зритъ ненавистнаго Стикса,
Быть да мечтаетъ однимъ изъ боговъ!
Шумитъ, заблистала
Небесная влага,
Спокоилось сердце,
Провидѣли очи.

СТИХИ

ПРИ ПОСЫЛКѢ КОМЕДІЙ, КОТОРЫЯ К*** ХОТѢЛИ ИГРАТЬ.

Вотъ вамъ, прелестныя сестрицы,
Дюваль, и съ нимъ какой-то *Госсъ-Степанъ* *);
Взявъ на себя чужія лицы,
На часъ введите насъ въ обманъ —
Что будто *вы* не *вы*; мы будемъ любоваться,
Увидя невзначай переодѣтыхъ васъ!
Но помните, что это лишь *для глазъ*,
И что вамъ надобно тѣмъ, что вы есть, остаться,
Чтобъ быть прелестными *для глазъ и для души!*

*) Gausse-Etienne.

Аллегро милая, будь весела какъ радость,
Храни безпечную, святую сердца младость,
И, горя не узнавъ, свой жребій соверши!
Смотря, какъ съ жизнію невинно ты играешь,
Невольно сердце вслѣдъ тебѣ увлечено,
Какъ будто самъ навѣрно знаешь,
Что жизнь и счастіе — одно!

О *Пенсероза!* ты у входа въ свѣтъ, какъ Геній,
Стоишь плѣнительна! высокою душой
Цѣнишь манящіе призраки наслажденій!
И кажется, что все угадано тобой!
Ты создана быть выше свѣта!
И чтобъ ни привели съ собой грядущи лѣта,
Не въ жизни будешь ты прекраснаго искать,
Но все прекрасное ты жизни дашь собою!
Не измѣнись! — тебѣ не нужно мнѣ сказать;
Твой *Ангелъ прелести* — съ тобою!

КЪ НЕЙ.

Имя гдѣ для тебя?
Не сильно смертныхъ искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нѣтъ для тебя!
Что пѣсни? отзывъ невѣрный
Поздной молвы объ тебѣ!

Если бъ сердце могло быть
Имъ слышно, каждое чувство
Было бы гимномъ тебѣ.

Прелесть жизни твоей,
Сей образъ чистый, священный, —
Въ сердцѣ — какъ тайну, ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, какъ ты любима,
Можетъ лишь вѣчность одна!

НА СМЕРТЬ ЧИЖИКА.

Въ семъ гробѣ вѣрный чижикъ мой!
Природы милое творенье,
Изъ мирной области земной
Онъ улетѣлъ, какъ сновидѣнье!
Онъ для любви на свѣтѣ жилъ,
Онъ нѣжной пѣсенкой отвѣтной
За ласку нѣжную платилъ,
И подлеталъ къ рукѣ привѣтной.
Но въ свѣтѣ страшно и любить:
Ему былъ данъ дружокъ крылатый;
Чтобъ милаго не пережить,
Онъ въ гробѣ скрылся — отъ утраты!

КЪ ГРАФИНѢ Ш...ОЙ

(послѣ ея дебюта въ роли мертвеца).

Графиня, не забудьте слова,
Оставьте маску мертвеца!
Какая страшная обнова
Для столь прелестнаго лица!
Какъ наряжаться въ ваши лѣта,
Съ такою милой красотой,
По образцу другова свѣта,
По страшной модѣ гробовой?
Вчерашняя, скажу вамъ, шутка
Была разительный урокъ,
Урокъ для сердца и разсудка!...
И этотъ тихій уголокъ,
Гдѣ предо мной, въ одно мгновенье,
На мѣсто прелести младой,
Явилось грозное видѣнье,
Унылый призракъ гробовой,
Его я не забуду вѣчно.
Нѣтъ, такъ шутить безчеловѣчно!
И это будь въ послѣдній разъ!
Когда, оставивъ въ свѣтѣ насъ,
Вы въ темноту ночную скрылись,
Съ веселымъ прелести лицомъ,
И вдругъ на насъ оборотились
Изъ тмы ужаснымъ мертвецомъ,
Невольно сердце взволновалось, —
И въ быстрой перемѣнѣ сей —
Ему житейское сказалось

Всей ненадежностью своей:
«Какъ все желанное невѣрно!
«Какъünованье лицемѣрно!
«Какъ счастья перемѣнчивъ видъ!
«Душа лишь вслѣдъ за нимъ порвется,
«Оно лицемъ къ ней обернется, —
«И передъ ней — мертвецъ стоитъ».
Графиня! ваше превращенье
Меня въ сей бросило испугъ;
Но, вдругъ сразивъ воображенье,
Оно жь и ободрило вдругъ: —
И я забылъ свою ошибку,
Когда веселую улыбку
Вы отдали своимъ устамъ;
Когда померкнувшимъ глазамъ
Очаровательную ласку
Позволили изображать,
Свободнѣй начали дышать
И сняли привидѣнья маску.
Графиня! будьте просто *вы*,
Забудьте страшное искусство,
И — въ сердцѣ зараждая чувство,
Не убивайте головы.

АМУРЪ И МУДРОСТЬ.

Богиня мудрости на землю ниспустилась;
Но у людей она худой пріемъ нашла.
Однажды, близъ рѣки она остановилась, —
Погода бурная была;

У берега челнокъ, а въ челнокѣ малютка;
Не знаетъ, плыть иль нѣтъ? — А онъ ее манилъ!
Рѣшилась! поплыли; — но то была лишь шутка:
Плутишка мудрость утопилъ!

ПИСЬМО КЪ А. Л. НАРЫШКИНУ.

Нарышкинъ, человѣкъ случайный,
Дѣйствительный Совѣтникъ Тайный,
Гофмаршалъ Русскаго Царя
И заслуженный царедворецъ!
Васъ проситъ Русскій стихотворецъ,
Жуковскій (просто говоря),
Чтобъ въ Петергофѣ вы призрѣли
Его земное существо,
И въ тепломъ уголкѣ согрѣли
Съ нимъ то младое божество,
Которое за нимъ летаетъ,
Ему покоя не даетъ
И въ свѣтѣ Музою слыветъ.
Онъ вамъ богиню повѣряетъ,
Сказавъ за тайну, что она
Причудлива и прихотлива,
Въ просторѣ жить пріучена,
Зябка и временемъ лѣнива.
Богиня — женщина, — и ей
Дана причудничать свобода.
А Петергофская природа
Извѣстна сыростью своей!
Легко ей дать пѣвцу потачку
И въ немъ восторгъ воспламенить,

Легко пѣвца и простудить
И — за небесную горячку —
Земной горячкой заплатить.
И такъ прошу васъ о квартирѣ
Такой, чтобъ могъ я въ ней, порой,
Непростуженною рукой,
Не по студеной бѣгать лирѣ.
Нельзя ль, чтобъ былъ и камелекъ?
На Сѣверѣ, гдѣ часто вьюга
Смѣняетъ теплый вѣтерокъ,
Поэту важная услуга
Въ каминѣ яркій огонёкъ.
Другую тайну вамъ открою:
Я не одинъ сбираюсь къ вамъ;
Вся сволочь Пинда, вся за мною
Воздушной тянется толпою!
Привыкнувъ къ теплымъ небесамъ,
И на землѣ тепло намъ нужно.
Къ тому же, сверхъ моихъ боговъ,
На всякой случай, въ Петергофъ
Беру семью крылатыхъ сновъ —
Товарищей мечты досужной,
Волшебницъ, лѣшихъ и духовъ,
Да для моихъ стихотвореній
Запасъ домашнихъ привидѣній
И своекоштныхъ мертвецовъ;
Короче: ѣду цѣлымъ домомъ!
Хотя меня съ такимъ содомомъ
Вамъ и трудненько помѣстить, —
Но, знаю, вы найдете средство!
Позвольте, напримѣръ, спросить:
Нельзя ль мнѣ море дать въ сосѣдство?

Нельзя ль найти мнѣ уголокъ,
(И не забывъ про камелекъ),
Въ волшебномъ вашемъ Мон-Плезирѣ?
Признаться, вспомнишь лишь о немъ,
Душа наполнится огнемъ,
И руки сами рвутся къ лирѣ!

ПИСЬМО КЪ N. N.

Благодарю васъ всей душою!
Вчера мнѣ милою рукою
Графини Б—ой былъ данъ
Сей мрачный томъ, сей чемоданъ,
Набитый туго мертвецами,
Предчувствіями, чудесами,
И всѣмъ, что́ такъ пугаетъ насъ.
Люблю я страшное подъ-часъ!
Но этотъ томъ теперь сто разъ
Милѣй мнѣ милыми стихами,
Которые шепнулъ шутя
Вамъ богъ Парнасскій мимоходомъ
Лишь для того, чтобъ, ихъ прочтя,
Я сталъ счастливымъ сумасбродомъ
И веселился какъ дитя.
Я очень радъ, что я вашъ крестникъ:
Благодарю моимъ духамъ:
Безъ нихъ пришло ли бъ въ мысли вамъ
Мнѣ титулъ: *гробовой прелестникъ* —
Прелестными стихами дать!
Онъ мой теперь на вѣкъ, по праву!
Его ни за какую славу

Не соглашуся промѣнять.
Еще жь прибавлю я: вы правы —
Искатели Парнасской славы
Мнѣ всѣ *завидовать* должны.
Они, вѣнцомъ ея плѣняясь,
Къ нему по кочкамъ, задыхаясь,
Карабкаться осуждены.
Моя жь судьба совсѣмъ иная:
Сама Харита молодая
Своимъ магическимъ перомъ
Мнѣ написала мой дипломъ
На сей вѣнецъ, поэту лестный,
Съ улыбкой Славѣ подала,
Съ улыбкой Слава приняла
И полетѣла въ путь небесный;
Къ нему я бабочкой прильнулъ
И вслѣдъ за Славою порхнулъ...
Хоть я вѣнца и недостоинъ,
Но мной онъ полученъ отъ васъ;
Пускай бранитъ меня Парнассъ —
Я буду въ совѣсти спокоенъ!

КЪ N. N.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ПОРТРЕТА.

Вотъ вамъ стихи, и съ ними мой портретъ.
О милые! сей бѣдный даръ примите
Въ залогъ любви. Меня ужь съ вами нѣтъ;
Но вы мой путь, друзья, благословите!
Вы скажете: печаленъ образъ мой!

Увы! друзья, въ то самое мгновенье,
Какъ въ пламенномъ Маньяни вдохновеньѣ
Преображалъ искусною рукой
Веленевый листокъ въ лицо поэта,
Я мыслію печальной былъ при васъ,
Я проходилъ мечтами *прежни* лѣта
И предо мной мелькалъ разлуки часъ!
Куда ведетъ меня мой рокъ, не знаю;
И если бъ онъ мнѣ выбрать волю далъ
Мой путь, друзья, не тотъ бы я избралъ;
Но съ Промысломъ судиться не дерзаю:
Пусть будетъ то, что свыше суждено;
Готовъ на все! . . условіе одно:
Чтобъ вы, рукой Всесильнаго хранимы,
Въ сей бурѣ бѣдъ остались невредимы!

НА МИРЪ СЪ ПЕРСІЕЮ.

Мы вспомнили прекрасно старину!
Черезъ Кавказъ мы пушки перемчали;
Въ одинъ ударъ мы кончили войну,
И Араратъ, и миръ, и славу взяли!
И Русскій въ томъ краю, гдѣ былъ
Утѣшенъ міръ дугой завѣта,
Свои знамена утвердилъ
Надъ древней колыбелью свѣта!

Едва на мигъ одинъ судьба насъ породнила,
И вдругъ младенецъ нашъ, залогъ родства, исчезъ!
Любовь Создателя его переселила
Съ невѣрныя земли въ пріютный край небесъ!
Воспоминаніемъ будь прошлое хранимо!
Но рокъ... имъ правитъ Божество!...
Для насъ же все еще осталося родство
Въ утратѣ, дружбою дѣлимой.

КЪ ЭММѢ.

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старины;
Неприступною звѣздою
Ты сіяешь съ вышины!
Ахъ! звѣзды не приманить!
Счастью бывшему не быть!
Если бъ жадною рукою
Смерть тебя отъ насъ взяла,
Ты была бъ моей тоскою,
Въ сердцѣ все бы ты жила!
Ты живешь въ сіяньи дня,
Ты живешь не для меня.
То, что насъ одушевляло,
Эмма, какъ то пережить?
Эмма, то что миновало,
Какъ тому любовью быть?
Небомъ въ сердцѣ зажжено,
Умираетъ ли оно?

ОСТРОВЪ.

Цвѣтетъ и расцвѣтаетъ
Мой милый островокъ;
Тамъ вѣетъ и летаетъ
Душистый вѣтерокъ.

Сплела тамъ роща своды;
Въ тѣни ихъ тишина;
Кругомъ покойны воды,
Прозрачныя до дна.

Тамъ знойными лучами
День лѣтній не палитъ;
Тамъ сладостно листами
Прохлада шевелитъ.

Тамъ звѣзды ясной ночи
Сквозь темный сводъ древесъ
Глядятъ, какъ будто очи
Блестящія небесъ.

Плѣнительно сквозь сѣни
Луна сіяетъ тамъ,
Раскидывая тѣни
Деревъ по берегамъ.

Тамъ Геніи крылаты
Играютъ при лунѣ,
Пьютъ листьевъ ароматы.
И плещутся въ волнѣ.

Тамъ насъ встрѣчаетъ Радость;
Тамъ все забава намъ:
Подруга наша *Младость*
Играетъ съ нами тамъ.

ДВѢ ЗАГАДКИ.

1.

Не человѣчьими руками
Жемчужный разноцвѣтный мостъ
Изъ водъ построенъ надъ водами.
Чудесный видъ! огромный ростъ!
Раскинувъ паруса шумящи,
Не разъ корабль подъ нимъ проплылъ;
Но на хребетъ его блестящій
Еще никто не восходилъ!
Идешь къ нему—онъ прочь стремится
И въ тоже время недвижимъ;
Съ своимъ потокомъ онъ родится,
И вмѣстѣ исчезаетъ съ нимъ.

(Радуга.)

2.

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимо
Сереброрунныя стада.
Въ рожокъ серебряный играетъ
Пастухъ приставленный къ стадамъ;
Онъ ихъ въ златую дверь впускаетъ,
И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.

И не дочета имъ незная
Пасетъ онъ ихъ давно, давно;
Стада поитъ вода живая,
И умирать имъ не дано;
Онѣ одной дорогой бродятъ,
Подъ стражей пастырской руки,
И юноши ихъ тамъ находятъ,
Гдѣ находили старики.
У нихъ есть вождь—*овенъ* прекрасный
Ихъ сторожитъ огромный *песъ*;
Есть *левъ* межъ ними неопасный,
И *дѣва* — чудо изъ чудесъ.

(Звѣзды.)

КНЯЗЮ ДМИТРІЮ ВЛАДИМІРОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ.

Другъ человѣчества и твердый другъ закона,
Смиренный въ почестяхъ и скромный средь похвалъ,
Предстатель ревностный за древній градъ у Трона,
Какихъ ты доблестей въ себѣ не сочеталъ?
Любовь высокую къ святой землѣ отчизны,
Самозабвеніе и непрерывный трудъ,
Въ день брани — мужество, въ дни мира — правый судъ,
И чистоту души и жизнь безъ укоризны...
Вельможа — гражданинъ! тебѣ въ потомствѣ мзда.
И зависти на зло уже сіяетъ снова
Знакомая Москвѣ, безсмертія звѣзда
Еропкина и Чернышова.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

1835 г. при посылкѣ изданія:

«ДЛЯ НЕМНОГИХЪ»

Мой другъ, усастый воинъ,
Вотъ рукопись твоя;
Промедлилъ, правда, я,
Но право я достоинъ,
Чтобъ ты меня простилъ!
Я такъ заваленъ былъ
Бездѣльными дѣлами,
Что дни во слѣдъ за днями
Бѣжали на рысяхъ,
А я и знать не знаю,
Что дѣлалъ въ этихъ дняхъ.
Все кончивъ, посылаю
Тебѣ твою тетрадь;
Сердитый лобъ разглаль
И выговоровъ строгихъ
Не шли ко мнѣ, Денисъ!
Терпѣньемъ ополчись
Для чтенья риѳмъ убогихъ
Въ журналѣ «для немногихъ».
Въ немъ много пустоты;
Но, другъ, суди не строго,
Вѣдь изъ *немногихъ* ты
Таковъ, какихъ *не много*.
Спи, ѣшь и объѣзжай
Коней четвероногихъ;

Какъ хочешь—только знай,
Что я, другъ, какъ *не многихъ*
Люблю тебя. — Прощай.

СТИХИ

ВЪ РОДѢ ЭПИЛОГА,

напечатанные въ концѣ VI тома Собраній Стихотвореній, изд. 1836 года.

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе летало
Съ небесъ, незваное ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящій лучь оно—
И для меня въ то время было
Жизнь и Поэзія — одно.

Но дарователь пѣснопѣній
Меня давно не посѣщалъ;
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться ль мнѣ когда опять?
Или на вѣкъ моя утрата?
И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что отъ милыхъ, темныхъ, ясныхъ,
Минувшихъ дней я сохранилъ —

Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты —
Кладу на твой олтарь священной,
О геній чистой красоты!

Не знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
Когда воротится чреда? —
Но ты знакомъ мнѣ, чистый геній,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда.
Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать:
Не умерло очарованье;
Былое — сбудется опять.

STABAT MATER *).

Горько плача и рыдая,
Предстояла въ сокрушеньи
 Матерь Сыну на крестѣ;
Душу, полную любови,
Сожалѣнья, состраданья,
 Растерзалъ Ей острый мечъ.
Какъ печально, какъ прискорбно
Ты смотрѣла, Пресвятая
 Богоматерь, на Христа!
Какъ молилась, какъ рыдала,
Какъ терзалась, видя муки
 Сына-Бога Твоего!

*) Переводъ Латинскаго стихотворенія, извѣстнаго музыкою Перголезе.

Кто изъ насъ не возрыдаетъ,
Зря Святую Матерь Бога
Въ сокрушеніи такомъ?
Кто души въ слезахъ не выльетъ,
Видя, какъ надъ Богомъ-Сыномъ
Безотрадно плачетъ Мать?
Видя, какъ за насъ Спаситель
Отдаетъ Себя на муку,
На позоръ, на казнь, на смерть;
Видя, какъ, въ тоскѣ послѣдней,
Онъ, хладѣя, умирая,
Духъ Свой Богу предаетъ?
О Святая Мать любови!
Влей мнѣ въ душу силу скорби,
Чтобъ съ Тобой я плакать могъ!
Дай, чтобъ я горѣлъ любовью —
Весь проникнутъ вѣрой сладкой —
Къ Искупившему меня;
Дай, чтобъ въ сердцѣ смерть Христову,
И позоръ Его, и муки
Неизмѣнно я носилъ;
Чтобъ, во дни земной печали,
Подъ крестомъ моимъ утѣшенъ
Былъ любовью ко Христу;
Чтобъ кончину мирно встрѣтилъ,
Чтобъ душѣ моей Спаситель
Славу рая отворилъ.

ПОЭТУ ЛЕНЕПСУ,

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ КО МНѢ, ПИСАННОЕ НА СЛУЧАЙ ПОСѢЩЕНІЯ САРДАМА Е. И. В. ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ НАСЛѢДНИКОМЪ ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ (*).

Пѣвецъ Батавіи! съ радушіемъ пріемлю
Я братскій твой привѣтъ!... Хотя языкъ мнѣ твой
И чуждъ, но онъ языкъ Поэзіи святой, —
И гласу твоему я слухомъ сердца внемлю.
Твое отечество давно въ родствѣ съ моимъ:
Нашъ Петръ ему былъ другъ. Работникомъ простымъ
Въ Сардамской хижинѣ Великій Царь таился,
И, плотничая тамъ, Владыкой быть учился.
Здѣсь былъ Его рукой корабль застроенъ тотъ,
На коемъ по волнамъ временъ и поколѣній,
Неизмѣняемо средь бурныхъ измѣненій,
　　Имъ созданный народъ
Плыветъ подъ флагомъ Славы —
Корабль великія Россійскія Державы.
　　И нынѣ Правнукъ молодой
Великаго Петра былъ Внукою Петровой
По-царски угощенъ въ той хижинѣ простой,
Гдѣ Праотецъ Ихъ жилъ такъ бѣдно и сурово:
И пѣсня Русская и Русское ура —
　　Въ Сардамскомомъ домикѣ Петра
Съ народной пѣснію Голландіи слилися!
И два народа въ этотъ часъ,
Какъ-бы услышавши великой тѣни гласъ,
На дружбу братски обнялися!....
Съ почтеніемъ смотрю на твердый твой народъ!

(*) Нынѣ благополучно царствующимъ Императоромъ.

Я видѣлъ южные народы:
Природа нѣжитъ ихъ; тамъ ясны цѣлый годъ
Небесъ лазоревые своды,
Тамъ благовонныя долины и лѣса,
Тамъ горъ подоблачныхъ могучая краса,
Тамъ море вѣчно голубое,
И изобиліе повсюду золотое;
И человѣкъ его изъ полной чаши пьетъ,
И для него неслышенъ тамъ полетъ
Дней, исчезающихъ въ бездѣйственномъ покоѣ.
Но здѣсь явленіе иное:
У моря бурнаго отважные отцы
Отчизну дикую для внуковъ съ боя взяли,
И, грозною нуждой испытаны, бойцы
На крѣпостномъ валу плотинъ могучихъ стали;
И съ той поры идетъ безперерывно брань
Съ стихіей, славно побѣжденной;
Вотще громадой раздраженной
Вашъ врагъ разрушить хочетъ грань,
Ему поставленную вами:
Въ борьбѣ съ свирѣпыми волнами,
Какъ сталь подъ молотомъ, вы крѣпнете въ бою;
Вы твердо на валу стоите,
И крѣпость древнюю свою
Врагу постыдно не сдадите!
Неистощимый есть въ стѣнахъ ея для васъ,
Вѣками собранный, оружія запасъ:
Спокойно-ясный умъ, святая вѣра, нравы,
Довѣренность къ себѣ, свободы стражъ—законъ,
И мнѣнье строгое, и мнѣньемъ чтимый тронъ,
И благодатныя преданья древней славы.

СТИХИ,

ВЫРѢЗАННЫЕ НА ГРОБѢ

А. Д. ПОЛТОРАЦКОЙ.

Какъ радость чистая, сердца влекла она;
Какъ непорочная надежда расцвѣтала!
Была невинность ей въ сопутницы дана,
И младость ей свои всѣ блага обѣщала.
Но жизнь ея—призракъ! Плѣнилъ насъ и исчезъ.
Лишь плачущимъ о ней гласитъ ея могила,
Чтó совершенное судьба опредѣлила
Не для земли, — а для небесъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ АЛЯБЬЕВОЙ,

урожденной Римской-Корсаковой.

Кто васъ случайно въ жизни встрѣтитъ,
Тотъ день нечаянный такой
Межъ днями счастія замѣтитъ,
И скажемъ случаю: *спасибо!* всей душой!
И я ему, причудливому богу,
Спасибо! всей душой сказалъ
За то, что мнѣ онъ на дорогу
Попутчикомъ любезнымъ далъ
Пріятное объ васъ воспоминанье!
На чужѣ страннику сей даръ—благодѣянье!
Съ такимъ товарищемъ не скученъ скучный путь,
Веселый веселѣе вдвое!

Кто жь разъ увидѣлъ васъ, тому невольно въ грудь
Вселяется желаніе живое:
Чтобъ въ жизни встрѣтить васъ еще когда нибудь,
Чтобъ, стòя счастія, вы и счастливы были,
Но чтобъ и новаго знакомца не забыли.

ЕГИПЕТСКАЯ ТМА.

(Прем. Солом. Глава XVII.)

Великъ, неизглаголанно великъ
Твой судъ, Господь!
Онъ въ помѣшательство ввергаетъ нечестивыхъ.
Святой народъ возмнили притѣснить
Они, безумцы, связанные тмою,
Опутанные долгой ночью;
И, бѣглецы отъ Промысла, они
Подъ кровлями домовъ лежали тайно;
Подъ мрачной пеленой забвенья
Они укрыться мнили
Съ своими темными грѣхами....
И были вдругъ великимъ трепетаньемъ
Проникнуты; отвсюду
Ихъ несказанныя видѣнья обступили;
Въ вертепахъ ихъ все стало страшно;
Имъ слышались невѣдомые шумы;
И дряхлые съ лицемъ печальнымъ мертвецы
Смотрѣли имъ въ глаза;
И былъ огонь безсиленъ
Давать имъ свѣтъ; и звѣзды не могли
Разсѣять мглу ихъ страшной ночи;
И лишь одинъ невыразимый,

Самогорящій, страха полный огнь
Предъ ними вдругъ воспламенялся;
И, вверженные въ трепетъ
Страшилищемъ, которое и было
И не было, они за нимъ
Еще страшнѣйшее живое мнили видѣть;
И были ихъ волхвы не властны
Подать имъ помощь; кто жь пытался
Болящую имъ душу исцѣлить,
Былъ самъ объятъ болѣзнью страха,
И трепеталъ: и слышались ему
Звѣриный бѣгъ, змѣиный свистъ,
И въ воздухъ онъ, которымъ тягостно дышалъ,
Боялся очи устремить
Въ своемъ свидѣтельствѣ сама
Свое пріемлетъ осужденье злоба;
И страхъ двойной рождаетъ совѣсть,
Томимая виною сокровенной;
Тревожитъ все того, въ комъ вѣры нѣтъ
Въ спасенье, чье неутѣшимо сердце;
Ему гроза грядущія бѣды
Ужаснѣе самой бѣды наставшей.
И тѣмъ, которые въ ту ночь
(Изъ адовыхъ исшедшую вертеповъ)
Смятеннымъ сномъ объяты были,
Мечталися бѣгущія за ними
Страшилища, и силились напрасно
Они уйти
На нихъ лежалъ тяжелый ужасъ!
И тотъ, на комъ лежалъ тотъ ужасъ,
Какъ брошенный въ темницу узникъ,
Былъ скованъ безъ желѣзъ;

И кто бъ онъ ни былъ, пахарь иль пастухъ,
Иль дѣлатель трудовъ пустынныхъ,
Отъ неизбѣжнаго не могъ онъ убѣжать;
Всѣ были вдругъ
Опутаны одною цѣпью тмы;
Свисталъ ли вѣтеръ, мимо пролетая,
Былъ слышенъ ли въ густыхъ
Древесныхъ сѣняхъ говоръ птицъ,
Шумѣли ль быстро льющіяся воды,
Иль громъ отъ падающихъ камней былъ,
Или играющихъ животныхъ
Теченіе, невидимое оку,
До слуха достигало,
Иль рыкъ звѣрей пустынныхъ раздавался,
Или изъ дебрей горныхъ
Отзывный голосъ говорилъ —
Все въ трепетъ ихъ ввергало несказанный.
Небесный свѣтъ по всей землѣ сіялъ,
И каждый, всюду, невозбранно,
Могъ трудъ обычный мирно совершать:
На нихъ же темная лежала ночь,
Прообразитель той великой ночи,
Которой нѣтъ конца;
А сами для себя они
Тяжелѣ тмы, на нихъ лежавшей, были.

КЪ РУССКОМУ ВЕЛИКАНУ.

1848.

Не тревожься, великанъ!
Мирно стой, утесъ нашъ твердой,
Отшибая грудью гордой
Вкругъ ревущій океанъ.
Вихрей бунтъ встревожилъ воды;
Воемъ дикой непогоды
Отъ поверхности до дна
Вся пучина ихъ полна;
На тебя ихъ буря злится;
На тебя ихъ вой и ревъ;
Повалить тебя грозится
Обезумившій ихъ гнѣвъ.
Но съ главы твоей подзвѣздной
Твой Орелъ, пространства князь,
Надъ бунтующей смѣясь
У твоей подошвы бездной,
Сжавши молніи въ когтяхъ,
Въ высотѣ своей воздушной
Наблюдаетъ равнодушно,
Какъ раздоръ кипитъ въ волнахъ,
Какъ онѣ горами пѣны
Многоглавыя встаютъ
И толпою всей бѣгутъ
На твои ударить стѣны.
Ты же, бездны господинъ,
Мощный первенецъ творенья,
Стой среди всевозмущенья
Недоступенъ, тихъ, одинъ;

*

Волнъ ругательные визги
Вѣтръ, озлившій ихъ, умчитъ;
Ихъ гранитъ твой разразитъ,
На тебя нападшихъ, въ брызги.

ЧЕТЫРЕ СЫНА ФРАНЦІИ. *)

1789.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ свѣтлокудрый,
Сынъ Франціи, Дофинъ.
Младенцемъ Королева
Любуясь, говоритъ:
Онъ Франціи надежда;
Рости, мое дитя!
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: «*ура!*
Наслѣдуетъ престолъ онъ,
Когда умретъ отецъ».

*) Сіе стихотвореніе, писанное 6 (18) февраля 1848 года, въ Баденѣ, было помѣщено въ № 8 «Москвитянина» на 1849 годъ (стр. 228—231), съ слѣдующимъ краткимъ предисловіемъ Жуковскаго: «Первыя четыре строфы этихъ стиховъ сочинены въ 1846 году. Авторъ ихъ неизвѣстенъ. Переводя эти пророческія четыре строфы, я прибавилъ къ нимъ пятую. Будетъ ли она пророчествомъ? — Мы уже видѣли народный бунтъ, изгнаніе Короля и его семейства; видѣли порывающійся воскреснуть терроризмъ 1793 года, котораго *тѣнь* явилась въ Національномъ Собраніи надъ страшнымъ именемъ *Горы*; наконецъ видѣли уже и *тѣнь Наполеона*, торжествующаго надъ безначаліемъ: все это быстрое повтореніе многолѣтняго прошлаго совершилось менѣе нежели въ годъ . . . Повторится ли остальное?» — Со времени напечатанія сего стихотворенія, Жуковскій сдѣлалъ въ немъ нѣсколько измѣненій, впрочемъ незначительныхъ.

И лѣтъ проходитъ мало....
Сынъ Франціи, Дофинъ,
Избитый, умираетъ
У Симона въ когтяхъ;
А мать — на гильотинѣ,
Всей Франціи въ виду,
Ругательной рукою
Подъ ножъ кладетъ палачь.

1812.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ свѣтлокудрый;
И честь ему отдать
Сѣдые гренадеры
Становятся во фрунтъ:
Ему завоевала
Полсвѣта храбрость ихъ.
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: «*ура!*
Онъ будетъ Императоръ,
Когда умретъ отецъ».
И лѣтъ прошло не много....
Дней новыхъ Прометей,
Угаснулъ Императоръ
Въ неволѣ на скалѣ,
А сынъ, томимый прошлымъ
Величіемъ отца
И сномъ временъ чудесныхъ,
Исчахъ — въ тоскѣ души.

1830.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ, Людовика
Святаго милый внукъ.
Еще лилися слезы
На гробъ его отца,
Когда онъ *Богоданнымъ*
Отъ всѣхъ былъ нареченъ.
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: «*ура!*
Наслѣдуетъ престолъ онъ,
Когда умретъ Король».
И лѣтъ проходитъ мало
Въ изгнаніи Король,
Въ изгнаньи Людовика
Святаго милый внукъ.
Ему съ клейнодомъ *право*
Осталося одно:
Надежды трость, чтобъ тверже
Онъ шелъ дорогой бѣдъ.

1846.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Дитя его былъ прадѣдъ
Филиппъ Egalité;
И весело играетъ
Дитя на мѣстѣ томъ,
Гдѣ весело играли
Предмѣстники его.

Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: «*ура!*
Наслѣдуетъ престолъ онъ,
Когда умретъ Король!»
Дитя, не вѣрь ихъ крику:
Встрѣчаетъ крикомъ чернь —
И ходъ къ коронованью
И къ плахѣ страшный ходъ;
Не вѣрь тому, что̀ крадетъ
Здѣсь воръ и точитъ моль;
Не вѣрь своей коронѣ.....
Вѣрь Богу одному.

18**.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Народъ самодержавный;
Имъ созданный Король
И имъ же сокрушенный,
Сказалъ вѣнцу: *прости!*
Близъ мѣста, гдѣ на плаху
Взведенъ былъ Людовикъ.
Сломивъ рѣшетку сада,
«*Ура!* кричитъ толпа,
Разрушены заграды;
Теперь твое — мое!»
И дней проходитъ мало.....
Въ оковахъ царь-народъ;
На тѣнь *Горы* ступила
Наполеона тѣнь;

Что далѣ?... Богъ не дремлетъ!
Въ одинъ, мы зрѣли, годъ
Свершилося полвѣка!
Онъ близко — день суда.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

посвящены

ПАВЛУ И АЛЕКСАНДРѢ ЖУКОВСКИМЪ.

ПТИЧКА.

Птичка летаетъ,
Птичка играетъ,
Птичка поетъ;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички ужь нѣтъ!
Гдѣ же ты, птичка?
Гдѣ ты, пѣвичка?
Въ дальнемъ краю
Гнѣздышко вьешь ты;
Тамъ и поешь ты
Пѣсню свою.

КОТИКЪ И КОЗЛИКЪ.

Тамъ котикъ усатый
По садику бродитъ,
А козликъ рогатый
За котикомъ ходитъ;
И лапочкой котикъ
Помадитъ свой ротикъ;
А козликъ — сѣдою
Трясетъ бородою.

ЖАВОРОНОКЪ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ,
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.

Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
Весна пришла къ намъ молодая,
Я здѣсь пою приходъ весны;

Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно;
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя.

МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ.

(СКАЗОЧКА).

Жилъ маленькій мальчикъ:
Былъ ростомъ онъ съ пальчикъ,
Лицомъ былъ красавчикъ,
Какъ искры глазенки,
Какъ пухъ волосенки;
Онъ жилъ межь цвѣточковъ;
Въ тѣни ихъ листочковъ
Въ жары отдыхалъ онъ,
И ночью тамъ спалъ онъ.

Съ зарей просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
Въ листочикъ атласной
Лилеи прекрасной;
Проворную пчолку
Въ свою одноколку
Изъ легкой скорлупки
Потомъ запрягалъ онъ,
И съ пчолкой леталъ онъ,
И жадныя губки
Съ ней вмѣстѣ впивалъ онъ
Въ цвѣты луговые.
Къ нему золотыя
Цикады слетались,
И съ нимъ забавлялись,
Кружась съ мотыльками,
Жужжа и порхая,

И ярко сверкая
На солнцѣ крылами.

Ночною жь порою,
Когда темнотою
Земля покрывалась,
И въ небѣ съ луною
Одна за другою
Звѣзда зажигалась,
На лугъ благовонный
Съ лампадой зажжённой
Лазурно-блестящій
Къ малюткѣ являлся
Свѣтлякъ; и сбирался
Къ нему въ круговую
На пляску ночную
Рой Эльфовъ летучій;
Они — какъ бѣгучій
Источникъ волнами —
Шумѣли крылами,
Свивались, сплетались,
Проворно качались
На тонкихъ былинкахъ,
Въ перловыхъ купались
На травкѣ росинкахъ,
Какъ искры сверкали
И шумно плясали
Предъ нимъ до полночи.
Когда же на очи
Ему усыпленье,
Подъ пляску, подъ пѣнье,
Сходило, — смолкали

И вмигъ исчезали
Плясуньи ночныя;
Тогда, подъ живые
Цвѣты угнѣздившись,
И въ сонъ погрузившись,
Онъ спалъ подъ защитой
Ихъ кровли, омытой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
Съ границы янтарной
Небеснаго свода.
Такъ милый красавчикъ
Жилъ мальчикъ нашъ съ пальчикъ.

. .

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

ОПЫТЫ ЮНОШЕСКИХЪ ЛѢТЪ АВТОРА,

И РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ, НЕ ПРЕДНАЗНАЧАВШІЯСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

МАЙСКОЕ УТРО.

Бѣлорумяна
Всходитъ заря,
И разгоняетъ
Блескомъ своимъ
Мрачную тму
Черныя нощи.

Фебъ златозарный,
Ликъ свой явивши,
Все оживилъ.
Вся ужь природа
Свѣтомъ одѣлась,
И процвѣла.

Сонъ встрепенулся,
И отлетаетъ

Въ царство свое.
Грезы, мечтанья,
Роемъ пчелинымъ,
Мчатся за нимъ.

Смертные, вспряньте!
Съ благоговѣньемъ,
Съ чистой душой,
Павъ предъ Всевышнимъ,
Пламень сердечный
Мы изліемъ.

Радужны крылья
Распростирая,
Бабочка пестра
Вьется, кружится
И лобызаетъ
Нѣжно цвѣтки.

Трудолюбива
Пчолка златая
Мчится, жужжитъ;
Все, что безплодно,
То оставляетъ —
Къ розѣ спѣшитъ.

Горлица нѣжна
Лѣсъ наполняетъ
Стономъ своимъ.
Ахъ! знать любезна,
Сердцу драгова
Съ ней уже нѣтъ! —

Вѣрна подружка!
Для чего тщетно
Въ грусти, тоскѣ,
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?

Можно ль о благѣ
Плакать другаго?...
Онъ вѣдь заснулъ,
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрѣлка.

Жизнь, другъ мой, бездна
Слезъ и страданій....
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой нощи,
При свѣтѣ блѣдныя луны,
Въ тѣни вѣтвистыхъ кипарисовъ,
Брожу межъ множества гробовъ.
Повсюду зрю сооруженны
Богаты памятники тамъ,

Порфиромъ, златомъ обложенны; —
Тамъ мраморны столпы стоятъ.

Порфиръ надгробный не являетъ
Душевныхъ истинныхъ красотъ;
Гробницы, урны, пирамиды —
Не знаки ль суетности то?
Они блаженства не доставятъ
Ни здѣсь, ни въ новомъ бытіи,
И царь сравняется съ убогимъ;
Герой тамъ ляжетъ, гдѣ пастухъ.

Съ косою острой, кровожадной,
Съ часами быстрыми въ рукахъ,
Съ сѣдой всклокоченной брадою,
Кидая всюду страшный взоръ,
Сатурнъ несытый и свирѣпый
Паритъ черезъ вселенну всю:
Паритъ—и груды оставляетъ
Развалинъ слѣдомъ за собой.

Валятся дубы вѣковые,
Трясутся горъ предъ нимъ сердца,
Трещатъ забрала и твердыни,
И мѣдны рушатся врата.
Падутъ и троны, и начальства,
Истлѣетъ посохъ, какъ и скиптръ; —
Вѣнцы лавровые поблекнутъ,
Трофеи гордые сгніютъ.

Стоялъ гдѣ памятникъ герою,
Увы! что видимъ мы теперь? —

Однѣ развалины ужасны,
Шипятъ межъ коими змѣи,
Остались вмѣсто обелиска,
Что гордо высился за вѣкъ,
За вѣкъ предъ симъ — и нѣтъ его! . .
И слава тщетная молчитъ.

И что́ жь покажетъ, что мы жили,
Когда все время рушитъ такъ? —
Не камень гибнущій величья
Въ потомствѣ позднемъ намъ придастъ;
И не порфирны обелиски
Прославятъ насъ, превознесутъ,
Увы! несчастенъ, кто оставилъ
Лишь ихъ — и болѣ ничего!

Исчезнутъ тщетны украшенья,
Когда застонетъ вся земля,
Какъ заревутъ ужасны громы,
Падетъ, разрушится сей міръ,
И тѣни ихъ тогда не будетъ,
И самый прахъ ихъ пропадетъ.
Все, все развѣется, погибнетъ,
Какъ пыль, какъ дымъ, какъ тѣнь, какъ сонъ!

Тогда останутся нетлѣнны
Одни лишь добрыя дѣла.
Ничто не можетъ ихъ разрушить,
Ничто не можетъ ихъ затмить.
Предъ Богомъ насъ они прославятъ,
Въ одежду правды облекутъ; —

Тогда мы съ радостью явимся
Предъ тронъ Всемощнаго Творца.

О сколь священна, Добродѣтель,
Должна ты быть для смертныхъ всѣхъ!
Рабы, какъ и владыки міра,
Должны тебя боготворить. —
На что мнѣ памятники горды?
И скиптръ, и посохъ, — все равно:
Равно подъ мраморомъ въ могилѣ,
Равно подъ дерномъ—прахъ лежитъ.

МИХАЙЛѢ МАТВѢЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ.

ОТЪ ВОСПИТАННИКОВЪ УНИВЕРСИТЕТСКАГО БЛАГОРОДНАГО ПАНСІОНА

на полученіе имъ ордена св. Анны 1-й степени.

Еще́, Херасковъ, другъ Минервы!
Еще вѣнецъ ты получилъ!
Сердца въ восторгѣ пламенѣютъ
Приверженныхъ къ тебѣ дѣтей,
Которыхъ нѣжною рукою
Ведешь ты въ храмъ святый Наукъ, —
Въ тотъ храмъ, гдѣ Муза озарила
Тебя безсмертія лучемъ:
Дѣла благія — вѣчно живы;
Плоды ихъ зрѣютъ въ небесахъ;

И здѣсь и тамъ ихъ ждетъ награда:
Здѣсь Царь вѣнчаетъ ихъ, *тамъ* — Богъ! *)

СТИХИ НА НОВЫЙ 1800 ГОДЪ.

Изъ нѣдра вѣчности рожденный,
Паритъ къ намъ юный сынъ вѣковъ;
Сотканна изъ зарей порфира
Струится на плечахъ его:
Лучи главу его вѣнчаютъ,
Простертъ о чреслахъ зодіакъ.
Въ его десницѣ зрится чаша,
Гдѣ скрыты жребіи судьбы,
Изъ коей вѣчными струями
Блаженство и бѣды текутъ.

Летитъ, — предъ нимъ часы, минуты,
Ліются быстрою струей;
Сопутницы, его подруги,
Несутъ вселенной благодать:
Зима въ своей коронѣ льдяной,
Въ сотканной ризѣ изъ снѣговъ;
Весна съ цвѣточными коврами;
Съ плодами *Осень* для древесъ,
Съ снопами *Лѣто* золотыми
И благотворной теплотой.

*) Подписано: *Воспитанникъ Васил. Жуковскій* (Ему тогда было 16 лѣтъ).

Летитъ—во срѣтенье Вселенна
Ему благословенья шлетъ;
Желанья, робкія надежды,
Несутся сонмами къ нему;
Къ нему стремится гласъ хвалебный,
Къ нему летитъ слеза и вздохъ;
Монархъ съ блестящаго престола,
И нищій съ бѣднаго одра,
Къ нему возводятъ взоръ молящій,
Благодѣяній ждутъ его. . . .

Лети, сынъ вѣчности желанный,
Лети, и по слѣдамъ своимъ
Цвѣты блаженства вожделѣнны
И кротку радость насаждай. . . .
Пускай полетъ твой благодатный,
Какъ зéфиръ, землю освѣжитъ;
Любовь, согласіе священно,
Во всей вселенной утвердитъ.

МОГУЩЕСТВО, СЛАВА И БЛАГОДЕНСТВІЕ РОССІИ.

На тронѣ свѣтломъ, лучезарномъ,
Что полвселенной на столпахъ
Взнесенъ, незыблемо поставленъ,
Россія въ славѣ возсѣдитъ, —
Златый шеломъ, огнепернатый
Блистаетъ на главѣ ея;

Вѣнецъ лавровый осѣняетъ
Ея высокое чело;
Лежитъ на шуйцѣ щитъ алмазный;
Расширивши крылѣ свои,
У ногъ ея Орелъ полночный
Почіетъ — громъ его молчитъ.

Окрестъ блестящаго престола,
Въ безчисленный собравшись сонмъ,
Стоятъ полночные народы,
Съ почтеньемъ долу преклонясь: —
Славянинъ въ шлемѣ златовидномъ,
Татаръ съ свинцовой булавой,
Черкесъ въ булатныхъ, тяжкихъ латахъ,
Бобромъ одѣтый *Камчадалъ*,
Съ сѣтями *Финнъ*, живущій въ нордѣ,
Съ сѣкирой острой *Алеутъ*,
Киргизецъ съ лукомъ напряженнымъ,
Съ стальною саблею *Сарматъ*.

Она сидитъ — и свѣтлымъ окомъ
Зритъ на владычество свое; —
Прелестный юноша предъ нею,
Склоняетъ слухъ къ ея словамъ: —
«Мой сынъ! — гласитъ ему Россія —
Простри свой взоръ окрестъ себя;
Простри и виждь страны цвѣтущи,
Подвластны скиптру моему:
Ты въ нѣдрѣ ихъ рожденъ, воспитанъ,
Въ ихъ нѣдрѣ счастье — жребій твой;
Въ ихъ нѣдрѣ ты свое теченье
Со славой долженъ совершить! —

«Воззри, и въ радостномъ восторгѣ
Клянись и сердцемъ и душой
Быть сыномъ мнѣ нѣжнѣйшимъ, вѣрнымъ,
Мнѣ жизнь и чувства посвятить;
Воззри на мощь мою, на славу,
Мои сокровища исчисль; —
Смотри: тамъ Бельтъ пространный воетъ:
Тамъ пѣнится шумящій Понтъ;
Тамъ льдистый океанъ волнится,
Въ себя пріемлющь сонмы рѣкъ;
Тамъ бурный океанъ Восточный
Камчатскій опѣняетъ брегъ. —

«Здѣсь Волга бѣлыми струями
Катится по полямъ, лугамъ,
Благословенье изливаетъ,
И радость на хребтѣ несетъ;
Тамъ Донъ клубится, Днѣпръ бунтуетъ;
Уральскихъ исполиновъ рядъ
Дѣлитъ тамъ Азію съ Европой,
И подпираетъ небеса;
Сибирь, хранилище сокровищъ,
Здѣсь возвышаетъ свой хребетъ;
Херсонъ гордится тамъ плодами,
Прельщающими взоръ и вкусъ.

«Цвѣтетъ обиліе повсюду! —
На тучныхъ пажитяхъ, лугахъ
Стада безчисленны пасутся;
Покрыты класами поля
Струятся, какъ моря златыя;
Весельемъ дышущъ земледѣлъ

При полныхъ житницахъ ликуетъ. —
Тамъ села мирныя мои;
Тамъ грады крѣпкіе, цвѣтущи;
Москва, Петрополь и Казань,
На брегѣ быстрыхъ рѣкъ, пѣнистыхъ,
Главы подъемлютъ къ облакамъ. —

Повсюду, въ ратномъ украшеньи,
Блистаютъ воинства ряды;
На шлемахъ перья развѣваютъ,
На копьяхъ солнца лучь горитъ;
Мечи гремятъ въ десницахъ мощныхъ;
Кони, гордяся, гриву вверхъ
Вздымаютъ, ржутъ, біютъ ногами,
Крутятъ песокъ, вьютъ прахъ столбомъ;
Огонь летитъ багрянымъ вихремъ,
Изъ мѣдныхъ челюстей гремя;
Долины грохотъ повторяютъ,
И эхо предаютъ горамъ. —

«На влагѣ бурныхъ Океановъ,
Расширивъ бѣлыя крылѣ,
Летаютъ въ грозныхъ строяхъ флоты,
Нося во мрачныхъ нѣдрахъ смерть;
Пѣнятъ и Бельтъ и Понтъ въ стремленьи;
Предъ ними ужасъ, громъ летитъ. —
Отъ всѣхъ вселенныя предѣловъ
Плывутъ съ богатствомъ корабли,
И пристаней моихъ достигнувъ,
Тягчатъ сокровищами брегъ; —
Богатый Альбіонъ приноситъ
Своихъ избытковъ лучшу часть; —

Волнисту шерсть и шелкъ тончайшій
Несетъ съ Востока *Оттоманъ*;
Арабъ коней приводитъ быстрыхъ;
Въ своихъ степяхъ ихъ укротивъ;
Китай фарфоръ и мускъ *приноситъ*;
Моголецъ шлетъ алмазъ, рубинъ;
Іеменъ даритъ свой кофе вкусный; —
Какъ горы, по полямъ идутъ
Верблюды съ *Перскими* коврами;
Отъ всѣхъ земли предѣловъ, странъ,
Народы мнѣ приносятъ дани;
Цари сокровища мнѣ шлютъ. —

«Тамъ въ храмахъ, Музамъ посвященныхъ,
Текутъ для юношей струи
Премудрости, нравоученья;
Тамъ въ кроткой, мирной тишинѣ,
Исполнясь духомъ Аполлона,
Поэтъ восторгъ небесный свой
Чертами пламенными пишетъ;
Тамъ *Праксителевъ* ученикъ
Влагаетъ жизнь во хладный мраморъ,
Велитъ молчанью говорить;
Тамъ мѣдь являетъ зракъ героя —
Въ немъ пламень мужества горитъ.

«Тамъ холстъ, подъ кистью *Апеллеса*,
Рождаетъ тысячи красотъ;
Тамъ новаго *Орфея* лира
Струнами сладкими звучитъ. —
Вездѣ блеститъ лучь просвѣщенья!
И благотворный свѣтъ его,

Съ лучемъ Религіи сливаясь,
Все кроткой теплотой живитъ,
И тронъ мой блескомъ одѣваетъ: —
Мой сынъ! кто въ свѣтѣ равенъ мнѣ?
Какое царство въ поднебесной
Блаженнѣй царства моего?» —

Се образъ радостной Россіи!
Но нѣкогда густая тьма,
Какъ нощь, поверьхъ ея носилась;
Язычество свой ѳиміамъ
На жертвенникахъ воскуряло,
И кровь подъ жреческимъ ножемъ
Дымилась въ честь нѣмыхъ кумировъ....
Съ престола Святославовъ сынъ
Простеръ свой скиптръ державный, мощный —
И кроткій *Христіанства* лучь
Блеснулъ во всѣхъ концахъ Россіи:
Къ Творцу моленья вознеслись.

Стенала нѣкогда въ оковахъ
Россія, подъ пятой враговъ
Неистовыхъ, кичливыхъ, злобныхъ....
Ее Сарматъ и Скандинавъ
Тягчили скипетромъ желѣзнымъ;
Москва, съ поникшею главой,
Подъ игомъ рабства унывала,
Затмилась красота ея; —
И Россъ слезящими очами
Взиралъ на бѣдства вкругъ себя,
На грады, въ пепелъ обращенны,
На кровь, кипящу по полямъ.

Явился Петръ — и иго бѣдствій
Престало Россовъ отягчать;
Какъ холмъ, одѣтый тѣнью нощи,
Являющійся съ юнымъ днемъ:
Такъ все весельемъ озарилось; —
Главу Россія подняла;
Престолъ ея, вознесшись къ небу,
Разсыпалъ на вселенну тѣнь;
Ея Алкиды загремѣли;
Кичливый врагъ упалъ, исчезъ: —
И се! во славу облеченна,
Она блаженствуетъ, цвѣтетъ!

Се Павелъ съ трона славы, правды,
Простерши милосердья длань,
Блаженство милліоновъ зиждетъ,
Струями радость, счастье льетъ,
И царства падшія подъемлетъ! *)
Се новый Россскій Геркулесъ,
Возникшу гидру поражая,
Тягчитъ пятой стоглавый Альпъ,
Щитомъ вселенну осѣняетъ!
Се знамя Россское шумитъ
Средь троновъ, въ прахѣ низложенныхъ!
И се грядетъ къ намъ *новый вѣкъ!*
Падите Россы! на колѣна,
Молите съ пламенной душой:
«Да Управляяй Царствъ судьбами
«Хранитъ, любовію своей,

*) Писано около того времени, когда войска Русскія одерживали побѣды въ Италіи, подъ командою Генералиссимуса.

«Отъ бѣдъ Россію въ вѣкъ грядущій,
«И новымъ свѣтомъ облечетъ!
«Да снидетъ миръ къ намъ благодатный,
«И міру радость принесетъ!
«Да лучь премудрости разсѣетъ
«Невѣжества послѣдній мракъ,
«И да всеобщее блаженство
«Вселенну въ рай преобразитъ!!

КЪ ТИБУЛЛУ.

НА ПРОШЕДШІЙ ВѢКЪ.

Онъ совершилъ свое теченье,
И въ безднѣ вѣчности исчезъ....
Могилы, пепелъ, разрушенье,
Пучина бѣдствій, крови, слезъ—
Вотъ путь его и обелиски!

Тибуллъ! все подъ луною тлѣнно!
Давно-ль на холмѣ семъ стоялъ
Столѣтній дубъ, густой, надменной,
И долъ вѣтвями осѣнялъ?
Ударилъ громъ — и дубъ поверженъ!

Давно ли и Любимецъ Славы
Народовъ жребіемъ игралъ,
Вселенной подавалъ уставы,
И небо къ распрѣ вызывалъ?
Дохнула смерть — что онъ? — горсть пыли.

Тибуллъ! намъ въ мірѣ жить не вѣчно:
Вся наша жизнь лишь только мигъ.
Какъ молнья, время скоротечно! —
На быстрыхъ крыліяхъ своихъ
Оно летитъ и все съ нимъ гибнетъ.

Едва на дневный свѣтъ мы взглянемъ,
Едва себя мы ощутимъ,
И жизнью радоваться станемъ:
Уже въ сырой землѣ лежимъ,
Ужь мы добыча разрушенья!

Тибуллъ! нельзя чтобы природа
Лишь для червей насъ создала;
Чтобъ мы, проживши два, три года,
Прешедъ сквозь мрачны дебри зла,
Съ лица земли, какъ тѣни скрылись!

На что винить боговъ напрасно?
Себя мы можемъ пережить:
Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями міру быть —
Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ! —

ПЛАТОНУ

НЕПОДРАЖАЕМОМУ, ДОСТОЙНО СЛАВЯЩЕМУ ГОСПОДА.

Платонъ, Великій Мужъ! когда Ты прославлялъ
Намъ кроткаго отца въ Зиждителѣ вселенной;
Тогда я съ пламенной душою, восхищенной,
Къ Творцу Всемощному моленье возсылалъ:
Да благостью Своей Платона сохранитъ,
И драгоцѣнны дни Великаго продлитъ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

A Worm! A God!

Joung.

«Ничто́жный человѣкъ! что жизнь твоя?—мгновенье.
Взглянулъ на дневной лучь,—и нѣтъ тебя — пропалъ!
Изъ тмы небытія уже ли рокъ призвалъ
На то лишь, чтобъ предать въ добычу разрушенья;
Какъ быстра тѣнь, мелькаешь ты!

«Игралище судьбы, волнуемый страстями,
Какъ ярымъ вихремъ листъ; ужасный жребій твой—
Бороться съ горестью, болѣзньми и собой!
Несчастный, поглощенъ могущими волнами,
Ты страшну смерть находишь въ нихъ.

«Въ безсиліи своемъ, пристанища лишенный,
Гонимъ со всѣхъ сторонъ, ты странникъ на земли!

Что твой парящій умъ? что замыслы твои?
Дыханье вѣтерка,—и гдѣ ты, прахъ надменный?
Гдѣ жизни твоея слѣды?

«Ты дерзкой мыслію за небеса стремишься!
Сей низложенный кедръ соперникъ былъ громамъ;
Но онъ разбитъ, въ пыли, добыча онъ червямъ.
Гдѣ мощь корней его?... Престань, безумецъ, льститься;
Тебѣ ли гордымъ, сильнымъ быть?

«Ты нынѣ обольщенъ надеждой, зиждешь стѣны,—
Заутра же онѣ, разсыпавшись, падутъ;
И персти твоея подъ ними не найдутъ.
Сынъ разрушенія! мечта протекшей тѣни!
И настоящій мигъ—не твой.

«Ты веселишь себя надеждой наслажденій:
Ихъ нѣтъ! ихъ нѣтъ! — Сей міръ вертепъ страданій, слезъ;
Ты съ жизнію въ него блаженства не принесъ;
Терзайся, рвись, и будь игрою заблужденій,
Влачи до гроба цѣпи золъ!

«Такъ—въ гробѣ лишь твое спокойство и отрада:
Могила — тихой сонъ; а жизнь — съ бѣдами брань; *)
Судьба—невидимый гонитель: гдѣ ни стань,—
Необоримая ко счастію преграда!
Ничтожность—страшный твой удѣлъ!

«Чегожь искать тебѣ въ сей пропасти мученій?
Скорѣй, скорѣй въ ничто! Ты Небомъ позабытъ,

*) Юнгъ.

Одинъ перунъ его лишь надъ тобой гремитъ;
Его проклятіемъ на вѣки отягченный,
Твое убѣжище лишь смерть!» —

Такъ въ гордости своей, слѣпой, неправосудной,
Безумецъ возстаетъ на небо и на Рокъ.
Всемощный! громъ Твой спитъ.... Сотри кичливый рогъ,
Воздвигнись, облеченъ во славѣ неприступной,
Грянь, грянь!—и дерзкій станетъ—пыль.

Или не знаешь ты, мечтатель ослѣпленный!
Что непримѣтный червь, сокрывшійся во прахъ,
И дерзостный орелъ, парящій въ небесахъ,
Превыше черныхъ тучь и молній вознесенный,
Предъ взоромъ Вѣчнаго — ничто? — *)

Тебѣ ли обвинять премудрость Провидѣнья?
Иль таинства Его открыты предъ тобой?
Или въ дѣлахъ Его ты избранъ судіей?
Иль знаешь ты вещей конецъ, опредѣленье,
И взоромъ будущность проникъ?

Въ страданіяхъ своихъ ты Небо укоряешь—
Творецъ твой не тиранъ: ты страждешь—отъ себя;
Онъ благъ: для счастія Онъ въ міръ призвалъ тебя;
Изъ чаши радостей ты горесть выпиваешь:
Ужели Рокъ виновенъ въ томъ?

Безумецъ, пробудись!—воззри на міръ пространной:
Все дышетъ счастіемъ, все славитъ жребій свой;

*) Вольтеръ.

Всему начертанъ кругъ Предвѣчнаго рукой,—
Уже ли ты одинъ, природы царь избранный,
Краса всего, судьбой забвенъ?

Познай себя, познай!—коль въ дерзкомъ ослѣпленьи
Захочешь ты себя за край міровъ вознесть,
Стать на ряду съ Творцемъ — ты непримѣтна персть!
Но ты великъ собой; сей міръ твое владѣнье,
Ты духомъ — тварей властелинъ!

Тебѣ послушно все—ты смѣлою рукою
На бурный океанъ оковы наложилъ;
Пронзилъ утесовъ грудь, перуны потушилъ;
Подоблачны скалы валятся предъ тобою;
Твое велѣніе — законъ!

Всѣ бѣдствія твои — мечты воображенья;
Оружія на нихъ судьбой тебѣ даны!
Воздвигнись въ крѣности—и всѣ побѣждены!
Великимъ, мудрымъ быть — твое опредѣленье;
А ты ничтожны слезы льешь!

Сей дерзостный утесъ, гранитными плечами
Подперши небеса, и вихрямъ и громамъ
Смѣется, и одинъ противится вѣкамъ;
У ногъ его клубитъ ревущими волнами
Угрюмый, грозный океанъ.

Орелъ, ужаленный зміею раздраженной,
Терзаетъ,, рветъ ее въ своихъ крутыхъ когтяхъ,
И члены разметавъ, со пламенемъ въ-очахъ,

Расширивши крылѣ, весь кровью обагренный,
Паритъ съ побѣдой къ небесамъ! *)

Мужайся!—и попрешь противниковъ стопою;
Твой рай и адъ въ тебѣ! — Брань, брань твоимъ страстямъ!
Передъ тобой отверстъ безсмертья вѣчный храмъ;
Ты смерти сломишь серпъ могущею рукою,—
Могила — къ вѣчной жизни путь! —

СТИХИ,

СОЧИНЕННЫЕ ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ, КЪ МОЕЙ ЛИРѢ И КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

О Лира, другъ мой неизмѣнной,
Повѣренный души моей!
Въ часы тоски уединенной
Утѣшь меня игрой своей!
Съ тобой всегда я неразлученъ,
О Лира милая моя!
Для одинокихъ міръ сей скученъ,
А въ немъ *одинъ* скитаюсь я!

Мое младенчество сокрылось;
Ужь вянетъ юности цвѣтокъ;
Безъ горя сердце истощилось:
Впередъ присудитъ что-то рокъ?
Но я предъ нимъ не поблѣднѣю;
Пусть будетъ то, что должно быть!

(*) Цицеронъ.

Судьба ужасна лишь злодѣю,
Судьбѣ — меня не устрашить.

Не нужны мнѣ вѣнцы вселенной;
Мнѣ дорогъ вашъ, друзья, вѣнокъ!
На что чертогъ мнѣ позлащенной?
Простой, укромный уголокъ,
Въ тѣни лѣсовъ уединенный,
Гдѣбъ я свободнѣе дышалъ,
Всѣмъ милымъ сердцу окруженный,
И лирой духъ свой услаждалъ, —

Вотъ всё — я больше не желаю,
Въ душѣ моей цвѣтетъ *мой* рай.
Я бурный міръ сей презираю. —
О Лира, другъ мой! утѣшай
Меня въ моемъ уединеньи;
А вы, друзья мои, скорѣй,
Оставя свѣтъ сей треволненный,
Сберитесь къ хижинѣ моей. —

Тамъ, въ мирѣ сердца благодатномъ,
Нашъ вѣкъ, какъ ясный день, пройдетъ;
Съ друзьями и тоска пріятна,
Но и тоска насъ не найдетъ. —
Когда жъ придетъ намъ разставаться,
Не будемъ слезъ мы проливать;
Не долго на землѣ скитаться;
Друзья: увидимся опять.

МИРЪ.

Проснись, Пиѳійскаго поэта древня лира,
Вѣщательница дѣлъ геройскихъ, брани, мира!
Проснись — и новый звукъ отъ струнъ твоихъ издай,
И сладкою своей игрою насъ плѣняй —
Исполни духъ святымъ восторгомъ!

Какъ лира дивная небеснаго Орфея,
Гремишь ли битвы ты — наперсники Арея
Берутся за мечи и взорами грозятъ,
Ихъ бурные кони ярятся и кипятъ,
Крутя свои волнисты гривы.

Поешь ли тишину — громъ Зевса потухаетъ;
Орелъ, у ногъ его сидящій, засыпаетъ,
Вздымая медленно пернатый свой хребетъ;
Ужасный Марсъ свой мечь убійственный кладетъ
И кротость въ сердцѣ ощущаетъ.

Проснись, и миръ воспой блаженный, благодатный.
Пусть онъ слетитъ съ небесъ, какъ нѣкій богъ крылатый,
Вѣчнозеленою оливою махнетъ,
И грозну брань съ лица вселенной изженетъ,
И примиритъ земные роды!

Гдѣ онъ, тамъ вѣчное веселье обитаетъ,
Тамъ человѣчество свободно процвѣтаетъ,
Питаясь щедростью природы и боговъ;
Тамъ звукъ не слышится невольничьихъ оковъ,
И слезы горести не льются.

Тамъ нивы жатвою покрыты золотою;
Тамъ въ селахъ царствуютъ довольство съ тишиною;
Спокойно грады тамъ въ поля бросаютъ тѣнь;
Тамъ счастье навсегда свою воздвигло сѣнь:
Оно лишь съ миромъ сопряженно.

Тамъ мирно старецъ дней закатомъ веселится,
Могилы на краю,—неволи не страшится;
Ступя ногою въ гробъ—онъ смотритъ со слезой
Унылый, горестный, на путь скончанный свой,
И жить еще, еще желаетъ!

Тамъ воинъ, лишь въ поляхъ сражаться прïученный,
Смягчается—и мечь, къ убïйству изощренный,
Въ отеческомъ дому подъ миртами кладетъ;
Блаженство тишины и дружбы познаетъ,
Союзъ съ природой обновляетъ.

Тамъ музы чистыя, увѣнчаны оливой,
Веселымъ пѣнïемъ возносятъ дни счастливы;
Ихъ лиры стройныя согласнѣе звучатъ;
Онѣ спокойствïе, не страшну брань гласятъ,
Святую добродѣтель славятъ!

Слети, блаженный миръ!—вселенная взываетъ,—
Туда, гдѣ бранныя знамена развѣваютъ!
Гдѣ мертвъ природы гласъ и гдѣ ея сыны
На персяхъ матери сражаются, какъ львы;
Гдѣ братья братьевъ поражаютъ.

О страхъ!... какъ яростно другъ на друга стремятся!
Кони въ пыли, въ поту, свирѣпствуютъ, ярятся,

И топчутъ всадниковъ поверженныхъ во прахъ;
Оружія гремятъ, кровь льется на мечахъ,
И стоны къ Небесамъ восходятъ.

Тотъ сердца не имѣлъ, отъ камня тотъ родился,
Кто первый съ бѣшенствомъ на брата устремился. . .
Скажите, кто перунъ безумцу въ руки далъ
И жизни моея владыкою назвалъ,
Надъ коей я и самъ не властенъ?

А слава?—нѣтъ!—ее злодѣй лишь въ брани ищетъ;
Лишь онъ въ стенаніяхъ побѣдны гимны слышитъ;
Въ кровавыхъ грудахъ тѣлъ трофеи чести зритъ;
Потомство извергу проклятіе гласитъ,
И лавръ его, поблекши, тлѣетъ.

А твой всегда цвѣтетъ, о Россъ великосердый,
Въ примѣръ земнымъ родамъ судьбой превознесенный!
Но время удержать орлиный твой полетъ;
Колоссъ незыблемъ твой, онъ вѣчно не падетъ;
Чего жь еще желать осталось?

Ты славы путь протекъ Алкидовой стопою,
Полсвѣта покорилъ могущею рукою;
Тебѣ возможно все, ни въ чемъ препоны нѣтъ:
Но стой, Россъ! опочій—*се новый вѣкъ грядетъ* *)!
Онъ миртъ, не лавръ тебѣ приноситъ.

Возьми сей миртъ, возьми и снова будь героемъ, —
Героемъ въ тишинѣ, не въ кроволитномъ боѣ.

*) Читано въ декабрѣ 1800 на публ. актѣ въ пансіонѣ.

Будь міра гражданинъ, вѣнецъ лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобою падшимъ посвященной!

Брось палицу свою, и щитъ необоримый,
Преобрази во плугъ свой мечь несокрушимый;
Пусть роетъ онъ поля отчизны твоея:
Прямая слава въ ней, лишь въ ней — ищи ея,
Лишь въ ней ее обрѣсть ты можешь.

На персяхъ тишины, въ снокойствіи блаженномъ
Цвѣти, съ народами земными примиренный!
Цвѣти, великій Россъ! — лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйныя, строптивы побѣждай,
И будь во брани — только съ ними.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

От Свѣта свѣтовъ лучь излился,
И Добродѣтель родилась! —
Въ тмѣ міръ дремавшій пробудился,
Земля весельемъ облеклась;
Въ священномъ торжествѣ природа
Объемлетъ даръ для смертныхъ рода;
Отъ горнихъ, свѣтлыхъ странъ небесъ
Златый, блаженный вѣкъ спустился,
Восторгъ божественный вселился
Во глубинѣ святыхъ сердецъ.

На землю дщерь Творца предстала,
Твореній хоръ ей гимнъ воспѣлъ;

Пустыня свѣтлымъ раемъ стала;
Какъ кринъ, повсюду миръ процвѣлъ,
Любовь, невинность, кротость нравовъ,
Безъ строгости и безъ уставовъ,
Правдивость, честность,—всѣмъ эгидъ;
Повсюду дружба водворилась,
Повсюду истина явилась,
Предáнность, вѣрность, совѣсть, стыдъ. —

Дохнула злоба — и родился
Кровавый, яростный Раздоръ;
Вздохнулъ онъ — вздохъ сей повторился
Среди сердецъ кремнистыхъ горъ; —
Ужасный ядъ — его дыханье,
Убійство, смерть, — его желанье,
И мракъ — блистаніе очей.
Взглянулъ — и брани воспылали,
Несчастны жертвы застонали,
Кровь быстрой полилась струей.

Одѣянъ бурей вѣкъ желѣзный,
Потрясши кругъ земли, предсталъ;
Померкъ натуры видъ любезный,
И смертный счастливъ быть престалъ.
Съ цѣпей своихъ Борей сорвался,
Въ поляхъ небесныхъ громъ раздался,
Завылъ и лѣсъ и сонмъ морей!
Съ луговъ Зефиры улетѣли,
По рощамъ птицы онѣмѣли,
И свѣтлый не журчитъ ручей.

Дщерь ада —Злоба есть содѣтель
Безчисленныхъ, лютѣйшихъ бѣдъ; —

Но не исчезла Добродѣтель!
Она еще, еще живетъ; —
Еще ей созидаютъ храмы,
Еще курятъ ей ѳиміамы;
Но ахъ! златой ужь вѣкъ исчезъ,
Въ пучинѣ вѣчности сокрылся,
Одинъ лишь лучь къ намъ отдѣлился,
И добрымъ миръ съ собой принесъ.

Иной гордыни чтитъ законы,
Идетъ неправды по стезямъ;
Иной коварству зиждетъ троны,
И дышетъ лестію къ царямъ;
Иной за славою стремится;
Тотъ злата алчностью томится,
Тотъ ратуетъ съ врагомъ своимъ,
И всякъ путь ложный избираетъ,
Въ нощи какъ будто бы блуждаетъ;
Его дѣла — ничтожный дымъ.

И мужъ премудростью почтенный,
Во испытаньяхъ посѣдѣвъ,
Мужъ праведный и просвѣщенный
Вздохнетъ, на все сіе воззрѣвъ;
Въ мечтаньяхъ сихъ онъ тлѣнность видитъ,
Порокъ и зло онъ ненавидитъ,
А Добродѣтели кумиръ
Въ своей душѣ онъ обожаетъ,
Свою всю жизнь ей посвящаетъ,
Его чертогъ — пространный міръ. —

Кто правды, честности уставы,
Въ теченьи дней своихъ блюдетъ,

Тотъ къ счастью обрѣтетъ путь правый,
Корабль свой въ пристань приведетъ;
Среди онъ бѣдствій не погибнетъ,
Въ гоненьи рока онъ возникнетъ,
Его перунъ не устрашитъ! —
Когда и смерть къ нему явится,
То духъ его возвеселится,
Къ блаженству спѣшно полетитъ.

О вы, подобье юныхъ криновъ!
Въ васъ пламень бодрости горитъ,
Въ васъ зрю я доблесть Славяниновъ —
Учитесь Добродѣтель чтить;
Въ душѣ ей храмъ соорудите,
Ей мысли, чувства посвятите;
Стремитесь мудрыхъ по стезямъ!
Кругъ жизни вашей совершится,
Но солнце вашихъ дней затмится,—
Зарю оставя по слѣдамъ.

ДОЛБИНСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ. *)

ЗАПИСОЧКА ВЪ МОСКВУ КЪ ТРЕМЪ СЕСТРИЦАМЪ.

6 Окт.

Скажите, милыя сестрицы!
Доѣхали ль? здоровы ль вы?
И обгорѣлыя столицы
Сочли ли дымныя главы?
По Тулѣ много ли гуляли?
Все тѣже ль тамъ—заводъ, ряды?
И всѣ ли тамъ пересчитали
Вы нашихъ прежнихъ лѣтъ слѣды!
Покрытая пожарнымъ прахомъ,
Москва, разбросанный скелетъ,
Вамъ душу охладила ль страхомъ?
А въ Тулѣ прахъ минувшихъ лѣтъ

*) Заимствуемъ объ нихъ свѣдѣніе изъ Русскаго Архива (1866 г.), гдѣ они появились въ печати: «Названіе «Долбинскихъ» самъ Поэтъ далъ стихотвореніямъ, которыя написаны имъ въ 1814 и 1815 годахъ въ Долбинѣ. Это село (Лихвинскаго уѣзда, Калужской губерніи) находится по близости отъ родины Жуковскаго, въ окрестностяхъ города Бѣлева и принадлежитъ теперь наслѣдникамъ извѣстнаго писателя И. В. Кирѣевскаго. Жуковскій жилъ тамъ нѣкоторое время, до переѣзда своего въ Петербургъ, въ родственномъ семействѣ. Рядомъ съ произведеніями, составившими его славу, онъ много писалъ стиховъ, просто потому, что писалось стихами, и для того, чтобъ позабавить друзей: веселая шутка во всю жизнь была принадлежностью его необычайно добраго, свѣтлаго и уживчиваго характера. Стихи, разумѣется, не назначались въ печать, но теперь, черезъ 50 лѣтъ, могутъ служить для его біографіи и для показанія того, какъ великій мастеръ Русскаго языка, овладѣвалъ, про себя, стихотворными пріемами рѣчи.»

Не возродилъ ли вспоминанья
О томъ, что̀ было въ *оны дни*,
Когда намъ юность лишь одни
Плѣнительныя обѣщанья
Давала на далекій путь,
Призвавъ неопытность въ поруку.—
Тогда, подавъ Надеждѣ руку,
Не мнили мы, чтобъ обмануть
Могла сопутница крылата!
Но время опытъ привело,
И многихъ, многихъ благъ утрата
Велитъ сквозь темное стекло
Смотрѣть на счастіе земное,
Чтобы сіяніе живое
Его плѣнительныхъ лучей
Намъ вовсе глазъ не заслѣпило! . . .
Друзья, что *вѣрно въ жизни сей?*
Что просто, но что сердцу мило,
Собравъ поближе въ малый кругъ
(Чтобъ взоръ нашъ могъ окинуть вдругъ)
Мечты уступимъ лишь начавшимъ
Идти дорогою земной
И жребія не испытавшимъ!
Для нихъ Надежда сонъ златой,
А намъ будь въ пользу пробужденье!
И мы, не мысля больше въ даль,
Терпѣньемъ подсластимъ печаль,
Веселью вѣрой въ Провидѣнье
Неизмѣняемость дадимъ!
Сей день покоемъ озлатимъ,
Красою мыслей и желаній
И прелестью полезныхъ дѣлъ;

Чтобъ на невѣдомый предѣлъ
Сокровище воспоминаній
(Прекрасной жизни зрѣлый плодъ)
Намъ вынесть изъ жилища праха,
И зрѣть открытый намъ безъ страха
Страны обѣтованной входъ!

РОСПИСКА МАШИ.

6 Окт.

Что ни пошлетъ судьба, все пополамъ!
Безъ робости, дорогою одною,
Въ душѣ добро и вѣра къ небесамъ;
Идти тебѣ впередъ, намъ за тобою!
Лишь вмѣстѣ бы, лишь только бъ за одно,
Лишь въ часъ одинъ, одна бы намъ могила!
Что впрочемъ здѣсь ни встрѣтимъ—все равно!
Я въ томъ за всѣхъ и руку приложила.

ЭПИТАФІИ. *)

8 Окт.

МОТУ.

Здѣсь Лакомкинъ лежитъ — онъ вѣчно жилъ по модѣ,
За то и вѣчно долженъ былъ!
А заплатилъ
Одинъ лишь долгъ — природѣ.

*) Къ Долбинскимъ принадлежатъ также: *Желаніе и Наслажденіе*, *Мотылекъ* и эпитафіи: *Завоевателямъ* и *Хромому*, но они были уже особо напечатаны въ 1815 году (см. выше стран. 366, 367, 368).

ГРАМОТѢЮ.

Здѣсь Буквинъ-грамотѣй. Но что объ немъ сказать!
Былъ сердцемъ добръ, имѣлъ смиренныя желанья,
И чести правила старался наблюдать —
Какъ правила правописанья!

ВЪ АЛЬБОМЪ

БАРОНЕССЫ ЕЛЕНЫ ИВАНОВНЫ ЧЕРКАСОВОЙ.

11 Окт.

Гдѣ искренность встрѣчать выходитъ на крыльцо,
И вмѣстѣ съ дружбой угощаетъ,
Гдѣ все, что̀ говоритъ лицо,
И сердце молча повторяетъ,
Гдѣ за большимъ семейственнымъ столомъ
Сидитъ веселая свобода,
И гдѣ, подъ часъ, когда нахмурится погода,
Передъ блестящимъ камелькомъ,
Въ непринужденности живаго разговора
Позволено дойти до спора, —
Зашедши въ уголокъ такой,
Я смѣло говорю, что я зашелъ—*домой!*

ЗАПИСКА КЪ НЕЙ ЖЕ.

17 Окт.

Живемъ да припѣваемъ!
Дѣтята учатся, подъ часъ шалятъ!
А мы ихъ унимаемъ!
Но сами не умнѣй ребятъ!
По крайней мѣрѣ я—межъ риѳмами возиться
И надъ мечтой
Какъ надъ задачею трудиться!...
Но просимъ извинить! Кто въ правѣ похвалиться,
Что онъ мечтѣ не жертвуетъ собой!
Все здѣсь мечта — вся разница въ названьѣ!
Мечта — веселіе, мечта — страданье,
Мечта и красота!
И всякъ мечту зоветъ какъ Донъ Кихотъ принцессу;
Но что Володьковскую баронеесу
Я всей душой люблю.... вотъ это не мечта!
P. S. Во вторникъ въ вечеру
Я буду (если не умру,
Иль не поссорюсь съ Аполлономъ)
Читать вамъ погребальнымъ тономъ,
Какъ вѣдьму чертъ унесъ,
И напугаю васъ до слезъ.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

19 Окт.

Обѣщанное исполнять
Есть долгъ священный христіанства,
И знаю точно я, что вы мнѣ не изъ чванства
Четвероместную карету нынче дать
Въ четвергъ прошедшій обѣщали.
Вотъ мы за нею къ вамъ и лошадей прислали.
Она не мнѣ, дѣтеночкамъ нужна,
Чтобы въ Володьково безвредно докатиться!
Линейка есть у насъ, но, знаете, она
Въ морозъ и вѣтеръ холодна,
И дѣти могутъ простудиться;
Къ тому же бѣдная больна:
Въ подагрѣ всѣ колеса
И шворень взволдырялъ!
А я извѣстнаго вамъ Аполлоса
Еще за лекаремъ въ Бѣлевъ не посылалъ.
Четвероместную карету мы имѣемъ,
Но сѣсть въ нее никакъ не смѣемъ!
Карета — инвалидъ,
И просится давно, давно ужъ на спасанье,
И вотъ ея вамъ описанье:
Она имѣетъ видъ
Лукошка.
Кто выглянуть захочетъ изъ окошка,
Тотъ вѣрно загремитъ
Главою внизъ, горѣ ногами;
Понеже дверцы не крючками,
А лычками закрѣплены!

Сквозь древній верхъ ея днемъ солнце проницаетъ,
А ночью блескъ луны,
А въ добрый часъ и дождь васъ поливаетъ!
И такъ, что можете порой
Вы ѣхать въ ней — и сушей и водой!
А козлы? Боже мой!
Когда на нихъ Григорій нашъ трясется,
То кажется душа въ немъ съ тѣломъ разстается!
Знать душу грѣшника (за то что здѣсь шалила)
Судьба въ Григорья нарядила!
И осужденная должна
Трястись на козлахъ тѣхъ, въ которыхъ Сатана
Съ компаніей сидитъ до свѣтопреставленья!
Я бъ много могъ еще сказать,
Чтобы живѣй мою чудиху описать
Для вашего воображенья;
Какъ, напримѣръ, колеса въ ней
Другъ съ другомъ въ безпрестанной ссорѣ,
И на заказъ вижжатъ! Какъ странен видъ осей!
Какъ вѣчно клонится она къ одной рессорѣ,
И нечувствительна къ другой!
Короче: на землѣ кареты нѣтъ такой!
Но не смотря на совершенство
Ея красотъ—сажать въ нее дѣтей
Я не считаю за блаженство,
И васъ прошу помочь мнѣ въ крайности моей.
Чтобы унять чудиху эту,
Четвероместную пришлите мнѣ карету!
Не откажите въ томъ хоть нашимъ лошадямъ,
Которые васъ просятъ лично!
Для васъ быть добрыми — обычно,
И дѣло доброе наградой будетъ вамъ!

ДРЕВНІЕ И НОВЫЕ ГРЕКИ.

8 Окт.

Счастливый путь на берега Фокиды,
Счастливый путь въ отечество боговъ!
Но, другъ, ужель одной корысти виды
Тебя влекутъ къ странѣ твоихъ отцовъ?
Пускай вино и шелковыя ткани,
И ароматъ, и пламенный мока
Сбираютъ тамъ съ торговли жадной дани;
Твоя корысть — минувшіе вѣка.
Передъ тобой обитель вдохновенья
И древности величественный храмъ!
Переношусь къ чудеснымъ симъ брегамъ
Тебѣ во слѣдъ, мечтой воображенья.
Вотъ на волнахъ пророческій Делосъ!
Обрушенъ храмъ и тернъ на немъ поросъ.

ПЛАЧЬ О ПИНДАРѢ.

БЫЛЬ.

(СЪ ФРАНЦУЗСКАГО).

20 Дек.

Однажды нашъ поэтъ Пестовъ,
Неутомимый ткачъ стиховъ,
И Аполлоновъ жрецъ упрямый,
Съ какою-то ученой дамой
Сидѣлъ, о риѳмахъ разсуждалъ,
Свои творенья величалъ,
Лишь древнихъ сравнивалъ съ собою,

*

И вздоръ свой клюковной водою
Кобенясь въ креслахъ запивалъ.
Коснулось до Пиндара слово.
Друзья, хотя совсѣмъ не ново,
Что славный былъ Пиндаръ поэтъ,
И что онъ умеръ въ тридцать лѣтъ;
Но имъ Пиндара жалко стало!
Пиндаръ великій! Грекъ! Пѣвецъ!
Пиндаръ, высокихъ одъ творецъ!
Пиндаръ, какихъ и не бывало,
Который могъ бы мало, мало
Еще не томъ, не три, не пять,
А десять томовъ написать.
Зачѣмъ такъ рано онъ скончался?
Зачѣмъ еще онъ не остался
Пожить, попѣть и побренчать?
Съ печали дама зарыдала,
Съ печали зарыдалъ поэтъ:
За что, за что судьба сослала
Пиндара къ Стиксу въ тридцать лѣтъ!
Лакей съ метлою тутъ случился,
Въ слезахъ ихъ видя, прослезился;
И въ дѣтской нянька стала выть,
Заплакалъ съ нянькою ребенокъ,
Заплакалъ поваръ, поваренокъ;
Буфетчикъ, бросивъ чашки мыть,
Заголосилъ при самоварѣ;
Въ конюшнѣ конюхъ зарыдалъ;
И словомъ, цѣлый домъ стеналъ
О пѣснопѣвцѣ, о Пиндарѣ!
Да признаюся вамъ, друзья,
Едва и самъ не плачу я.

Чтожъ вышло? Всѣ такъ громко выли,
Что все сосѣдство взгомозили.
Одинъ сосѣдъ къ нимъ въ торопяхъ
Бѣжитъ и вопитъ: что случилось?
О чемъ вы всѣ въ такихъ слезахъ?
Предъ нимъ все горе объяснилось
Въ немногихъ жалобныхъ словахъ.
Да что за человѣкъ чудесной?
Откуда родомъ вашъ Пиндаръ?
Какихъ онъ лѣтъ былъ? Молодъ? старъ?
И что объ немъ еще извѣстно?
Какого чину? Гдѣ служилъ?
Женатъ былъ? вдовъ? хотѣлъ жениться?
Чѣмъ заболѣлъ? и кто лечилъ?
Имѣлъ ли время объясниться?
Иль вдругъ свалилъ его ударъ?
И словомъ, кто таковъ Пиндаръ?
Когда жъ узналъ онъ изъ отвѣта,
Что все несчастье отъ поэта,
Который между Грековъ жилъ,
Который въ славны древни годы
Пѣвалъ на скачки Грековъ оды,
Самъ Грекъ да и язычникъ былъ;
Что одами его плѣнялся,
Не понимая ихъ, весь свѣтъ,
Что болѣе двухъ тысячъ лѣтъ,
Какъ онъ во младости скончался:
Поджавъ бока свои, сосѣдъ
Смѣяться началъ, и смѣяться,
Такъ, что отъ смѣха надорваться!
И смотримъ: за сосѣдомъ вслѣдъ
Всѣ: кучеръ, поваръ, поваренокъ,

Буфетчикъ, нянька и ребенокъ,
Лакей съ метлой и самъ поэтъ,
И дама — взапуски смѣяться!
И хоть я радъ бы удержаться,
Но признаюся вамъ, друзья,
Смѣюсь за ними вслѣдъ и я.

1 ГЕНВАРЯ (1815 г.)

Предъ судилище Миноса
Собралися для допроса,
Подлѣ Стиксовыхъ бреговъ
Души блѣдныя скотовъ.

Воронъ, моська, котъ, телушка,
Попугай, пѣтухъ, индюшка,
Соловей, баранъ съ свиньей,
Стали предъ Миносомъ — въ строй.

Говорите, какъ вы жили!
Многоль въ свѣтѣ вы грѣшили? —
Такъ сказалъ имъ судія;
Начинай хоть ты, свинья.

— Я нисколько не грѣшила!
Не жалѣя морды, рыла
Я на свѣтѣ томъ навозъ:
Въ этомъ нѣтъ грѣха, Миносъ!

Я баранъ, жилъ тихомолкомъ!
Но на грѣхъ столкпулся съ волкомъ:
Волкъ меня и задавилъ —
Тѣмъ лишь я и согрѣшилъ!

Я смиренная корова:
Нраву я была простова!
Грѣхъ мой право не великъ;
Ободралъ меня мясникъ!

Хоть слыву я попугаемъ,
Но на свѣтѣ былъ считаемъ
Съ человѣкомъ наравнѣ;
Этотъ грѣхъ прости ты мнѣ!

Я котомъ служилъ на свѣтѣ,
И имѣлъ одно въ предметѣ:
Билъ мышей и сыръ таскалъ;
Этотъ грѣхъ по чести малъ!

Я пичужка вѣчно пѣла;
По Еллински филомела,
А по русски соловей:
Не грѣшна ни въ чемъ! Ей! ей!

Я курносая собака,
Моська, родомъ забіяка,
И зовутъ меня Барбосъ:
Пощади меня, Миносъ!

Я пѣтухъ, будильникъ ночи,
Съ крику выбился изъ мочи!

И принесъ на Стиксъ-рѣку
Я свое кукареку.

Я индюшка хлопотунья,
Пустомеля и болтунья,
У меня махровый носъ:
Не покинь меня, Миносъ!

Воронъ я, вѣщунъ и плакса,
Былъ я черенъ, такъ какъ вакса;
Каркалъ часто на бѣду,
Радъ я каркать и въ аду!

— Царь Миносъ сердитымъ взглядомъ
На скотовъ, стоящихъ рядомъ,
Разъяренный засверкалъ. . .
И — ни слова не сказалъ.

ПРОЩАНІЕ

6 Генв.

Воейковъ, этотъ день для сердца незабвенной!
Здѣсь возвращеніе мое
Ты за годъ праздновалъ въ родной друзей семьѣ.
Какъ странникъ въ кругъ ея случаемъ заведенный,
Ты мыслилъ между насъ минуту отдохнуть,
Потомъ опять идти въ свой одинокій путь,
Съ несовершившимся желаньемъ,
И съ темнымъ счастья ожиданьемъ!
Но здѣсь тебѣ твое «не далѣ» рокъ сказалъ . . .
И Провидѣніе здѣсь всѣмъ что въ жизни мило,

Тебя въ душѣ твоей Свѣтланы наградило!
Другъ, благодарственный фіалъ
Незримому, Тому, Кто намъ не измѣняетъ
Который всюду спутникъ намъ,
Который и самимъ бѣдамъ
Всегда во благо быть для насъ повелѣваетъ!
Ему повѣримъ ихъ! Ему отъ насъ обѣтъ —
Украсить жизнію Его прекрасный свѣтъ!
И быть въ кругу Его прекраснѣйшихъ созданій
Достойнымъ всѣхъ Его святыхъ благодѣяній!

КЪ ***.

Вамъ милая, нашъ другъ благотворитель,
Отъ счастливыхъ дѣтей мольба въ веселый часъ,
Вкушайте счастіе безпечно между насъ!
Покой вашъ нашего спокойствія хранитель!
Съ довѣріемъ подайте руку намъ,
И вѣрнымъ вашихъ чадъ сердцамъ
Себя съ надеждой поручите;
Ихъ на добро благословите,
А общій жребій свой — оставимъ небесамъ!

ВЪ ДЕНЬ ОТЪѢЗДА ИЗЪ ДОЛБИНА.

Друзья, въ сей день былъ мой возвратъ!
Но онъ для насъ и день разлуки;
На дружбу вѣрную дадимъ другъ другу руки!
Кто братъ любовію, тотъ и въ разлукѣ братъ!

О нѣтъ! Не можетъ быть для дружбы разстоянья!
Вдали, какъ и вблизи я буду вамъ родной,
 А благодарныя объ васъ воспоминанья
 Возьму на самый край земной!
Васъ, добрая сестра, на жизнь—другъ вѣрный мой,
Всего, что здѣсь *мое*, со мною раздѣлитель!
Васъ, братъ вашъ, Долбинской минутный житель,
 Благодаритъ растроганной душой
 За тѣ немногія мгновенья,
 Которыя при васъ, въ тиши уединенья,
Спокойно Музамъ онъ и дружбѣ посвятилъ!
 Что бъ рокъ ни присудилъ,
 Но съ Долбинской моей семьею
 Разлука самая меня не разлучитъ!
 Она лишь дружескій союзъ нашъ утвердитъ!

Мой ангелъ Ваничка съ невинной красотою,
 Съ улыбкой милой на устахъ,
 Съ слезами на глазахъ,
 Боясь со мной разлуки,
 Ко мнѣ бросающійся въ руки,
И Машинька, и мой угрюмый *Пѣтушокъ* *),
 Мои друзья безцѣнны....
Могу ль когда забыть ихъ ласки незабвенны?
 О будь же, Долбинской мой милый уголокъ,
 Спокоенъ, тихъ, хранимъ святыми небесами!
 Будь радость ясная вашъ вѣрный семьянинъ,
 И чтобъ изъ васъ въ сей жизни ни одинъ
 Не познакомился съ бѣдами!
 А если ужь нельзя здѣсь горя не узнать,

*) Подъ именами *Ванички* и *Пѣтушка* разумѣются Ив. Васил. и Петр. Вас. Кирѣевскіе.

Будь неизмѣнная надежда вамъ подруга!
Чтобъ вы при ней могли и горе забывать...
Что бъ ни было, не забывайте друга!...

АРЕОПАГУ.

Съ моею Музою смиренной
Я преклоняюсь предъ тобой,
О мой Ареопагъ священный!
Публичной обвинитель мой,
Малютка Батюшковъ, гигантъ по дарованью,
Ужь судъ свой моему Посланью *)
Въ Парнасскій протоколъ вписалъ
За скрѣпой Аполлона,
И я къ подножію божественнаго трона
Съ повинной головой предсталъ
Съ поправками Посланья,
И парой словъ для оправданья!
Прошу, да предъ него и Аристархъ-пѣвецъ
Съ своею критикой предстанетъ,
И да небесный Фебъ, по Пинду нашъ отецъ,
На наше преніе не гнѣвнымъ взоромъ взглянетъ.
Да что жъ о планѣ ты, мой грозный судія,
Ни слова не сказалъ? О страшное молчанье!

*) Свое извѣстное посланіе къ Императору Александру, еще въ рукописи, Жуковскій посылалъ на просмотръ въ Петербургъ къ друзьямъ своимъ, Батюшкову и другимъ; они сдѣлали ему нѣкоторыя замѣтки, на которыя здѣсь возражаетъ Жуковскій.

Имъ Муза робкая искушена моя,
И ей теперь мое Посланье
Уродомъ кажется подъ маской красоты!
Злодѣй! молчаніемъ сказалъ мнѣ болѣ ты
Одинъ, чѣмъ критиковъ крикливое собранье,
Разбора строгаго шумящею грозой!
Но такъ и быть! Передъ тобой
Всѣ тайныя ошибки!
О чемъ молчишь — о томъ и я хочу молчать!
Чтобъ безошибочно, мой милой другъ, писать,
На то талантъ твой нуженъ гибкій!
«*Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ?*»
Ужасный стихъ! Такъ ты воскликнулъ, мой пѣвецъ,
И Музы всѣ съ тобой согласны!
Да я и самъ кричу наморщившись: *ужасный*!
Вотще жую перо, вотще молюсь богамъ,
Чтобъ отъ сего стиха очистили Посланье!
Напрасное пера несчастнаго жеванье,
Напрасныя мольбы! — поправь его ты самъ.
Не можешь? Пусть живетъ вѣкамъ на посмѣянье!
«*Кто славы твоея опишетъ красоту?*»
Ты правъ! «*Опишетъ*» — вздоръ, написанный водою,
А «*твоея*» — уродъ! Готовъ одной чертою
Сей часъ убить! Но, другъ, смиренную чету
Двухъ добрыхъ риѳмъ кто разлучить рѣшится?
Да, можетъ быть, моя поправка пригодится:
«*Кто славныхъ дѣлъ твоихъ постигнетъ красоту?*»
Не лучше ли? Прими жъ, мой другъ, сію поправку,
А прежній вздорный стихъ въ отставку!
Что далѣе?... Увы! я слышу не впервой
Что стихъ: «*дробила надъ главой
Земныхъ народовъ брань*» и что жъ еще — *державы!* —

Смѣшной и темной стихъ! Быть можетъ, бѣсъ лукавый,
Моихъ балладъ герой,
Сшутилъ такимъ стишкомъ коварно надо мной.
Надъ искусителемъ себя мы позабавимъ
Балладой новою, а стихъ хоть такъ поправимъ:
«*Ниспровергала, врагъ земныхъ народовъ, Брань!*...»
«*Нѣтъ! выше бурь вѣнца!*» Ты здѣсь, мой другъ, въ сомнѣньи....
Но *бури жизни* есть для всякаго пѣвца
Незапрещенное отъ Феба выраженье;
А *бурь земныхъ*, мой другъ, чѣмъ лучше *бурь вѣнца?*
И такъ сомнѣніе принявъ за одобренье,
Я съ бурями вѣнца отважно остаюсь;
Спокойно вѣрю я и твоему сомнѣнью,
Сижу на берегу съ моей подругой лѣнью,
И бурямъ критики смѣюсь.
Другой же стихъ — твоя, а не моя погрѣшность!
Затмила, кажется, разсудокъ твой поспѣшность:
Вѣдь *невнимательныхъ царей*
Въ посланьи нѣтъ! Лишь ты по милости своей
Былъ невнимательный читатель;
А можетъ быть и то, что мой переписатель
Царей не отдѣлилъ
Отъ ихъ народовъ запятою,
И такъ одной пера чертою
Земной порядокъ помутилъ.
И такъ здѣсь виноватъ не я, а запятая,
И критика твоя—косая.
«*Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ сѣнь*
Народы ликовать стекалися толпами».
По мнѣнью твоему туманъ,
Прости! Но съ критикой твоей я несогласенъ,

И въ этихъ двухъ стихахъ смыслъ кажется мнѣ ясенъ!
За то другіе два какъ шумный барабанъ
Разсудку чуждые, лишь только надъ ушами
Господствуютъ: «*мой тронъ у Галловъ надъ главами*
Разгрянувъ *вспыхнулъ и потухъ*.
(Своими странными кусками
Подобенъ сухарю и такъ же какъ онъ сухъ?)
Словечко *вспыхнулъ* мнѣ своею быстротою
Понравилось, — винюсь, смиряясь предъ тобою.
И робкою пишу рукою:
«*Вспылалъ развергнувшись какъ гибельный волканъ.*»
Но чѣмъ же страненъ великанъ,
Съ развалинъ пламенныхъ ужасными очами
Сверкающій на бѣдный свѣтъ?
Тутъ право, милый другъ, каррикатуры нѣтъ!
Вотъ ты бъ, малютка, былъ каррикатура,
Когда бы мелкая твоя фигура
Задумала съ развалинъ встать
И на вселенну посверкать.
За то, другъ милой,
При сихъ забавныхъ трехъ стихахъ
Предъ критикой твоей бросаю лиру въ прахъ,
И радъ — хоть казачка плясать надъ ихъ могилой:
И вотъ какъ этотъ вздоръ поправилъ Фебъ мой хилой:
«*Тамъ все—и весь, и градъ, и храмъ взываетъ: брань!*
Все, раболѣпствуя мечтамъ тирана, дань
Къ его ужасному престолу приносило!»
Поправка, — но вопросъ, удачна ли она?
И мздой свою постель страданье выкупало!
Конечно здѣсь твой вкусъ надменный испугало
Словечко бѣдное: *постель?* Постель бѣдна
Для пышности стиховъ, не спорю я ни мало;

Но если Муза скажетъ намъ:
И мздой свой бѣдный одръ страданье выкупало,
Такой стишокъ ея понравится ль ушамъ?
Какъ быть! Но мой припѣвъ: поправь, какъ хочешь
самъ,
И дай вздохнуть моей смиренной лѣни;
Тѣмъ болѣ, что твои совсѣмъ не кстати пени
За этотъ добрый стихъ, въ которомъ смысла нѣтъ:
«*И юность ихъ была какъ на могилѣ цвѣтъ!*»
Здѣсь свѣжесть юности и блескъ цвѣточка милый
Противуположенъ унынію могилы.
На гробѣ разцвѣтя, цвѣтокъ своей красой
Намъ объ ничтожности сильнѣй напоминаетъ:
Не украшаетъ онъ, а только обнажаетъ
Предъ нами ужасъ гробовой.
И гроба гость цвѣтокъ—символъ для насъ унылый,
Что все живетъ здѣсь мигъ и для одной могилы.—
Не будь Наполеонъ, —
Разбитый громами охотно я бъ поставилъ;
Послѣдніе жъ стихи смиренно я поправилъ,
А можетъ быть еще поправкой и *добилъ*:
«*По нимъ свободы врагъ, отважною стопою,*
За всемогуществомъ шагалъ отъ боя къ бою!»
Что скажешь! Угодилъ?
А слѣдующій стихъ я такъ перемѣнилъ:
«*Спѣшащихъ раздробить еще престолъ свободы.*»
Еще тремъ карачунъ; ихъ смуглый мой зоилъ
Воейковъ — на смерть присудилъ.
И вслѣдъ ему всякъ часъ за ратью рать летѣла—
«*И по слѣдамъ его*» на мѣсто «вслѣдъ всякъ часъ»
Поставить рожица мнѣ смуглая велѣла,
И я исполнилъ сей приказъ.

Ужъ указуешь путь державною рукою,
Приказано писать: *Ужь отверзаешь путь.*
Передъ тобой весь міръ писать «*Передъ тобою*
Міръ, — *Весь* же зачеркнуть...
Еще на многіе стихи онъ покосился,
Да я не согласился.

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОНЪ?

Законъ — на улицѣ натянутый канатъ,
Чтобъ останавливать прохожихъ средь дороги,
Иль ихъ сворачивать назадъ,
Или имъ путать ноги.
Но что жъ? Напрасный трудъ! Никто назадъ нейдетъ!
Никто и подождать не хочетъ!
Кто ростомъ малъ — тотъ въ низъ проскочитъ,
А кто великъ — перешагнетъ!

КЪ КАВЕЛИНУ. *)

Кавелинъ, другъ, поэтъ, директоръ,
И медиковъ протекторъ,
Я съ просьбою къ тебѣ!
Угодно было такъ Судьбѣ,
Чтобъ я въ Орлѣ узналъ Гаспари.
Природа не дала ему той важной хари,
Съ какою доктора
Одной чертой пера

*) Служившему въ Медицинскомъ Департаментѣ.

Подписываютъ намъ патенты на могилу.
Нѣтъ! Докторъ — Антиной,
Какъ ртуть живой,
И смерть съ нимъ потеряла силу.
За то, что онъ въ Орлѣ
Съ извѣстнымъ генералъ штабъ докторомъ Вицманомъ
Въ военномъ засѣдалъ у васъ гошпиталѣ,
И докторскимъ своимъ фирманомъ
Всѣхъ древнихъ правъ на вѣки смерть лишилъ;
За то, что не далъ онъ потачки
Вербовщикамъ ея сестры — гнилой горячки;
За то что во время тѣ кратеры закрылъ,
Изъ коихъ къ намъ поносъ кровавый
Течетъ убійственною лавой,
Отъ коей гибнетъ все, и жизнь и красота; —
За это все, по праву
Онъ получилъ ужь славу!
Но для чего еще не получилъ креста?
Онъ Эскулаповъ сынъ! И за сію прижимку
Въ большой досадѣ Аполлонъ;
И такъ похлопочи, чтобъ онъ
Свою могъ получить скорѣе недоимку.

МАКСИМЪ.

Скажу вамъ сказку въ добрый часъ!
Друзья, извольте всѣ собраться!
Я разсмѣшу навѣрно васъ —
Какъ скоро станете смѣяться.

Жилъ былъ Максимъ, онъ былъ не глупъ;
Прекрасенъ такъ, что заглядѣться!
Всегда онъ надѣвалъ тулупъ —
Когда въ тулупъ хотѣлъ одѣться.
Имѣлъ онъ очень скромный видъ;
Былъ вѣжливъ, не любилъ гордиться;
И лишь тогда бывалъ сердитъ —
Когда случалось разсердиться.
Максимъ за пятерыхъ ѣдалъ,
И болѣе всего окрошку:
И ротъ ужъ вѣрно раскрывалъ —
Когда въ него совалъ онъ ложку.
Онъ былъ кухмистеръ, господа,
Такой, какихъ на свѣтѣ мало,
И безъ яицъ ужь никогда —
Его яишницъ не бывало.
Красавицъ восхищалъ Максимъ
Губами пухлыми своими,
Онѣ бывало всѣ за нимъ —
Когда гулялъ онъ передъ ними.
Максимъ жениться разсудилъ,
Чтобъ быть при случаѣ рогатымъ;
Но онъ до тѣхъ поръ холостъ былъ —
Пока не сдѣлался женатымъ.
Осьмое чудо былъ Максимъ,
Въ оригиналѣ и портретѣ;
Никтобъ не могъ сравниться съ нимъ —
Когда бъ онъ былъ одинъ на свѣтѣ.
Максимъ талантами блисталъ
И просвѣщенія дарами;
И вѣчно прозой сочинялъ —
Когда не сочинялъ стихами.

Онъ жизнь свободную любилъ,
Въ деревню часто удалялся;
Когда же онъ въ деревнѣ жилъ —
То въ городѣ не попадался.
Всегда учтивость сохранялъ,
Былъ обхожденія простова;
Когда онъ въ обществѣ молчалъ,
Тогда не говорилъ ни слова.
Онъ бѣгло по складамъ читалъ,
Читая шевелилъ губами,
Когда же книгу въ руки бралъ —
То вѣчно бралъ ее руками.
Однажды бодро поскакалъ
Онъ на конѣ по карусели,
И тутъ себя онъ показалъ
Всѣмъ тѣмъ, кто на него смотрѣли.
Ни отъ кого не трепеталъ,
А трусости не зналъ и слѣду;
И вѣчно тѣхъ онъ побѣждалъ —
Надъ кѣмъ одерживалъ побѣду.
Онъ живъ еще, и проживетъ
На свѣтѣ, сколько самъ разсудитъ;
Когда жъ, друзья, Максимъ умретъ —
Тогда онъ вѣрно живъ не будетъ. *)

*) Этимъ заканчиваются здѣсь *Долбинскія* стихотворенія. Помѣщаемыя вслѣдъ за ними писаны Жуковскимъ по оставленіи Долбина: *къ Боку*, въ томъ же году, въ Дерптѣ; *къ Гнѣдичу* въ Петербургѣ; къ *В. П. Ушаковой и графинѣ П. А. Гендриковой*, въ Гатчинѣ. О времени сочиненія двухъ послѣднихъ стихотвореній можно сказать только, что они принадлежатъ къ первому періоду пребыванія Автора въ Петербургѣ. *Прим. Изд.*

КЪ БОКУ. *)

1.

Любезный другъ, гусаръ и Бокъ!
Планетамъ измѣнять ни мало намъ не стыдно!
Ихъ путь отъ насъ далекъ;
Къ тому жь, мой другъ, для звѣздъ небесныхъ не обидно,
Когда забудешь ихъ на часъ для звѣздъ земныхъ!
Для безпредѣльности одной онѣ сіяютъ,
И въ гордости своей совсѣмъ не замѣчаютъ
Слѣпцовъ, которые изъ мрачности земной
Ихъ куртизируютъ подзорною трубой!
Хоть я и не гусаръ, но клясться радъ съ тобой,
Священнымъ именемъ Пророка,
Что, встрѣтившись, какъ ты, съ прекрасною четой,
Забылъ бы звѣзды всѣ, Жуковскаго и Бока!
Въ осьмомъ часу тебя готовъ я ждать!
Но завяжи глаза, чтобъ къ намъ дойти вѣрнѣе,
Чтобы опять сирены невидать!
Близъ пропасти — слѣпой всегда пройдетъ смѣлѣе.

*) Бокъ, Лифляндскій дворянинъ, питомецъ извѣстнаго ученаго Лерберга и храбрый воинъ въ нашихъ кампаніяхъ 1805 — 1815 годовъ, знакомый съ замѣчательными людьми Германіи (въ томъ числѣ и съ Гете), былъ оцѣненъ Жуковскимъ за отличныя качества ума и сердца, и тѣсно съ нимъ подружился. Онъ принадлежалъ къ числу имѣющихъ строго правильный взглядъ на обязанности къ общему отечеству—Россіи, и въ одномъ письмѣ такъ выразилъ свое убѣжденіе: «Не хочу имѣть даже и видъ человѣка, ставящаго себя, какъ Лифляндецъ, въ оппозицію къ остальной части націи. Какъ дворянинъ, я горжусь, что мои предки были древніе рыцари; какъ гражданинъ, я никогда не буду ничѣмъ другимъ, какъ самымъ закоренѣлымъ Русскимъ.» (Лѣтоп. Русск. Лит. и древности, М. 1859.)

2.

Мой другъ, въ тотъ часъ, когда луна
Взойдетъ надъ Русскимъ станомъ,
Съ бутылкой свѣтлаго вина,
Съ заповѣднымъ стаканомъ,
Передъ дружиной у огня
Ты сядь на барабанѣ—
И въ сонмѣ храбрыхъ за меня
Прочти меня во станѣ.
Пѣснь брани вамъ зажжетъ сердца,
И, въ бой летя кровавый,
Про отдаленнаго пѣвца,
Вспомянутъ чада славы.

1815 г. Апрѣля 7.

3.

Мой милый Бокъ!
Не думай, чтобъ я былъ лѣнивый лежебокъ,
Или пренебрегалъ твоимъ кабріолетомъ —
Нѣтъ, нѣтъ! Но какъ, гусаръ, ты поступилъ съ поэтомъ?
(Какъ другъ-гусаръ, прошу меня понять):
Какъ *другъ*, ты, согласивъ съ своимъ мое желанье,
Спѣшишь скорѣй меня обнять,
Скорѣе раздѣлить со мной очарованье,
Которое сестра прелестная твоя
Своимъ присутствіемъ вокругъ насъ разливаетъ —
И дружба этому прямую цѣну знаетъ;
Но какъ *гусаръ*, ты все смутилъ, душа моя:
Ты хочешь приступомъ взять мирнаго поэта!
Ты силою кабріолета
Затѣялъ, въ мигъ одинъ, весь планъ его взорвать!
Послушай: снявъ мундиръ, привычку разрушать

Оставь съ мундиромъ и усами!
Капитуляція была ужь между нами;
Стояло въ ней: *тебѣ — отъ друга вѣсти ждать*;
Дождавшись же, за нимъ, въ своемъ кабріолетѣ,
И на-лицо во весь опоръ скакать.
Но, видно, это все — ты предалъ жадной Летѣ,
И въ памяти одну лишь дружбу сохранилъ.
И такъ, чтобъ памяти ты вновь не утопилъ,
Вотъ для тебя рецептъ отъ сей чумы ужасной,
Вотъ планъ мой *письменный*, по пунктамъ точный, ясный:
Пунктъ первый: подождать!
Ты знаешь, до Печеръ я ѣду провожать
Своихъ друзей—на то дней семь иль восемь сроку.
Коль скоро возвращусь, тотчасъ записку къ Боку.
И въ этомъ *пунктъ второй*; — но какъ ее послать?
Не лучше ли тебѣ меня ужь въ Дерптѣ ждать?
Мы *вмѣстѣ* славно прокатимся!
Мой планъ не весь! еще есть пунктовъ пять,
Но на словахъ мы лучше объяснимся!
Прости! завидуя моимъ дурнымъ стихамъ,
На мѣстѣ ихъ теперь желалъ бы быть я самъ.
P. S. Когда ты черезъ десять дней,
По обстоятелствамъ, за другомъ и поэтомъ
Не можешь самъ скакать съ своимъ кабріолетомъ,
То хоть однихъ пришли съ нимъ лошадей.

ШУТОЧНАЯ ЗАПИСКА

КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ.

Сладостно было принять мнѣ табакъ твой, о высприн-
нiй Гнѣдичь!
Буду усердно, прiявши перстами, къ преддверiямъ жад-
наго носа
Прахъ сей носить благовонный, и, сладко чихая, смор-
каться!
Будетъ платкамъ отъ него помаранье, а носу великая
слава!
Гдѣ ты сегодня? Что Алексѣй Николаевичь? *) Лучшель
Стало ему? Постараюся нынѣ съ нимъ видѣться утромъ.
Если бы ты, Николай, взгомозился зайти по дорогѣ за
мною:
Вмѣстѣ бъ пошли мы, дорогой вѣщая крылатыя рѣчи
другъ другу!

КЪ ВАРВАРѢ ПАВЛОВНѢ УШАКОВОЙ И ГРАФИНѢ ПРАСКОВЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ГЕНДРИКОВОЙ **),

ВЪ ГАТЧИНѢ.

Не грѣхъ ли вамъ, прекрасная Графиня,
Съ Варварой Павловной сосѣда забывать?
Ея Высочество Великая Княгиня

*) Оленинъ.
**) Урожденной Княжнѣ Хилковой.

Сей часъ за тайну мнѣ изволила сказать,
Что вы давно ужь прочитали
Тотъ розовый романъ,
Въ которомъ нехристи такъ мучатъ христіанъ,
Гдѣ есть Малекъ-Адель, Матильда, Лузиньянъ *)
И прочее. Вамъ нѣтъ заботы. Вы узнали
Чѣмъ кончилась бѣда въ Рихардовыхъ шатрахъ:
Соединился ль онъ съ женою
И что случилось съ той чудесною сестрою,
Которой нравится герой Малекъ-Адель,
Какъ Итальянцу вермишель?
Но я, признаться вамъ, въ великомъ затрудненьѣ
И только что успѣлъ войти въ Птолемаисъ,
Вокругъ меня еще и драки и волненье
И нехристи еще шумѣть не унялись:
Въ такомъ опасномъ положеньѣ
Кому пріятно быть?
Къ тому жь хотѣлъ бы я (готовъ и въ томъ признаться)
Скорѣй — до свадьбы дочитаться,
Малекъ-Аделя окрестить,
И на монахинѣ женить.
Прошу васъ, горю помогите,
И розовый романъ Жуковскому пришлите.

*) Матильда. Соч. Г-жи Коттенъ, перев. Каменской.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ВСѢХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

	т.	СТРАН.
Аббадона	I,	291
Агасверъ (вѣчный жидъ)	IV,	257
Адельстанъ. Баллада	I,	225
Алина и Альсимъ. Баллада	I,	283
Алонзо. Баллада	II,	364
Александру I, Императору	I,	340
Александрѣ Николаевнѣ, Великой Княжнѣ, при посвященіи повѣсти: *Наль и Дамаянти*	III,	286
Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Великой Княгинѣ, на рожденіе В. Кн. Александра Николаевича, посланіе	II,	1
въ Альбомъ А. А. П.	I,	331
въ Альбомъ В. А. А.	I,	313
въ Альбомъ Е. А. Алябьевой (урожденной Римской Корсаковой)	IV,	431
въ Альбомъ Бар. Ел. Ив. Черкасовой	IV,	479
въ Альбомъ Ек. Н. Карамзиной	IV,	386
въ Альбомъ Кн. М. А. Щербатовой	IV,	378
Амуръ и Мудрость	IV,	415
Ангелъ и Пѣвецъ	IV,	395
Ареопагу	IV,	491
Ахиллъ. Баллада	I,	332
«Ахъ! еслибъ мой милый былъ роза-цвѣтокъ» (Мечта)	II,	22
Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди	I,	314

	т.	стран.
Баснь («Перунъ мой изостри»)	IV,	355
къ Батюшкову	I,	140
Безполезная скромность	IV,	365
Библія	I,	301
«Благодарю васъ всей душею» (Письмо къ N. N.)	IV,	418
Близость весны	II,	288
къ Блудову. Посланіе	I,	64
«Богатство, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны»	IV,	364
«Боже! Царя храни!» (1814 г.)	IV,	360
«Боже! Царя храни!» (1834 г.)	III,	115
къ Боку	IV,	500
Бородинская годовщина	III,	277
Братоубійца. Баллада	III,	93
Вадимъ. Баллада	I,	105
Варвикъ. Баллада	I,	272
Весеннее чувство	I,	378
Вечеръ. Элегія	I,	7
Видѣніе	II,	440
Видѣніе Іоанна Богослова (подражаніе Апокалипсису)	IV,	253
Война мышей и лягушекъ. Сказка. (отрывокъ)	II,	468
Воейковой (Александрѣ Андреевнѣ) посвященіе Баллады *Громобой*	I,	73
къ Воейкову. Посланіе	I,	252
Вождю побѣдителей	I,	221
Вольное подражаніе романсу Шатобріана: Combien j'ai douce souvenance	IV,	377
Воскресное утро въ деревнѣ	III,	234
Воспоминаніе («О милыхъ спутникахъ, которые намъ свѣтъ»)	II,	288
Воспоминаніе («Прошли, прошли вы, дни очарованья»)	IV,	380
«Встаетъ Христовъ знаменоносецъ» (1 іюля 1842 г.)	III,	394
Въ день отъѣзда изъ Долбина	IV,	489
Вѣрность до гроба	II,	17
Выборъ креста. Повѣсть	IV,	248
Вяземскому (Князю Петру Андреевичу)	IV,	386
» отвѣтъ на его посланіе къ друзьямъ	IV,	371
» » » » » » »	I,	304

	т.	стран.
Вяземскому (Кн.) въ отвѣтъ на его: *Воспоминаніе*.	IV,	398
» отрывокъ посланія къ нему......	I,	307
къ Кн. Вяземскому и В. А. Пушкину............	I,	278
Гаральдъ. Баллада..........................	I,	393
«Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ?» (пѣсня)............	I,	374
1 Генваря 1815 г...........................	IV,	486
Гёте. Къ портрету его......................	IV,	386
Гимнъ......................................	I,	30
Гнѣдичу (Н. И.) записка....................	IV,	503
Голицыну (Кн. Дм. Вл.).....................	IV,	424
Голосъ съ того свѣта.......................	I,	373
Голубка и сорока. Басня....................	IV,	331
Горная дорога..............................	II,	18
«Горько плача и рыдая» (Stabat mater.)........	IV,	427
Государынѣ Вел. Кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, на рожденіе В. Кн. Александра Николаевича посланіе..................................	II,	1
Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ....	I,	269
Графъ Гапсбургскій. Баллада..................	II,	7
у Гроба Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны (въ ночь наканунѣ ея погребенія)....	II,	437
Громобой. Баллада...........................	I,	73
Давыдову (Д. В.) 1835 г. при посылкѣ изданія «Для немногихъ»................................	IV,	425
Двѣ были и еще одна.........................	III,	11
Двѣ загадки (Радуга и Звѣзды)................	IV,	423
Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Старинная повѣсть въ двухъ балладахъ..........................	I,	71
Двѣ повѣсти. Подарокъ на новый годъ издателю Москвитянина............................	IV,	224
изъ Делилева диѳирамба отрывки...............	IV,	321
къ Делію (подражаніе Горацію).................	I,	60
къ Дмитріеву (Ив. Ив.)........................	II,	355
къ Дмитріеву (отрывокъ письма)................	IV,	356
Дмитріевъ. См. Надпись къ солнечнымъ часамъ его.		
Деревенскій сторожъ въ полночь................	I,	418
Добрая мать..................................	I,	248
Добродѣтель («Отъ свѣта свѣтовъ»).............	IV,	472

	т.	стран.
Добродѣтель («Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой нощи»)	IV,	449
Добрый совѣтъ. Въ альбомъ В. А. А.	I,	313
Доника. Баллада	II,	375
Древніе и новые Греки	IV,	483
Дружба	I,	13
«Дружись съ уединеньемъ». (Уединеніе)	I,	171
«Друзья! *прости* — словцо святое»	IV,	355
Египетская тма	IV,	432
«Едва на мигъ одинъ судьба насъ породнила»	IV,	421
Жаворонокъ	IV,	441
Жалоба. Романсъ	I,	136
Жалоба пастуха	IV,	383
Жалоба Цереры. Баллада	II,	371
Желаніе. Романсъ	I,	137
Желаніе и наслажденіе	IV,	368
Жизнь	II,	48
Загадки. См. Двѣ загадки.		
Замокъ на берегу моря	III,	28
Замокъ Смальгольмъ. Баллада	II,	265
Записка къ Баронессѣ Черкасовой	IV,	480
Записка къ Н. И. Гнѣдичу	IV,	503
Записочка въ Москву къ тремъ сестрицамъ	IV,	476
Іоанна Богослова видѣніе	IV,	253
1 Іюля 1842 г.	III,	394
Ивиковы журавли. Баллада	I,	174
Идиллія	I,	13
Иліады два отрывка (пѣснь первая)	III,	402
» » » (пѣснь вторая)	III,	433
» отрывки (изъ разныхъ пѣсней)	III,	53
Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ	I,	269
Императору Александру I	I,	340
Истина и басня	IV,	347
Кавелину	IV,	496
Каменскій (Графъ). На смерть его	I,	46
Камоэнсъ. Драматическая поэма	III,	236
Каткартъ (Лордъ). Стихи пѣтые на его празднествѣ	IV,	375
Капитанъ Боппъ. Повѣсть	IV,	238
Каплунъ и соколъ. Басня	IV,	339

	т.	стран.
Кассандра. Баллада	I,	53
«Когда она была пастушкою простой» (Идиллія)	I,	13
«Когда я былъ любимъ» (пѣсня)	IV,	322
«Кольцо души дѣвицы» (пѣсня)	IV,	382
на Кончину Ея Величества, Королевы Виртембергской. Элегія	II,	31
Королева Урака и пять мучениковъ. Баллада	II,	401
Котикъ и козликъ	IV,	441
Котъ въ сапогахъ. Сказка	IV,	209
Котъ и зеркало. Басня	IV,	340
Котъ и мышь. Басня	IV,	332
Красный карбункулъ. Сказка	I,	407
«Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ»	IV,	384
Къ Генералъ-Маіору Б. В. Полуектову	IV,	369
Къ мимопролетѣвшему знакомому Генію	II,	45
Къ мѣсяцу	II,	16
Къ неизвѣстной дамѣ	IV,	369
Къ ней («Имя гдѣ для тебя?»)	IV,	412
Къ ней же	IV,	481
Къ NN при посылкѣ портрета	IV,	419
Къ самому себѣ	IV,	363
Кубокъ. Баллада	II,	393
Лалла-Рукъ	II,	246
Ленора. Баллада	II,	380
Листокъ	II,	21
Лѣсной царь. Баллада	II,	20
Лѣтній вечеръ	II,	26
Людмила. Баллада	I,	38
Майское утро	IV,	447
Максимъ	IV,	497
Мальвина. Пѣсня	I,	26
Мальчикъ съ пальчикъ. Сказочка	IV,	442
Маріи Ѳеодоровнѣ, Императрицѣ	I,	269
» » » Отчетъ о лунѣ.	II,	337
Мартышка, показывающая китайскія тѣни. Басня	IV,	337
Мартышки и левъ. Басня	IV,	334
Маттео Фалькони. Корсиканская повѣсть	IV,	216
Мечта	II,	22

	т.	стран.
Мечты	I,	184
Мина (подражаніе Гёте)	IV,	381
«Минувшихъ дней очарованье» (пѣсня)	I,	296
«Минутная краса полей» (Цвѣтокъ)	I,	135
Мщеніе. Баллада	I,	392
Миръ	IV,	469
на Миръ съ Персіею	IV,	420
Многолѣтіе	III,	116
Могущеетво, слава и благоденствіе Россіи	IV,	454
«Мой другъ хранитель-ангелъ мой» (пѣсня)	I,	62
«Молитвой нашей Богъ смягчился»	III,	284
Море. Элегія	II,	352
Мотылекъ	IV,	366
Мотылекъ и цвѣты	II,	353
Моя богиня	I,	48
Надгробіе И. П. и А. И. Тургеневымъ	I,	24
Надпись къ солнечнымъ часамъ въ саду И. И. Дмитріева	IV,	355
Наль и Дамаянти. Индѣйская повѣсть	III,	290
Народный гимнъ (1814 года)	IV,	360
Народныя пѣсни	III,	115
Къ Нарышкину (А. Л.) письмо	IV,	416
Невыразимое. (Отрывокъ)	II,	42
Неожиданное свиданіе. Быль	III,	50
«Не узнавай, куда я путь склонила» (Голосъ съ того свѣта)	I,	373
къ Нинѣ. Посланіе. («О Нина, о Нина»)	I,	34
къ Нинѣ. Съ англ. (О Нина, о мой другъ!)	IV,	352
Новая любовь — новая жизнь	IV,	385
Новой стихотворецъ и древность (перев. съ франц.)	IV,	323
Нормандскій обычай. Драматическая повѣсть	III,	1
Ночной смотръ	III,	232
Ночь	I,	373
Овсяный кисель	I,	403
Оболенской (Кн. А. Ю.)	II,	46
О ой (Кн. А. Ю.)	IV.	388
Орелъ и голубка. Басня	III,	111
Орелъ и жукъ. Басня	IV,	345
Орлеанская дѣва. Драматическая поэма	II,	51

	т.	стран.
Островъ	IV,	422
Отвѣтъ Кн. Вяземскому, на его стихи *Воспоминаніе.*	IV,	398
Отвѣты на вопросы въ игрѣ называемой Секретарь.	IV,	366
Отрывокъ изъ Делилева диѳирамба на безсмертіе души	IV,	321
Отрывокъ изъ письма въ Москву	IV,	409
Отрывокъ изъ посланія къ Кн. Вяземскому	I,	307
Отрывокъ письма къ И. И. Дмитріеву	IV,	356
Пери и Ангелъ. Повѣсть	II,	225
Перчатка. Повѣсть	II,	399
Пиршество Александра, или Сила гармоніи	I,	165
Письмо къ А. Л. Нарышкину	IV,	416
Письмо къ N. N.	IV,	418
Письмо къ ***	IV,	361
Плаваніе Карла Великаго. Баллада	III,	91
Платону неподражаемому, достойно славящему Господа	IV,	463
Пловецъ	I,	249
Плачъ Людмилы	IV,	354
Плачь о Пиндарѣ. Быль (съ франц.)	IV,	483
Побѣдитель	II,	289
Подробный отчетъ о лунѣ. Посланіе къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ	II,	337
Покаяніе. Баллада	II,	408
Поликратовъ перстень. Баллада	II,	367
Полторацкая (А. Д.). Стихи на гробѣ ея	IV,	431
Полуектовъ. См. къ Ген.-Маіору Полуектову.		
къ Портрету Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Ѳеодоровны	IV,	379
къ Портрету Гёте	IV,	386
Посланіе къ	IV,	405
Посланіе къ В. П. Ушаковой и Гр. П. А. Гендриковой	IV,	503
Похороны львицы. Басня	IV,	342
къ Поэзіи	IV,	319
Поэту Ленепсу, въ отвѣтъ на его посланіе о посѣщеніи Сардама Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ	IV,	429

т. стран.
Праматерь внукѣ II, 29
Привидѣніе II, 349
Прощальная пѣснь воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ, при выпускѣ 1824 года IV, 399
Прощальная пѣснь, пѣтая воспитанницами Общества благородныхъ дѣвицъ, при выпускѣ 1827 г. .. IV, 403
Прощаніе IV, 488
Прощанье старика IV, 329
Птичка IV, 440
Пѣвецъ I, 138
Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ I, 197
Пѣвецъ въ Кремлѣ I, 355
Пѣснь Араба надъ могилою коня I, 68
Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей ... I, 14
Пѣснь на присягу Государя Наслѣдника III, 113
Пѣснь Русскому Царю отъ его воиновъ I, 382
Пѣсня (Мой другъ, хранитель-ангелъ мой) I, 62
Пѣсня (О милый другъ! теперь съ тобою радость!) .. I, 245
Пѣсня (Счастливъ тотъ, кому забавы) I, 251
Пѣсня. (Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ?) I, 374
Пѣсня (Птичкой пѣвицею) I, 375
Пѣсня (Къ востоку, все къ востоку) I, 377
Пѣсня (Розы расцвѣтаютъ) I, 378
Пѣсня (Минувшихъ дней очарованье) I, 396
Пѣсня (Отымаетъ наши радости) II, 357
Пѣсня. Съ франц. (Когда я былъ любимъ) IV, 322
Пѣсня (Кольцо души дѣвицы) IV, 382
Пѣсня бѣдняка (Куда мнѣ голову склонить) I, 390
Путешественникъ. Пѣсня (Дней моихъ еще весною) .. I, 267
Путешественникъ и поселянка II, 291
Пустынникъ. Баллада I, 239
Разрушеніе Трои. Изъ Энеиды Виргилія II, 298
Разстройство семейственнаго согласія IV, 353
Розы IV, 313
Роландъ оруженосецъ. Баллада III, 82
Росписка Маши IV, 478
Русская слава II, 504
Къ Русскому великану. 1848 IV, 435

	т.	стран.
Рустемъ и Зорабъ. Персидская повѣсть	IV,	1
Руше къ своей женѣ и дѣтямъ	IV,	349
Рыбакъ. Баллада (подражаніе Гёте)	IV,	379
Рыцарь Роллонъ. Баллада	III,	97
Рыцарь Тогенбургъ. Баллада	II,	11
Къ С. . . ой (К. М.)	I,	23
Сафина ода	IV,	327
Свѣтлана. Баллада	I,	187
Сельское кладбище. Элегія (изъ Грея)	I,	1
Сельское кладбище. Элегія (второй перев. изъ Грея)	III,	271
Сидъ (отрывокъ)	III,	29
Сиротка	I,	246
Сказка о Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ	IV,	159
Сказка о Царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея безмертнаго и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери	II,	483
Сказки для дѣтей	IV,	440
Славянка. Элегія	I,	384
Смальгольмъ, замокъ. Баллада	II,	265
Смерть	IV,	365
На Смерть семнадцатилѣтней Эрминіи	I,	61
На Смерть Фельдмаршала Графа Каменскаго	I,	46
На Смерть чижика	IV,	413
Совѣсть	IV,	365
Соколъ и голубка. Басня	IV,	349
Соколъ и Филомела. Басня	IV,	330
Сонъ	I,	390
Сонъ Могольца	I,	11
Спящая царевна. Сказка	II,	456
Сраженіе съ змѣемъ. Повѣсть	II,	442
Ссора плѣшивыхъ. Басня	IV,	328
Stabat Mater	IV,	427
Старикъ къ молодой и прекрасной дѣвушкѣ	IV,	326
Старой котъ и молодой мышенокъ. Басня	IV,	329
Старый рыцарь	III,	102
Стансы («Можно ль въ жизни молодой»)	IV,	369
Старцу Эверсу	I,	379
Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Д. Полторацкой	IV,	431

т. стран.
Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. С. . . .ой IV, 378
Стихи на новый 1800 годъ IV, 453
Стихи при посылкѣ комедій, который К*** хотѣли играть . IV, 411
Стихи, пѣтые на празднествѣ Англійскаго посла Лорда Каткарта . IV, 375
Стихи, сочиненные въ день моего рожденія. Къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ IV, 467
Стихи, сочиненные для альбома М. В. П. IV, 350
Судъ Божій. Повѣсть . II, 449
Судъ Божій надъ Епископомъ. Баллада II, 389
Судъ въ подземельѣ. Повѣсть (отрывокъ) II, 416
Сурки и кротъ. Басня . IV, 344
Счастіе . I, 57
Счастіе во снѣ . I, 392
Таинственный посѣтитель II, 350
«Тамъ небеса и воды ясны!» IV, 377
Теонъ и Эсхинъ . I, 262
къ Тибуллу. На прошедшій вѣкъ IV, 461
Тлѣнность. Разговоръ . I, 423
«Товарищъ! вотъ тебѣ рука! (Посланіе къ ***) IV, 405
Тогенбургъ. См. Рыцарь Тогенбургъ.
Торжество побѣдителей. Баллада II, 359
Тоска по миломъ. Пѣсня I, 24
Три путника . II, 289
Три пѣсни. Баллада . I, 395
Тургеневу (Ал. Ив.), въ отвѣтъ на его письмо I, 232
Тургеневу (Ал. Ив.), въ отвѣтъ на стихи, присланные имъ вмѣсто письма I, 170
Тургеневу (Ал. Ив.). См. Къ Филалету, посланіе.
Тургеневымъ (И. П. и А. И.) надгробіе I, 24
Тюльпанное дерево. Сказка IV, 197
Уединеніе (отрывокъ) . I, 171
Узникъ. Баллада . I, 397
Узникъ къ мотыльку влетѣвшему въ его темницу . . . I, 181
Уллинъ и его дочь. Баллада III, 100
Ундина. Старинная повѣсть III, 117
Утренняя звѣзда . II, 23

	т.	стран.
Утѣшеніе	II,	44
Утѣшеніе въ слезахъ	II,	14
къ Ушаковой (В. П.). Посланіе	IV,	503
къ Филалету. Посланіе	I,	27
къ Филону	I,	71
Хераскову (М. М.) стихи	IV,	452
Хоръ, пѣтый дѣвицами Екатерининскаго Института, по случаю выпуска 1826 года	IV,	401
Царскосельскій лебедь	IV,	314
Цапля. Басня	IV,	336
Цеиксъ и Гальціона. Отрывокъ изъ Овидіевыхъ превращеній	II,	273
Церера. См. Жалоба Цереры	II,	371
Цвѣтъ завѣта	II,	38
Цвѣтокъ. Романсъ	I,	135
Человѣкъ	IV,	463
Черкасова (Бар. Е. И.). Въ альбомъ ея	IV,	479
Четыре сына Франціи	IV,	436
Что такое законъ?	IV,	496
Шатобріанъ. Вольное подражаніе его романсу	IV,	377
Шильонскій узникъ. Повѣсть	II,	249
къ Графинѣ Ш...ой (послѣ ея дебюта въ роли мертвеца)	IV,	414
Щербатова (Княжна М. А.). Въ альбомъ ея	IV,	378
Эверсу. См. Старцу Эверсу	I,	379
къ Эдвину (М. П. Ю.)	IV,	328
Элевзинскій праздникъ. Баллада	III,	103
Элизіумъ. Пѣсня	I,	237
Эльвина и Эдвинъ. Баллада	I,	309
Эльмина къ портрету своей матери	IV,	326
къ Эммѣ	IV,	421
изъ Энеиды Виргилія. (Разрушеніе Трои)	II,	298
Эолова арфа. Баллада	I,	322
Эпимесидъ	I,	162
Эпиграммы	IV,	323
Эпитафія лирическому поэту	IV,	327
Эпитафія грамотѣю	IV,	479
Эпитафія завоевателямъ	IV,	368

т. стран.
Эпитафія моту . IV, 478
Эпитафія пьяницѣ . IV, 367
Эпитафія хромому . IV, 366
Явленіе боговъ . IV, 410
Явленіе поэзіи въ видѣ Лалла-Рукъ II, 248
«Я знаю край! тамъ нѣгой дышетъ лѣсъ (Мина, подражаніе Гёте) . IV, 381
«Я музу юную, бывало, встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ» . IV, 426
«Я самъ, мой другъ, не понимаю» (Письмо къ ***) . IV, 361

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

въ IV томѣ.

Стран.	*Строк.*		*Напечатано.*	*Поправить.*
28	1	н.	Свое прокаркаютъ	Прокаркаютъ свое
80	4	в.	но	и
83	15	–	видѣлъ онъ	видѣть могъ
117	6	–	въ бой	къ дѣлу
185	13	–	наздора	надзора
192	3	–	обвѣстить	возвѣстить

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Žukovskij, Vasilij Andreevič,

Sobranie sočinenij V. A. Žukovskogo

Bd.: 4

S.-Peterburg 1869

P.o.rel. 3424 ao-4
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11016836-8